ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД
Литературно-художественный журнал
1 (38)
2020 год

ВОЛОГОДСКИЙ ЛАД 2020

Не я выбрала
Вместо туфель сапоги.
Победа пришла!

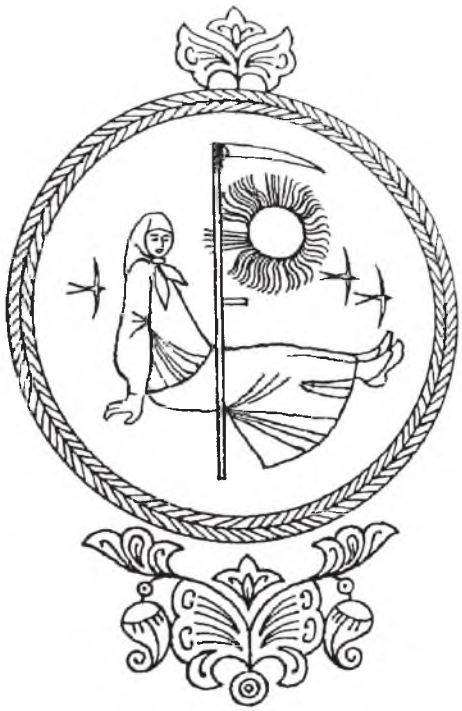
Акварель Веры Шашериной (Вологда)
Хокку Надежды Юровой (Тарногский Городок)
Работа с выставки «Поэзия акварели» в Центре имени писателя В. И. Белова. На выставке были представлены акварели сестер-вологжанок Веры и Натальи Шашериных, иллюстрирующие хокку Надежды Юровой.

Негромкая песенка о войне и мире

«Летчица» на выставке привлекала к себе внимание всех. Она - такая же лирическая, тонкая, как и остальные хокку-акварели сестер Шашериных и Надежды Юровой. Что в ней такого особенного? Наверное, мы привыкли разговоры о войне вести - и слышать - громкие, исполненные то триумфа, то горя. А здесь - нотка не та, не менее искренняя и истинная. Ради Победы наши девушки изменили жизнь, то есть отдали всё лучшее, что было, - молодость, красоту, мечты о будущем. Ради нас, в общем-то.

Ну, а что эти летчицы ценой своей жизни защищали, можно увидеть на других работах сестер Шашериных и Надежды Юровой.

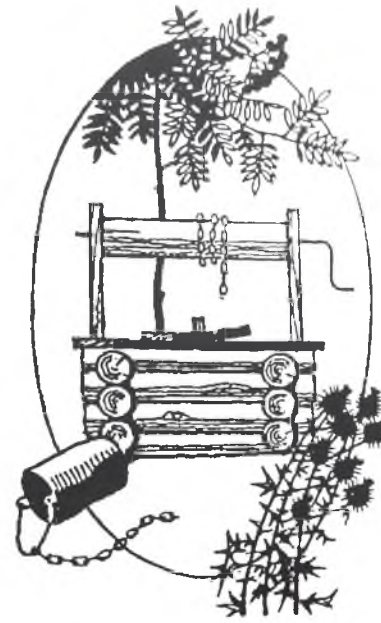
Тутунджан Джанна. Гета. Памяти Г. Н. Бурмагиной. 1990. Холст, масло. 110х90



Ольга Фокина. «Полудница». Иллюстрация. 1978

Василий Мишенев. «Полыньи на реке». Иллюстрация. 2003

Владимир Кудрявцев. «Венцы». Иллюстрации. 1992



Геннадий САЗОНОВ

Душа нараспашку

18 июня 2020 г. исполнилось 90 лет со дня рождения замечательного русского поэта и публициста Александра РОМАНОВА (1930 - 1999). О нашем выдающемся земляке вспоминает вологодский писатель и журналист Геннадий Сазонов.

ЗЕРКАЛО ИСТИННОЕ

Клином журавлиным пролетают годы. Их не успеваешь считать и, увы, не воротишь. Одно лишь утешает. В былых днях сияют образы, неизменные, неподвластные забвению, яркие, живые, будто в настоящем.

Среди них - Александр Романов, замечательный русский поэт, публицист, вологодский самородок, с юности выбравший путь служения Слову.

Когда думаю об Александре Александровиче, тотчас вижу открытую улыбку, проницательный взгляд карих глаз. Весь он лучится добротой - искренней, редкой, крестьянской, какую теперь, пожалуй, ни у кого и не встретишь.

Она, притягательная доброта, вскормлена в нём Русским Севером, вологодским говором, деревенским послевоенным детством.

Романов проникновенно писал об этих составляющих, как о самых великих ценностях.

Слов певучих тихая отрада,
Ширь без края, белый всплеск берёз...
Всё, что в жизни человеку надо,
Воедино только здесь слилось.
Родина - одно на свете чудо.
Было так всегда и будет впредь.
Лишь она и светит, и врачует,
Чтоб до смерти сердцем не скудеть.

...День тот конца весны я запомнил надолго.

В солнечное, прохладное майское утро, когда вдруг нежданно-негаданно закрутила снежная метель, к зданию бывшего Дворянского собрания, где ныне филармония имени Валерия Гаврилина, шёл весь цвет Вологды - люди прощались с большим русским поэтом Александром Романовым.

Умер он скоропостижно, по дороге из дома в поликлинику, на 69-м году.

Я знал, что до самых последних дней Александр Александрович работал над стихами, публицистикой, откликался на «злобу дня». Хотя можно было и «передохнуть». За полвека он издал двадцать книг, снискал читательское признание не только в родном краю, но и на просторах Советского Союза. Больше десяти лет руководил Вологодской писательской организацией, утверждая её самобытность и неповторимость. Душевно помогал становлению Ольги Фокиной, Николая Рубцова, Юрия Максина, Лидии Тепловой, Владислава Кокорина и ещё ряда авторов.

И я благодарен ему за чуткое, бережное отношение, за разбор моих стихов, дельные советы, точные и ёмкие замечания.

Мастер - он и есть мастер!

Взыскательный, доброжелательный член приёмной комиссии Союза писателей России, в её составе он работал много лет.

Критика не очень баловала Романова вниманием. Может, тоже неспроста. Его поэзия дышала Русью, национальной самобытностью, крестьянскими печалями и радостями, что в те годы нравилось далеко не всем литературоведам. Но с уходом его ясно открылось понимание того, какую потерю понесла русская литература. Творчество Александра Романова стало как бы заново возвращаться к читателю, требуя нового переосмысления и сопереживания.

***

...Помню, позвонил знакомый из Москвы.

- Слушай, поэт Романов живёт в Вологде? - спросил.

- Да, у нас. А что?

- Я недавно купил здесь в Москве его новую книгу - «Избранное», солидный такой том. Читаю - и душа поёт! Читаю и думаю: нет, не иссякла Русь, если у неё есть, ещё не перевелись настоящие поэты. И знаешь что? На фоне его стихов и поэм мне показались столь нелепыми и оторванными от реальности наши вожди.

На Бобришном угоре. Александр Романов на прощании со своим учителем Александром Яшиным. Июнь 1968 г.

Они без конца твердят о благе народа, не зная народа, да и не желая его знать...

- Погоди, погоди, ты что-то перепутал, - остановил я приятеля. - Александр Романов, насколько я помню, особо не писал о политике и не пишет...

- А я разве сказал, что он писал? - возразил знакомый. - Я же тебе толкую о другом. Ну, нам уже много лет подряд дудят в одну дуду: «Мы - нецивилизованные, мы - бездарные, мы - неумелые, неприспособленные...» и прочие обвинения. А поэзия Александра Романова - истинное зеркало. И в нём видно, что мы не такие «кривые», как нас старательно рисуют. А язык-то у него какой - настоящий, русский. А образы! И свежесть! Передай ему низкий поклон, мои пожелания здоровья и долгих лет...

- Конечно, передам!

Не откладывая в долгий ящик, я позвонил Александру Александровичу и поведал всё, что говорил поклонник его творчества. К тому же оказалось, что поэт знал моего знакомого по журнальным и книжным публикациям.

«А ПРОСТО ТРЕВОЖУСЬ ЗА РУСЬ...»

Над составлением «Избранного», по словам самого же Романова, он работал особенно тщательно, отбирал самое лучшее, самое достойное. А сделать это не так-то просто. Под одну обложку вместились стихи и поэмы, написанные за 33 года - с 1954 по 1987 годы. Книга стала явлением в русской поэзии 90-х годов. Она давала читателю возможность почувствовать разного Романова: от восторженно удивлявшегося окружающей жизни - до проникающего в её назначение, в её высший смысл.

Тут как бы подтверждалось давнее наблюдение нашего известного прозаика Фёдора Абрамова, который однажды заметил: «В литературе единственное, что заслуживает внимания, - это то, что написал человек. В литературе человек оценивается по книгам. Написал хорошую книгу - вот это хорошо. Написал плохую - вознеси себя хоть секретарём, навесь на себя хоть десять звёзд - это ничего не меняет!».

Воистину так!

Итог любой работы - будь то постройка дома, прокладка дороги, полёт в космос или уборка урожая в поле - всегда наводит на определенные размышления. «Итог» поэта Александра Романова - не исключение. Он имеет большую ценность как для литературы, так и для всех читателей. Потому что противостоит духовной и нравственной распущенности, натиску вандализма, выходу на общественную арену людей, признающих только собственное амбициозное «я».

Полагаю, ключевое для понимания творчества поэта - короткое стихотворение без названия:

Меж взглядов и чуждых, и наглых,
Распахнутый, весь на виду,
Иду, не печалясь о благах,
С достоинством русским иду.

Мне трудно, мне горько - не скрою,
Но совестью не поступлюсь.
Не рвусь в показные герои,
А просто тревожусь за Русь.

Она, эта тревога, то светлая, то грустная или печальная, словно ток высокой частоты пронизывает всё творчество Романова. И уместно вспомнить его откровение: «Образ России, судьба родительского поколения и жизненные пути моих ровесников - главное, что я старался в своих книгах донести до читателя».

В замечательной поэме «Павла» многие строки как раз и объясняют то, почему поэт тревожился за Русь.

Да я ль такой! Валили валом
Мы все дорогою одной.
А эти Дарьи, Марьи, Павлы
У нас ломили за спиной.
И кое-кто с высокомерьем
Нас попрекал, застав врасплох,
Крестьянским корнем и деревней,
Как будто этот корень плох.
И мы, не то чтобы поверив,
Но по наивности своей
Стесняться начали деревни,
Ну, то есть наших матерей...

Это признание поэт сделал много лет назад. Но в том-то и сила искреннего поэтического переживания, что оно не подвержено «старению». Если снять дату написания поэмы, то можно подумать, что она закончена только вчера. Так животрепещуще её содержание. Так силён образ русской крестьянки Павлы, сохранившей живую душу и доброе сердце наперекор трудностям и невзгодам.

Нестарение, если уместно такое определение, - отличительное свойство поэзии Александра Романова. Во всяком случае, это относится к большей части произведений в сборнике «Избранное» и в замечательной книге «Русь уходит в нас». Отсюда - их диалог с современностью и современниками. Тот самый диалог, в котором читатель ищет и зачастую находит ответы на мучительные вопросы духовного и материального свойства.

Не удержусь ещё от одной цитаты.

Смотрю: седые старики
Июньским вечером в деревне
Сидят, и взгляды их горьки.
И женщины, седые тоже,
Сойдутся где-нибудь к окну,
Их никому нельзя тревожить,
Вот в этот горестный канун.
Я чувствую, как у России
Душа опять напряжена,
И будто нерв, задетый сильно,
Пронзает мысль: зачем война?

В стихотворении описана деревня 21 июня 1942 года - перед нападением фашистов. О том, как война противоестественно и жестоко ворвалась «черным громом» в будни людей, коверкая, ломая их судьбы, саму жизнь, «обычную, как солнце».

А разве не созвучно «напряжение души России» дню текущему? Слава Богу, пока нет «официальной войны» против нашей Родины, но народ несёт духовные и житейские тяготы. В который раз за последние столетия его «пробуют на излом». Да, есть потери, и немалые. Но истолочь, словно горох в ступе, нравственные устои народа вряд ли кому удастся.

Об этом убедительно свидетельствует поэзия Александра Романова.

«Слух деревенского детства ещё неосознанно, но уж празднично долетал до корневых глубин родного слова, до тех сокровенных завязей, которые звучали во времена, может, раннего славянства, - вспоминал он об истоках. - И мы, слушая взрослых, сами мыслили ярко и даже не замечали попервости того, что в окружающем нас говоре сверкают и переливаются искры Поэзии - это было так повседневно, так естественно. Теперь, увы, радуга разговорного языка погасла».

Видимо, именно от той «радуги» явилась редкая особенность таланта Романова - умение

создать поэтическими средствами портреты и характеры современников. В стихотворениях, а особенно в поэмах предстают живые люди с душевными порывами и внутренней красотой, равно как и с недостатками. Запечатлеть современников - такое желание у поэтов 80-90-х годов XX века почти отсутствует. Что отчасти можно объяснить. Это желание не может быть «заданным», его необходимо впитать из стихии народной жизни.

Тут невольно возникает аналогия с Николаем Алексеевичем Некрасовым, которому, может, больше, чем другим русским поэтам, удавалось заключить народные характеры в поэтические образы. Но о каком-либо подражании, даже в хорошем смысле, в данном случае, разумеется, нет и речи.

«Романовский язык» несёт полную художественную и нравственную правду.

«ВСЕОЧИЩАЮЩАЯ СОВЕСТЬ»

В творчестве поэта большое место занимает СОВЕСТЬ. Ныне это понятие, увы, упразднено властителями.

Вместо него - деньги, комфорт, почёт, успех...

Для Александра Романова СОВЕСТЬ стояла на первом месте во всём.

У него даже есть отдельное стихотворение, оно так и называется - «Совесть», где показана судьба одинокой крестьянки бабы Дуни. Она - то угостит пирогами соседских ребятишек, то вызовется поводиться с соседскими малышами:

«Давайте я понянчусь, бабы, -
Одной сидеть так, право, смерть.
Своих не знала, так хотя бы
С чужими душу отогреть».

Хотя у Авдотьи жив сын, но он пропал где-то на чужбине, он забыл о матери, а её совесть всё время болит.

Сильный, по сути духовный «мотив совести» идёт в поэзии Романова рядом с тревогой за судьбу России. Не случайно уже упомянутая героиня поэмы «Павла» заметила: «А человек - ведь это совесть».

Повторюсь: ныне само понятие совести девальвировано, если не сказать больше - сведено на нет. Но, к счастью, не для всех. Для многих «простых людей» она по-прежнему остаётся мерилом поступков и дел.

Совесть требует от человека как будто немного - активного состояния души. Поэт назвал это состояние «сторожевым лучом».

Он жгуч. Он будто откровенье,
Он просекает толщу лет.
И чем обиднее забвенье,
Тем сокрушительнее свет.
Из полуправды, ставшей в горечь,
Из встреч, растрёпанных уже,
Всеочищающая совесть,
Как жизни свет, горит в душе.

***

На мой взгляд, замечательно и то, что Александр Романов, в отличие, скажем от Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко и некоторых других его ровесников, не был «планетарным поэтом».

Русская северная земля, её история, её люди и природа - вот «планета» Романова.

По большому счёту, она более обширна, чем мир «планетарных поэтов».

Здесь глубинная связь с национальной культурой, начиная от писателя-монаха Даниила Заточника, неповторимого иконописца Дионисия, оставившего свои фрески в Соборе Рождества Богородицы в Ферапонтово, до Александра Яшина, Фёдора Абрамова и Василия Белова.

Продолжил этот ряд и Александр Романов.

Его поэзия нужна душе ежедневно, как чёрный хлеб на столе, без которого не прожить.

Вологда
Июнь 2020

Нынешний год - юбилейный для Геннадия Сазонова, известного публициста, поэта и прозаика, автора статьи о замечательном русском поэте Александре Романове. Давнему автору «Вологодского ЛАДА» исполнилось 70 лет. Геннадий Сазонов - член Союза писателей России, автор более 20 книг, лауреат многих премий и конкурсов. Редакция журнала и читатели поздравляют Геннадия Алексеевича с юбилеем. Здравия духовного и телесного на долгие годы, писательского вдохновения!

Ольга Фокина

Стихи замечательной русской поэтессы Ольги Александровны Фокиной публикуются в «Вологодском ЛАДЕ» почти в каждом номере - начиная с первого. Редакция старается не оставлять читателей без задушевной фокинской поэзии: люди говорят, в нынешние годы без легкого, теплого слова сложно жить...

Из новых стихов

* * *

Двенадцатое августа.
Ночная темень - ах, густа!
Ни молодцу, ни девице
Не видно, что там деется.
А деется - неладное:
Сменяя дни прохладные,
С дождём, помимо прочего,
За нуль упала ноченька!
Что есть росы невиннее?
Но росы стали инеем!
И всё, что было росное,
Перетекло в морозное.
В безжизненное, белое,
Под солнцем - почернелое.
Нет, видно, на тебе креста,
Двенадцатое августа!

* * *

Опустишь руки -
Протянешь ноги.
Осудят внуки,
Оставят боги.

Но жизнь добрее:
Даёт, коль просят!
И руки - реют!
И ноги - носят!

* * *

Август. В деревне
Пресно нам снова:
Хочется в дебри -
На Солоново.

Хочется в дебри,
Хочется в чащи,
К выпям и вепрям
Пренастоящим!

Волок Тимошин,
Селище Ущаж...
Мошек-то, мошек!
Грязи-то, ужас!
Вязнут сапожки -
Низки голяшки!
Вброд - без дорожки!
Топко в овражке!

Щёки - в расчёсах!
Веки - ковриги.
Мост - не из тёса:
Падаешь - прыгай!

С мо́ста-бревёшка -
Кругло и слизко...
Пахнет морошкой.
Озеро близко.

Озеро - ласка,
Озеро - нега...
В озеро-сказку -
Ныром - с разбега!

* * *

Преждевременное апреленье -
В феврале ожидай беды:
Обещается потепление -
Прибавленье в реке воды.
Ледоры́хление, снеготаянье!
Так что, лёдные рыбаки,
Усмирите своё желание
Посидеть на хребте реки.
Не пришлось разгуляться зимушке:
На посту, но уже - без сил!
Припасенные шубы, пимушки
Люд рыбачий не поносил.
Ладно! Выросшим близкополюсно
Лишний градус не повредит,
Но народу за лето боязно:
Вдруг и лето заерундит?

* * *

Три рябины под окном
Как осиротели:
Их плоды октябрьским днём
Съели коростели.

Обруснул с рябин листву
Сиверко свирепый,
И ни веткам, ни стволу
Нечем вспомнить лето.
Свиристели на юга
Свистнув, улетели,
А рябин сечет пурга,
Чтоб грустить не смели!

* * *

Осень длится целый год,
Не переставая:
Снегу за ночь нападёт,
Поутру - растает.

Сыро, серо. Не понять,
Что природа хочет?
Воскресать иль умирать?
Нынче, между прочим,

В доме муха ожила
После зимней спячки
И разведывать пошла
Кой-какой заначки.

В марте муха - чуть жива, -
Крылышки не держат,
Ей попить бы,
Пожевать,
Ведь спала не емши

Суток сто! (легко сказать,
Каково - на деле!)
Ей - какое там - летать, -
Бродит еле-еле.

Не зовут еще цветы
С аромат-нектаром...
Капля сладенькой воды
Мухе - мой подарок.

Заработал хоботок!
Капля обмелела!
...Но печален был итог:
Муха - околела.

* * *

У вдовы река поленницу
В половодье унесла,
И мужчинам, что не ленятся,
Дело новое дала.

Взяв багор, переобутые
В бредни добрые - по пах!
У реки дежурят сутками:
Взмах - полешко! Снова взмах.

Не ахти доход! Но всё-таки
Работёнка стоит свеч:
Будет лишний раз истоплена
Мужиком в морозы печь.
Что сказать? Дрова - не рыбица,
Но, пожалуй, поценней!
А вдова едва ль обидится -
Ей полезно быть умней:

Не реветь и не досадовать
На догадливых парней,
И поленницы выкладывать
На горе, а не под ней.

Ольга Кузнецова

Ольга Николаевна Кузнецова - поэт, прозаик, лауреат всероссийского конкурса короткого рассказа им. В. Шукшина и поэтического конкурса им. Н.Рубцова. Автор нескольких книг стихов и прозы, многочисленных журнальных публикаций. Член Союза российских писателей. «Вологодский ЛАД» публиковал рассказы Ольги Николаевны.

Что было в этом синем небе?..

***

Была весна, орали соловьи,
не чуют, дурачки, чужих насмешек.
Чай, надсадили горлышки свои,
катая в них горошину-орешек.

А мы брели к невидимой реке
травою, поднимавшейся из тлена,
она была без цвета, налегке,
невысока - едва ли до колена.

Торжествовала жизнь: весь мир пропах
зеленым и безудержно нахальным,
что даже кладбище в подножии холма
нам миражом казалось беспечальным.

Копилось дня тепло в густых кустах,
и доказательств не было преданью,
что бытовало в этих вот местах:
черемуха цветет к похолоданью.

Затем мы шли по кромке синевы
и не хотели видеть рыжей мели...
Зачем мы шли - ни соловьи, ни мы
озвучить не смогли или не смели.

***

На дворе дрова, кусты сирени,
запах от дождя - сироп и мёд.
Созданная для труда и лени,
от колонки женщина идет.

На дворе игра. Узнали двор вы?
Там в песок соседский грузовик
спрятали две юные оторвы,
вот он - после дождичка возник.

На дворе трава. Но я забыла,
каково, когда идешь босой
дурой, старшеклассницей, кобылой
с навсегда отрезанной косой.

***

Что было в этом синем небе?
Гроза как будто пронеслась...
Но посверкало и остыло.
И пуще прежнего взвилась

трава, и радуга играла
на том и этом берегу.

А мы случайно повстречались,
остановились на бегу.

Молчим, знакомые с пеленок, -
мы растерялись навсегда.
И весь в зеленке твой ребенок,
и с бантом вредина моя...

АВГУСТ

Н. С.

Любимая собака надо мной
подышит и лизнет - какая дура!
Лежать, читать, ценить покой,
не помнить о еде или фигуре,

и не бежать трусцою в магазин,
не сочинять заведомые сказки,
и не смеяться, хоть смешно сидит
твой свитер очень грубой вязки.

Он устарел, и вытянулась нить,
и растянулась к черту горловина,
его до лета я хотела распустить,
а нынче август, и вторая половина.

А завтра, как обычно, холода,
И зряшный путь, и слезы, как от смога.
И белый свет, в котором навсегда
я без тебя промокла и продрогла.

НА КРЫЛЬЦЕ

Где были мы с тобой весь быстрый век?
Искали встречи? По другим ходили?
И только след малины на руке -
Ее не собирали... Не любили?

А встрече почему-то каждый рад,
И потому так тянутся поминки.
Мне вспоминалась фраза невпопад,
Про Русь, где любят праздновать дожинки.

Ну, что ты медлишь? Ты налей, налей...
Хотел он осень? Вот, она настала -
Граненого стакана тяжелей,
Безжалостней презренного металла.

Все будто оглянулись впопыхах -
Дорога не видна от слез и пыли.
Не оттого ль так часто на устах,
Что мы когда-то где-то с кем-то были...

Запущен сад - полно в нем мертвых слив
Да вездесущие кусты малины,
И ягоды, мороза не хватив,
Перестояли и перебродили.

БРОДСКОГО!

Скорее Бродского! Как бром,
дурной таблеткой - в подъязычье.
Здесь Бог живет не по углам.
Он, перепуганный язычник,

Устроил жисть себе и мне:
летами жить в большой деревне,
Где моют в бане всех детей
один лишь раз и в воскресенье.
Тут тары пьяницы крадут -
гвидонься, царь, живи без бочки!
В халявах солят на глазок
и помидоры, и грибочки.

Здесь мост сорвался и парит,
поднятый крыльями тумана.
И листья здесь серьезно жгут -
как главы своего романа.

***

Внизу заброшен детский сад,
деревья крючат пальцы.
И на пеньках уже сидят
заснеженные зайцы.

На белом крашеном окне
ждут семечек синички.
На отрывном календаре
кончаются странички.

Она же вышла... Нет, ушла.
Куда - никто не знает,
лишь книжка на краю стола
с раскрашенным Мазаем.

Она ушла... Зачем, куда?
Никто еще не верит.
Раз на крылечке нет следа,
не открывались двери.

Меж туч шагает налегке,
и снег сшибает вичкой,
и гладит маму по щеке
пушистой рукавичкой.

Ольга КУЗНЕЦОВА

***

Горько пахнет мой фиксаж, пленка в дырочку,
воздух сжат, и пот течет по затылочку.

Говорят, есть серебро в закрепителе,
впрочем, может, посмеялись родители.

Лампа красная горит, заговорщица,
а на снимке человек горько морщится.

Не смутит его мое слово звонкое,
недосвет и пересвет - дело тонкое.

Ничего уже не скрыть - всё проявится,
никому не объяснить, что тут нравится.

***

Похоронив страну, отца и мать,
среди глухих сугробов сделав тропку,
к печи вернулся - помнишь, колупал
младенцем анемичную известку?

Окно закрыл дырявым кумачом,
дрова принес с застылой берестою.
И вьется дым. Морозы нипочём
той ниточке меж небом и землёю.

Рисунок Эдуарда Фролова

Андрей Лушников

Андрей Евстафьевич Лушников родился в 1964 году в городе Рубцовске Алтайского края. Окончил факультет журналистики Алтайского государственного университета. Работал на Алтае журналистом, литературным редактором. Печатался в журналах «Алтай», «Сибирские огни», «Север», «Родная Кубань», «Вологодский ЛАД». Автор пяти сборников стихов и прозы, исторического романа «Опрокинутый жертвенник». Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

Мифы и герои

ЦИКЛ

ПРОМЕТЕЙ

Расскажет лишь небо да птицы
О том, что у ночи на дне
Во мраке страстей, как в темнице,
Прикован я цепью к стене.

И то, что я здесь голодаю, -
Финал поторопит к утру.
Я знаю, за что я страдаю,
Я знаю, за что я умру.

За то, что я вышел из неба
С кадильницей речи живой,
За то, что духовного хлеба
Я людям отмерил с лихвой.

За то, что легко и толково
Тёк соком из Божьих точил,
За то, что дал вещее слово,
Читать и писать их учил.

Жаль то, что взрастил ненамного
Любовь их к моим небесам, -
Аукнулась заповедь Бога:
«Святыню не скармливай псам».

Я чувствую, как по крупице
Душа оседает на дне,
И чёрные, чёрные птицы
Мятутся в ночной глубине...

Мой голос в темнице не громок
И он скоро стихнет в алчбе.
Ты видишь сквозь время, потомок,
Как я улыбаюсь тебе?

ПАНДОРА

Когда солнце в столице берёз
Золотило берёзы едва,
Её «Боинг» легко перенёс
Из Орли в Шереметьево-два.

И не больше семнадцати ей.
Ещё девочка, и потому,
Чтоб в России стать в доску своей,
Нарядилась вся под хохлому.

Видно, деньги совсем для неё
Как огромная куча назьму,
Как египетское мумиё,
Что встречают её по уму.

В инстаграме у ней паспарту.
За спиною у ней Эридан.
Пограничник в аэропорту
Просит, глупый, открыть чемодан.

ПЕРСЕЙ И НАРЦИСС

На зверьё я готовил облаву,
На морских ставил я перемёт,
Зная то, что и совесть, и славу
У героя герой не займёт.

Ты поймёшь только с пролитой кровью,
У богов под жестокой пятой:
Мир спасается только любовью,
Мир спасается лишь красотой.

Ты красив, но не можешь, занятно,
И двух слов о прекрасном связать.
И печаль твоя мне так понятна,
Так смешна, если прямо сказать.

Не отыщешь в ручье этом броду,
И нет смысла устраивать прю.
Ты глядишься, Нарцисс, только в воду,
Я в щит совести только смотрю.

СИЗИФ

Раненьями сквозными
Сквозит душа во мгле.
Мне тяжело с земными
Жить вместе на Земле.

Когда грозит могила,
Когда грозит сума,
Поможет только сила
Предплечья и ума.

По воле Громовержца
Есть дело силачу.
Я каменное сердце
Качу куда хочу.

ИКАР

Потеряв от судьбы своей джойстик,
Оказавшись вдруг на пустыре,
Атеист, маловер и агностик -
Все встречаются в монастыре.

О монахе, ещё и не старом,
Но уже чья седа голова,
Что прозвали здесь старцем Икаром,
Разнесла по округе молва.

Что-то помня о сыне Дедала,
Как известный народный артист,
Рядом с ним на скамью, разудало,
Сел вчерашний ещё атеист.

Он хотел хоть каким-то макаром
Получить однозначный ответ:
«Почему Вас прозвали Икаром?
Есть ли в этом какой-то секрет?»

В небе облако белым квадратом
Уплывает к другим берегам,
Чтоб услышать рассказ о крылатом,
Воробьи прискакали к ногам.

У монаха смешная бородка,
Словно всполох седого костра,
Он сидит, улыбается кротко,
Но улыбка, как бритва, остра.

Он ответит легко, в чём загвоздка,
Он в секрет приоткроет портал:
«Мне даны были крылья из воска,
Чтобы я высоко не летал».

ТАНТАЛ

Мне старость уж пенсию прочит.
Я съел в жизни все куличи.
Но будто бы кто-то пророчит,
Во сне моём прячась в ночи.

Как будто бы он в загородке
Откидывает крючок,
И вижу я ласковый, кроткий
Пульсирующий родничок.

Заветное темя ребёнка
Своё открывает земля,
И держит её головёнка
В зелёной опушке поля.

И манит напиться водица,
И радостью полнится грудь,
И можно легко наклониться,
Ладонью воды зачерпнуть.

Но вдруг - отойдёт благостыня,
И словно промчится орда,
И всюду зияет пустыня,
Где раньше струилась вода.

И чувствую, что погибаю,
Что к пеплу губами приник.
Но спину лишь я разгибаю -
Вновь бьётся мне в ноги родник.

И снова я вижу всё чётче
Как млеют вдали зеленя.
И что с этим делать мне, отче?
Кошмары терзают меня.

ЕВРОПА

Тартуский мирный договор
с Советской Россией
продолжает действовать,
заявила президент Эстонии
Керсти Кальюлайд.

Стала мифом эстонская Нарва.
Лишь приедет сюда человек -
Говорят ему: Нарва - не лярва,*
А Союз европейский навек.

Подозреньем её не прогневай,
А послушай в любом кабаке,
Как с Европой - с прекрасною девой
Уплыла от родных на быке.

И с тех пор вся Европа ликует,
Флаг над Нарвой её нарочит.
А Эстония только быкует,
И ни телится, и ни мычит.

ГЕРАКЛ

Тяжело блудной жизни похмелье,
Но растёт из него патерик:
На коленях в монашеской келье
Пред иконами плачет старик.

Как его ни петляли дороги,
Как ни пели ему соловьи -
На последнем, на страшном пороге
Он все «подвиги» помнит свои.

Тихо светит надежда. И значит,
Это будет ещё не конец.
Он о том пред иконами плачет,
Что разбил сорок девять сердец.

ТЕСЕЙ

Решил я задачку нескладную,
Что стала как будто мне в новь:
Надежду зовут Ариадною,
Приходит она как Любовь.

В крови я засохшей и в ссадинах,
Вторую неделю не брит,
И латы в подмышечных впадинах
Сдавили в груди остров Крит.

Зарезал я смерть круторогую
В глухом лабиринте страстей
И ниточку тонкую трогаю
В тот мир, где не будет смертей.

ОРФЕЙ

За то, что не ходит к народу на спевки,
У свадьбы большой на виду,
В коттеджном посёлке две пьяные девки
Побили в сердцах тамаду.

Такая вот вышла у них мениппея.
С гармошкой, как вобла, немой
Он смятый венок песнопевца Орфея
Понёс Эвридике домой.

Не надо ему ни рублей, ни медалей.
Не жалко ему децибел:
- Не дали допеть! Даже выпить не дали!
И, вдарив по кнопкам, запел.

От жгучей обиды-тоски с полдороги,
Позором своим заклеймён,
Запел так, что и олимпийские боги
Услышали в пепле времён.

Пусть знают они то, что чёрная зависть
Приходит к певцу в бигуди,
И что прорастает цветочная завязь
Из раны его на груди.

Рыдает душа и сочится из ранки.
Она - не шампанское брют.
Пой песню, Орфей! Даже если вакханки
Камнями сегодня забьют.

*лярвы, лемуры (лат. larvae, lemurcs),- в Древнем Риме название духов умерших злых людей, якобы приносящих живым несчастья и смерть.

Елена Саблина

Елена Сергеевна Саблина родилась в Вологде, закончила среднюю школу № 9. Занималась в студии художественного слова при Вологодском пединституте, посещала литобъединениепод руководством Юрия Макаровича Леднева, работала художником-оформителем, публиковалась в вологодских газетах и журналах, в том числе и в «Вологодском ЛАДЕ». Автор сборников стихотворений «Птица над городом», «Нежная крапива».

Весна не терпит проволочки

***

Живу, что свеча при святых образах,
Всё таю и таю у всех на глазах.
Всё таю и таю, свечу и свечу,
Пока не поставят другую свечу.

ФРОНТОВИЧКА

Дальний колокол до слуха
Донесется, и крестом
Православная старуха
Руки выложит на стол.
Посидит. Вздохнет печально.
Перекрестит впалый рот
И из рюмки поминальной
Горькой водки отопьет,
И за рюмкою нередко
Наревется бабка всласть.
Скажет глупая соседка:
«Снова Катька нажралась».
А у Катьки две лампадки
Под иконками коптят,
А у Катьки под лопаткой
Раны старые свербят.
И уже скользит над кровом
Сиротливая луна,
Катерина Иванова
За столом сидит одна.
В одеянии убогом,
С горькой чаркою в руке,
И не хочет, кроме Бога,
Разговаривать ни с кем.

ЛИЛИТ

Когда она зверушкой,
Взобравшись на пески,
Любуется ракушкой,
Добытой из реки,

Когда, светясь и млея,
Вся тянется к лучу,
О, как я сожалею,
Как верить не хочу,

Что и её, голубку,
Нежнейшую Лилит,
Раздавит, как скорлупку,
Многоэтажный быт.

***

Я выполню ваши советы,
Я ваши заботы учту,
И Ветхий, и Новый заветы
В ближайшее время прочту.

Клянусь вам святою Еленой!
Нет, всеми святыми клянусь,
Что стану и я вдохновенно
Молитвы читать наизусть.

А впрочем, при чём здесь молитвы?
Что толку, молись, не молись
За эту жестокую битву
С добрейшим названием жизнь.

***

В. Б.

Мороз, словно русская печка, трещал,
И город был снегом украшен.
Ты праздник божественный мне обещал
На солнечной улице нашей.

И вот я по кладбищу тихо иду,
Где вороны только ликуют.
Так вот что за праздник имел ты в виду,
Вот улицу, значит, какую.

Могилы, могилы, кресты и кресты,
А дальше - всё небо да поле.
Так вот же какой ты достиг высоты,
Какой нескончаемой воли.

***

Я не дам тебе руки -
Не надейся на прощенье.
Мы так дивно далеки,
Как отказ и подношенье.

Мы с тобою так близки
В этот миг перед разрывом -
Как скрещённые клинки
Над разверзнутым обрывом.

***

Как мне назвать, чтоб не обидеть,
Того, кто молодую рать
Учил Рубцова ненавидеть
И Фокиной пренебрегать.
Зачем он так бесчеловечно
Неоперенный свой народ
От чистой речки русской речи
В болото топкое ведет.
Речей бесцельных и бессвязных,
Лишенных веры и стыда,
Когда-то злых, когда-то грязных,
Но просветленных - никогда.
В вертеп словесного разврата,
Во мрак, на илистое дно,
Туда, откуда нет возврата,
Но есть забвение одно.

***

Весна не терпит проволочки,
Уже летит на всех парах,
Ломая льды, взрывая почки
На полусонных деревах.

И, заливаясь звонкой трелью,
Шурует всем, что под рукой:
Метлой, пилой, рубанком, дрелью,
Совком, лопатой и киркой.

Потом хватается за тяпку,
Не зная устали и сна.
О, как мою родную бабку
Напоминает мне весна.

ГРОЗА

В майскую ночь
После долгой истомы
Город не спит, растревоженный громом.
Ибо ещё с Воскресенья Христова
Люди не слышали грома такого.
По коридорам зашаркали тапки,
Плачут младенцы и крестятся бабки,
Кто-то, едва запахнувши подол,
Шарит на полке родной валидол.
Спит только он.
Исхудавший и строгий.
После нелёгкой и долгой дороги,
В майскую ночь возвратившись домой,
Мой ненаглядный, единственный мой.
Город не видит, хотя и не спит:
Огненный конь над землёю летит.
Ноздри вздымая и жарко дыша,
Мощным копытом планеты круша.
Город не видит, как где-то вдали
Тихо копыта коснулись земли,
Как из разверзнутых громом небес
Быстрая молния канула в лес.

Вот уже мчится по тверди земной,
Сильные крылья сложив за спиной,
Сквозь буреломы и тёмные ели
К страстной, запретной, неслыханной цели,
Мчится к далёкой реке, за которой
Гасит огни растревоженный город.
И не увидел никто на земле,
Как он скакал, одинокий, во мгле,
Как, обогнув монастырь и погост,
Огненный вихрь пролетел через мост.
Вот уже площадь, столбы, поворот,
Мокрые липы у ржавых ворот,
Вот покосившийся старый забор,
Куст бузины и тропинка во двор.
Вот он домчался, взвился и со стоном
Встал под распахнутым вашим балконом.
Не просыпайся, единственный мой.
...Это за мной.

***

Когда по какой-то причине,
А то и совсем без причин
Ваш дом покидает мужчина,
(Бог ведает этих мужчин),
Не войте волчицей голодной,
И клык не точите в углу,
А с радостным криком «Свободна!»
Седлайте родную метлу.

***

Сулико Беридзе

Когда я ходила, когда я бродила,
Когда я летела, плыла
По Грузии нежной, над Грузией милой.
Какой я счастливой была!
Разрушены те золотые чертоги,
Потоплены те корабли.
И молча уходят печальные боги
С осыпанной пеплом земли.

***

Не в меру высока,
Слегка сутулована,
С походкой мужика,
С замашками комбата.

Ей в жизни может быть
Одно предназначенье -
Учить, учить, учить
До умопомраченья.

И не дано вам знать
Её великой цели,
Такая муштровать
Вас будет и в постели.

Уж не придется вам
С утра тянуться к фляге:
По швам, по швам, по швам
В неистовом напряге!

Научат вас ходить,
Научат одеваться,
Научат говорить,
Научат улыбаться.

И даже, может быть,
Не дав сомкнуться глазу,
Научат вас любить
По первому приказу.

***

А. Л.

В любви он - корифей,
Нельзя не изумиться,
Как много нежных фей
Вокруг него вертится.

Он с той и с этой мил,
И с той, и с этой дружен,
У той и этой был,
И той, и этой нужен.

И только мне печаль,
И только я не рада:
Мне ту и эту жаль:
Уж я-то знаю гада.

***

И. М.

Простятся нам любые бредни,
Скостятся сомнища грехов,
Пока, красивые, как ведьмы,
Кутим до третьих петухов.

Но погоди, настанут сроки
Для нас такие на земле,
Когда все милые пороки
Жизнь обозначит на челе.

И уж тогда не жди прощенья
Нет худшей доли для мужчин,
Чем стать предметом обольщенья
Для обладательниц морщин.

***

Если ты своей любимой
Изменил хоть раз единый -
То Господь тебя накажет
И любимую отнимет.

Если ты жене зловредной
Изменяешь ежедневно -
Он вдвойне тебя накажет
И жену тебе оставит.

Рисунки Эдуарда Фролова

Евгений Некрасов

Евгений Викторович Некрасов много лет руководил лучшими газетами Вологодчины: в семидесятые годы - «Вологодским комсомольцем», с 1991 по 2005 год - «Красным Севером». Был Евгений Некрасов и редактором нашего журнала - в самом начале его жизни, когда он был журналом для семейного чтения, тогда журнал назывался «Ладом», издавал его «Красный Север». Выйдя на пенсию, заслуженный работник культуры России Е. В. Некрасов от дел отошел. Зато вернулся к поэзии, оставленной было много лет назад, когда стихи восемнадцатилетнего Жени одобрил Николай Рубцов. Однако развить удачное начало получилось только спустя десятилетия: газетная работа, семейные хлопоты... В нынешнем году Евгений Викторович выпустил уже двенадцатый стихотворный сборник. Будет ли продолжение - Бог весть, автор не загадывает, пишет, когда пишется...

Стихи Евгения Некрасова «Вологодский ЛАД» публиковал не раз. Отзывы всегда были хорошими, да это и не удивительно: мысли доброго, умного человека о жизни помогают каждому задуматься и о своем житье-бытье, а это никогда и никому не вредно. Тем более что автор не учит читателей, грозя пальцем, а неспешно размышляет - когда с улыбкой, когда с грустинкой... О своем, вроде бы, говорит, - а оказывается, что точь-в-точь обо мне. Стихи Евгения Некрасова горячо поддержала и одобрила Ольга Фокина. «Её приязненное ко мне отношение даже немного смущает, - признавался Евгений Викторович, - будто не заслуживаю я такой доброты со стороны бесконечно уважаемого, авторитетного для меня человека. У Василия Ивановича во взгляде буравчики - насквозь! У неё - ожидание и надежда. Наградил Бог счастливым знакомством с такими классиками своего дела». Многолетний редактор вологодских областных газет дружил с Николаем Рубцовым и Виктором Астафьевым, Сергеем Чухиным и Виктором Коротаевым, Михаилом Сопиным, Александром Романовым, Владимиром Крупиным... «Душевные люди!» - вспоминает Евгений Викторович. Конечно, писатели видели в нем прежде всего умного, доброжелательного человека, тонко понимающего и глубоко любящего литературу, готового поддержать творческого человека.

Должности у Некрасова давно нет, а любовь и понимание литературы остались, конечно. Выплеснулся и талант, десятилетиями сдерживаемый редакторскими хлопотами.

Представляем читателям подборку стихов Евгения Некрасова, родившуюся нынешним сентябрем. «Осень разгулялась, - говорится в письме автора в редакцию. - Именно такую люблю: прохладную и пылающую. Вспышка накануне конца...»

Евгений НЕКРАСОВ

Прохладная пылающая осень

* * *

Ожиданье беды
тягомотней её проявленья.
И тревога подспудно
назойливо сердце гнетёт.
Имитируешь бодрость,
подъём настроенья -
бутафорский набор,
что отчаянью всплыть не даёт.

Прячешь стойко в себе,
в тайниках сокровенных
горечь боли от напастей,
ждущих тебя.
Души близких не травишь
слезой откровений,
притворившись счастливым,
покой их щадя...

Ну, а горе когда
чёрным вороном грянет,
и способен ещё
если будешь вздохнуть,
постарайся не ныть
над полученной раной.
Может, силы найдёшь
себя к жизни вернуть...

* * *

Земные все горенья
кратки:
огонь,
недолгий жар,
зола...
Пыланье -
миг восторга сладкий,
накат
душевного тепла.

А позже -
тлен воспоминаний.
Порою
память всколыхнёт,
пробудит
искорки желаний,
надежд,
что чудо оживёт.
Что кучка пепла
возгорится,
удастся вновь огонь воздуть...

Увы:
былое не вернуть,
и прошлое
не повторится.

* * *

Зная правду,
молчать тяжело.
Тяжело говорить в никуда.
От бессилия
сердце свело.
И притухла надежды звезда.

Как мне хочется
просто пожить:
без вопросов,
сомнений,
забот!
Горькой правдой
себя не травить:
большинство так -
бездумно -
живёт.

Ну, и я
затаюсь в шалаше,
отрешась от раздумий лихих...

Только в вялой,
дремотной душе
не родятся уж больше
стихи...

ЗА ВСЁ ДУША МОЯ БОЛИТ

Вдруг всплыв
из памяти глубинной,
упрёки совести
гнетут
за позабытый грех старинный...

А годы
чередой идут...

Нелепость даже,
а не грех.
Просто досадная случайность,
когда-то вызвавшая смех.
Но смех
с оттенками печали...

За жизнь
нелепостей таких
букет изрядный наберётся -
по сути пустяков пустых!
И всё ж мне всякий раз
неймётся.
Что-то неясное
томит,
подспудно душу
угнетая...

За каждый шаг
переживает,
за всё
душа моя
болит!

2019

* * *

Печаль разлуки
сердце греет,
как солнышко сквозь занавеску.
И нежность
благодатно зреет,
уныния тушуя всплески.

Ласкают
и врачуют душу
её живительные токи.
Печаль
коль научился слушать -
душой не будешь одиноким...

2019

* * *

Я узнал цену счастья,
столкнувшись с бедой.
И беда оттого
приглушилась.
Превозмог я её
и остался живой:
ощутил на себе
божью милость!

А ведь думал:
Бог вечно
со мною жесток,
на внимание вечно
скупится.
Утвердился во мненьи,
что я одинок
как от стаи отставшая птица.

Говорят,
что о счастии
надо молчать,
не спугнуть чтоб случайно
восторгом.
Ну, а мне захотелось
смеяться,
кричать
в исступлении радостно-гордом!

Дождь надежды,
любви,
торжества,
теплоты
окропил счастьем душу
незримо.
И на месте беды
распустились цветы -
величавы,
неповторимы...

* * *

Не в том, что стар,
моя трагедия,
а в том,
что вечно молодой:
встречаю жизнь
бравурной медью,
хотя уже
давно седой.

По-прежнему горю желаньем
быть в гуще всех
земных забот.
Душа полна
мирских страданий,
людскими муками живёт!

А тело бренное
ветшает -

на страсти не хватает сил.
Отчаянье одолевает.
Я - нынешний -
себе не мил!

Не укротить души порывы,
а тело -
не омолодить.
Несчастный я
или счастливый,
коль до сих пор готов любить?..

* * *

Случайный взгляд -
пронзительней кинжала.
Его не ждут.
Он застаёт врасплох.

Прозреть
порою даже жизни
мало.
А тут всё ясно
за единый вздох!

Не в том ли ключ
влюблённости мгновенной -
без слов,
навек,
до смертного креста,
где места нет
раздорам,
лжи,
изменам,
когда любовь
безгрешна
и чиста?

Рисунок Эдуарда Фролова

Юрий Максин

Юрий Михайлович Максин родился в 1954 году в деревне Плосково Череповецкого района, живёт в городе Устюжне. Автор шести поэтических сборников. Стихив разное время публиковались в журналах «Москва», «Наш современник», «Роман-газета. XXI век», «Встреча», «Юность», «Воин России», «Невский альманах», «Север», «Русская провинция», «Берега», «Вологодский ЛАД»; в альманахе «Академия поэзии», в газете «Литературная Россия». Лауреат областного поэтического конкурса имени Николая Рубцова (1985 г.), победитель российского литературного конкурса имени Вячеслава Кузнецова (2005 г.), лауреат премии имени Владимира Соколова журнала «Юность» (2005 г.), победитель международного поэтического конкурса «Золотое перо - 2007». Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

Пусть дрожью слов окатит вас...

ГОРЬКИЙ МЁД

Каждый Божий день казался долгим,
словно мёд, тягуче жизнь текла.
По полу рассыпаны осколки
колкие зеркального стекла.

В них когда-то мама улыбалась,
в них отец сбривал щетину щёк.
Где-то в запредельности осталась
юность, что шагнула за порог.

Покачнуло зазеркалье стену,
пошатнуло правил жизни свод.
В памяти течёт попеременно
отражений милых - горький мёд.

* * *

Отгорела красавица-осень
красоты благодатным огнём.
То ли сами летят, то ль заносит
искры листьев в пустующий дом.

Не возжечь им лампаду у лика,
не затеплить растопку в печи.
И никто здесь прощального крика
не услышит - кричи не кричи.

Для души эти искры - иное,
и в глазах им - лететь и лететь.
То не время ль горит золотое?
А чему ещё в жизни гореть?..

* * *

Куда всё уходит, куда всё ушло?
Гляжу за оконное жизни стекло.
За ним проплывают машинные лица.
Наверно, другим уже не повториться?..

Куда всё уходит, куда всё ушло?
Раскрылось оконное в память стекло.
И слышу красивые девичьи речи,
и силой любви наливаются плечи...

Куда всё уходит, куда всё ушло?
Осталось оконное жизни стекло.
За этим стеклом мне ушедшее снится.
А наша любовь где-нибудь повторится?..

* * *

Восторженность сменяется тоской.
И кажется - недалеко до смерти.
Всё исчезает в быльной круговерти.
Завод окончен: тишина, покой.

Но что-то снова ходики берёт,
вставляет ключ, сжимает круг
пружины,
читает надпись на часах: «Полёт».
И под крылами - горы и долины...

Синица клювом застучит в окно:
«Дым из трубы который день
не вьётся».
Махну рукой - посыплется зерно.
Взмахну другой - и строчка
встрепенётся...

* * *

Куда, сердечко, ты спешишь?
Чем боль твою унять?
Тук-тук - слетают капли с крыш,
им больше не летать.

Они разбились и ушли,
навек ушли в песок.
Но прорастает из земли
разбуженный цветок.

Тук-тук - слетает на листок
солёная вода.
И остаётся между строк
твой образ навсегда.

ТУМАН

Туман скрывает за окном
весь мир, в котором я живу.
И остаётся только дом,
где жизнь проходит наяву.

Где видно всё, где всё своё,
мурлычет кот, играет внук.
И на стене висит ружьё -
мой старый и надёжный друг.

Жизнь в тихом доме не страшна.
На свете много разных стран.
А за окном гудит страна,
которую объял туман.

* * *

Исполин построил башню
и открыл ворота к ней.
Каждый видел день вчерашний
с высоты прожитых дней.

Но, увы, упала башня,
подточили грызуны.
И не виден день вчерашний,
и не видно всей страны.

Уронили исполина
и копаются в грехах.
Башни нет. Молчат руины.
Подступает к горлу страх.

ЛЮЛЬКА

Годы растаяли, годы прошли.
Люшеньки-люли, ой, люли-люли...
Годы слетели, как листья с дерев.
Люшеньки-люли - старинный напев.

Люшеньки-люли, ой, люли-люли,
тают в небесной дали журавли.
Небо, как люльку, качают крыла.
Люшеньки-люли, а жизнь-то прошла.

Люшеньки-люли, ой, люли-люли!
Все ли растаяли, все ли прошли?
Все ли слетели, как листья с дерев?
Люшеньки-люли - кручинный напев.

Поздно седой головою качать.
Где-то за облаком ждёт меня мать.
Где-то за облаком ждёт и отец,
русские звёзды из русских сердец.

Землю качают шальные ветра,
видно, в полёт собираться пора.
Мы улетаем, как листья с дерев.
Люшеньки-люли - прощальный напев.

Люшеньки-люли, ой, люли-люли.
Звёздные люльки летят от Земли.
Вот и растаяли, как журавли.
Люшеньки-люли... Ой, люли-люли...

* * *

Любимые, давайте помолчим.
Вы далеко и жизнь почти прожили.
Вас мой приют не защитил от зим.
Но я любил, и вы меня любили.

И до сих пор бездомье - мой удел,
душа одна на жизненном пороге.
Любимые, я встретиться б хотел
на звёздами украшенной дороге.

Я вам скажу: «Прошу вас - к шалашу!»
Здесь будет рай, которого не знали.
И я о вас стихами расскажу.
Вы никогда их прежде не читали.

* * *

Перелистать свои страницы
не попрошу в последний час,
а - вдохновения зарницу,
пусть дрожью слов окатит вас,
никем не сказанных, живущих
в листве, шумящей под дождём,
земле и небесам присущих,
пока живём...

Эдуард Фролов.
Иллюстрация к книге
Юрия Максина
«Поздние зерна». 2018

Книга Василия Мишенева о друзьях-литераторах

Новая книга известного русского поэта Василия Мишенева, живущего в Никольске, называется «Костры на том берегу». Вышла она в Кичменгском Городке и представляет собой воспоминания о вологодских литераторах и журналистах. Некоторые из этих очерков и зарисовок были опубликованы в «Вологодском ЛАДЕ».

Читатели смогут прочесть в новой книге Василия Михайловича письма к нему Виктора Астафьева, Юрия Леднева, Анатолия Петухова, Александра Романова, Михаила Сопина и других.

- Для каждой книги есть свое время, - говорит Василий Мишенев. - День за днем уходят годы, живые картины прошлого блекнут... Мне хотелось оставить письменные свидетельства о дорогих мне людях.

Этой книгой работу над своим литературным архивом Василий Михайлович не заканчивает. Есть у него намерение рассказать вологжанам о своих встречах с Александром Швецовым, Вячеславом Белковым, Николаем Фокиным и другими друзьями по литературе, творчество которых, полагает Василий Мишенев, еще не оценено по достоинству. Василий Мишенев благодарит за финансовую поддержку в издании книги «Костры на том берегу» Николая Баданина, Александра Корепина и Вячеслава Мишенева.

Поэт Василий Мишенев в своем рабочем кабинете. Никольск

Вера Коричева

Вера Николаевна Коричева родилась в 1964 году в городе Загорске (ныне Сергиев Посад). Окончила Московское художественное училище «Памяти 1905 года» по специальности «художник-декоратор». С 1986 года живёт в Вологде. Работала художником-оформителем в областном драмтеатре, театре для детей и молодёжи, на Вологодском вагоноремонтном заводе им. Калинина, дворником, слесарем-сборщиком. Автор трёх сборников стихов: «Планета тополей» (2006), «Родная чужбина» (2009), «В ожидании божественной лазури» (2012). Дипломант и лауреат ежегодных поэтических конкурсов «Посадская лира» (2007 - 2014), г. Сергиев Посад. Стихи публиковались в газетах и журналах России и Эстонии. В «Вологодском ЛАДЕ» неоднократно печатались стихи и критические статьи Веры Николаевны.а».

Приманиваю небо

ПОРТРЕТ МОЕГО АНГЕЛА

Я ангела хотела написать,
Запечатлеть и в линиях, и в цвете.
Изобразить и суть его, и стать,
И невесомость в плотном силуэте.

Нашла на антресоли чистый холст
И на палитру выдавила краски:
Ультрамарина крап, лазури холм,
Белила, золото - вот список краткий.

Наметила: хитона белый блик,
Окат крыла, за ним - лазурный замок.
Но ангельский не разглядела лик
В потоках сна закрытыми глазами.

Где крупные черничины очей
На стебле носа, удивлённо-длинном?
Поспешно заготовила зачем
Нетронутый зрачок ультрамарина?

Но как черты правдиво передать?
И где моя модель - письма основа?..

Я ангела мечтала увидать,
А он пропал в цветении вишнёвом.

ЗИМНЕЕ ПЛАТЬЕ

Я сняла осеннее
Платье
В листьях клёна, резных
И крылатых,
Из шумящего мягкого
Шёлка...
И доверила шкафу -
Надолго.

Примеряю зимнее
Платье
Из парчовой серебряной
Глади,

Из лоскутных кусков
И кусочков,
Грубо собранных крупною
Строчкой.

Чтоб не скучной была
Картина,
Я добавлю карминов
Рябины -
По подолу и правому
Боку -
И летящую плавно
Сороку.

От Зимы никуда
Не деться.
Дайте в зеркало мне
Поглядеться...
Клин втачаю,
Пронзительно-синий,
И по-зимнему стану
Красивой.

КУПАЛЬНИЦЫ

Сегодня
С трудом пробираюсь
по знакомой лыжне,
Изрядно поломанной
Недавней оттепелью
и множеством шагов -
Звериных и человечьих,
Густо усыпанной
Сосновыми чешуйками и хвоей.
В воздухе витают запахи
Свежего снега
И едва уловимого печного дыма.

Закрываю глаза -
Вижу солнечные купальницы,
Сияющие в ночи.
Мы с мамой когда-то называли их
«Бубенчики».
Прислушиваюсь - и правда, звенят!
Наверное, для того,
чтобы запоздалый путник
Не сбился с дороги...
Пытаюсь уловить их запах...
Похоже, они пахнут
Росой,
Дождём,
Туманом
И... будущим свежим снегом
Вперемешку с печным дымом.

СЕРЫЙ СВИТЕРОК

Уже зима,
Уже с утра мороз
Расписывает веточки
Без спешки.
А в недрах шкафа
Серый свитерок
Всё пахнет горьким дымом
Дачной печки.

Вдохну тот дым,
И вспомнится сентябрь
С ещё не облетевшею
Листвою,
Лесных покоев
Золото и ярь
И таинство
Свидания с тобою.

Уже зима,
И в комнате темно.
Не пропускает луч
Морозный ставень.
И холодно - ну прямо ледяно...

Надену свитерочек под пальто,
И оттого
Теплее сразу станет.

НОЧНОЙ НАТЮРМОРТ

Ночь рисовала в тёплом доме
На белой стенке натюрморт:
Бутыль бесплотную боржоми
И рядом призрачный узор -

Из листьев и ветвей весенних:
Берёзы, тополя, ольхи.
Бродили их сквозные тени,
И тонконоги, и легки.

На подоконнике и в вазе,
Повёрнуты спиною к нам,
Они свой взгляд зеленоглазый
Не отводили от окна.

Как будто там искали чуда
И оберега от беды.
Бутыль, обычная посуда,

Была полна живой воды.
Всю ночь цвели сквозные тени,
К утру растаял натюрморт.
А за окном следы метели
Похолодили тёплый двор.

***

Ты - мои крылья, и ношу их
За спиной.
Но иногда вдруг ощущаю тяжесть.
Как будто не крыла - пенал берестяной,
Нагруженный увесистой поклажей.

И что-то там так каменно гремит
И странным завораживает
Ритмом,
Что кажется - не галька, не гранит,
Но малахит и золотые слитки.

И всё же ларь заплечный
Не сниму,
Хотя болит частенько позвоночник.
Боюсь (сама не знаю, почему):
А вдруг там не увижу
Звёзд полночных?

Которым ценности не знает казначей -
Янтарных, неожиданно-жемчужных...
А вдруг там нету даже кирпичей,
В строительстве кому-то очень
Нужных?..

Но если Бог сей пестерь мне вручил?
(А Он не дарит ноши непосильной) -
Нести готова чудо-кирпичи
И впредь
И чувствовать не тяжесть -
Крылья.

ПОКАЯННОЕ

Прости меня,
мама!

За мои упрёки в недостатке
внимания.
За мои упрёки в избыточной
опеке.
За все мои тайные осуждения,
не высказанные
вслух.
Но как же прекрасны
твои милые неправильности
не от мира сего!
Твоя лёгкость на подъём
в почти неподъёмном
возрасте!

Твоя розовая детская наивность!
Твоя готовность прийти на помощь
в любую минуту
даже незнакомым людям!
И твои книжные горы!
И твои пироговые застолья!
Твой велосипед и твои лыжи...
Твои бубенчики-купальницы
в лесу на Озере -
помнишь?

Я знаю, ты - самая лучшая!
И потому, что очень не похожа
на других мам,
и потому, что ты -
моя мама!

За все мои дурные мысли о тебе -
и прошлые, и настоящие,
за то, что я не умею любить
так, как ты -

прости меня, Мама!

МОЯ ПОЛЯНА

Моя поляна в паутине дня
Подслеповато щурится цветами.
Так сетью солнечной оплетена,
Что я не вижу мелкие детали.

Крива, коса моя тропинка в рай,
Кротами перерыта и бугриста.
Но две берёзы не дадут соврать,
Что небо здесь на удивленье близко.

Я раю моему кричу: «Спаси!»
А мошкару прошу: «Поменьше липни...»
И слушаю, как небеса басы
Настраивают камертоном ливня.

КРУЖКА

Сопернице

Мы сидим рядом за одним столом
в литературном клубе,

и ты пьёшь чай (или кофе?)
из бывшей моей кружки.

И даже не подозреваешь о том,
что из этой кружки пивала когда-то
я.

А на закруглённом её боку
красуются
традиционные атрибуты корабля (или
моря?):
якорь - штурвал - спасательный круг.

И не догадываешься даже,
что это я
тебе
кидаю спасательный круг.
Потому, что считаешь меня
врагом.

И всё же ты пьёшь из моей кружки!
Значит, мы с тобой уже побратались
(или - точнее - посестрились?).

Когда-то эта спасательная кружка
мне помогала причалить
к берегу.
Надеюсь,
Поможет и тебе.

***

Я потеряла свой нательный крест,
И вот - стремительно теряю силы.
Мой ангел улетел: какая весь
Крылатого сегодня приютила?

Какая высь радушно приняла,
Весёлой синью странника окутав?
И сквозь воздушные его крыла
Просвечивают облачные кудри.

Мой ангел, ну пожалуйста, вернись!
Скользни с высот по лествице шелковой.
С невероятной горки ринься вниз,
На землю... Где уныло и знакомо

Осенний дождик, смутен и несмел,
Замешивает в грязь остатки пыли
И на окне пунцовый цикламен
Лениво разворачивает крылья...

Твои печали знаю наизусть:
Душа моя смутна и нрав не шёлков.
Я постараюсь, справлюсь, дотянусь...

И крестик неожиданно нашёлся.

НЕБЕСНЫЙ ЗОНТ

Алле
Барлиновой

Пусть дождь шурует -
Что мне в том?
Не шлю я к тучам гнева.
Под голубым иду зонтом,
Приманиваю небо.

Не молкнет струнный тарарам -
Дождёвы пререканья.
Зачем мне небо где-то там?
Своё держу руками.

Потом сложу небес кусок,
Зайдя домой, под крышу.
Пройдусь рукой наискосок
По влажному затишью.

Боготворю - такая дурь! -
Богатство голубое.
Свою небесную лазурь
Всегда ношу с собою...

Мой зонт сломался -
Что мне в том?
Не жаль небесной масти.
Хожу под радужным зонтом,
Приманиваю счастье.

Татьяна Жмайло

«15 декабря 2020 года Череповец простился с талантливым журналистом, тонким и вдумчивым поэтом и просто хорошим человеком - Татьяной Жмайло», - сообщила читателям областная газета «Красный Север». Как рассказала главный редактор газеты «Голос Череповца» Елена Билева, Татьяну госпитализировали с двухсторонней пневмонией и коронавирусом. Татьяна Жмайло окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Член Союза российских писателей с 2000 года. Автор поэтических книг «Соль минор», «Азбука дождя». Её стихи публиковались в московских газетах и журналах, в литературной периодике Вологды и Череповца. Татьяна Владимировна около 20 лет работала в газете «Голос Череповца», вела тему культуры. Она сотрудничала с газетой «Книжное обозрение», журналами «Деловой мир», «Здоровье Вологодчины», «Свой стиль» и другими. В качестве литературного редактора Татьяна участвовала в деятельности международного литературного сайта и издании сборников поэзии и критики, организованных этим сайтом, а также издательством «Питер». Любители авторской песни помнят Татьяну Жмайло как известного барда, она с неизменным успехом участвовала в конкурсах и вечерах авторской песни. Татьяна была светлым человеком, очень энергичным и оптимистичным, такой и останется в памяти всех, кто ее знал и любил.Редакция журнала «Вологодский ЛАД» выражает соболезнование родным и близким Татьяны Жмайло и публикует несколько её стихотворений.

Заоблачные жители

ЗОЛОТОЙ АПЕЛЬСИН. ЛОРКА

В море нету апельсинов.
Федерико-Гарсиа Лорка

В море нет апельсинов,
лишь один круглобокий случайно
на закате скользнул
с неба,
воду не расплескав.

Над оранжевой коркой
кричат беспокойные чайки,
и багряные блики
достигают границы песка.
Кто его обронил?
Чья рука так внезапно разжалась,
что умолкла струна,
вдруг лишенная трепетных сил?
Чайки громко несут
над волной бесконечную жалость.
Равнодушное море
катит вдаль золотой апельсин…

БРАТ МОЕЙ БЕССОННИЦЫ

Брат моей бессонницы,
полуночный трамвай,
колокольцев звонница -
последний, поспевай!
Еду безбилетная,
а кондуктор - спит,
рельса, словно взлётная
полоса, гудит.
Мчимся сквозь фонарные
отблески, сквозь дождь,
где листы фанерные
пробирает дрожь.

Друг моей бессонницы,
мчи своим путем,
скорость нам отмолится,
вычтется потом.
Сквозь мороку донную,
сквозь рекламный гром,
вдоль домов, бездомные,
ищем, ищем дом…

* * *

У смерти добрые глаза.
Она, завидя ваши муки,
обучит вас иной науке.
Так виноградная лоза,
приняв рождение и смерть
янтарной грозди, выбирает
игристое сверканье рая -
кувшина ангельскую медь.
Так мотылек вблизи огня
золотокрылым серафимом
летит, предупреждая зимы,
коротким продолженьем дня.
И камень, обращаясь в пыль,
имеет собственные сроки,
и под косой летит ковыль
в ту - каменную - пыль дороги.
Еще не высохла роса,
небытие легко и сладко.
У смерти добрые глаза,
но, Боже мой, какая хватка!

НОЧЕСТВО

Полнолуние
снег
снега бег
приводящий в уныние
всуе
черной тушью на белом рисую
ни улыбки
ни боли в глазах
равнодушно усталой рукою
черным снегом черта за чертою
белый лист
от угла до угла
заштрихован
портрет одиночества
полнолуние
снег
мое ночество.

БЛОКУ

Александр Александрович, ваш телефон молчит,
и окно кабинета давно в ожиданье ослепло…
Вы прошли, не спеша, мимо церкви Бориса и Глеба,
чтоб растаять навек в петербуржской белесой ночи.

В «Балаганчике» шум и веселье, и чья-то тоска.
Красным клюквенным соком сочатся открытые раны.
собрались все актеры, и ваше отсутствие странно -
как в песочных часах отсутствие струйки песка.

Белый венчик из роз осыпает свои лепестки,
все двенадцать апостолов замерли в скорбном молчанье…
Александр Александрович, я вас читаю ночами…
как молитву читаю, сжимая от боли виски.

…Александр Александрович, ваш телефон молчит….

НА ПЕРГАМЕНТЕ ОСЕНИ

Поэту Евгению Урану

Я пишу тебе это письмо на пергаменте осени.
той, дающей покой, - как легко принимается дань её.
....Мне вчера - ближе к ночи - котенка под двери подбросили.
Позвонили, оставив с расчетом на сострадание.

Был оправдан расчет... А подумать, такая безделица! -
существо пару месяцев отроду, только мне кажется:
на двоих одиночество поровну - надвое - делится,
как твой цитрус на дольки под рыжей шершавою кожицей,
что уже созревает и «фанты» пузырчатой запахи
рассыпает вокруг широты, где живешь ты. А мне - никак...
Выше - про одиночество - из буратиновой Азбуки,
дальше - тоже учебник. Скорее всего - ботаника.

Прописными те истины сделала жизнь. Не поэзия.
И Колумбовы дали открыты, и выверен свет в окне.
Мне бы выяснить только, к чему здесь я, да и есть ли я?
Что Гекуба тебе, что Гекубе ты - в смысле, кто ты мне?

Ставлю точку (прости!), восковую ладонь подоконника
исцарапав пером, как котенок когтями. Но в памяти
двух квадратов стекла отразится святая иконка.
Я пишу тебе это письмо на осеннем пергаменте...

ЗАОБЛАЧНЫЕ ЖИТЕЛИ

Друзья мои, ваятели, воители,
легко ли вам, заоблачные жители,
крылатыми средь ангелов сиятельных?
Друзья мои, воители, ваятели,
на ангелов такие непохожие,
легко ли - в райский сад,
в район ухоженный,
где некому и нечему противиться.

Строптивые ревнивцы и ревнивицы,
воители с поломанными шпагами,
скользите ли по саду тихим шагом и
читаете стихи глухим архангелам,
не впрок себе и вопреки всем правилам?
А может быть, ведь судьбы
переменчивы -
поскольку петь и некому, и нечего,
в стерильном мире даже слезы пресные, -
теперь вы там - садовники небесные.

Юбилей череповецкого писателя

18 августа текущего года череповецкий поэт, прозаик и публицист Сергей Аркадьевич Созин отметил 65-летие.

Сергей Аркадьевич - член правления Вологодской писательской организации Союза писателей России, автор книг стихов «Талица», «Ночной разговор», «Русский крест», сборников песен и романсов «Встреча» и «Благослови, Господь, Россию». Статьи и рассказы Сергея Созина публиковались в областных и российских газетах и журналах.

Несколько материалов, посвященных нашему земляку, помещены в августовском номере санкт-петербургского журнала «Невский альманах», на его обложке фотография Сергея Созина. Читатели прочтут статьи о творчестве череповецкого писателя докторов филологических наук Электрона Дементьева и Виктора Баракова, кандидата филологических наук Николая Бушенева, композитора и исполнителя Николая Цветкова. Кроме того, опубликованы стихи и рассказы Сергея Аркадьевича.

«Вологодский Собор - 2020»

При поддержке департамента культуры и туризма Вологодской области вышел из печати литературно-художественный альманах «Вологодский Собор - 2020».

«Альманах «Вологодский Собор - 2020» - литературно-художественное издание, где дается наиболее полное представление о современном литературном процессе Вологодского края» - считает региональное отделение Союза писателей России. В «Вологодский Собор - 2020» включены лучшие произведения известных вологодских писателей, созданные преимущественно в последние годы и получившие читательское признание. Органично дополняют книгу стихи и проза молодых авторов. Издание выпущено к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В числе авторов - Ольга Фокина, Роберт Балакшин, Михаил Карачёв, Александр Цыганов, Наталья Мелёхина, Мария Маркова, Анатолий Ехалов, Инга Чурбанова, Станислав Мишнёв, Николай Толстиков, Владислав Кокорин, Наталья Сидорова и многие другие.

Книга размещена на сайте газеты «Вологодский литератор» literator35.ru .

Добавим, первый альманах «Вологодский Собор» был выпущен 25 лет назад. В новом собраны работы 74 вологодских авторов. Тираж книги - 500 экземпляров.

Николай Устюжанин

Николай Устюжанин - прозаик, член Союза писателей России с 1999 года. Автор повестей «Моё советское детство» и «Перестроечная юность», фрагменты которых публиковал «Вологодский ЛАД». Перу писателя принадлежат также рассказы, некоторые из них печатал наш журнал.

Ирочка

РАССКАЗ

«Как же я мог её забыть? - Сергей мысленно укорял себя за необъяснимый провал в памяти, которой всегда гордился. - Если бы не эта записка, я, наверное, так бы и не вспомнил... или не хотел вспоминать?» Сергей сидел сам не свой в гостиничном номере родного подмосковного городка, куда приехал по делам после нескольких лет разлуки, - сегодня днём ему принесли клочок бумаги, на котором слабым, но ровным женским почерком были выведены слова, поразившие его:

«Вы, наверное, не помните меня. Я - мама Иры, моей ненаглядной Ирочки, царствие ей небесное! Вы ведь были знакомы?..»

Сергей это предчувствовал, но за прошедшие годы почти уверился в том, что всё сгинуло, утонуло - всё, всё...

Ирина появилась в его жизни непостижимым образом. Сразу после зимних каникул в школу, где он первый год преподавал историю, была зачислена новая лаборантка кабинета живописи - взамен ушедшей в очередной декрет многодетной работницы. Девушка ходила по коридору, держа в руках стеклянные баночки из-под краски, и в её походке ощущалась притягательность, заставлявшая приглядываться к ней.

Ирочка (так её звали все в школе) была совсем юной, со светлыми от природы волосами и открытым лицом, - оно играло весёлыми веснушками и сияло солнечной улыбкой. Не любоваться ею было просто невозможно: небольшого роста, стройная, всегда приветливая, она хлопала длинными ресницами так невинно и искренно, что Сергей поневоле восхитился ею. Он не узнавал себя: обычно смелый и развязный с другими, к Ирочке подойти никак не мог, его что-то останавливало. Вся эта неопределенность тянулась до весны.

Однажды утром вместе с физруком и трудовиком - бывалыми ловеласами - Сергей стоял у школьного крыльца и, поглядывая на речной ледоход, беседовал о политике. Ирочка прошла мимо в облегающем легком пальто и кокетливой вязаной шапочке и, вежливо поздоровавшись, поднялась по ступенькам вверх, - её ножка мелькнула сквозь вырез так соблазнительно, что у него перехватило дыхание.

- Смотри, как девчонка тебе сигналит, - усмехнулся трудовик, кивая на закрывающиеся двери. - Не теряйся!

- Она просто пришла в школу! - возразил Сергей чуть ли не возмущенно.

- Ошибаешься, - многозначительно произнес высоченный физрук, похлопав его по плечу, - просто так они ничего не делают.

Разговор этот не выходил из головы, да и ножка Ирочки никак не забывалась.

Наконец Сергей решился: явился в кабинет живописи на несколько минут, пока учительница рисования сидела у директора. За перегородкой на столах были разложены пособия, журналы, белые кубики, конусы и шары, на стенах висели репродукции и схемы - лаборантская находилась в полном порядке. Ирочка, как ему показалось, ничуть

не удивилась, когда он, осмелев, предложил проводить ее до дома. Она согласилась, но с таким достоинством, что Сергей даже и не вспомнил о своей развязности - он был обезоружен и пленен окончательно.

Через неделю Сергей сошел с ума: он целовал её веснушки прямо в лаборантской, за перегородкой, на больших и малых переменах, даже во время занятий, не обращая внимания на класс. Он забыл обо всем: и о собственной осторожности, и об элементарной педагогической этике, и об опасных свойствах женского коллектива.

Ирочка была нежна, безропотна, счастлива - и тем самым близка ему.

Еще через месяц они, не таясь, стали ходить по городу, взявшись за руки, обнимались на остановках, целовались где придется и не могли оторваться друг от друга.

Они катались на велосипедах по пыльным улицам и переулкам, выезжали за город, в поле, по соседству с взлетно-посадочной полосой аэродрома, бросали «велики» у стога, и там, в пещере из соломы, тоже целовались, но уже жгуче и нетерпеливей.

«Як», похожий на огромного белого гуся, медленно и почти неслышно заходил на посадку, но потом с грохотом проносился над стогом, выпустив закрылки и колеса. Колючий соломенный запах, пахучий и душный, щекотал ноздри.

- Ты любишь меня?.. - спрашивала раскрасневшаяся Ирочка.

- Да! - он поцелуями закрывал ее губы и глаза - Да! Да!..

Теперь они были женихом и невестой - навещали друг друга вечерами, ходили по воскресеньям на речной пляж, купались в мутной воде, а потом, обнявшись, говорили долго и вдохновенно: Ирочка всё больше о любви, а он - о будущей карьере в науке.

Накануне Первого мая Сергей предложил Ирочке посмотреть свою комнату в учительском общежитии. Ирочка всю дорогу смеялась, откликаясь на его шутки, но сама была далеко - её глаза сосредоточенно улыбались чему-то иному.

Целовались они в комнате, не замечая времени; ближе к вечеру Сергей стал грустить - провожать её так не хотелось! И тут Ирочка взяла судьбу в свои руки - она разделась и легла в его постель. Сергей был ошарашен, хотя и не показал изумления. Стараясь выглядеть как можно мужественнее, он шагнул ей навстречу...

Сергей ещё спал, пока Ирочка готовила завтрак на электроплитке, напевая что-то себе под нос. Кормила его с ложечки, как младенца, и было видно, что она бесконечно счастлива. Сергей тоже переживал необыкновенный подъём, но никак не мог отогнать от себя мысль, что Ирочка до их встречи могла поступить так же и с кем-то другим. Постепенно в его сознание стала вкрадываться тревога: как теперь со всем этим быть?..

Он каждый вечер оставался у неё (Ирочка снимала квартиру), возвращаясь к себе почти под утро. Целый час уходил на путешествие от дома с теплой постелью и запахом молодого женского тела к пустой и неуютной комнате общежития. Светлые июньские ночи помогали ему найти дорогу. Ночное свечение было похоже на молочный туман. Белизна церквей в этой дымке меняла свой цвет, становилась почти розовой, нереальной, приподнимавшей купола колоколен над притихшей землей. Ноги сами несли Сергея вдаль. Он не ощущал усталости, его переполняли чувства, в которых соединялись восторг от близости и осознание какой-то непонятной потери.

В начале лета Сергей посчитал себя обязанным сделать Ирочке официальное предложение - при её маме, такой же весёлой и слегка курносой блондинке.

Теперь они были женихом и невестой - навещали друг друга вечерами, ходили по воскресеньям на речной пляж, купались в мутной воде, а потом, обнявшись, говорили долго и вдохновенно: Ирочка всё больше о любви, а он - о будущей карьере в науке.

Ирочка очень хотела, как она однажды сказала, «куклу от тебя, любимого», хотела жадно, упоенно, безоглядно:

- У ребеночка будет такой же носик, как у тебя - гордый и беспомощный одновременно.

Однажды в субботу он остался у Ирины на всю ночь, а когда утром приехал в общежитие и поднялся на этаж, то обнаружил в зале для собраний спящую на полу мать. Видно, комендант сжалилась и расстелила матрас (Сергей готов был провалиться от стыда, но деваться было некуда). В его комнате и состоялся разговор - длинный, нудный и бесполезный для обоих. Прервался он неожиданным стуком. Сергей обомлел, бросился к двери и чуть приоткрыл её. Перед ним стояла улыбающаяся Ирочка! Сюрприз оказался на редкость удачным... В дверной проём Сергей шепнул ей на ушко всего два слова, от которых Ирочка вмиг пришла в ужас и, повернувшись, побежала к лестнице. За ней, оттолкнув сына плечом, тут же бросилась мама.

Последовавшие вслед за этим действия были невозможными для Сергея. После разговора с Ириной мама была непреклонна: «Она тебе не пара!» Он знал: переубедить мать не получится. Его неловкая попытка уладить отношения закончилась провалом: на сближение с матерью Ирочки она не пошла, даже отказалась от чая в гостях в той самой квартире...

Всё рухнуло. После отъезда его мамы занервничала и прежде невозмутимая Ирочка. Она стала требовать ежедневных признаний в чувствах с горячечной непреклонностью и паническим блеском в глазах. Уверения и ласки успокаивали лишь на время, любые другие слова либо пропускались мимо ушей, либо воспринимались в штыки. Когда он, не подумав, неудачно высказался о возможной временной разлуке, то в ответ получил звонкую пощёчину и вслед за ней долгую и безобразную истерику. Сергей принялся её успокаивать, как вдруг явственно услышал внутри голос, принадлежащий не ему, а кому-то иному: «Этого я тебе никогда не прощу!»

Сергей всё решил, он передумал жениться, но признаться в этом Ирочке было выше его сил... И тогда он пошел на обман, на самую настоящую подлость: объявил невесте, что не сможет иметь детей - из-за перенесённой в детстве свинки и последовавшего за ней осложнения. Сергей надеялся, что Ирочка бросит его после такого признания...

Ирочка плакала так горько, что Сергей испугался за неё: крупные слёзы катились по щекам и подбородку, тело содрогалось от рыданий: «Почему это случилось именно с нами?» Вытерев глаза, она произнесла обречённо:

- А я всё удивлялась, почему никак не могу понести...

Вечером следующего дня Ирочку было не узнать: она явилась в комнату Сергея в строгом платье и с каким-то стальным блеском в глазах. С решимостью, которой он никак не ожидал, она сразу разрубила узел: «Мы будем бороться за наше счастье! Если не повезёт, возьмём сироту». У Сергея кровь бросилась в голову:

- Прошу тебя, только никому не говори о моём... диагнозе.

- Конечно, - она прильнула к нему успокаивающе, - никто ничего не узнает.

Вступительные экзамены в аспирантуру московского вуза закончились для него успешно. Шёл отпуск, и Сергей не стал возвращаться к невесте - надо было устроиться в столице, и он написал, что вызовет её позже, телеграммой.

Поиски жилья затянулись: в общежитии семейным находиться было не положено, а дешевой квартиры ни в центре, ни в пригородах не было. Сергей мог продать ненужные вещи, занять денег, но зримое видение приводило его в ужас: они вдвоём в чужом и равнодушном городе...

Шли недели, а он никак не мог решиться на поступок - был мрачный, злился на себя, но всё более и более раздражался самой перспективой семейной жизни. Сергей ходил по столице, сидел у фонтанов, не в силах разорвать невидимую нить. В конце концов, он отправил письмо, сочиненное в тоске и удушье неизбежного предательства, - письмо-отказ от Ирины. Он остался жить в Москве, заставив себя забыть о ней...

Сергей очнулся от воспоминаний - в номере стало темнеть, наступил вечер. Он вышел на улицу, купил коробку конфет и, подойдя к знакомому дому с горящими окнами, поднялся на второй этаж.

Дверь открыла маленькая, сухонькая, болезненного вида женщина лет шестидесяти, - он узнал бы её даже на улице, по глазам - так они были похожи на Иринины. Единственное, что он помнил из тех лет - её глаза.

- Как же она любила! - говорила мама Ирины, усадив его за стол. - Как сильно она вас любила, говорила: я однолюбка, я родилась не в свое время, мой век - девятнадцатый.

Сергей, не шевелясь, сидел и невидящим взглядом смотрел на свою чашку.

- Она замуж так и не вышла, - продолжала хозяйка, - всё объясняла, что такого родства душ, как с вами, уже не будет. А потом заболела.

- Что с ней было?.. - почти неслышно спросил Сергей.

- Сначала у нее жутко болела голова, потом она ослепла, отказали ноги... Врачи уверяли, что никогда не видели такой мученицы. Но моя Ирочка терпела, полагалась во всем на волю Божью. Всё повторяла, что страдания даются за грехи. А вас ждала. До последнего дня. Хотя боялась, что застанете её в таком виде, умоляла: «Когда он приедет, скажи ему, что я в другом городе» - и плакала.

Сергей внутренне застонал.

- Может, съездим на её могилку? - вопрос прозвучал так неожиданно, что он вздрогнул:

- Нет, нет, потом... У вас сохранились её фотографии?

- Да, сейчас принесу альбом.

Всё в нём напряглось: он пришел за этим.

Когда мать Ирины раскрыла бархатный том с фотографиями того лета, у Сергея чуть не остановилось сердце. На фотокарточках он увидел лицо удивительной чистоты и радостной красоты: здесь она на работе, в деловом костюме, тонкие полоски бровей чуть приподняты... Здесь Ирочка на экскурсии, стоит в лёгком полосатом платье, ноги в белых босоножках так хороши... А вот здесь она на пляже в Анапе, в купальнике...

- Она у меня всегда была красавицей.

- Да, - отвечал Сергей, чувствуя, как плачет его душа.

- Это была ваша судьба, - продолжала говорить её мать без укоризны, но ему почему-то становилось от этого ещё тяжелее.

Оказывается, его сердце все эти годы любило Ирину. Поэтому он и боялся встретить её...

Сергей ехал в ночном вагоне и не спал от душевной боли. Теперь он понимал, почему у него не было ни семьи, ни детей, ни любви... Она промелькнула, как тот белый самолет над стогом их далёкой юности, и исчезла в небесах. Только теперь он, вспомнив строки из её ответного письма, присланного на адрес университета, понимал, что самое дорогое он потерял тогда, в те дни, когда всё ещё можно было вернуть...

«Здравствуй, любимый, самый-самый лучший, единственный!

Тебя со мною нет, но я помню всё, не могу и не смогу забыть ничего.

Я пыталась всё бросить, метнулась в другие объятья, в темноту, на дно... Я хотела растоптать тебя в себе, но у меня ничего не получилось.

Я до сих пор вспоминаю, как ты называл меня родной, - и снова чувствую себя счастливой.

Возвращайся ко мне, пожалуйста, мой навсегда родной человек!

Я знаю, что сама во всём виновата, но я люблю тебя, только тебя.

Возвращайся, любимый!».

Сергей Багров

Сергей Багров - один из самых известных и ярких представителей «вологодской литературной школы». В его творческом активе свыше двадцати книг, выпущенных в различных издательствах страны.
В нашем журнале Сергей Багров публикуется с первых номеров. Предлагаем читателям новую повесть Сергея Петровича, она посвящена послевоенной деревне.

Короткая передышка

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА 1

Великопятов, скрипя деревяшками ног, ступает себе по ползущему около поля проселку. То к деревне. То от деревни. День и ночь перепутаны у него. В голове сплошняком - думы, думы. И все они о земле, о хлебе, о предстоящем.

Ранняя осень. Волглые сумерки. Дремлет, шурша лапником и шишками, старый ельник. И вдруг погостная тишина, а в ней спускающийся к земле сам небесный ходок - белый месяц. Под месяцем стелется по стерне нехоженая дорожка, обливая свои обочины слепо блещущим молоком.

Великопятову любо всматриваться в знакомые очертания елово-березовых островков, как караульщиков желтой жнивы с ее ометами и стогами, в которых роется ветерок, перебирая уложенную солому.

Главным была в эти дни уборка. Справились общим миром. Золотые суслоны стояли в полях, как степенные кавалеры, дожидаясь, когда их загрузят в телеги и увезут.

Чтоб убежать от дождей, свозку хлеба вели на всех лошадях. Подвозили жито к пяти овинам. В каждом из них помещалось по триста снопов. Устилали снопы по решетинам над пожогом, где и денно и нощно горели кряжи. Следит за овинами Федор Насадкин, в пыльных бурках, с бровями-ступеньками, великовозрастный старолеток, насквозь пропахший сухой соломой.

Гуменник со всеми его овинами, луговиной, двором и гумном - как огромный гудящий улей. Вместо пчел в нем - усердные бабы и мужики, а на воле, где веют зерно и отвозят солому, - старательные подростки, с лицами, на которых мужское, раньше времени вылезшее взросление.

Хозяином здесь - председатель Великопятов, такой победно несокрушимый там, где плечи, шея и голова, и такой уязвимый, где его ноги, вернее, не ноги, а стулбаны. Светлые, с проседью волосы, чтоб не лягались, смазаны маслом. Оттого и пахнет вокруг него истопившейся печью, откуда вот-вот достанут поспевшие пироги.

Председатель горяч. Успевает и тут, и там. То он с цепом, знай колошматит киём по верхушкам снопов, выбивая из них прыгучие зерна. То с трехрогими вилами, подавая на них из кладей необмолоченные снопы. То хватает

по паре пузатых мешков, загружая ими двуколку, чтобы с ходу отправить ее к амбарам, где телеги, лошади, коновязь и стремительный, ко всему успевающий Гриша Котов, подмостовинский кладовщик с ремнем на плаще, под которым торчит тетрадочный поминальник.

Молотьба - операция затяжная. Управляются с ней не раньше, чем к Новому году. Великопятов хотел бы свернуть ее до морозов. Чтобы меньше было глядельщиков молотьбы, коим вольно бывать здесь как осенью, так и зимой, проявляя себя толкачами разных районных контор, готовых взять под контроль каждый сноп и каждое зернышко урожая.

Великопятов ступает домой. Дать ногам отдохнуть от потертостей, сбившейся ваты и жестких ремней. За ворота еще не шагнул, как от теплой ржаной горы, где теснится с лопатами стайка колхозниц:

- Иван Политович! До утра нам тут? Али как?

Обернулся Иван Политович, кивая на спицы в стене, где висят зажженные фонари, освещая гумно:

- Пока не кончится карасин!..

Снова ступают ходячие деревяшки, оставляя в земле продавленные следы. Вдоль гумна. Вдоль синеющего овина, откуда, раздвинув пар с дымом, как из чадилища, вылезает, чернея бровями-ступеньками, бывший воинский повар, ныне овинщик Федор Федорович Насадкин.

Великопятов остановился. Засунул руку в пиджак. Достает из него кисет с табаком, прихватив заодно и сгибень газеты. Сворачивает цигарку. Не отказывается от курева и Насадкин. Интересуется председатель:

- Бурделягу-то как? Ставить не разучился?

- Было бы из чего.

- А сивуху?

- И это могу.

- Как бы ты, Федя, у нас раньше времени не сомлел?

- Не в кабаке и родился, не в вине и крестился.

- Вот и ладно. Вскорости праздник затеем! Ведро самогонки можешь накапать?

- Было б жито.

- Будет! Главное: надо людей вдохновить. Четыре года без радости. Сделаем радость!

- Во имя отдохновения! - улыбнулся Насадкин.

Улыбнулся и председатель:

- Во имя жизни и этого вот всего! - вывел руку, поворачивая ее от вечерней деревни к вечернему полю.

Покурили - и разошлись. Насадкин - к завитым огнем кряжикам и поленьям. Великопятов - к деревне.

Вон и амбары с телегами. А за ними - смутные пятистенки, стоят в приземном тумане, как пароходы в затоне, где решили зазимовать.

Слева, до самого горизонта - отработанная земля - скучная, как оставшаяся в живых после жизни. Стесняясь своей наготы и ненужности, глядит она в низкие небеса в ожидании туч и снега, без которых, как девушка, ощущает себя голой до неудобства.

Еле слышимые удары. По полю кто-то, кажется, скачет. Скачет замедленными прыжками. Наверное, заяц. Куда он? Видимо, к ближней опушке, где куртинка берез, откуда, словно чужая душа, застонал вдруг надломленный сук, поворачиваясь по ветру.

В голове председателя напряженно, как в доме, который могут обворовать. Не уходит из памяти осень 32-го. Председателем он еще только-только. С весны. Опыта никакого. Урожай в ту осень был невысокий. Распределяя его, он невольно урезывал трудодни. А тут еще гости. То агенты заготконторы, то служащие райпо, то аппаратчики из райкома. И всем им выдай свеженамолотый хлеб. Не выращивали, а выдай. Великопятов упорствовал как умел. Однако сила была не за ним. Было зерно в колхозных сусеках. Стало - на грядках подвод, отправлявшихся под охраной милиции в строгий город.

Зима 33-го года на всей вологодской земле была малохлебной, весна же - и вовсе бесхлебной. Трудодни потеряли силу, так как нечего было на них выдавать. Колхозники, что ни день, торили дорогу к Белой горе, где погост, куда попадали в первую очередь дети и старики.

Иван Политович видел, как наяву, одетого в саван, без тела, Голодохода, как тот, стуча батогом, проникал в каждый дом, чтобы всех и всё остудить и выставить из жилого. Великопятов спрашивал у себя: «Будущее без нас? Или мы без него?»

Без будущего, решил. Чтобы люди не умирали. И, не мешкая, вопреки всем суровостям и запретам, раздал по домам семенное зерно. Не все, разумеется. Половину. Оставленными семенами хотел оживить яровое поле. И оживил бы. Да не успел. Кто-то из деревенских

уведомил вышестоящую власть о том, как он раздавал семенное зерно. За это с Ивана Политовича спросили в маленьком зальце районного нарсуда, определив ему новое местожительство на Дмитлаге - многоверстном прогоне земли, соединяющем Волгу с Москвой, где 192 тысячи заключенных рыли канал.

Вот почему в эти дни, что пали на осень 45-го года, он затвердил для себя: «Голод в деревню не пропущу!» Будут опять приезжать, как тогда, посланники разных организаций с тем, чтобы взять у них «лишние» рожь, ячмень и овес, обрекая деревню на тихий вымор.

Утаивать! Оставлять про запас! Государству - не всё, что имеет колхоз, а лишь то, что положено сдать в виде поставки, пошлины и налога.

Иван Политович понимал, что такие ходы чреваты. Снова можно попасть на канал. В то же время являлось ему и другое: устраивать так, чтоб туда не попасть. Как-никак за спиной горемычный опыт. А рядом с опытом - осторожность. И чувство меры. И вера в верных ему людей. Таковыми были бухгалтер и кладовщик. У одного из них - подотчетные документы. У второго - припрятанный хлеб. И еще был резерв, тот, который давал неучтенные деньги. Это промысел. Даже два. Один - где спокойные воды реки, второй - где колхозная лесосека.

Деньги, деньги. Если за просто живешь, их никто не давал и давать никогда не будет, то за нужное дело - они как нашлись. Знай лишь рыбу лови. Да руби из поваленных елок белые домики или бани. Что и делал Великопятов, сбив бригаду деляночных избостроев и артель рыбарей.

Главный рыбак его, Митя Субботин, легок на помине. Возвращался с устья, где перед сухонской быстриной расставлял рыболовные сети, чтобы рыбу, какая в них попадет, не мешкая, в этот же день пустить в оборот. Потому Иван Политович и назначил Митю старшим над рыбаками, что был он очень уж совестливым и честным, сам рыбу домой не таскал и другим не давал. Оттого весь улов попадал или в столовую парохода, или в забитый снегом и льдом колхозный ледник.

- Иван Политович, вот с двух уловов, с седнишня и вчерашня! - Субботин лезет в карман суконного, из шинели шитого пиджака, вынимая завернутую в газету колоду денег. - Завтра снова, поди, продадим.

- Пароходским?

- Да. Спрашивают опять. На обратном пути заберут.

- А наловите?

- Для чего и сетки стоят!

- Верно! Верно! - Великопятов тылом ладони, любя, коснулся Митиного плеча. - Всяк как хочет, а мы как могём!

В стоптанных сапогах, с выпуском светлых волос из-под кепки, маленький, шустрый, право, как школьник из семилетки, Субботин сворачивает к проулку, где его дом. Великопятов машет ему вдогонку, прикидывая с заботой: «Рыбарям, перво-наперво, - сапоги. Всё в воде. Не долго и простудиться. Больно уж ветох у них обуток. Куплю, куплю. Вот только денег чуток поднакопим. Ходите, ребята, плюхайтесь по воде...»

Тихо в деревне. Улица широка. Справа и слева дородные, ставленные в том еще веке избы и пятистенки, в окнах которых алыми крестиками моргают заправленные на ворвани жирники и мигалки. И опять председатель в заботе: «Пора бы вас лампами заменить. Со стеклом. Пожалуй-ко, продавщице скажу, за товарами в город поедет, пусть привезет и ламп. Трехлинейных, а то и семилинейных. На сапоги денег нет, а на лампы найдем...»

Тишина - и вдруг шагах в двадцати, где дом под тремя рябинами, сглушённая рамами окон - женская песня, такая нелепая в эту минуту, что председатель призадержался. «Надо же... Это Галина, - подумал сквозь удивление, - горемыка из горемык. Такая молоденькая... Мужа в войне потеряла. Второго нашла - звеньевого Генашу. Только бы свить с ним гнездо, как и его потеряла. Не с радости это она. С великого горя. Одолевает его. Спасается песней...»

Зачем тебя я, милый мой, узнала,
Зачем ты мне ответил на любовь?
Ах, лучше бы я горюшка не знала.
Не билось бы мое сердечко вновь.

Терзаешь ты сердечко молодое,
А здесь тебя зазнобушка всё ждет...
Проходит только время золотое,
Ах, что же мой желанный не идет?..

Изумило Великопятова не только чувство, с каким выплескивала себя молодая вдова, но и богатство щемящего голоса, отдававшего нежностью, равно как безысходностью и тоской. Слышал Иван Политович много песен по репродуктору. Но эта была не сравнима с ними, потому как брала неожиданно редким

даром, о каком, поди, и сама не догадывалась вдова. Воистину пела не женщина, а сидящий на майской веточке соловей. Один из тех неизвестных талантов, каких на Руси считать - не пересчитать, ибо они себя специально не выставляют, живут, как живется, и, когда бывают взволнованы, славят страдание и любовь.

Спать в деревне ложатся рано. Тут и там гаснут кроткие огоньки. Улица прячется в полумрак. Над улицей - горний купол, весь уткнувшийся в черный бархат. Бархат рвется от острых звезд, прорывающихся сквозь вечность. Звезды прячут в себе загадки и знания о Вселенной. Мертвые звезды, а за спиной у них - и живые, где, как у нас на земле, продолжается жизнь.

Ветерок. От него качаются ветки и веточки палисада, где стоит, наклонившись к улице, то черемуха, то рябина. Припадают к земле и чуть видимые кусты. А за черным забором, по воздуху, поднимаясь, колышутся вдохи и выдохи взрытой почвы. Колышется с ними и сам ее голос - таинственный и глухой. Голос никто не слышит, но он ощутим, как взволнованный зов обитателей этой земли, кто когда-то здесь жил, ухаживая за нею. «Люди смертны, землица же - нет», - машинально подумал Великопятов, распахивая калитку.

Во дворе - темнотища. Стук да стук по мосткам. Тут и всполох огня в выносном фонаре, с каким встречает Великопятова Серафима, отворив ему дверь на крыльце.

И вот он дома. В большой русской кухне, где полати, печь, две широкие лавки, скрытая занавесом кровать и обеденный стол, а над ним - суровое, с вышивкой полотенце. За полотенцем - наследственные иконы, которые Серафима то открывает, то закрывает, дабы не видели их партийцы, навещавшие иногда председателя на дому.

В углу, у коника, два гладко обструганных костыля. Изладил их сын. Великопятов стесняется выходить на них в люди. Не хочет слабость свою выставлять. Но дома и в огороде он с ними не расстается.

Костыли помогают сместить тяжесть тела на кисти рук, в которых сила немереная, и запасы ее, казалось, не кончатся никогда. Упираясь руками в свои подпоры, Иван Политович ощущает себя необоримым богатырем. А ведь и был таковым. При весе в восемь пудов был ростом под три аршина. На Троицу, когда ее праздновали в деревне, любил показать свою стать. Боролся с холостяками. Чтобы быть для них уязвимее, вставал на колени, и те на него набрасывались гурьбой - по шесть человек, а то и по восемь. И ни разу подмять под себя не могли.

Привлекателен был Иван Политович и лицом. Румян, светлобров, в серых с прозеленью глазах - великодушие и задор. Девки на выданье и молодки сходили с ума по нему. Каждой хотелось бы быть его подругой. Великопятов был к ним прохладен. Но это днем, когда всё видно, светло и повсюду народ. Теплой же ночью, когда луна, выглянув из-за тучки, подглядывала за всеми грешниками деревни, он, очутившись где-нибудь около мягкого стога с одной из отчаянных доброхотиц, чувствовал, как нарушалось его дыхание, и горячая страсть набирала такую ярость, что он не сдерживался и падал в развалы пахучего сена. Падала вместе с ним и красотка. Отдавалась она. Отдавался и он. И эти минуты, минуты жадного зова друг к другу, были неукротимы. Луна подглядывала за ними, уже не таясь, бесцеремонно и нагло ощупывая их поощряющими лучами.

Сколько было таких полнолунных ночей? Сколько в них - сладких девушек и молодок? Иван Политович не запомнил.

Запомнил он лишь последнюю ночь и последнюю из подружек, в глазах которой он разглядел сияющую луну, а в луне - самого себя, кто, казалось, проник в миловидную девушку для того, чтоб ее загубить.

Звали девушку Серафимой. Какой-то особенной тяги он к ней не испытывал. Была для него, как и все. Не хуже других и не лучше. Тут всё зависело от него. Повлиял вещий страх стать не только разнузданным, но и распутным. Слишком много было подруг. Он уже начал их путать, называя Натаху Маней, Маню - Натахой. И мужики уже стали глядеть на него как на ражего вертопраха, по чьей спине должен был поплясать тяжелый осиновый дрын.

Перестал ходить Иван Политович за деревню. Забыл дорогу к стогам. Очень быстро остепенился. И, не откладывая на завтра, повел Серафиму в сельский совет, где их сразу и расписали.

Живут. Временами успешно. Временами - как все. Поставили на ноги сына и дочь. Дочь по весне увез куда-то за Вологду молодой лейтенант. Сын с семьей - возле них.

Серафима для мужа - вторая душа. Готова служить ему, как рабыня. Лицо у нее меняется

год за годом, укладываясь в ласковые морщинки. Глаза же без перемен - большие и тихие, глядящие из далекого далека в еще одну даль с долготерпением и надеждой, как смотрят в будущее свое, в которое верят даже сквозь слезы. О! Эта великая вера! Сколько в ней терпения и любви! Тринадцать лет, проведенные Серафимой без мужа, когда он был в лагере и на войне, отозвались в ней накатом непрекращающейся печали, с которой она бы не справилась, кабы не вера в живучесть супруга, в то, что смерть обойдет его стороной и он возвратится домой.

Иван Политович, садясь на широкую табуретку, к которой сын прикрепил четыре березовых колеса, снимает с ног чурбаки и катится по полу к рукомойнику, чтоб умыться. А после - к столу, где проворная Серафима уже расставила, вынув из печки, несколько кринок, плошек и чугунков, откуда по кухне, будто туман, расстилается пар.

Серафима - возле хозяина. Села на лавку, в конце которой под стеганым одеяльцем спит, выставив розовое ушко, их пятилетний внучок.

Великопятов кивнул на дверь в боковушку.

- Как у них там? Не собачатся?

- Слава те Господи. Тихо-мирно. Ужнали даже вместе. А сам-от ты как?

- Это чего? - недопонял Великопятов.

- Ноги-то? Не намял?

- Лучше живых. Никакого износу. Только скорости маловато.

Вспомнила Серафима:

- Прибегал Василек, - назвала молоденького подпаска, кто по весне на птичнике у Анисы удил на удочку кур.

- Чего ему?

- Спрашивал, когда ты встаешь, чтобы к этому время лошадь подать.

- О-о дает! Это наш бух заботится обо мне. Ну, спасибо. До чего я дожил! Ординарца мне выделяют, да еще и с конем.

У Серафимы еще одна новость:

- Содомкин опять разошелся! Облаял Клавдию! Та со старухами на болото по клюкву ходила. Вот и стрямил ее. Штрафом пугал.

- По клюкву? - Великопятов поморщился. - Это не дело. С дисциплиной у нас не тово... Я бы тоже ее отругал, попадись она мне.

Новостей у жены - слушать - не переслушать.

- Я по рыжики нонь ходила. С Валюшкой. Нарезала целый пестерь. Устал паренек. Много ножками походил. Спит, как пахарь.

Великопятов советует:

- Ты бы, Сима, поосторожней по рыжики-то ходить. Увидит кто - станет пальцем показывать на меня. Мол, своей дак по рыжики можно, а нам? Я к тому, чтоб колхозники вместо работы не стали бродить по ягоды и грибы.

Запас новостей у супруги неисчерпаем.

- Забыла сказать. Городской тут у нас ходит по избам. Богов покупает. И к нам заходил. Я его не пускаю. А он улыбается - и к божнице. Полотенышко отвернул. Увидел Казанскую Богоматерь - и говорит: «То, что надо! Немедленно покупаю!»

- Ну, а ты? Продала?

- Что ты! Грех-то какой! Ругаться возле Богов не положено. А я заругалась. Да с криком. Еле купчишку этова выставила за дверь.

Серафима еще собиралась что-то сказать, да Иван Политович поднял руку:

- Всё на сегодня. После расскажешь. Туши огонь. Будем спать...

Уютно в топленых хоромах. Тепло. Пахнет поставленным тестом.

И на улице - благодать. С холодком, волоконцами рвущегося тумана, подсматривающей луной.

Луна, как хранительница видений, выделилась из мрака и давай поливать деревню трепетными лучами, отправляя к окнам хором свои тихие сны, чтоб их разглядели люди.

Великопятову снились ноги, то, как прошла по ним гусеница танка, под который попала его граната, и ревущая лава металла разворачивалась над ним, пока ее не опряло пламя. Великопятов не видел, как выскочили танкисты, пытаясь спастись от огня на земле. Не видел, как их прошила очередь автомата. Боль была лютой, сильнее его терпенья, и он пропал в ней, теряя себя, как в аду. Боец с размолотыми ногами обречен был на скорую смерть. Однако не умер Великопятов. Друзья-товарищи вынесли с поля боя. И он попал в тот же день в санпалатку.

За этот танк Иван Политович должен бы был получить медаль «За отвагу». Не получил. Слишком много сменил санитарных палаток, хирургических отделений, белостенных госпиталей. Для тех, кто вручал награды, он потерялся.

Не потерялся, однако, для Серафимы. В вологодский госпиталь, где он лежал, она приехала на коне с колокольчиком, запряженном в праздничную карету. Как получила

весточку от него, так по мартовскому снежку и тронулась в путь.

В Подмостовье встречали его всей деревней. Встречали, как заступника своего, кто, спасая людей, бросил вызов варварскому режиму, отправившему его на целую восьмилетку в пекло сталинских лагерей. Встречали и как солдата, не увернувшегося от танка со свастикой на броне, который шел умертвлять российские села и города, однако сам оказался мертвым, ибо встретился с воином-хлебопашцем, не умевшим пятиться от врага.

ГЛАВА 2

Раньше всех встают в Подмостовье хозяйки. Сегодня, как и вчера, побегут на гумно. И доярки - туда. Подоят лишь коров. Ждет гумно и мальчиков-недорослтков, на чьем попечении кони с телегами, чтоб на них отвозить солому и хлеб.

Как и летом, работы в колхозе невпроворот. И погода как на заказ. Бей цепом, загребай, вей, вози, укладывай клади.

Испокон на Руси: черный хлеб на столе, светлый Бог - на стене. Это прежде. А ныне - тот же хлеб на столе. На стене же не Бог, а Сталин, тот, кто хлеб повернул ближе к городу, чем к деревне, утвердив повсеместно план, учет и контроль - трехголовое, как у змея из сказки, неразделяемое единство, то, что в высшей цене. Жизнь отдельного человека по сравнению с ним - копейка. Потому и идет колхозник той самой дорогой, которую расстелили на всю его жизнь перед ним. Не хочет идти, а идет, как идут к тишайшему из погостов, что за тихой рекой на Белой горе.

Телефон не смолкает весь день. Указания. Требования. Подсказки. От кого они? От того, кто не мог подсказать, каким образом выправить жизнь, переведя ее в сытую из несытой.

На ведение собственного хозяйства у колхозников времени нет. Оттого и встают хозяйки еще до рассвета - в четвертом часу то ли ночи, то ли утра.

Серафима, успев подоить корову, командует у печи, погромыхивая ухватом. Все уже поднялись. Лишь один Валентинчик, выставя алое ухо, спит под стеганым одеяльцем, продолжая рассматривать сны.

Разговаривают негромко. Не потому, что спит паренек, - Валентинчика выстрелом не разбудишь. Поселилась в стенах хором затянувшаяся неловкость. Шла она от невестки. Нисе было 24 года. Любила она Ивана самозабвенно и ждала его всю войну. Иван же до дому не доехал. Стал жить на квартире у горожанки. Собирался с ней жить и дальше, забыв навсегда дорогу домой. Этого Ниса простить не могла. Постоянно его ругала и упрекала. Иван не оправдывался. От стыда и попреков жены замолчал, как молчит квартирант, которого вот-вот вытолкают за двери. Вместо двух голосов, как во всякой нормальной семье, лишь один - недовольный и раздраженный. Очужела Ниса ко всем. И на малого стала покрикивать без причины. Отчего паренек стал искать доброты и защиты у бабушки Симы. Иван Политович делает вывод: «Не повезло Ванюхе. С супругой, коя прощать не умеет, не житьё, а мыканье, где ни стань, тут и брань...»

Великопятов винил и себя, ибо и он приложил свою руку к невестке, изобидев ее по весне, попеняв за пропажу куриц на ферме, которую Ниса свалила на Фирулёва. Сказал он ей, хотя и не зло, но сурово:

- Пошто же ты, Ниса, курей-то колхозных на удочку парня хотела поднацепить? Будто бы он их выудил у тебя? Двенадцать заместо двух? Не ты ли этими птичками нас кормила? Парня-то бы в колонию упекли. Годиков пять бы дали ему. А тебе и добро! Что же ты так позоришь-то нашу семейку?

Не ответила Ниса. Закрылась, как на засов. Теребила пальцами пуговицу на кофте. Густо краснела. И глазами водила так, что ходили они шарами. Сама, наверное, понимала, что осрамилась. Однако покаяться не могла. Мешала гордость. И поперечливый норов. И то, что никто до этого дня ни в чем никогда ей не пенял. И на тебе: получила молодка удочку с леской, да еще с двенадцатью курами на крючке!

Неладное завелось в добром доме. Будто покойник в нем поселился. Больше всех страдал, пожалуй, Иван. Не знал, куда себя и девать. Особенно после работы. И нет заделья, да находил. То столярничал на сарае. То правился в огород. А утром, после трех чашек чая из самовара, едва не с радостью отправлялся на лесосеку. В лесу ему было спокойно. Знай потёсывал топором бревно за бревном. Рядом - старательные подростки. Ни они к нему в душу не лезут, ни он к ним не пристает. Здесь, среди щепок и елок, ощущал он себя состоявшимся человеком.

ГЛАВА 3

Утренний дым над крышами - будто стая развеселившихся плясунов. Выставляются друг перед другом, норовя сплясать на одной ноге, да так, чтоб вторую ногу никто не заметил, словно ее и не было на трубе.

Великопятовы улыбнулись, увидев возле забора знакомого мерина под ярко выкрашенной дугой. В повозке с вожжами в руках - Фирулёв.

- Давай-ко, Василий, нас до конторы!

- Ыгы! - веселеет Василий. - Тамо вас ждут.

Иван Политович рассердился:

- Кто-о?

- В шляпке какой-то. Из города. Они у вас в кабинете. С Содомкиным.

- Нелегкая принесла! - ругнулся Великопятов.

У конторы остановились. Иван Политович слез с телеги.

- Вы езжайте. Я попозже до вас.

Притулившийся под крыльцом конторы разросшийся можжевельник закрыл шершавыми лапками клетку дров, на которой дремала, сложившись калачиком, толстая кошка. Иван Политович, переваливаясь, зашел на рундук, который был безобразен от свежих царапин, шерстинок, хвостиков и помета. Казалось, здесь целую ночь бесновалась нечистая сила. Иван Политович догадался: конторская Мурка играла с изловленными мышами и вот оставила эти следы.

Бухгалтер при виде Великопятова чуть заметно повеселел, кивнув голым черепом на дверь председательского кабинета, без слов давая понять, что там теперь гость. Потом он поднялся и, вытянув губы, шепнул председателю то, что нельзя говорить было вслух:

- Вчера поздно вечером позвонили покупщики бань. Сказали: приедут сегодня. На катере с баркой. Деньги при них. Просили, чтоб обеспечили лошадьми. До реки, чтоб перевезти.

- Хорошая новость! - Великопятов погладил бухгалтера по плечу.

ГЛАВА 4

Двое сидят в кабинете - Содомкин и Юдин. Бригадир не спеша, с потаённым достоинством вышел из-за стола, уступая Великопятову стул. Юдин, сидевший напротив, весело приподнялся, нырнув сухопарой ладошкой к руке председателя «Ильича». Иван Политович, подержав ладошку в своей крупной лапе, разжал широкие пальцы и недовольно спросил:

- Чего-то ты, Юдин, к нам зачастил. Позавчера был. И снова? Чего у нас позабыл?

Вместо Юдина - бригадир:

- С делом, Иван Политович. Сергей Адамыч имеет до нас кардинальный вопрос.

Великопятов на бригадира не посмотрел, но всем своим видом выразил: «Пшел!»

- А вопрос у меня такой! - Уполномоченный высветился улыбкой, и сразу ее погасил, настроив сухое, с пороховыми вкрапинками лицо на упреждающе-строгое выражение. - Соответствует ли полученная нами от вас сводка действительному положению вещей?

Великопятов прихмурился:

- На что намекаешь?

Уполномоченный объяснил:

- На занижение урожая. Не у тебя. У тебя еще надо смотреть. У твоего соседа. Знаешь Попова из «Памяти Ленина»?

- Знаю. Хозяйственник добрый.

- Так вот этот «добрый» вдвое занизил сборы зерна. Три дня его проверяли. Нашли и припрятанное зерно. Центнеров эдак под сорок. Знаешь, где сейчас этот добряк? У следователя Борзова. Дает показания.

- Да-а...- Иван Политович приказал себе быть спокойным, чтобы скрыть наползавший невесть откуда мелкий страшок. Скрыл и даже вывел взглядом непонимание:

- Ну, а я-то, Сергей Адамыч, с какого здесь боку? Хлебных припряток я не имею. Налоги плачу. Подтверди, бригадир!

Содомкин, будто его похвалили, усердно кивнул головой, передавая кивок и лицу с завиточками бакенбардов:

- Конечно, конечно. Урожай полевой и указанный в сводке - един, какой есть. Без всяких там отклонений.

- Ну и отлично! - Юдин словно бы и поверил. - По сводке, насколько мне память не изменяет, у вас с гектара в среднем выжато около тонны.

- Восемь центнеров, - поправил Великопятов.

- А я полагал, намолотите больше. Центнеров эдак 12, а то и 15. Видел ваши хлеба, как они наливались! Ну, думаю, хлебушек ваш удивит весь район!

Иван Политович внимательно посмотрел на стрижку под бокс и тончавое, с россыпью си-

них вкрапин от пороха, пожилое лицо толкача. Ничего не увидел, кроме желания разузнать о том, о чем не рассказывают открыто.

«Многого хочешь», - отметил со злостью Великопятов, вслух же сказал:

- Пусть другие вас удивляют, кто любит работать на показуху. Нам абы выжить да с вами, опекунами нашими, рассчитаться.

Юдин был снисходителен.

- Вот и договорились. Когда с обозом-то к нам?

- Домолотим остатки. Это сегодня. А к вам? К вам, всего вероятнее, - завтра.

Сергей Адамович рад.

- Итак, - он вынул из куртки карманный блокнот, шелестнул в нем и прочитал: - «Ильич» - плановая поставка, плюс штраф за сено, налоги на живность, мясо, шкуры животных, картошку и молоко, итого 18 тонн чищеного зерна.

Великопятов угрюмо:

- 18 так 18.

Юдин доволен. Без спора, без пререканий забрать с колхоза такое количество хлеба - это, что называется, результат. Тот, что устроит райком, да и все остальные службы, привыкшие получать с колхозов по осени хлеб если и не бесплатно, то за мизерные рубли, которыми можно рассчитываться не сразу.

- Ладно! - сказал он почти задушевно. Сказал с благодарностью как бы от имени вышестоящих организаций, чье поручение он выполняет и будет всегда выполнять. - Хорошо, что без лишних слов понимаем друг друга. Мы - кто? - добавил, чтоб подчеркнуть разницу между колхозниками и теми, кто выбирает для них единственно правильный путь. - Служащие системы. И управляет нами закон. Вы с нами честно. И мы - точно так же.

Великопятов ушел, сославшись на то, что дел у него под самую крышу и надо справиться с ними в этот же день. Уходя, положил ладонь бухгалтеру на плечо и, оглянувшись на дверь кабинета, сказал очень тихо:

- 18 затребовали, стратеги.

Бухгалтер вздохнул:

- Хорошо, хоть не все 64.

64 тонны зерна. Это все, что имеет колхоз с учетом того, что еще намолотят сегодня. 10 тонн из них - семена, 30 тонн - трудодни, остальное - резерв, какой можно пустить на выплаты всем немощным и увечным, кто не может работать из-за того, что стал слишком дряхл или прибыл с войны калекой.

На улице солнечно, пахнет летящими листьями и соломой. В трех шагах от забора - шляпка подсолнуха, сломанная ветром, яблочки дикой боярки, поверженные цветы - всюду борьба за непрожитый день, увядание, свет и осень.

В проулке, откуда дорога к лесу, гремнула телега. И тут же из-за разломок часовни вылетел, вымахнув гривой, мордатый, под яркой дугой тучный мерин. В вожжах - Фирулёв. Приметив Великопятова, так весь и высветился глазами:

- Иван Политович, я до вас!

Забираясь на борт телеги, Великопятов поставил ухо «на караул». Ветерок донес до него частое тявканье топоров.

- Давай-ко, Василий, до лесосеки...

Плотники, едва мерин остановился, заехав одним колесом в холодный пожог, подошли, всматриваясь в председателя, как в хозяина, которому вольно им попенять, а может, и похвалить, в зависимости от дела, с каким он сюда привернул.

Младший Великопятов, кто был за главного, хотя и старался не выделяться, бросался в глаза своей высоко посаженной головой и крупно развернутыми плечами. Обернувшись к спиленным пням, на которых белели четыре бани, сказал:

- Все успели, окромя дверей. Да и там лишь поставить брови и стомяки. Сделаем враз.

Иван Политович улыбнулся не столько тому, что сказал сейчас сын, и не ему самому, а его глазам - голубым и тихим. Было в них что-то от незабудок, выросших на меже среди пыльного пырея, глушившего их застенчивость и отраду, но они продолжали сиять наивно и простодушно, передавая всем, кто глядит на них, свой лазоревый свет.

И ребята ему понравились. Совсем ведь на плотников не похожи. Недородные, с тонкими шеями, правда, руки уже мужичьи и в глазах - взрослый опыт, словно им не 14 лет, а в два раза больше. У всех троих отцы где-то там, в неизвестных краях, где война проходила, укладывая солдат, как снопы на осеннюю жниву. Великопятов смотрел на одетых в отцовские пиджаки молоденьких древоделов с пониманием и заботой.

- Устаете?

- Не, - ответил кто-то из них, - мы - привыкшие...

- Дай-то Боже, чтоб всё было гоже. Да чтоб не скучно жилось.

Улыбнулись все трое, а самый опрятный из них, в белых онучах, переплетенных веревками до колен, так и зажегся черненькими глазами:

- Мы ведь не старые. Погулять бы. Да где эти праздники-то теперь...

Иван Политович слез с телеги, подошел к паренькам и обнял их, забрав недородные спины жердинистыми руками.

- Ничего! Мы вернем их, все наши праздники. Погуляю и я вместе с вами! Погуляет и Ваня! - Великопятов кивнул на сына, стоявшего сзади ребят с раскрасневшимися щеками. - Всю деревню поставим на веселое колесо!

Потом он отвел Ивана в сторонку.

- Приезжают покупщики бань. Увезут их плавом, на барке. А до Сухоны - на лошадках. Пошлешь за ними ребят. Постарайтесь, чтоб было тихо. Тут у нас появился чужой. С блокнотиком ходит. Всё, чем живем мы - берет на заметку.

Губы у Вани поехали, как ворота. Улыбаясь, он тихо пообещал:

- Никто не увидит...

ГЛАВА 5

Юдин, выходя из конторы, в прогоне, где буйствовала крапива, приметил корову с развилками веток на голове.

- Чего это с ней?

Содомкин весело объяснил:

- Огородница. Блудится по чужим огородам. Чтоб не блудила, вицы и привязали.

Не успели дойти до разбитой часовни, как навстречу - овца в фуфайке. Летит по улице, как слепая: ватный рукав перекрыл ей глаза. За овцой - паренек в брезентовых тапках, без кепки, в одной рубахе. Окликивает Содомкин:

- Куда, Степашка?

Степашка притормозил.

- Куда, спрашиваю, помчался?

Степашка кивнул вдоль по улице:

- За дурой своей.

- Что же ты так? - не поймет бригадир.

- Колол дрова, да спотел.

- Ну-у? - подторапливает Содомкин.

- Разделся.

- Вот оно что.

- Одёжу-то бросил на кряж.

- Та-ак?

- А это не кряж, овца оказалась. Вот и сдурела. Попробуй теперь догони...

Умчался Степашка, как ветерок.

- Россия, - сыронизировал Юдин, - сколько дел у тебя! А тратишься на пустое. Как этот вон ваш Степашка...

Содомкину дай только повод. Ругать, поносить, распекать - для него сладкий смак. Все равно что на хлеб намазывать масло.

- Вот с такими колхоз из прорухи и выводи, - заключил. - Никакой тебе дисциплины. Хаос.

Уполномоченный знал, с кем и в чем ему соглашаться. Содомкина он считал человеком своим, кого можно было порой слегка и возвысить:

- Истину глаголешь.

Содомкин взглянул на крыши домов. Над ними, словно, вывалявшись в пуху, пробиралось лохматое солнце.

- 12 часов, - определил с ходу время и повел было гостя к белевшей издали рамами окон избе - пообедать. Однако...

Под нижним посадом деревни спускалась к Сухоне брошенная дорога. По ней, считай, уже и не ездят. Но тут одна за другой шли по брошенке две... три... четыре подводы, и каждая с плотницким лесом. Теперь бригадир уже был удивлен:

- Куда это лес-то они попёрли?

И Юдину интересно:

- Давай-ко за ними...

Полчаса, не меньше, ступали они по проселку, не упуская из виду навалы бревен, досок и плах, качавшихся на телегах. Остановились шагах в сорока от реки. Чтоб никого не вспугнуть, свернули в кусты, где неслышно и затаились.

- Ага! - комментировал шепотом бригадир. - Это Ванька Великопятов, председателев сын. А с ним - тоже наши. Да, да, подмостовинские подстрелята. А кто на барке? Не знаю. Видно, со стороны. Чужаки. Теперь я, кажется, понимаю. Это бани. Видел еще их вечёр. Стояли по-за деревней, в колхозном лесу. Теперь они здесь. Продали, значит. Кому? Гляди-ко, гляди...

По трапу с катера, свистя бродовыми сапогами, спустились трое. Первый из них, в черном кителе, подошел к Ивану. С деньгами. Передал их. И сразу все, кто там был, занялись перегрузкой. Барка стояла у берега, потому и бревна переносили, сразу укладывая на борт.

Растопырив плащ, Юдин порылся в карманах, достав из вельветки блокнот и химический карандаш. Стал строчить - быстро-быстро, как военный корреспондент.

- Это чего? - покосился Содомкин.

- На всякий случай.

- Не для статейки ли в нашу газету?

- Можно и для статейки. Но прежде - для наших товарищей из райкома. Чтоб знали жизнь на деревне не только с фасадной, но и с изнаночной стороны.

- А это... Это... не повредит?

- Тебе - нет, - улыбнулся Юдин, - а тем, кто тайком продает эти бревна - как пить дать. А чего ты вдруг спрашиваешь? Расхитителей, может, жалко?

- Жалко не расхитителей. Жалко леса.

- Вот то-то, - пристроив блокнот у себя на колене, Юдин записывал торопливо, словно кто ему диктовал и надо успеть.

- Да-а, - поднахмурился бригадир, - на Ваньку бы не подумал. Наверно, с ведома самого.

- Великопятова?

- Да. Нашего хромыляги.

- Ловкий товарищ! - Юдин достал перочинный ножичек, подвострив им химический карандаш. - Такие навары берет, поди, не впервой. И сын работает на него. Удобно устроились.

- Шайка-лейка! - по лицу Содомкина пробежало волнение. - И не знает никто.

- Завтра узнают! Вот только свезем отсюда ваш хлеб, тут и встречусь я с Первым. С тобой-то он как?

- Кто-о?

- Да хромыляга-то ваш, как ты его величаешь. Не делился случайно?

Насторожился Содомкин.

- Чем это мог он со мною делиться?

- Деньгами!

- Сергей Адамыч! За кого ты меня принимаешь?

- Верю! Верю! - Юдин похлопал Содомкина по лопатке. - Чист и порядочен! Одно вот только меня удивляет: почему тут у вас председателем он, а не ты?

Поворот в разговоре вывел Содомкина на раздумье. Вспомнилось, как он тихо и незаметно вернулся с войны. Великопятова, даже безногого, встретили всей деревней. Его же приезд никто не заметил. Словно приехал он не с войны, а из очень глубокого тыла, где отсиживался, как трус. И это его удручило. Но больше всего ущемило Содомкина то, что Иван Политович снова, как и в тридцатые годы, стал во главе «Ильича». А мог бы стать во главе и Содомкин. Как-никак, и он эту школу прошел. Сразу же, как Ивана Политовича забрали, его и поставили у руля. Председательствовал, считай, до 42-го. Так что могли бы на эту должность поуговаривать и его. Подобной чести Иван Никонорович не отведал и в глубине души считал себя обойденным. И с нетерпением ждал. Ждал, когда председатель проявит неосторожность. Такую неосторожность Иван Политович допустил в 33-м году. Мог допустить ее и сейчас. И, пожалуй, уже допустил. Вон как он с банями прокололся. Попал под химический карандаш. Попал, как алчущий расхититель. Нюх у Сергея Адамовича на тех, кто закон поворачивает, как дышло, безошибочен, остр и чуток. Время у Юдина есть. Пробудет в колхозе весь день. Да и завтра уедет не спозаранку. Нашел криминал в продаваемых банях. Найдет его и в другом. И Содомкин, зная, что это другое можно найти даже там, где его не бывает, поспособствует поиску, как никто.

День тускнел. И все-таки оставался покуда веселым, с белыми стайками туч над осенней рекой, которые отдыхали, радуясь скучной погоде и тишине. В тишине проехали на пустых телегах изготовители бань. Протарахтел, буксируя барку с банями, бодрый катер. Пролетела седая ворона, потеряв на лету перо из хвоста, отчего оно, покачавшись кругами, уселось Юдину в выемочку на шляпе.

Положив в карман блокнот и химический карандаш, Сергей Адамович вышел к дороге через кусты.

- Теперь можно и пообедать, - он улыбался, располагая к улыбке и бригадира.

Поковырявшись в кармане, Юдин достал из него пластмассовый портсигар. Закурил папиросу. И Содомкин с ним закурил. На душе у обеих расслабленно, как накануне победы, какую они собираются выиграть без потерь.

Юдин предвкушал встречу с Первым. Он, как наяву, видел плавный кивок его головы и жест, с каким, выделяя Юдина, тот позволит ему поздороваться с ним за ручку.

Юдин был вхож к партийным авторитетам. Там, в их кругу, мог иногда и спорщиком проявиться. Но спорщиком мудрым, не бравшим верх в спорах лишь потому, что кого-то этим он мог обидеть. Для райкома он был полезен, само собою, не этим, а тем, что ездил в командировки. Работа была у него непростой. Выбивать из колхозов

хлеб. Заодно и налоги с колхозников. И все остальное, что было связано с проводимой политикой на селе.

В этот день примелькался Сергей Адамович всем и всюду. То он ходит с Содомкиным по деревне. То сидит в колхозной конторе. То заглядывает на ток. Со всеми он и учтив, и вежлив, и разлюбезен. Несмотря на это, многие держатся с ним осторожно. Было в нем нечто такое, что заставляло думать о нем как о каком-нибудь иностранце, чьи слова, право, до приторности приятны, а намерения - ловко скрываемы и темны.

Великопятова он замучил вопросами насчет завтрашнего обоза. Иван Политович устал от вопросов. В конце концов, он не выдержал и сказал ему откровенно:

- Мешаешь всем! А мне - боле всех! Был бы райкомом не защищен - я бы с тобой разговаривал по-другому.

Возмущаться уполномоченному нельзя. Надо вести себя аккуратно. Хлеб-то еще не вывезен из колхоза. Конный поезд, который завтра отправится в город с зерном, - это и есть то самое, ради чего Юдин терпит здесь всех и всё.

Вечером, находясь у Содомкина, Юдин узнал от него:

- Есть у нас тут амбар. Незаметный такой. Но большой. И хлебушек в нем, кроме того, кой проходит по документам, и этот самый - непроходной. Никем из районных органов не учтен.

- Ты об этом пока никому, - предупредил бригадира Юдин.- Возьмем с поличным. Это я беру на себя. Теперь ваш Иван Политович - здесь!

Содомкин увидел, как Юдин сжал в кулачок тощие пальцы. Лицо бригадира омыло волнением. Не кулачок он видел перед собой, а капкан, в который вот-вот попадется Великопятов.

ГЛАВА 6

Зерно выносили из двух амбаров. Грузили его на телеги. 20 телег. Столько же и коней вывели из конюшни.

В вожжах - опоясанные ремнями озабоченные подростки. На передней повозке - сын председателя, 25-летний Ваня Великопятов, непробиваемо безучастный, с тем выражением на лице, с каким отправляется на работу военнопленный.

Юдин сидел на последней телеге. Перед тем как отправиться в путь, Содомкин, таясь, чтобы кто не заметил, пробрался к нему, показав на прикрытый кустами старый амбар:

- Вон она, неучтёночка наша. Затерялась среди мешков, которые на учете. Не украдена, а чужая.

- Будет наоборот, - вымолвил Юдин, чувствуя, как губы его сами собой складываются в улыбочку.

ГЛАВА 7

Великопятов к амбарам не выходил. Сидел в конторе. Смотрел из окна на обоз, как тот, белея нагруженными мешками, потянулся к большой дороге. По этой дороге должна возвратиться из города продавщица, кому Иван Политович заказал закупить в торговой сети 60 подарков, ровно столько, сколько колхозников в Подмостовье. Уехал с ней и бухгалтер Жучков. Деньги на эти подарки заработаны были на рыбе и банях.

В голове у Ивана Политовича - как в поле, по-осеннему грустно и широко. В то же время и многодумно. Одна дума складывалась с другой. Допоздна засиделся Великопятов. Счетовода домой отпустил. Сам остался. Сидел и сидел. С цифрами на обкатанных косточках счет. С цифрами на тетрадном листке. С цифрами в голове. Цифры, как думы, вели его к одному - по-человечески надо жить! Всем! Чтоб нужда навсегда ушла из деревни. И люди себя почувствовали людьми.

Потом он встал. Дунул в лампу. Окунулся в густую конторскую темноту. Выбрался на крыльцо. Стоял на крыльце и слушал, как подлизывается к нему, царапая его деревянные ноги, конторская кошка. Зашуршало в траве. И кошка - как не бывало ее - шмыгнула с крыльца в можжевельник, где и застыла, чутко настроившись на охоту.

Сумерки. Серое небо. Вспыхнувшие огни. От надречного ельника крался к конторе синеющий вечер - тихий-тихий, точно ушедший в воспоминание молодости своей, когда и дома, и люди в деревне были другие.

Издалека по траве побежало волглое ржанье, вслед за ним и поющие скрипы колес. Возвращался обоз. Было слышно, как направился он к камням, где стояла, выставя в небо свои вытяжные трубы, бревенчатая конюшня. Возчиков было не видно сквозь сутемки, лишь выблески дуг и ремней мелькнули.

Тут и бухгалтер Жучков. Выплыл из темноты, как из глубокого омута, где пугает. Пожал председателю руку. Коротко отчитался:

- Иван Политыч! Купили согласно списку. В клубе и разгрузились. Анну Васильевну я домой отпустил. Сам - сюда. Может, чего-нибудь надо, дак я...

- Спасибо, Илюша! Поди, отдыхай... Завтра у нас с тобой жаркий денечек. А послезавтра...

- Жарче, чем жаркий, - продолжил Жучков, - зато расприятный. Когда это было, чтоб выдавали колхознику хлеб без урезу, ровно столько, сколько он заработал?!

- По 500 граммов на трудодень! - Иван Политович усмехнулся. - Эта цифра для тех, кто для нас запланировал жизнь по лагерному режиму. А мы возьмем и выдадим вдвое боле! И знать об этом наши стратеги не будут. Как с документами-то у нас? Ищейка нос туда не совала?

- Совала! - даже в потемках чувствовалось, как по лицу бухгалтера проскользнула насмешливая улыбка. - Всё обошлось. Ничего не нашла...

Ушел бухгалтер так же неслышно, как и пришел, скрывшись в омуте переулков.

Вечер словно куда-то сместился. И вот уже ночь. Была она молчаливой и смирной, в то же время и чуткой, как лошадь, стоящая в деннике. Казалось, она молилась среди тишины о продолжении тишины, в которой себя ощущала по-женски застенчивой и счастливой.

Иван Политович улыбнулся. Было ему хорошо. Все-таки он у себя. На родине. Дома. А дом этот был для него на всех дорогах и улицах Подмостовья, во всех пятистенках и избах, где отдыхали сейчас его люди. Был он и в верхнем краю деревни, где средь обычных амбаров стоял один необычный. Ввиду его ветхости и того, что над ним распростерли хвойные лапы две старые ели, был он почти не заметен.

Амбар был выстроен из часовни, поставленной в честь отчаянных жителей Подмостовья. Три с лишним века назад, как и многие русские веси, деревня была захвачена шайкой польских головорезов.

Что же было тогда? Да, наверное, то же самое, что и всюду...

Кто-то прячется. Кто-то плачет. Чья-то отрубленная рука. Тут и там громкий визг убегающих женщин. Повязанные мужья. Рядом же, около обречённых, где двор или уличная дорога, становище нечестивцев, тех, кто после разбоя устал и готов отдохнуть. Для них уже вынесен стол. И костер разожжен, на котором жарится мясо. Кто-то несет на плече бочонок с вином.

Это вечером, перед тем как упасть на чужую кровать и, обняв полонянку, проснуться на светлой заре, чтоб опять повторить то, что было вчера.

Ночь, однако, готова посеять не только грешное наслаждение, но и яростную расплату. Все зависело от мужчин, которых связать не успели. Для чего они спрятались? Для того, чтоб остаться в живых и, собравшись в ночи, пораскинуть мозгами между собой и пойти по домам. По своим домам и домам товарищей и соседей, кто сейчас умирает, кто связан и кто уже не живет.

И вот они вышли. Кто с топором. Кто с ножом. А кто-то еще и с секирой. Секира одна. Взята из рук в стельку пьяного лиходея, заснувшего вместе с ней у полуночного костра.

Как задумано, так и вышло. Никто из польских головорезов не ушел от праведного суда.

Говорят, та ночь была очень темной. Такой же темной, как и сегодня...

Великопятов повел головой в сторону верхнего края деревни. Негромко сказал:

- Верх взяла справедливость. Это тогда. А теперь? И теперь она будет сверху. Иначе зачем нам и жить на земле...

ГЛАВА 8

Ночью, уже засыпая, Иван Политович увидел картину раздачи колхозникам хлеба на трудодни. Кладовщик Гриша Котов, со скоростью торопыги, умевшем сразу вести десять дел, знай шуршит полами плаща. То он ставит мешок на весы. То что-то записывает в тетрадку. То кричит на ребят, чтобы те забирали зерно и немедленно отъезжали. Беспорядка у Гриши нет. И очереди не видно. Лошадь за лошадью подъезжают с телегами так, чтоб грузить на них можно было с порога.

Каждому возчику Гриша считывает с тетрадки:

- Это вези к Фирулёвым!

- Это - к Смирновым!..

На трудодень выходило по килограмму зерна. Жить будет можно. Как в пословице: прожито много до нас, а и нам жить не меньше. Именно жить, а не дни проживать.

Ах, какая веселая радость гуляла в глазах хозяек при виде того, как подростки несли к

их крыльцу тугие мешки! Как будто вместе с мешками входила в их дом сытая жизнь.

С развозкой зерна управились быстро. Возчики были довольны. Горящие румянцем юные лица, медленная походка, с какой возвращались они к лошадям, то, как садились они на телеги, брали вожжи и чинно ехали по деревне, - все показывало приподнятое настроение молодежи, готовность быть полезными для односельчан. Когда на твоих глазах устраивается добро, всем становится веселее.

Великопятов моргнул. Картина, какую сейчас он увидел, была реальной. Так всё и будет. Надо вот только дожить. Дожить всего лишь до послезавтра.

ГЛАВА 9

Заиграла гармонь, разметав по улице озорные аккорды. Играл Гриша Котов. Теперь он не в старом пляще и не в кепке с продавленной тульей, а с дерзким чубом из-под пилотки, в нагуталиненных сапогах и в кожаной куртке, в нагрудном кармане которой желтел, оробело сияя, цветок куль-бабы.

На клубном крыльце - самодеятельные артистки - избачка и две подруги ее в зашнурованных до колен высоких ботинках, в кофточках с кружевами и тонких платочках на голове. Уловив говорок гармошки, они подмигнули друг дружке и вдруг пропели:

Мы идем в единой воле
Все по ленинской тропе.
Наши девки в комсомоле,
Наши бабы в Ве-Ка-Пе!

Пропели - и шмыг в раскрытую дверь. Вслед за ними - и гармонист.

К клубу подтягивался народ. Одеты в самое лучшее. Кто в пахнущие комодами малоношеные жакеты. Кто в пальто с бобровым воротником. Кто в шинель с двумя рядами блестящих пуговиц на груди.

Зал с портретом Ленина на стене, где расставлены скамьи, медленно заполнялся. Все глядели на сцену. Сдвоенный стол, а на нем самовар, деревянный ушат, ковш и белый выводок чайных чашек. За столом - председатель Великопятов, бухгалтер Жучков и участник двух войн Федор Федорович Насадкин.

Поднялся Великопятов. Речь его была коротка:

- Родные мои! Поздравляю вас с нашим праздником! Долго мы к нему шли. Жалею лишь об одном - не все, кто бы мог сидеть ныне с нами, находятся здесь. Виновата война. Кого-то она повалила на поле боя. Кого-то угробила тут. Несмотря ни на что, мы, живые, будем помнить всегда о мертвых. Все мы прошли проклятое испытание. Четыре года не знали ни праздников, ни выходных. Потому сегодня мы с вами и собрались, чтоб сказать громко вслух: да здравствует жизнь! Пусть она будет с нами! Всегда!

Едва председатель закончил, как место его занял бухгалтер Жучков. Высокий, с гладко выбритой головой, в офицерском мундире, похожий на незнакомого генерала, приехавшего только что из Москвы, он помахал листиками бумаги и объявил:

- Прошу всех, кого назову, выходить сюда, где я буду вручать подарки. Итак, вызываю доярку Татьяну Васильевну Воробьеву!

Из-за спины бухгалтера высверкнула гармонь. В зал метнулась мелодия. И хотя слов в ней не было, все услышали:

Ах вы, сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые, решетчатые!

Вместе с мехами гармошки пылал, пламенея бордовой рубахой, и Гриша Котов, улыбавшийся так азартно, словно себя предлагал в женихи.

Растерялась доярка. Даже платок съехал с ее головы, блеснувшей шпильками и гребенкой.

Бухгалтер - веселым голосом:

- Сюда, Татьяна Васильевна! Не робей! Вручаю отрез на платье!

Подошла Воробьева, маленькая, в жакетке. Вспыхнувшая, как мак, гладит сверток ладошками, хочет что-то сказать, но забыла слова. И тут поворачивается Насадкин. Наливает из самовара в белую чашку. Протягивает ее, требуя ласковым басом:

- Осуши за хорошую жизнь!

Потом, нырнув ковшом в деревянный ушат, протягивает доярке Насадкин и пиво, отпуская следом за ним озорной каламбур:

- Наша Татьяна всего лишь румяна!
Валяй-ко запей, абы стать красивей!

В зале движение, шорохи ног, улыбки и сдавленный смех.

Доярка усаживается на место. Бухгалтер же, положив на список уверенный палец, выкликивает из зала:

- Дмитрий Субботин! Вручаем рыбацкие сапоги!..

60 колхозников и колхозниц. 60 раз и вызовет их бухгалтер, поднимая под звонкий перебор гармоники одного за другим к столу, где вручаются полушалки, отрезы, рубахи и сапоги, а потом наливаетсчя самогонка и, как уточка, подплывает к губам приглашенного пенный ковшик.

Торжество было полным. И вдруг...

Бухгалтер прочел:

- Иван Политович Великопятов! Вручаются ноги!

Зал так и ахнул, а председатель нешуточно растерялся. Чего-чего, а такого не ожидал. Бухгалтер вручил ему протезы! Вручая, сказал:

- Товарищи колхозники, этот подарок преподношу нашему дорогому Ивану Политовичу как сюрприз! Он не знал о нем до этой минуты. Передаю ему его ноги от имени вас. Думаю, вы не против?

Зал забил ладонями, засмеялся, кто-то с рокотом в голосе:

- Ивану Политовичу ура!

- Ура!!! - подхватило все общество, да так горячо и шумно, что занавески на окнах зашевелились, словно их открывала чья-то взволнованная рука.

Иван Политович встал с подарком и, смущаясь, прошел за сцену, где был маленький закуток. Возвратился оттуда минут через пять.

Зал онемел. Это было невероятно. Иван Политович и на своих-то коротеньких деревяшках был ростом с матерого мужика. А тут поднялся в такую высь, что кого с ним рядом ни поставь, любой будет выглядеть как подросток...

Потом, после этого вечера, будет много взволнованных разговоров, и больше всего впечатлил народ председатель Великопятов, на глазах у всех превратившийся в великана, одного из тех, какими когда-то славилась Русь. Да и теперь будет славиться - до тех пор, пока Иван Политович будет с нею.

ГЛАВА 10

Получил на этом празднике свой подарок и бригадир, приняв из рук бухгалтера аккуратно свернутую рубаху. Выпил, как полагается, чашечку первача. Выпил и пива. И хотя на душе у Содомкина выли волки, постарался собрать губами нечто похожее на улыбку. С улыбкой взошел на сцену. С улыбкой спустился в зал. И вскоре, никем не замеченный, вышел из клуба.

В контору! Туда, где не было никого. Нашарил над дверью выемку, достав оттуда спрятанный ключ. Открыв замок, устремился к настенному телефону. Дозвонился до Юдина. Сообщил ему:

- У нас тут в клубе Великопятов устроил артельную пьянь. Самогонка, пиво, подарки, гармоника. Скоро, поди-ко, и пляска будет! Совсем с резьбы соскочил председатель. Надо меры какие-то принимать.

- Примем, - ответил Юдин.

Опуская трубку в гнездо аппарата, Содомкин дал волю чувствам, отправив в конторскую пустоту сорвавшееся с души:

- Будет и на моей улице праздник!..

ГЛАВА 11

- Иван Политович! - на пороге конторы - растерянный Фирулёв. Острые плечики вздернуты, брови углом, и голос панический, будто где-то горит и он зовет на пожар. - Приехали из района! Требуют к ним! Я не хотел, я не думал вас звать, да бригадир заорал: «Живо в контору! Чтоб председатель был тут!»

Великопятов направился к двери. И Жучков хотел, было с ним, да председатель остановил:

- Сам разберусь! А ты давай с трудоднями. Подгоняй под расчет. С обеда чтоб и раздать...

У коновязи - соловая, в гладком теле, приземистая кобылка. Едва председатель бухнулся на телегу, как она простригла ушами и побежала, весело помахивая светлым хвостом.

Пасмурно. Низкие облака. Изредка проплывают взъерошенные снежинки.

У амбаров - повозки, лошади. Вон кто-то толстый от полушубка. Великопятов еле признал в нем кладовщика, одетого так, как будто уже зима и навалились большие морозы. Подальше, за коновязью, в пальто и шапке, надвинутой на глаза, бригадир. Жестикулируя папироской, что-то показывает приезжим. Кто

они? Юдина узнал по брезентовому плащу и шляпе с маленькими полями. Узнал и главного милиционера района. Бородяев был в долгополой шинели с погонами капитана. На шинели с левого бока - желтая кобура. Остальных нечего было и узнавать. Сколько их? Вроде, шесть человек. Все в бушлатах и шапках с искусственным мехом. Сидят на телегах. Рядом посверкивают стволы. Оперативная группа, догадался Великопятов.

- Зачем пожаловали? - спросил он, слезая с телеги.

Бригадир тут как тут. Как дирижер предстоящего разговора.

- А кто здороваться будет? - поддел он как бы шутя, но, в то же время и строго. Определенно, Содомкин был подготовлен к чему-то такому, что должно для кого-то кончиться чем-то хорошим, а для кого-то, кажется, и плохим. «Уже и роли здесь розданы, как в спектакле», - отметил Великопятов.

Амбар, возле которого громоздились телеги и кони, был, вместительным, с мощной, как боевая секира, петлей, в которой сидел двухфунтовый замок. Здесь зерно. И то, что на трудодни. И то, что на семена. И то, что на всякий критический случай.

На ступеньке амбара - расстроенный Гриша Котов. Гонял из угла в угол губ потухшую папиросу.

- Иван Политович! Велят амбар отворять.

- Это кто так велит? - Великопятов, ступая к амбару, увидел, что нет к нему и прохода. Лошади, дуги, телеги. Раздвинув пошире пальцы, Иван Политович поднял руку, сдвигая лошадь так грубо, что та попятилась, выворачиваясь в оглоблях.

Тут же выросли перед ним Бородяев и Юдин. Улыбаются, а глаза под бровями, будто пещерки, из которых выглядывают зверьки. Заговорили попеременно. Сначала - Юдин. Потом - Бородяев.

- Поступили сведения о припрятанном хлебе.

- Этот припрятанный мы забираем.

- Рекомендовано взять его в том объеме, в каком был выполнен план поставки.

- То есть с вас должны получить не менее 18 тонн.

- Лошадей у нас пять. Недостающими обеспечите вы.

- Для этого нам потребуется еще 15 повозок.

- Всё! Прикажи ему, - Бородяев, качнув погоном, пренебрежительно показал на застывшего перед ним упертого Гришу, - пусть откроет!

Котов в своем полушубке, застегнутом на две спицы, стоял, присогнув колено, и весь его вид заявлял: «Никому не открою!»

«Твердый парень!» - сказал про себя председатель. И поугрюмел, подумав о человеке, наведшем незванцев на хлебный амбар. «Навел ведь на самое-самое. Нашу надёжу. Прямо, в серёдышку сердца. Кто эта гнида? Где она? Неужто средь нас?»

- Дай-ко сюда! - Великопятов забрал у Котова ключ. Сунул его под пальто, в исподний карман парусиновой куртки, где будет ему сохраннее, чем у Гриши.

- Хлебушка захотели? - сказал, рассматривая гостей с убывающим долготерпением. - А не слишком ли велик у вас аппетит? Позавчера увезли конный поезд. Мало? Еще давайте! Хотите, чтоб был у нас новый голод? Убейте меня, а не дам я вам хлеба!

- Ездят и ездят! - послышалось в стороне, от ольховых кустов, где стояла, теснясь, стайка только что приспешивших сюда подростков и баб.

- Пустое глаголешь, Иван Политович! - Юдин подправил шляпу. Лицо его, взятое пороховыми пометками, было уверенным и спокойным. Уполномоченный чувствовал за собой основательную поддержку. Поддержку не только в лице Бородяева вместе с его милицейским отрядом, но и в лице райкома с первым секретарем, с которым он имел честь встретиться с глазу на глаз.

Услышав от Юдина о делах, творящихся в Подмостовье, где всплывала неузаконенная продажа на сторону бань, подделка бухгалтерских документов, припрятанный хлеб и даже артельное гульбище, какое затеял Великопятов с подарками, пивом и самогонкой, Зародин так и вскипел, отчаянно негодуя:

- И это в год великой Победы?! В тяжелое время, когда страна оправляется от полученных ран! Когда разруха кругом?! Когда не хватает продуктов, одежды, обуви, хлеба?! Да кто он такой этот Великопятов? Да как он так мог?

- Потому и мог, - подсказал Зародину Юдин, - что у него уже опыт. Восемь лет отбывал в лагерях. За разбазаривание семенного фонда. У него это пройденный путь.

- Восемь лет, говоришь? - задумался секретарь.

- Восемь.

- Так пусть эти восемь он повторит. По второму заходу. Уж я постараюсь, обезопасить жителей Подмостовья от присутствия рядом с ними этого пахана! Кого предлагаешь вместо него? Есть кто-нибудь у тебя на примете?

Юдин с готовностью:

- Бригадир Содомкин. Иван Никонорович. Достойнейший человек. Когда-то он был председателем того же самого «Ильича». Лучшей кандидатуры нам не найти.

- Ладно, Юдин. Не возражаю. Проводите собрание. Выбирайте нужного человека...

- А этого-то куда? Великопятова?

- Отдаем Бородяеву. Пускай арестовывает. Я ему позвоню. А тебе, чтобы не было там осложнений, предписание оформляю. Выезжайте немедленно. Наводите порядок. Никаких снисхождений к расхитителям и ворам! Забирайте всё, что они утаили от государства. В первую очередь хлеб...

Великопятов для Юдина в эту минуту был конченым человеком, чьи часы пребывания на свободе уже сочтены. Сосчитал их не только он, но, кажется, и Содомкин.

Юдин поднял глаза на тяжелое, крупной лепки лицо председателя, с которого, как с булыги, стекала тревожная бледность.

- Ключ от амбара! Ну-у?! - не сказал, а скомандовал он, протянув к нему руку.

Великопятов не среагировал. Зато среагировал бригадир:

- Он упрямый у нас. Не отдаст. Гордость не позволяет. Правильно, я рассуждаю? - Содомкин так и влез глазами в Великопятова, подбивая его на гаденький разговор.

Иван Политович удивленно:

- Чего это ты, Содомкин, завылезал? Как жук из калыжки?

От куривших шагах в десяти мужиков, подошедших только что из деревни, полетел, сверкая искорками, окурок.

- Это же сучка.

- Сучка? - не понял Великопятов.

И опять полетел окурок, попадая Содомкину на сапог.

- Это он посадил у нас звеньевого! Из-за него мы остались без сенов!

Великопятов обмерил Содомкина властным взглядом:

- Ты-ы?

Усмехнулся Содомкин, сказав, как сплюнув с губы подсолнечную скорлупку.

- Не тебе меня спрашивать, пень безногий!

Возникла неловкая тишина. Это была не брань. И даже не оскорбление. Это был наступательный, не смущающийся ничем, точно рассчитанный вызов. Вызов того, кто стремился к колхозной власти, тому, кто имел ее, но уже упускал.

- Довольно! - сунулся Бородяев. Был он грузен, широк и уверен в себе. Вспомнил, видимо, что по должности он тот самый и есть, от кого зависит здешняя дисциплина. - Мы сюда не митинги приехали слушать! - Капитан повернулся к уполномоченному, видя, что тот готов прочитать райкомовский документ. - Читайте, Сергей Адамович!

В руках у Юдина глянцевая бумага. Поднес ее ближе к глазам.

«Обязать председателя колхоза «Ильич» гражданина Великопятова, - заговорила бумага баритоном райкомовского посланца, - сдать в обязательном порядке припрятанное зерно, считая его собственностью государства. В случае неповиновения принять строжайшие меры. Хлеб перевезти в закрома района. Выявить на наличие и другие неучтенные заготовительной службой сельхозпродукты. С бухгалтера взять подписку о невыезде. Председателя доставить под конвоем в милицейское отделение.

Секретарь райкома партии А. Зародин».

Уполномоченный был доволен эффектом, который произвела на Ивана Политовича бумага. Глаза его излучали торжественность, дескать, попался, Великопятов, теперь не отвертишься, будешь прощенье просить, но - увы! - помочь и могли бы, да не поможем. Рукава на его плаще слегка протрещали, пока он протягивал руки, чтобы отдать председателю бумагу и карандаш.

- На вот тебе. Распишись, что согласен.

Великопятов брезгливо, как мертвую мышку, забрал у Юдина глянцевый лист. Карандаш же оставил в протянутых пальцах.

- С чем это я согласен? - спросил, понижая голос. - С тем, что хотите наш хлеб захапать? А меня, как злодея, в энкэвэдэшную камеру на расправу? А вот этого не хотите?

Стоявшие в стороне колхозники даже на цыпочки поднялись, чтобы увидеть, как председатель распоряжается с райкомовским предписанием. Смяв его в кулаке, он разжал его, тут же стряхнув расплющившийся комочек. Тот

упал куда-то в отаву, где на него немедленно наступил тяжелый протез.

Юдин так весь и вытянулся шестом. Лицо его побелело, а голос набрал волевую нотку, с какой способнее было нагнать на ослушника холод и страх:

- Пропал ты, Великопятов! За это знаешь, что тебе будет?

- 58-я статья, - сказал вслед за Юдиным Бородяев. - Самое малое 10 лет.

- 10 лет? - усмехнулся Великопятов.

Капитан показал председателю на ближайшую из подвод, где сидели его конвоиры.

- Сам пойдешь? Или, может, помочь?

Тут и Содомкин - как ниоткуда:

- Он у нас сам не умеет.

Колхозники с ненавистью взглянули на бригадира. Великопятов же, сделав шаг, угрюмо остановился. Стало ясно ему, что его заберут. Увезут и хлеб из амбара. А как же колхозники? Сегодня ж они получают на трудодни? Неужто раздача хлеба не состоится? Как же быть-то теперь? От ввалившихся дум в голове председателя было тесно. В думах, как на ветрах, стояли избы и пятистенки. Оттуда всматривались в него жители Подмостовья. Всматривались с надеждой, как на заступника своего, который знает, как защитить колхозников от разора. Иван Политович понимал: надо на что-то решиться. Сделать нечто из ряда вон. Сделать так, чтоб его никуда отсюда не увезли, а хлеб, какой был в амбаре, весь бы тут до последнего зернышка и остался. «Ну же, Иван Политович?!» - подторопил себя председатель.

У амбара движение. Это рассерженный Котов. Отталкивая кого-то из конвоиров с подмостья амбара, он спрыгивает на землю, и вот уже вспыльчиво повернулся, чтобы пуститься куда-то бегом.

- Иван Политыч! Я в два момента! Всю деревню сюда соберу!

- Не надо деревни! - остановил его председатель. - Я сам...

- Правильно! - тут же вмешался подхватистый Юдин. Уполномоченный, словно ловил настроение председателя, угодившего в перехлест двух столкнувшихся сил, когда одна отбирает, другая не отдает. Он даже начал Ивана Политовича хвалить. - Молодец, что во время осознал свое положение. Принимай то, что есть. Ключ вот только отдай. Не упорствуй. Тебе он больше не пригодится. Все равно ведь амбара из камеры не откроешь.

Великопятов не стал себя тратить на перебранку. Пошагал встречь телеге, где конвоиры. Перед ним - Содомкин и Юдин. Позади - Бородяев.

И опять со своими расспросами Юдин. Но теперь не к Ивану Политовичу, который вдруг стал для него ни на что уже не пригодным. Теперь он - к Содомкину, будто тот уже председатель:

- Как у нас с лошадьми?

- Все в порядке. Конюху я наказал. Выделит, сколько надо.

- Надо пятнадцать!

- Да хоть шестнадцать! - готов бригадир.

- Ну, а с амбаром чего? Как тут у вас, когда ключ теряется, то чего? Дверь-то эту? Чем открываете?

Рассмеялся Содомкин:

- Да топором! Вон дровишечки, - кивнул на приткнувшуюся к амбару клетку поленьев. - Там и лежит. Сейчас принесу.

Заторопился Содомкин, бочком пролезая между лошадью и телегой, чтоб принести к амбару требуемый топор. И застрял.

Председательская рука была расторопной. Потянула к себе темное, с бахромой пальто. Потянула с ним вместе и бригадира, ноги которого взрыли землю, и Содомкин, падая, испугался. А испугавшись, вспомнил милицию и, словно жалуясь ей, прокричал:

- Он же убьет меня! Что вы стоите?!

Бородяев схватился за кобуру. Расстегивая ее, скомандовал конвоирам:

- Быстро-быстро сюда-а!

От телег тяжело затопали сапоги. Замелькали и шапки. И бушлаты замельтешили. Впереди же бушлатов - руки, так резво рванувшиеся вперед, что бойцы от них, показалось Ивану Политовичу, отстали.

«Меня еще надо взять!» - подумал он с гневом и, перевесив тяжелое тело, отправил следом за ним и длинный протез.

Бородяев смутился, увидев нависшего где-то над ним рассерженного великана. Рука с заряженным пистолетом ловко вывела полукруг. И только б нажать на курок - да предплечье перетянуло жесткими, сильными пальцами. Бородяев, спасая руку, выпустил пистолет. Великопятов поймал его на лету.

- Тормози! - приказал конвоирам, отсылая их взмахом оружия за телеги.

Под стволом пистолета, который качался в воздухе, ничего, кроме смерти, не обещая,

Бородяев выморозился лицом, Юдин же поднял руки. Где-то рядом вставал разобидевшийся Содомкин. Колхозники, как раскрыли рты, так с раскрытыми и стоят, не смея даже пошевелиться.

Иван Политович знал, что времени нет у него. Есть лишь короткая передышка, какая бывает у смертника перед тем, как выйти на эшафот.

- Прекрати, - неуверенно вымолвил Бородяев.

- Кто-о? - Иван Политович спрашивал сразу обоих. - Кто навел вас на наш амбар?

Ничего не сказали ни Юдин, ни Бородяев. И хотели сказать, но языки им не подчинились. Зато подчинились глаза. Скосившись, они очень точно моргнули на бригадира. Содомкин встретился с их глазами. Понял свою обреченность и с визгом в голосе, как свинья, когда ее режут:

- О-он! Сергей Адамович! Это он заставил меня...

Великопятов, не целясь, нажал на стальную собачку.

Содомкин сломался в коленях и не упал, а присел, бочком укладываясь на землю.

- Палач, - услышал Великопятов. Понял, что это сказал Бородяев. Повернулся к нему:

- Чья теперь очередь?

Бородяев отпрянул, а Юдин, почувствовав смерть, услышал, как на его голове зашевелилась прическа, приподнимаясь так высоко, что на ней покачнулась шляпа, сваливаясь сама по себе куда-то под сапоги. И язык неожиданно оживился:

- Я тут, не я. Это райком. Товарищ Зародин...

Великопятов презрительно усмехнулся:

- Ну и компания собралась. Один - наводчик. Второй - иуда. Третьего даже не знаю, как и назвать. Наверное, жертва неправильного режима...

Иван Политович показал Бородяеву пистолет:

- Сколько их там у тебя?

- Было два, - сказал деревянным голосом Бородяев, - остался один.

Великопятов увидел, как с двух сторон, низко пригнувшись, прячась среди лошадей и телег, сходились с винтовками конвоиры. Посмотрев на своих обидчиков, он сказал:

- Надо бы вас всех троих одной пулей. Ну да чего теперь. Считайте, не вам повезло, а мне, - и, подняв пистолет, приставил его к виску.

Выстрела он не услышал. Покачнувшись, как пьяный, он пластом упал на телегу, которая треснула и под дикое ржанье коня поскакала по мелким ныркам бездорожья. Великопятов перевернулся несколько раз, скатываясь по комьям земли к одному из амбаров, где лежал скрючившийся Содомкин.

Визг колес, храп и топот подков. Сколько было коней, все, как бешеные, рванулись в сторону от амбаров, где стоял запах крови, к которому не привыкают не только люди, но и крестьянские лошади, не умевшие быть спокойными возле смерти.

Бородяев, пиная полы шинели, бросился на колени. Стал разжимать у мертвого председателя пальцы, в которых был зажат пистолет. Но пальцы держали оружие крепкой хваткой. Капитан чертыхнулся. Проблеснув звездочкой на фуражке, поднялся и побежал догонять лошадей. Вслед за ним, подобрав с земли шляпу, заторопился и Юдин. Рука его с химическим карандашом вычерчивала зигзаги, точно рисуя в воздухе ту трагическую картину, которую подарил горожанам Великопятов - отчаянный человек, кто, не имея выбора, выбрал самое горькое для себя, сделав всё именно так, чтобы его отсюда не увозили. Чтобы остался здесь, на своей территории, не только он, но и хлеб. Хлеб, который принадлежал жителям Подмостовья.

Откуда-то взялся ветер, сдувая с дороги пыль, полетевшую над отавой к стайке колхозников и колхозниц, в ногах у которых лежали, как отдыхая, два трупа. Ветер пылил и дальше, встречаясь лоб в лоб со старым амбаром. Дверь амбара пересекала железная петля. Была похожа она на секиру. Не ту ли самую, с какой когда-то оборонялся от пришлых обидчиков один из жителей Подмостовья?

Ростислав Панов

Ростислав Андреевич Панов - поэт, прозаик, журналист. Больше 35 лет проработал в никольской районной газете «Авангард», областной газете «Красный Север». Член Союза журналистов. Выпустил в Вологде, Никольске и Кичменгском Городке более десяти сборников стихов и прозы. Ростислав Андреевич - член Союза журналистов России. Публицистика, стихи и проза Ростислава Панова публиковались в районных, областных и московских газетах, альманахах «Звезда Поюжья», «Северных Увалов эвересты». «Вологодский ЛАД» публиковал стихи и прозу Р. А. Панова, его воспоминания об армейской службе на Кубе.

Старый да малый

ИЗ ПОВЕСТИ В РАССКАЗАХ

Окончание. Начало - в «Вологодском ЛАДЕ» за 2019 год

Я не однажды хаживал с Ивуней в лес: то за белыми грибами, то за боровыми рыжиками. Набрав по корзине, на обратном пути делали перекур у Птичкиного ручейка.

Оба мы ручных часов не носили. Свои я утерял когда-то, а Ивуня из-за малой своей пенсии даже к ним не приценивался. Да и особой нужды в приобретении часов не было. Он обладал непонятной мне способностью точно определять время. Бывало, спросишь:

- Ивуня, сколько теперь времени?

И в ответ услышишь:

- Половина третьего.

Однажды Ивуня вычитал в областной газете прогноз погоды на предстоящую весну. В нем говорилось, что весна ожидается скоротечная и жаркая. Ивуня, сердито пофыркивая, бросил газету на диван: «Распечатались...» И дал другой прогноз. По его словам выходило, что весна будет затяжная и настоящее тепло придет только через сорок утренников.

Как и многие, я удивлялся Ивуне. На мои расспросы он неизменно отвечал:

- А ты приглядись! И цветы, и деревья, птицы и звери перед сменой погоды тревожатся. А рыба к ненастью вообще прячется и перестает клевать. Да мало ли примет...

ХОРОШАЯ ПРИВЫЧКА

Собираясь за какой-либо надобностью в лес, Ивуня, перед тем как ступить под его сень, всегда крестился: «Спаси нас, Господи, в поле и за осеком!»

Ивуня прекрасно знал лесные тропы, дороги и санитарные просеки, луговые пожни и никак не мог заблудиться.

Отчего он крестился?

- Отчего да отчего? Гриша, поди-ка сюда, - позвал внука Ивуня. - Помнишь то место возле

Глухого озера, где нам пришлось заночевать в позапрошлом году?

- Надо ли, деда, рассказывать?

- Не боись. Дело прошлое.

И Гриша (волновался!) с пятое на десятое принялся рассказывать. По его словам выходило, что озеро порядочно подзаросло, хотя местами было глубоко. Особенно у крутого берега. Пологий же берег сплошь затянуло малинником.

На вечерней зорьке брали окуни с темными полосатыми разводами на спине, пахнущие водорослями и тиной. Они заглатывали крючок и резко уходили в сторону. Удить их было одно удовольствие, и Гриша не слышал, как вдалеке за лесистым угором проворчал гром. И дед, кажется, не расслышал. Оба очнулись от рыбацкого наваждения, когда наступила давящая тишина. Потом ударила такая огненная вспышка, что стало больно глазам.

- Дед, идет гроза! - крикнул Гриша.

Первые капли дождя застали их у шалаша, укрытого в густоте ольшаника. Они не вымокли только потому, что сверху шалаш был застелен пластами бересты. Но страху в шалаше натерпелись. При каждом всплеске молнии Ивуня шептал: «Спаси нас, Господи, в поле и за осеком!»

А ливень не унимался, погружая землю во мрак. Они были лицом к лицу с этой неистовой грозой. Как бы отделенными от всего остального мира. И что там делалось за этой чертой, не ведали.

Гриша, обхватив колени руками, спиной все сильнее жался к деду, инстинктивно чувствуя, что дедушка - его единственная защита. А ежели пропадать, так с ним не страшно.

Гроза унялась утром. Лесная дорога терялась в тумане и расползалась под ногами, как каша. С трудом ее одолели и вышли на взгорок, за которым открывалось поле.

Рожь местами смяло, перепутало.

- Эхма! - выдохнул Ивуня.

- А ты взглянь на телеграфные столбы, - проговорил Гриша.

Шесть телеграфных столбов посередине поля расщепило молнией, а провода лежали на земле.

Когда подошли к заулку, Гриша сказал:

- Дедушка, а привычка у тебя хорошая. Век буду помнить.

И с удовольствием произнес:

- Спаси нас, Господи, в поле и за осеком!

СИНИЕ РАДУЖКИ

Ивуне привезли пластиковую синюю бочку. Хотя рядышком был колодец, Ивуня считал, что дождевая вода более мягкая и полезна для мытья в бане.

С виду бочка казалась совсем не примечательной. Все равнодушно проходили ее. Но в какой-то погожий день Ивуня нечаянно приметил в ней чудинку.

Верховой ветер слегка рябил воду. При каждом дуновении в бочке вспыхивали синие радужки.

ПАУЧЬЯ СЕТЬ

Удивительно походила на миниатюрную рыбачью сеточку паучья сеть. Одним концом крепилась к лещине, а другим к яблоне, и растянута была на метр с лишним. Колебалась при порыве ветра, но не рвалась.

- Мал паучок, да велик своим трудом, - сказал уважительно Ивуня и осторожно поднырнул под сеточку, боясь потревожить хозяина.

ДОБРОТА

Апрель был уже на исходе. Снег днем таял, а ночью подмораживало, из-за чего первая травка едва пробивалась. Куст калины под окном у Ивуниной избы за зиму стоял нетронутым, и на утренней изморози ягоды казались янтарными.

Из-за запоздниившейся весны еще не пролетали над Красной горкой журавли, зато торопились на Север зимовавшие птицы. Это Ивуня смекнул, когда однажды в полдень увидел на кусту калины стаю свиристелей. Ивуня наблюдал за ними из окна, удивляясь, как ловко склевывали калину свиристели.

Исчезла последняя ягодка, и стая шумно взлетела. Ивуня уже было собирался покинуть свой наблюдательный пункт и повернулся спиной к окну, как услышал удар о стекло. Словно в него бросили камешок. Глянул - и увидел на тротуаре лежащего свиристеля, а возле откинутой головки с гребешком - капельки крови. Делая разворот, птица нечаянно ударилась о раму. Ивуня поспешил на улицу, чтобы, не дай Бог, не опередила кошка. Бережно поднял. Почувствовал, как беспокойно он вздрогнул.

- Не боись. Сейчас тебя определю в безопасное место, - сказал Ивуня.

Несколько дней выхаживал Ивуня свиристеля, а после выпустил на волю. Птица сделала круг, и Ивуня решил, что больше ее не увидит. И ошибся. Ивуня даже умилился, когда, трепеща крылышками, свиристель завис над ним, как бы благодаря за доброту.

ТРЕТЬЯ МЕЧТА

- Дедушка, у тебя мечта есть? - спросил Гриша, находясь под впечатлением только что прочитанной книги о космонавте Павле Беляеве.

- Хотел получить среднее образование, стать учителем, как моя бывшая наставница Раиса Николаевна. Работая в колхозе, хотел выучиться на агронома. Опять же не удалось. В сельхозтехникум принимали не меньше чем с законченной семилеткой.

Ивуня вздохнул и взглянул на внука с подозрением:

- Чего пытаешь?

А Гриша опять же задал вопрос:

- А сейчас, дедушка, какая у тебя мечта?

- Выйдем на крылечко. Видишь церковь возле нашей реки? В ней ранее люди молились Богу. Венчались, крестили младенцев. Просили у Господа помощи и заступа. А в тридцатом году храм закрыли. Устроили в нем зерносклад.

Гриша неловко перебил:

- Дедушка, а Бог помогал человеку?

- Непременно. Поведаю тебе один случай. Парнем командировал меня председатель в Сямжу в одно из животноводческих хозяйств. Велел сопровождать зоотехника. Надо было закупить несколько телочек черно-пестрой породы. Сделка состоялась, а зоотехник задерживалась: нашлась давняя подруга. А мне домой не терпелось. Надо тебе заметить, что Сямженский район - лесной, глухой. Редкие деревеньки друг от друга через восемь-десять верст. Дороги - худые. Осень, помню, уже перевалила за вторую половину. Анастасия Петровна (так звали зоотехника) уговаривала остаться на день-два. А я уперся. В послеобеденный час наладился на узкоколейку, а надо было до нее пройти более десятка верст, да все лесом. Первые версты одолел без всякого беспокойства. А затем стемнело - сыпанул дождь. Вода хлюпала под ногами, едва не набираясь в резиновые сапоги. В сумраке можно было свернуть не туда и заблудиться.

Мокрый, дрожа от холода, я сунулся под разлапистую ель, прося у Бога помощи. Через некоторое время послышалось тарахтение трактора. За поворотом придорожных кустов вспыхнули фары. Так я избежал беды.

Гриша внимательно выслушал деда:

- Значит, ты верующий? А как же я?

Ивуня ласково улыбнулся:

- Были у меня две мечты. Осталась третья - помолиться в нашем храме, который всем миром восстанавливается. В нем мы тебя и окрестим. Хочешь?

И Гриша ответил:

- Хочу.

ПОЛЬЗУЙСЯ НА ЗДОРОВЬЕ

В некое время по телевизору начали рекламировать американскую жевательную резинку. И пошло-поехало по стране поветрие, докатившееся до сельской глубинки. Раскупали заокеанское изделие в основном молодые люди и, наконец, школьники. При виде беспрестанно жующих людей Ивуне становилось муторно:

- Навроде скота - во рту жвачку катают. Разве гоже?

Гриша не устоял от соблазна и купил в магазине упаковочку. Ивуня разглядывал красивую оберточную этикетку, а после осерчал:

- Выкинь! - И посоветовал: - Чтобы зубы у тебя были белыми, как на этикетке, и не болели, употребляй еловую серку.

Ивуня не поленился и утром следующего дня отправился в лес, позвав за собой внука. В ельнике лежал полусумрак, хотя солнечные лучики то тут, то там пронизывали его. Вначале поверху, в вершинах, отчего они казались голубоватыми.

Ивуня остановился около нестарой елки, сросшейся из двух деревьев. В расщелине застыл ручеек янтарной смолы.

- Что нам и надобно, - удовлетворенно промолвил Ивуня. Ножичком срезал несколько комочков Грише: - Пользуйся на здоровье!

ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Прочел Гриша о попытках людей создать вечный двигатель. Бились над этой идеей инженеры, талантливые самоучки, но ничего не получалось. Задумался Гриша и спросил Ивуню:

- Неужели никогда не создать такого аппарата, который бы работал на пользу человечества долго-долго?

Улыбнулся Ивуня и огорошил внука:

- Вечный двигатель нечего выдумывать, по-

скольку он давно существует. Хочешь, докажу? Завтра встань пораньше.

Ворочался в постели Гриша, раздумывая над словами деда. Решил, что он подшутил над ним.

К утру сладко посапывал Гриша, но был разбужен самым бесцеремонным способом: Ивуня потянул его за ногу.

Деревня еще коротала ночь. Серебряная роса величиной с крупный горох лежала на траве, на деревьях, на крыше и подоконниках избы. За полем, над излучинами реки, причудливо вился туман. Молчали птицы. И в этой птичьей тишине, пробивая ее малюсенькими полосочками, зарождался рассветный час. Краски утрезорья менялись, разгорались. И разом вспыхнули краешком солнца.

Испарился над рекою туман. Поднялись травы и цветы. От земли пошли живые токи, наполняя тело и душу неизбывным теплом. И Гриша поневоле вскрикнул:

- Эко диво!

- Светило наше существует миллионы лет, - сказал Ивуня. И добавил: - От него все начинает дышать, петь, расти, следовать за его движением. Вот, например, в огороде у нас растет подсолнух. Как только солнышко начинает свой путь по небу, поворачивается вслед за ним. Солнце и есть вечный двигатель!

ПРЕДАНИЯ

Ивуня оказался последним хранителем деревенских преданий. На склоне лет решил записать их в общую тетрадь и передать в музей. Замыслил хорошо, да вот беда - пальцы не могли уже, как прежде, уверенно держать ручку. Кликнул Гришу, который было намеревался пойти с приятелями за черникой.

- Я вас сведу через пару деньков на гулынку, которая называется Гусли. Черника там самая сладкая и крупная.

Гриша спросил мельком:

- Отчего Гусли?

- После объясню, а сейчас бери ручку и записывай за мной.

Ивуня на минуту задумался, собираясь с мыслями. Глаза повлажнели:

- Меня не будет, а след останется в сей тетради, если ее хранить. Ну, примемся с Богом!

Гриша принялся записывать дедовский рассказ. Перо выводило одну за другой ровные строчки:

«Деревня наша называется Оботурово, а не Абатурово. Власти исказили ее название, заменив в написании букву «О» на «А». А речка за деревней всегда была Офимкиной, а не Абатуровкой. Дело в том, что возле речки жила когда-то вдова Офимья. В далекие времена окрестными местами владели чудские племена, занимавшиеся для пропитания охотой и рыболовством. Постепенно наша местность осваивалась славянами. Так, поселились здесь два богатыря - Аксений и Оботур. Один облюбовал себе местечко на угорном берегу реки Юг, другой - на низменном.

Начали богатыри обживаться: валить дремучий лес, готовить землю под пашню и сенокос. В трудах встречались редко, а потому обменивались новостями с помощью берестяных грамоток. Привяжут грамотку к стреле и пустят ее через реку.

Надо заметить, что не всё у богатырей шло гладко. Среди чуди завелись разбойники. В недобрый час налетели на жилище Оботура. Учинили погром и увели с собой весь скот. Часть разбойников устроила засаду на Оботура, возвращавшегося домой с поля. Хорошо, что под руку ему попался березовый костыль. Тем костылем и отбился. Место, где происходила схватка, с тех пор называется Костылем».

- Дед, а где же находятся Гусли, о которых ты упоминал?

- Это местечко в верховьях Большой Микитихи, где хоронились разбойники. Вернувшись домой, Оботур послал Аксентию березовую грамотку, приглашая немедленно прийти к нему. Оба богатыря пришли к мнению, что с разбойниками надо кончать. Вооружились и отправились к верховьям Большой Микитихи. Побили разбойников, и на радостях от одержанной победы Оботур играл на гуслях.

- Дед, а откуда у Оботура взялись гусли?

- Экий ты каверза! Конечно, Оботур их не брал с собой. Не до того! Гусли украли у Оботура разбойники и принесли в становище. Записывай далее.

Уцелевшие в схватке разбойники скрылись. Спокойствие воцарилось в Оботурове, и количество селян увеличивалось. Поселяне кормились от земли-матушки. Сеяли рожь, выращивали в огороде репу да редьку. Других овощей пока не ведали. От такой пищи, однако, люди росли крепкими. В роду нашем был Тимофей. На спор мог приподнять угол баньки. Любил петь. Как заведет песню над полем, так в деревне было

слыхать. А еще Тимофей дружил с медведем, он Михаила Потапыча из-под сухостойной лесины вызволил. Медведь сам не мог освободиться: лапу деревом перешибло. Как соберется Тимофей в лес, так обязательно за пазуху положит два пирога: один для себя, другой для Мишки.

Младший брат Тимофея, Александр, из простых солдат дослужился до офицера. Был награжден за храбрость золотым оружием. Много добрых людей дала Отечеству наша деревня. И очень жаль, что ныне многие позабыли об этом, а ты, Гриша, помни о своих корнях. Равняйся на своих славных предков!

ПОСМЕХОВИЩЕ

Ивуня одевался попросту. Зимой носил полушубок, на ногах - валенки. Летом ходил в льняной рубашке, штанах из домашнего полотна, добрым словом вспоминая бабулю, которая даже в преклонных годах пряла кудель, свертывая нити в большие клубки с дыркой посередине. Зимними вечерами ткала, а после из холста обшивала семью.

- Ноне давнее мастерство почти забыто. А ежели разобраться, льняная ткань полезнее для тела, нежели хлопковая, - говорил Ивуня.

Гриша согласно кивал, хотя с детства носил фабричную одежку - то вьетнамскую, то китайскую.

К началу лета одна за другой в деревне распахивались заколоченные избы. То из дальних и ближних городов начинали приезжать на свою малую родину односельчане. И в соседней, пустовавшей всю зиму избе засветились окна. На крыльцо выглянула деваха. В полдень она появилась на улице, направляясь к магазину. Ивуня в недоумении глянул ей вслед: не померещилось ли, как в дурном сне? Уж больно чудно вырядилась: короткая желтая юбка, на шее черный галстук, на правом плече золотистая штука, похожая на аксельбант. На полуголых плечах Ивуня заметил татуировку: две змеи, уходящие хвостами пониже спины.

- Глянь, Гриша, - назидательно поднял палец Ивуня, - вовсе испохабилась городская молодежь.

Через недельку в Ивунином огороде возникло чучело, похожее на деваху. Соседи, поглядывая на чучело, улыбались, понимая, в кого метил Ивуня. А одна старушка заключила:

- Экое посмеховище!

ДОБРОНРАВНЫЕ СЛОВА

Было воскресенье. За окошком занудливо моросил дождик. Ивуня хотя и порывался на улицу подышать свежим воздухом, все же не рискнул переступить порог. Смотрел сквозь запотевшее рамное стекло.

Уже почти облетел тополь. Остальные листья, намокая, падали к отяжелевшей от влаги земле. Ивуня загрустил.

- Дедушка, - окликнул его Гриша, - не ты ли говорил, что у природы нет плохой погоды? Так не раскисай!

Гриша уже приготовил домашние уроки на понедельник. Оставалось еще одно задание - записать позабытые народные присловья. Выслушав внука, Ивуня оживился:

- Пожалуй, начнем с частушек. В них веселая искорка, необидная подначка, мудрость.

Ивуня потянул с комода гармонь, развернул атласные меха:

Поиграй повеселее,
Милый ягодиночка.
Ты играешь, сердце тает,
Как на речке льдиночка.

- Не то, дедушка. Ты говори самобытные слова, а я буду записывать.

Ивуня отложил гармонь, подумал:

- Это же какие самобытные слова? Добронравные? Вот, к примеру, ты заходишь в избу, а там за столом сидит семья, обедает. Что надо сказать?

- Поздороваться, - ответил Гриша.

- Следует поклониться: «Хлеб да соль!» Когда ответят: «Хлеба кушать», то нужно сесть за стол, чтобы не обидеть хозяев.

Гриша записал сказанное и вновь глянул на деда, ожидая продолжения.

- За столом надо вести себя благопристойно. Не чавкать, хлебные крошки не ронять на скатерть. Добавки не просить, пока не предложат. Отобедав, опять же следует поклониться и сказать: «Благодарствую!»

- Записано, - кивнул Гриша.

- И ладно. Конечно, не помнишь как нянчила тебя бабушка Христина? Лежал ты в колясочке, сучил ножками. А бабушка, покачивая, приговаривала: «Успокойся, миленький! Спи, глазок! Спи, другой! Расти большой да разумный».

Гриша улыбнулся:

- Дедушка, а я умный?

- Как сказать! Троечки в дневнике у тебя провертываются.

- Троек у меня малехонько. Лишь по предметам, которые не нравятся.

- Переломи себя. Ибо верно речено: «Ученье - свет, а неученье - тьма!»

Потомок крестьянского роду и сам бывший хлебороб, Ивуня не преминул в беседе с внуком прикоснуться к родному полю, которое нынче зарастало дурной травой и кустами.

Воспоминания о прошлом разгладили его морщины, и само лицо посветлело:

- В военное лихолетье пацаном я уже пахал. Спать утром хочется, а мать тянет за ногу: «Уже бригадир наведывался, велел запрягать быка Гошу и отправляться за Чернеди». И я поднимался. Умывался из рукомойника на крылечке. И первым делом говорил: «Здравствуй, свет-солнышко!» Гоша - бычок своенравный. Только с лаской к нему можно было подойти. Хлебушек в войну ценился выше золота. И все-таки я Гоше приберегал кусочек, хотя самому хотелось съесть. «Гошенька, дружок! Поворачивайся на бочок! Вставай, касатик!» - приговаривал я, протягивая Гоше горбушечку подсоленную.

День-деньской в поле. Сколько поту соленого пролил - не счесть. Бывало, поясницу ломило, руки немели, а всё за плуг держусь. А когда рожь поднималась, колосилась - взгляда, бывало, не отрывал. Ты, Гриша, ешь городской хлеб. А настоящего, деревенского, не пробовал. Из ржаной муки, на капустных листьях. Бывало, идешь по улице - и запах от колобанов чуешь едва ли не за версту. Корочка у караваев золотистая. А ломоть мягкий, в руках прыгает. Помню, бабушка наложит полную набируху и идет по родне - оделить хлебушком нового урожая. Вестимо, не хлебом единым жив человек. Раньше-то люди жили артельно. Взять хотя бы помочи, на которые за свою жизнь ходил десятки раз. Надумал, к примеру, сосед Степан ставить избу. Управиться ему самому не под силу. Плотников со стороны нанимать не резон, никаких денег не хватит. И зовет Степан мужиков-односельчан. Глядишь - и оденется изба за недельку крышей. Вот что такое помочи! А ты давеча, как я наблюдал, Нинке-однокласснице не помог перейти через склизкие мостки.

Гриша буркнул:

- Еще подумает, что ухаживаю.

- Ухаживают, когда любят.

Гриша поднял глаза на деда:

- Я никогда не женюсь.

Ивуня весело рассмеялся:

- Мальчишки все так говорят, а когда становятся взрослыми - женятся.

Гриша не удержался:

- А ты, дедушка, как женился?

- Так и быть, расскажу. Шел мне шестнадцатый годок. Каждую весну райвоенком требовал от нашего председателя колхоза людей на период проведения сплавных работ. Тот, хотя в хозяйстве у самих забот под завязку, вынужден был посылать человек с десяток в помощь сплавконторе. И я попал в такую команду. Вместе с соседской девчонкой. Робкая, каких мало. Бывало, при ней скажешь грубое слово - и она готова удариться в слезы. Может, от беззащитности, а может, еще от чего припала - она к моему сердцу. А как ухаживал? Подарков не дарил. Денег в ту пору у меня не водилось.

За день намаешься, вымокнешь, придешь вечером к костру обсушиться, чайку испить, на Анну кинешь взгляд - и сразу усталость схлынет. Дарил я Анне первоцветье, иногда горсточку ягод жимолости...

- А чего не поженились?

- Родители Анюту силком замуж отдали за зажиточного вдовца. И женился я на другой девушке. Говорят, что жизнь прожить - не поле перейти. Запомни! Ладком да мирком все разногласия устраняются.

Ивуня внезапно умолк. Что-то заставило его насторожиться. И, оказывается, не напрасно. Пока он беседовал с внуком, морось прекратилась и в разводьях туч робко блеснул солнечный луч. И, как этот луч, Ивуню пронзила мысль: чтобы вырастить урожай, надо много труда положить. Так и из мальчика можно вырастить хорошего человека, если посеять в нем добрые семена. Тут к месту приложить и добронравные слова.

ВЕЛОСИПЕД

Одно время в деревне среди мальчишек пошло поветрие на велосипеды. Стоили они недешево. Ивуня мог бы выручить внука деньгами. Но, поразмыслив, уклонился из побуждений воспитательных:

- В твои годы, Гришуня, захотелось мне иметь сапоги. Так я у родителей денег не просил - неудобно. Устроился подручным кочегара. Плахи, которые в топку бросал, были больше меня. За смену так уставал, что еле на ногах стоял...

В летние каникулы Гришу взяли в местный

лесхоз. Лесничий показал мальчику теплицы. В одной росли елочки, в другой - кедры.

- Сеянцы, - сказал лесничий. - Будешь за ними ухаживать. Уход простой - прополка да поливка.

Елочки и кедры походили на маленькие зеленые пуховички, с той лишь разницей, что при прикосновении к ним покалывало пальцы.

Лето выдалось жарким, почти без дождей, и лесхоз жил в тревожном напряжении. Городскому и сельскому люду было предложено ввиду пожароопасной обстановки не ходить в лес. Но, как всегда водилось на Руси, некоторые граждане, несмотря на строгое запрещение, продолжали посещать грибные и ягодные места. А иные могли запросто закурить и забыть потушить сигарету.

Гриша летом предпочитал спать на веранде, на свежем воздухе. Гришина изба прилепилась почти на краю поля, за которым расстилался широкий луг, а за ним - ольховая поросль, а еще дальше - сосновый бор.

Перед рассветом пал туман и заметно посвежело. Голые Гришины пятки, не прикрытые одеялом, сразу почувствовали холодок, и Гриша открыл глаза. Хотел повернуться на правый бочок и еще поспать, как учуял запах дыма.

В избе было все в порядке, и Гриша не стал будить деда. Выскользнул на улицу.

И здесь ничего подозрительного не обнаружил.

Дымом тянуло из дальнего угла луга, который давно уже никто не косил. И нынче там никла сухая трава.

Гриша со всех ног устремился к сельсовету, где имелся телефон. Торопясь, набрал номер лесничего. Через несколько минут послышался голос Алексея Силыча:

- Кто звонит?

- Я, Гриша.

- Что стряслось?

- Алексей Силыч, в Собинах, наверное, горит сухая трава. Как бы огонь не перекинулся в лес!

- Выезжаем. Встреть у околицы, покажешь, где задымление.

В конце августа Гриша готовился к школе. В лесхозе получил денежный расчет. Накануне первого сентября его пригласил к себе лесничий. В кабинете у Алексея Силыча только что закончилась планерка, но сотрудники не расходились. Когда в кабинете появился Гриша, все заулыбались. Алексей Силыч из-за портьеры вывел новенький велосипед:

- Наш подарок тебе, Гриша! Хорошо потрудился в теплицах. А кроме того, уберег от пожара сосновый бор. Молодец!

От такого поворота Гриша растерялся, однако не утерпел:

- А откуда, Алексей Силыч, вы узнали про мою мечту?

Лесничий улыбнулся:

- Сорока весть на хвосте принесла. Сказала: «Гриша ужасно хочет велосипед».

ПИРОГИ

Встретив возле лавки (сельского магазина) Гришу, Устинья поманила его в сторону:

- Уважь старушку, Гришуня! Насобирай в Собинах немножко бруснички. Сама бы сходила, да не могу - ноженька побаливает.

Уважил Гриша старую и в пятницу принес ягоды.

- В долгу не останусь, - поблагодарила Устинья.

В субботу Ивуня отмечал свои именины. Отмечать, собственно говоря, было не с кем. Разве что с внуком, с котом Рыжиком да с Рексом. Закадычный друг Терентий почему-то не приехал.

«Видно, причина важная», - подумал Ивуня, все же немножко надеясь, что Терентий объявится.

Походил по избе взад-вперед. Вознамеревался было заглянуть в огород, где возле забора зеленели можжевеловые кустики. Посадил их с целью развести под ними рыжики да брусничку. Не успел одеться, как дверь в сенях открылась, и на пороге избы возникла Устинья. Принаряженная, со старинной набирухой в руках, прикрытой чистым полотенцем.

Ивуня оторопел. Такие набирухи со свежими пирогами обычно приносили на свадьбы, на крестины или по случаю деревенского праздника, когда в каждой избе гости - званые и незваные - пили солодовое пиво.

- С днем ангела, Ивунюшка. Дай Бог прожить тебе сто лет, - поклонилась Устинья.

Ивуня принял набирушку. Пироги лежали горкой - пышные, подрумяненные. Были всякие: с капустой, с картошкой, с яйцом, рыбники. И, наконец, ягодники. И среди них большущий пирог с выложенной поверх брусникой, которую Ивуня обожал с детства.

- Мне с брусничкой, - сразу же попросил он Устинью.

Устинья ловко нарезала пирог. Ивуня откусил кусочек и засиял от удивления:

- Ай да Устиньюшка! Что ты сделала с брусничкой, что она во рту так и тает?

- Прежде чем класть ягоды на пирог, я томила их в печке на вольном жару.

Гриша налегал на пирог с гречневой кашей. Каша была разварная, мягкая, сочная.

- Деликатес, - не удержался Гриша.

- Не деликатес, а уменье, - поправил Ивуня, не любивший иностранных слов.

- Уменье-то уменьем! А печь не последнее дело. Добрая у меня пекарка, - похвалилась Устинья.

- А кто печь-то клал? Чай, забыла?

- Не запамятовала, Ивунюшка. Век тебе останусь благодарна.

Устинья едва не прослезилась, вспомнив, сколько хлопот было с печью. Ивуня отверг заранее припасенную глину. Мял ее в руках так и этак. На язык пробовал. И вынес окончательно: глина не годится.

В овражке нашел, что требовалось. Глина тут оказалась без примеси извести и мелкого камешника.

Ивуня любил повторять при работе: «Шубу шить - не шапку шить».

Или же наоборот. То есть всё делать с толком, не на смех людям.

Хотя он шил не шубу, а выводил русскую печь, поговорку свою не преминул припомнить.

Устинья подавала раствор или же теплую воду, чтобы Ивуня ополоснул руки и передохнул. На пятый день усердной работы Ивуня самолично затопил печь...

* * *

Устинья и Ивуня - почти одногодки. И дружили с детства. В войну отца Устиньи забрали на фронт. Воевал и старший брат, который погиб. А отцу повезло - вернулся домой.

У Ивуни отец не воевал из-за близорукости. Мобилизовали на трудовой фронт. После рассказывал, что ловил рыбу на одном из северных озер. Болел цингой и едва не помер.

В девичестве Устинья среди деревенских парней отмечала лишь Ивуню, но в своих чувствах не признавалась никому. Вышла замуж, но вскоре овдовела - мужа зашибло в лесу сухостойной лесиной. Детьми не обзавелась и возвратилась в родную деревню. Нередко встречалась с Ивуней, вспыхивала, как маков цвет. Так и прожили бок о бок почти полвека.

* * *

...А пироги были вкусные. А Устинья - уж очень внимательная и ласковая, так что Ивуня и впрямь ощутил себя именинником.

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

Ивуню пригласили в районную администрацию, чтобы вручить в торжественной обстановке медаль «Ветеран труда».

Ивуне не очень хотелось ехать в город, трястись в автобусе по пыльной дороге. Но Гриша настоял: «Оденься поприличнее и поезжай».

Костюм у Ивуни был один-единствен-ный и годами висел в шкафу. Гриша вытряс пыль, погладил брюки и пиджак. Причесал редкие волосы деда.

В вестибюле администрации - бывшем здании райкома партии - повстречал несколько знакомых. К нему подошел Иван Павлов, всю жизнь трудившийся механизатором в машинно-тракторной станции: «Дождались-таки, Ивуня, своего часа. Будут вручать нам медали. Может, нам, старикам, будут кое-какие льготы».

Через некоторое время всех пригласили в актовый зал, где за длинным столом, накрытым красной скатертью, сидели глава администрации, его заместители, глава представительного собрания, члены кое-каких общественных комиссий.

Глава района самолично вручал награды, повторяя при этом почти одно и то же: «Поздравляю. Желаю крепкого здоровья, занимать активную жизненную позицию».

Дошла очередь до Ивуни. Приколов медаль на пиджак старика, глава повторил привычные слова. Ивуня подтянулся, как бывало раньше в армии, когда командиры отмечали бравых солдат, и ответил: «Служу Советскому Союзу!»

В зале вначале захлопали в ладоши, но быстро опомнились, поняв, что по вине Ивуни попали в неловкое положение. А Ивуня, как ни в чем не бывало, повернулся по-солдатски и встал в круг награжденных.

Направляясь к автобусной остановке, Иван Павлов не удержался:

- Сплоховал ты, Ивуня. Уж два десятка лет нет Советского Союза.

И услышал в ответ:

- Для меня была и есть великая страна. И память о ней в угол никому и никогда не загнать.

Александр Цыганов

Проза Александра Цыганова читателям нашим хорошо известна: журнал не раз публиковал его рассказы и повести. В 2019 году «Вологодском ЛАДЕ» вышла основательная статья доктора филологических наук, члена Союза писателей России, профессора Людмилы Яцкевич об изданной в 2018 году книге А. Цыганова «Помяни моё слово». Людмила Григорьевна считает, что в названии книги, как и во всём содержании её, «выражена глубокая мысль о том, что прошлое, настоящее и будущее едины, неразрывны в сознании и памяти народа, в его языке, в его слове. Русский народ это чувствует сердцем». И далее: «Автор книги сокровенно передает нам, читателям, это единое житие русского народа, умирающего и вновь воскресающего, вопреки все невзгодам. Не случайно Василий Иванович Белов обратил особое внимание на слова старой крестьянки, сказанные с блаженной радостью после перенесённых ею потрясений: «Поди-ко снова надо жить, раз такое дело». О потрясениях человеческих душ повествует и повесть «Курдюг».

Курдюг

ПОВЕСТЬ (СОВРЕМЕННАЯ ИСПОВЕДЬ)

«...ведь он носил мундир
и был солдат».
Г. Х. Андерсен.
«Стойкий оловянный солдатик»

I

- Дуй к себе живо: «мокруха» в зоне, - передо мною предстал разъяренный прапор Псарев из дежурного наряда по колонии. - У тебя прямо в отряде Кожаного «загасили»! А я пока за медиком слетаю!

И служивый взял курс к жилым баракам возле стрельбища, что рядом с питомником для сторожевых собак, - в сторону места проживания поселкового эскулапа, почем зря деревянные мостки под каблуками забрякали. Только что своими хромачами едва дверь моего жилища на раз-два не вынес, ходуном ходила. Но если человеку после ночного дежурства удалось всего часа четыре от силы подушку «придавить» - разом было и не сообразить, что с обратной стороны блажил - надрывался от собственного крика лагерный дежурный.

Дальше я в два счета прыгнул в форменное обмундирование и по таким же тесовохлябающим мосткам без оглядки наддал ходу к самой зоне, отделённой от поселка сотрудников высоченным забором с калёной колючкой по всему периметру территории и часовыми на вышках, с утра любо-дорого подсвеченными летне наступающим днем.

За громадными железными воротами - на десятки верст окруженная со всех сторон непроходимыми лесами, сокрыта ото всего мира

колония, - четко разграфленная, ограниченная и, вернее верного, неподступно охраняемая.

Сразу от зеленых караульных ворот - обшарпанно-синяя дежурка для наряда сотрудников. Этот линялый утлый домик - вахта дежурного по колонии - с неизменным постоянством производит удручающее впечатление на любого всяк сюда входящего. Внутри все подряд покрашено такой темно-зеленой краской, что она кажется даже черной, придавая еще большую муторность помещению. День и ночь - сутки прочь вверху под железной сеткой меркнет - тускло светит разбухшая, шахтерского вида лампочка.

В дежурке первая комната с переборкой занята контролером из конвойной роты, во второй - через порог - сам дежурный с расколотым телефоном на кособоком неказистом столе, а последняя - с громоздким топчаном и ржаво-облезшим сейфом - настежь распахнута, глаза бы не глядели.

Дежурный, исполински большого вида мрачный хохол Коля Рева, пожинающий лавры в отгадывании кроссвордов не по смыслу, а лишь по неприхотливому опыту заполнения пустых клеток, даже не чичкался, - от порога и кивнул мне на жилзону: мол, шуруй к себе в отряд, на месте разберешься. Сами с контролерами и носа из дежурки не высунут: знамо дело, своя рубашка ближе к телу.

Без лишних разговоров я вышагнул на плац, выстланный, как и вся зона, сплошь досками, и наладился, что по полу, в направлении «запретки», - к дальнему, будто бы нерушимая стена, забору с караульной вышкой на углу.

Кругом всё как обычно: по сторонам плаца - большие стенды с неизменными изречениями воспитательного характера, на каждом шагу по паре на брата. Но больше всего их расположено возле бревенчатых бараков-отрядов - места временной прописки тех, кому поперек горла стала своя волюшка, белый свет. В центре зоны - медчасть: сразу с улицы от плаца - вход для сотрудников и еще один, с задней стороны, - для осужденных.

Сюда я и вернулся вскоре из полуторасотенного отряда подопечных, над которыми после случившегося в могильной тишине еще с утра из одного барачного края в другой тихий ангел пролетел. Через процедурку прошел с завхозом медчасти комнатой для приема больных и в малюсеньком стационаре, выкрашенном известкой, на подстеленной клеенке увидел Серегу Кожевникова - Кожаного. Лежит, здоровенный, прямо на полу - ноги, что кегли, блестят босые, по сторонам раскиданы. С левой стороны горла - дырчато-кровавый разрыв от заточки с секиристо-зубчатым крючком, - одним махом всё наизнанку выдрало.

Не жилось человеку, как всем, в своей отрядной секции, - панцирная «шконка» с фиолетово-байковым одеялом и тумбочка у окна, лучшего места не придумать. В этом последнем земном приюте Сереги Кожевникова вся стенка от второго яруса до потолка была в идеально-точечном красном круге: после удара заточкой артериальной кровью приговоренного даже голову спящего соседа с ближней койки откинуло. А алая тряпка, что рядом валялась, была обычным вафельным полотенцем, которым сидельцы пытались заткнуть рану, пока Кожаный хрипел: «Меня Витька Трошин убил!»

Но его последние слова уже не были услышаны прибывшим медиком, позаглазно величаемым Борей-Тошнотиком за вечную присказку, применяемую ни к селу ни к городу: «Будем лечить или пускай живет?»

В скором времени в поселковом штабе сотрудников, возле которого их малолетнее потомство обычно играет в бесконвойников, грозным хозяином колонии Любопытновым было дано распоряжение, от которого и захочешь, да не отвертишься. Как начальнику отряда, где совершилось преступление, мне надлежало за старшего со специальной командой немедленно отбыть водным путем в райцентр для погребения безвременно усопшего Сергея Кожевникова.

С некоторых пор умершие насильственным образом должны были предаваться земле в ближайших местах захоронения, причем без оповещения об этой печальной процедуре близких родственников. Не буди, право, тот и упомянут, у кого в чести эти вести про инструкцию о почивших в бозе «пассажирах», кому еще сие из зоновских неведомо? О таковых, отошедших от мира сего, надобно телеграфировать сродственникам в течение суток, но об этом даже и пикнуть не заикайся. Начальство не свой брат: много говорить не станет, за ушко да на солнышко. Недолго и самому одним росчерком пера загреметь под фанфары, не успеешь оглянуться. Поэтому, во избежание неутешительной перспективы оказаться на законном месте своих наголо стриженных подопечных, приказы властей

предержащих, понятное дело, подчиненными не обсуждаются, а исполняются.

В походном порядке ко мне прикрепили того же медика Борю-Тошнотика, а еще режимники выделили «двоих из ларца»: схожих друг с другом осужденных в одинаковых робах, вооруженных новыми лопатами на долгих ручках. В сопровождении немногословного прапора Пушистого из конвойной роты, о котором местные ценительницы мужеского внимания шептались, что у него выше пояса - очевидное, а ниже - невероятное, вся компания через узкоколейную дорогу ходко подтянулась к дебаркадеру, соседствующему с местом моего обитания.

Здесь к каждому дому проложена узкоколейка. Посёлок с несколько зловещим названием Курдюг стоял на таежно-болотистом топком месте, поэтому кругом подсыпали опилками с пилорамы и везде были построены мостки. По узкоколейным путям, проложенным через всю территорию, мотовозами подвозили дрова жителям и материалы к строящимся домам. Тутошний грунт не выдерживал ни трактора, ни грузовика.

Повсюду - дощатые настилы для хозяйственных нужд, такие же тротуары вдоль и поперек, некоторые даже на сваях, - дощатое царство. У домов сарайки с дровами прямо в лес глядят, а вокруг, что на картинке, ягодник, - коль охота, трескай себе на здоровье. Или собирай белые грибы, каких хоть косой коси.

С другой стороны - речка, где уже пришвартовалось, так сказать, неповторимое для всех времен и народов плавсредство - наш вечно незаменимый «Курдюг». Название судна в житье-бытье также было произносимо с ударением на первом слоге, как и у самого посёлка, находящегося на слиянии Курдюжки с ее притоком Копсаркой. Бывало, идешь за водой зимним вечером к проруби, в памяти встает гоголевская «Диканька» - большое сходство: такое же безмолвие, капустный хруст морозного снега под валенками, серебристо-зальделая прорубь и луна золотой царской чеканки, - светло, как днем. А в летне-нынешнюю пору источником утоления жажды служила общая колонка, содержащая омертвело-недвижимую, ржавую жидкость, именуемую водой.

У иных здесь живущих, что послабже, случалось, даже от этого изнутри разрывало, а других, покрепче, так порой наружно перекраивало, что приезжающие сюда навестить не сразу после разлуки и признавали своих родных и близких. Вдобавок еще - повышенная влажность, что способна была запросто помутить любой рассудок, а еще комары, каких свет не знавал: молодцы-удальцы, лютые дельцы. Поселковые шутили: «Второй мотовоз на нижнем складе доедают».

У моего дома была еще одна особенность: летом он незаметно оседал на болоте, а зимой так же неприметно и неравномерно поднимался. Тогда замочная скважина уже не соответствовала прорези в косяке, и замок на законных основаниях бездействовал. Так и приходилось ходить на службу, не запирая жилье, но поселок относился к категории закрытых режимных учреждений, поэтому посторонних людей и воровства не наблюдалось.

Между тем «двое из ларца» по качкому трапу старательно затащили домовину с Кожаным на борт «Курдюга» и укрепили на носу, у мачты с приспущенным триколором. Сюда же конвойный Пушистый в форменном обмундировании и с оружием на поясе деловито пристегнул наручниками безмолвного Витьку Трошина, бледного, щупленько-ушастого обидчика усопшего, пожалуй, не понимающего ныне ничего из происходящего.

За кормой катера взревел двигатель, гулко выбросив наружу водный колпак кофейного цвета, и мы отчалили от малолюдного по ранешнему времени дебаркадера. «Курдюг» на малых оборотах шел меж низких торфяных берегов речки, полностью огибающей поселок, строения которого, что на красочном лубке, панорамно проплыли за спиной, и судно вошло в горловину другой невзрачной речушки, на берегу которой размещался нижний склад. Волны от катера следом нехотя растворялись в береговой ржавой жиже...

II

Вся рабочая зона нижнего склада, в обиходе попросту именуемая лесопилкой, окружена пятирядной стеной из колючей проволоки с караульными вышками по периметру. Мнится, что гигантски-невзъёмные штабеля бревен с первозданными очертаниями подъемных кранов взаправду вздыбились не только над худосочными деревцами, но и заполонили саму округу сверху донизу. Внутри же выделялось двухстойловое локомотивное депо, самое

высокое здание лесопилки. С обеих сторон от тепловозных стойл - цеха для ремонта подвижного состава. Вокруг самого депо - множество наспех изготовленных складских каморок и прочих сооружений, между которыми все узкоколейные, а также иные пути всплошную проторены крепкими деревянными мостовыми.

Вселенско-неумолчный визг лесопилорамы сливается с гусеничным лязгом да рёвом трелевочных тракторов, с непривычки уши закладывает. И куда ни кинь взгляд, всюду деловито кипит жизнь: копошится работающий люд, безостановочно снует туда-сюда, а за охраняемыми снаружи прочными, на запорах, воротами то и дело басовитыми гудками перекликаются тепловозы.

Но только «Курдюг», миновав водопропускную преграду, направился к нижнему складу, как работа за один прием и прекратилась. Весь берег, заливаемый слепящим, солнечно-лимонным светом и накрепко пропахший смолой и свежеспиленным лесом, скоро был в сгрудившихся людях, одетых в черную униформу с нашивками на нагрудном кармане.

Молчаливо и пристально они глядели на идущий мимо катер с прерывисто, взахлеб клекотавшим двигателем, пока он следом не отвернул в сторону Белого озера, оставив на буях знаки с перечеркнутым якорем, означающими, что в этих краях запрещено кому бы ни было пребывать без особого на то разрешения.

Понятно, что ничего подобного не могло здесь статься, скажем, в те давностные времена, когда в оной приболотной пустыни находился Курдюжский Николаевский монастырь, который через некое время был закрыт, а вослед, уже тоже в далекие шестидесятые девятнадцатого века, как раз в данных местах и обосновался лесопильный завод, расположенный на ковжинском берегу.

Кто ведает, примерил бы сегодняшний криминальный электорат свою вину со злодеянием человека, появившегося на свет на той самой лесопилке в день отмены крепостного права? Потому как спустя девятнадцать лет, в самое Прощёное воскресенье, уроженец лесопильного завода посёлка Курдюг народоволец Николай Рысаков первым из террористов метнул в Петербурге бомбу в Императора Всероссийского Александра, прозванного в народе Освободителем, надолго изменив этим и без того донельзя запутанную историю развития страны.

Тем временем прозрачным, зеркально-озёрным стеклом предстал взору просторный фарватер канала, оставив за собой призрачную зону камышей и плавучих торфов, заодно миновав целиком и полностью гиблые места - чахлые болотца и по самую макушку, вглухую затопленный лес...

А у меня из памяти никак не выходило увиденное: лица людей в черной амуниции, прощавшихся с Серегой Кожевниковым на складском берегу под небесно-лимонным живым солнцепеком, - ведь они никоим образом не осуждали ушастого убийцу своего сотоварища!..

Может, потому как беречь честь смолоду в местах не столь отдаленных по определению чтится всегда особенно: это как дважды два - четыре, вернее смерти. И без вины виноватый Витька Трошин, обидчик усопшего, всего лишь защищал свою честь, - все кому надо и не надо, знали об этом с самого начала заварушки, но помалкивали, не накликая неприятностей на свою шею.

Теперь - куда ни кинь, везде клин. То же самое повсюду творится: где сила, там и закон, мудрено кем-то сотворено. И ото всего этого уже никуда не деться: что на воле, что по-за воле, все равно одна песня, хоть тресни. В местах же заточения кому как не режимной службе и следует держать нос по ветру, потому как о лицах, состоящих на особом учете, они обычно имеют полную информацию, вплоть до разговорно-расхожей в обиходе, как то: статья, срок и размер сапог. Но тут и на старуху вышла проруха, прозевали служивые: до последнего тянули кота за хвост, надеясь, что эти «терки» - подобные дела - разрешаются, как обычно, сами собой, без особых последствий.

Кто на зоне не слыхал, как «беспредельщик» Серега Кожаный, кого старались на всякий случай без дела обходить, через день да каждый день «кошмарил» Витьку Трошина? В голову бы не пришло кому-либо запросто «предъявить» лишь за то, что кто-то своим умом, особняком живет, из-за этого уже и на свет не глядеть? Если у человека еще натура такая, в чужие дела не терпит соваться. А в узилище принято семейничать, где несколько человек одним кулаком держатся, в случае чего друг за друга встанут. От века до века таким макаром в застенках и решаются поставленные ребром вопросы, чтобы просто выжить. Да вовсе не последнее дело, скажем, в том же

ларьке сообща «от пуза» отовариться, иначе и жизнь будет не в жизнь. Следом еще «кайф» словить, - обязательно чифирнуть, куда без этого: в настоящем чифире, трижды поднимаемом до пены, даже лезвие растворяется. Не говоря уже о чём-то серьезном, если доведется, - в тех же самых разборках-наездах «косяки» легче разруливать. Да мало ли всякого может случиться, всё до поры до времени, раз на раз не приходится.

А Витька Трошин оказался не таковского пошиба: хоть и в одинаковом месте, да из другого теста. Как принято у подопечных говорить, один на льдине. Без помощников на своих двоих укрепился. Даже мастером в жилзоне стал, где открылся цех по изготовлению различных сувениров из дерева - последний писк моды. Рыночная экономика, каждый выживает как может. Да и колония тоже сложа руки не сидела и, в связи с поголовной «оптимизацией» общества, на доброго дядю уже не надеялась. Как и прежде, осужденных возили в лес на заготовку древесины, а также на нижнем складе делались плоты, изо дня в день грузились баржи лесом, и даже наладилось производство заказных дачных домиков.

Не сравнить уж было нашу «восьмерку» с соседним «пятаком», что на острове Огненном, местом съемок прославленной «Калины красной», не тот коленкор. Не вчера ли всем миром на эту шукшинскую силу сильную не могли глазами наглядеться? Хотя расстояние между колониями всего лишь с несколько десятков верст, да и те не объездом, а в том же направлении, только всё одно наши рылом не вышли, и давным-давно государева мошна вся без нас изошла. Легендарному же «Вологодскому пятаку» или подобного рода «Чёрному дельфину», о каких спокон веку песни напевают да сказки сказывают, не выпускаемым из виду на самих федеральных верхах, было не стыдно со своим многомиллионным ежемесячным бюджетом и приходы по расходу держать да в завтрашнем дне на себя не оглядываться.

А в здешних, канувших в небытие местах, где то пусто, а то негусто, жизнь как таковая круглый год била ключом на особицу, но жаль, что иногда, выражаясь фигурально, - разводным, да всё по голове. Какая вожжа тогда попала под хвост Сереге Кожаному, что он, за здорово живешь, единолично потребовал от Трошина с каждой получки «отстегивать» ему свои кровно заработанные «тити-мити»? За одно лишь то, что у Витьки не было своих кентов-корешей? Да за такое «подмолаживание» получите законный от ворот поворот, а в получении - распишитесь! Вот бы и успокоиться, кому следует: ведь каков был привет, таков получили и ответ.

А Кожаному того больше неймется: как баран в новые ворота уперся, даже «счетчик» человеку включил. Если не будет вовремя заплачено требуемое, жить обречённому вскоре доведется у бачка с водой на входе в отрядную жилсекцию, передвигаться лишь замыкающим в самом «хвосте» строя, а есть ложкой с просверленной дыркой.

В отличие от прошлых времен теперь в этом подлунном мире подобное именуется кратким определением - «зафаршмачить», а сам приговоренный, соответственно, становится «фаршмаком». Процесс превращения несчастной жертвы в безропотно-животное состояние, короче говоря, в «обиженника», ныне видоизменился, но всё равно уже не бывать калине малиной, и плетью обуха не перешибешь. Просто-напросто на одном из обычных построений, как черт из табакерки, выскакивал голимый «фаршмак» и прямиком выплескивал из кружки с дыркой «чапаевку» собственной переработки в лицо будущему «коллеге». Конечно, с них, пожизненно заклейменных, а за это действо поимевших банку кофе да блок сигарет, и взятки гладки: отхватят свои законные суток пяток изолятора от лица администрации, - не нами будет она судима, обо всем ведающая, но порой не брезгующая подобными мерами поддержки нужного порядка.

Только уже и человека нет! - отныне и навсегда вместо него этот самый обиженник, податливо-бессловесное существо, обреченное на презренное животное соприсутствие, исполняющее самую грязную работу, начиная с трудотерапии по очистке отхожих мест, - рви на себе волосы!

А бонусом еще заполучает проживание на газетах под нарами во время этапов да позорно-поздравительный батон в международный женский день, - поневоле захохочешь по-волчьи. Какова тогда была вина вечного детдомовца Витьки Трошина, что он решился найти силы - сам на себя плеть не свил, зная, какая неминучая беда нависла над головой?..

Теперь оную начисто бритую головушку склонил бедолага на праву сторонушку под

всеохватно-открытым небесным простором, вовсю парня палило. И, прикованный к мачте с приспущенным стягом, прикорнул он рядом с домовиной Кожаного, неподвижно застыв на носу «Курдюга», охотно рассекающего водную дорожку с золотистым, празднично играющим светом.

- Не положено! - вскричал заполошно от борта прапор Пушистый, увидев, как я пытаюсь напоить водой из пластиковой бутылки Витьку Трошина, слабо приоткрывшего глаза и непонимающе озирающегося вокруг. - Уставом запрещено - не положено!

- А если на это «не положено» у нас свое наложено, - вполне миролюбиво, на правах старшего, покладисто остепенил я конвойного охранника, и тот, недовольно покачав головой, вернулся на корму, где они с Борей-Тошнотиком резались в карты. С другой стороны бодрствовали «двое из ларца» и, покуривая, безразлично смотрели куда-то в сторону убегающей за нами воды.

В капитанской рубке за штурвалом, как всегда невозмутимо, внимал окружающей действительности бочкообразных размеров Гриша-Полпотыч в своей неизменной фуражке с крабом, надвинутой на самые глаза. К кровавому диктатору Пол Поту, разумеется, Гриша не имел касательства, но как-то, обидевшись на весь мир, он настолько изобретательно обработал свою вторую половину ножичком поострее острого, что «самый гуманный суд» и облагодетельствовал злодея сроком, после которого тот так и остался в знакомых местах на положении вольнонаемного капитана маломерных судов.

Безветренно-зелёную тишину нарушил пронзительный крик одинокой чайки, примостившейся на торчащем из воды бревне с куском игольчато отсвечивающей колючей проволоки, словно опять предстояло обозревать безрадостно очередное место заключения. Затем показались силуэты барж, - по правому борту катера уныло потянулся поселок Новокемский, скрывающийся в буйной гряде распустившихся деревьев с торчащими блеклыми крышами лишенных разнообразия строений.

III

Было видно, как возле берега несколько мужиков на лодках, упираясь в дно баграми, задумчиво смотрят вниз, нет заботы важнее. Яснее ясного, что по звуку проходят науку, - хорошенько, по первое число вышаривают железяги для сдачи их вместо цветного металла. Известно, что в этих краях было несколько лесопильных заводов, которые при строительстве Волго-Балта вчистую, полностью затопили. Оставался лишь Кемский, возможно, единственный, что избежал погибели, потому как его ожидала другая участь: предприятие в наши дни сгорело из-за головотяпства кочегара.

Как и в колонии, в сих местах также в дни оны, образно говоря, всё больше занимались «резьбой по дереву двуручной пилой», до пяти тысяч человек было в поселке, жили себе люди, не тужили да никому не служили. Нынче, чтобы хоть как-то выстоять, остатняя мужеская половина перебивается с хлеба на квас, пытаясь прокормить семьи и, знать, вовсе дошла до ручки, донельзя обозлённая на весь белый свет...

С каких иначе щей, взыграв моторами, за нами устремилась пара лодок, откуда с весьма наглядной убедительностью потрясали баграми, а из одной моторки, как гром среди ясного неба, даже хватило в вышину ружейным выстрелом, попались мы впросак. Разглядели обо всем догадавшиеся трудоголики приспущенную катерную хоругвь - вестник несчастья, недолго было и по заслуге почёт получить. Если не взбрело на ум сколько-нибудь припугнуть, коли с утра пораньше «за воротник заложили». Но наряду с аборигенами знали еще в поселке таких бывших сидельцев, которым хоть бы хны было и свою голову на плаху, а этим проще пареной репы не одного лишь страха нагнать.

Только наши тоже оказались не лыком шиты, куда твое дело. Взбодрился краснолицеготовный Пушистый, привычным движением расстегнув поясную кобуру с оружием, глазами туда-сюда заводил, как бы выбирая удобную позицию для предстоящей баталии. Над его жаркой думалкой на разок вспрыгнули легким одуванчиком, как говорится, три волосинки на одну драку, остатки пушисто-волосяного оснащения.

Тем временем «двое из ларца» тоже встали наизготове, - моментом, недолго думая, вскинули свои лопаты на долгих ручках. Не отставая от компании, что-то заполошно блажил, размахивая руками, и Боря-Тошнотик, - теперь так, да после-то как?..

Чтоб не переваливать позже с больной головы на здоровую, дал было я отмашку на ход судна Грише-Полпотычу, но тот и без советчиков оказался не промах, не в таких еще переделках побывал. «Курдюг», бурунно взревев, скоренько оставил за собой неудачников, посылающих кулачные проклятия вслед судну. И немудрено: такие плавсредства, ни много ни мало, являлись в своё время самыми настоящими катерами класса «река-море» и во время войны держали оборону на Балтике и Каспии. Тогда на рубке находился зенитный пулемет, а впереди, где ныне под беспощадными лучами терял остатки сил у домовины Кожаного упершийся перед собой стылым взглядом поневольный, имелась и семидесятимиллиметровая пушечка. Не слабо?..

В кои веки раз, да и то не про нас: о происшедшем затем никто и словом не заикнулся, было, да сплыло. Стояли по бортам, опершись на поручни и, не проронив ни звука, на воду смотрели, что вживую, с переливами, подобно самой жизни, до бесконечности струилась перед глазами...

Волго-Балтийский водный путь мне раньше представлялся другим, схожим с известным каналом имени Москвы под Дубной, что был знаком по книжным картинкам. На самом деле он больше походил на широкую извилистую реку с полноводными заливами, где спокойно разойдутся не два, а все три или четыре судна. В одной его части, к примеру, береговая полоса была четкой и сухой, зато следом - мокрый бурелом либо болото. Дальше уже встречалось несколько мест, коих для отдыха лучше не придумать - сосны, могучие ели да высокий песчаный берег, - дыши себе в две дырочки и в ус не дуй...

Только из каюты, что под капитанской рубкой, куда я перебрался ото всех с глаз долой, вдруг с чего-то привиделось: не туда прикачнуло. Будто водная стихия, вбулькнув прямо-таки через иллюминатор, возьмёт и насильственно заполонит само каютное пространство: каково, не спавши, с устатку не сладко?

А за один скрип еще на ум пристало, что за незаметной сперворазку дверцей носового отсека было бы не грех часик-другой и ухо придавить, лежанка в отсеке как по заказу делана. Проще говоря, в себя прийти - опнуться бы, походя, раздышаться в одиночку. Только там, в темени, неразворотно было даже без мундира, едва вползётся на всех четырёх, зато макушкой своей о переборку удалось на славу приложиться.

Порядком загудело в голове у человека, между прочим, с двумя макушками, а еще говорят, что таким для защиты от самого рождения посылают сразу двух ангелов-хранителей. Раньше эти самые макушки даже за «божьи метки» принимали, и считалось, что подобным индивидуумам легче других вывернуться из любых передряг. Наподобие счастливчика, баловень судьбы получался, издавна эта примета и старому, и малому известна.

Правда, мне, тоже двухмакушечнику, до сих пор от этого было ни холодно, ни жарко. Скажем, сколь велико кому-то веселье, когда его, не говоря худого слова, наобум святых белой вороной окрестят, в зачет не пойдёт. В своей же колонии и заполучил такое благословение: вор в законе, «законник» Воронцов постарался, кстати говоря, закадычный дружок скончавшегося Сереги Кожаного, одного поля ягода.

К слову, не будь тогда мы ночью с дежурным обходом в отряде, когда у этого бессменного узника давление подпрыгнуло выше некуда, едва уже дышал: не оказалось бы это последним часом самого «законника», кто знает? Не раз и не два, то и дело у него подобное бывало, а вот прижало - дальше некуда, глаза на расплющенном, что у азиата, лице на лоб лезут. Пока дежурный наряд, не ведая, как помочь, без толку возле него шарашился, мы скоренько, ноги в руки - и нашли, выцепили из поселка своего «лепилу», что успел-таки вернуть коронованному «законнику» старой закалки Ворону доброе здравие. А тот надулся, да не отдулся: мрачнее тучи, еще сычом завзглядывал, как будто ему за прошлогоднее сено задолжали, - поневоле раздумаешься.

Заодно вдогонку, как на грех, довелось в своей одинокой комнатке глянуть - на сон грядущий перелистнуть страницы последних земных откровений великого писателя и, между делом, попасться промеж двух огней. Допустим, буди, встать на сей день вместе с нами тому же автору «Диканьки», который не видел «выше подвига, как подать руку всякому изнемогшему духом», с какого бы тогда голоса он запел, явись на таковском месте хотя на минуту?..

В это время необъяснимым образом, разверзнув каютные переборки, надо мной вспыхнуло небесным светом, и оттуда в манящей воздушной лазури призрачным чудом возник много-

мачтовый парусник. Оказавшись на чуток рядом, он невесомой пушинкой подхватил все моё суще думающее и, воспарив с крылато раздутыми парусами, затем совершенно безответственно унес меня вместе с собой куда-то ввысь...

IV

К полудню, когда наш «Курдюг», наконец, пришвартовался у набережной городского причала, тут уже от края до края ломануло, - разошлась, по-настоящему грохнула жара. С самой верхотуры пылко синело атласное, вовсю раскаленное небо, лоснилось желтым снопом огненного светила, торчащего прямо над головой. Облупившиеся дома ярко двоились по обводной канала, напропалую отражаясь в воде, а горечь и зной струились в вышину, искажая мерцающий от марева горизонт медовыми, извилисто-тающими струями.

И помимо воли казалось, что всякий мимо проходящий по набережной, как по волшебству, находится в некоем уютно защищенном, небесно-золотом слитке, откуда окружающее созерцалось ровно у только что родившегося, в райски-счастливом неведении божьего мира. А жгуче вспыхивающие янтарно-оранжевыми бликами водные просторы вполне впечатляюще завершали эту отчасти неправдоподобную, ослепительно-живую картину древнего края.

Не надо и семи пядей во лбу, чтоб даже со стороны было не отметить, - на глазок зацепить, что именно на набережной обводного канала, растянувшейся по всему береговому размаху, и кипела всамделишная жизнь уединенного патриархального городка. А над ним - грандиозным сооружением пятнадцатого века - возвышался вековечно-основательный земляной вал с первоначальной высотой до тридцати метров, да еще с башнями и деревянными стенами поверху, каково с такой силой потягаться?.. Только внутри этого городища с незапамятно-нынешних времен уже обстоятельно закрепились современные жилые строения с небольшим заводиком, административные типовые постройки и, соответственно, краеведческий музей, где беспрестанно толчётся неизвестно откуда возникающая туристическая братия.

Рядом неудержимо-пчелиным роем гудел на все лады разношерстный рынок, похоже, торговавший днем и ночью без перерывов, круглосуточно. И уступающий своему областному собрату разве что тем, что тот едва не постоянно обновлялся очередной уймой смуглоликих торговцев. Возможно, они всего лишь порой мигрировали оттуда сюда и обратно, готовые за деньги, не моргнув глазом, выполнить любую работу. С одним из таких, владельцем грузовика, обожжённым вовсе не северной стороной солнца, я наскоро и договорился о доставке скорбного груза к месту назначения, находящемуся за старинным военкоматским зданием.

Для этой печальной миссии у нас имелась казенная сумма, для пущей надежности время от времени проверяемая во внутреннем кармане форменного обмундирования. Пилигрим из бывшей братской республики и не артачился, лишь гортанно озвучил мои представительские расходы, жестикулируя при этом обеими руками. Да еще на полностью застегнутый у меня в этой парилке мундир глянул с неуловимым недоумением, впрочем, мигом сменившимся привычно-цепким взглядом.

А у нас всегда так, чтоб всё чин-чинарём было, как надо, без сучка и задоринки. Чтоб совсем как у деда, всё по-честному, коль я один в один их вылитая родовая. И мне, его последышу, тоже, как и самому деду, вечно до всего на свете дело было, с детства все уши пропели. Осталась теперь дома от него, фронтовика-добровольца, сгоревшего в сталинградском адовом огне, одна лишь фотокарточка, похожая на старый горчичник, - кто из нас горя не знавал?

Работодатель из некогда братской республики оказался на редкость проворным, как тот самый, что един в трех лицах: и швец, и жнец, и на дуде игрец. Копалям же «из ларца» только и позволил, что перенести с «Курдюга» почившего в кузов грузовика. И, само сострадание, даже выгрузку, где надо, на себя принял. Не обращая внимания на жару и огорченно цокая, работодатель бегал вокруг машины и, закатывая глаза к небу, сам с собой разговаривал. По всему было видно, что он, главным образом, доволен удачно подвернувшейся работой.

Стало быть, мое вверенное сопровождение будет и далее на катерном приколе дружно довольствоваться солнечными ваннами, тем более ещё в посёлке все были своевременно снабжены положенным сухпайком, порядок есть порядок. У меня сразу как гора с плеч, с такими деятелями и без этого глаз да глаз

нужен. А в нужный час и завершим своей командой всю похоронно-скорбную миссию, чтоб после, от греха подальше, ходом и обратно в места хоть не «столь отдаленные», но зато уже привычные.

К этому моменту для отправки в областной изолятор конвойный передал обидчика Сереги Кожаного местным правоохранителям. По-прежнему ко всему безучастного, того стремительно водворили в машину, в каковой охнешь и ты, как не будет пути, и та, рявкнув сиреной, сразу исчезла с глаз долой. Почище, чем в дешевом боевике; мало того, еще тормозами на всю улицу взвизгнуло.

Смуглолицый машинный владелец вправду был хозяином слова: он не только споро доставил груз по назначению, но слетал в нужное помещение, соседствующее с основным больничным комплексом, откуда появился с таким же собратом, и они по крутым ступенькам стащили домовину с усопшим в подвальную низину. Но и на этом он не остановился, самостоятельно расширив свои полномочия: вызнал у патологоанатома время выдачи тела и вызвался доставить Серегу Кожевникова к месту последнего упокоения.

Нам оставалось лишь сообщить на борт «Курдюга», чтоб медик Боря-Тошнотик вместе с обоими «из ларца» прибыл в означенное время для погребальной церемонии, а мобильно-городская связь по сравнению с колонистской была безотказной. Дело получалось как на ладони, тогда с какой стати у человека в погонах опять не по своей воле на душе кошки скребли? Не оттого ли, может, что эта самая судьба взяла да сегодня для профилактики и погладила его против шерсти?..

А сверху так же, как и с утра, всё бельмя-белело перевернуто-раскаленным пространством, в известково-пылевидный порошок сушило всё сущее своим чуждым всего житейского, беспощадным дыханием. У набережной в асфальтовой выбоине, ранее наполненной живительной влагой, лежала крупная ворона, растопырив крылья и безвольно раскрыв клюв, видимо, потерявшая чувство реальности. Точно на миг знаково явленный с изобразительного полотна доселе неведомого мастера, мир во вселенной замер маленьким одиноким ребенком, ошибочно очутившимся у края неведомо-гибельной пропасти. А каковы еще на свет божий объявились цветовые сполохи, что веерными зарницами с бесприветной безнадежностью заскользили с оглохшей вышины и, касаясь земной тверди, мимолетным видением исчезали за горизонтом, как до сей поры никому не известная природная аномалия.

Может, тогда и нам самим уже все это видится и кажется да против неба на земле в непокрытой улице куражится?.. Только на повороте у набережной - не обойти и не пройти - стоит еще у тебя поперек пути женщина в черном платке, на виду поджидает: горе её лыком подпоясало. Все живое по дороге, что напротив кинотеатра «Балтика», как поедом выело, прочь жарой смело. Вроде бы давно ли по этой белозерской набережной в пробеги бежал шукшинский Егор-Горе из «Калины красной»: «Ноги, мои ноги, - приговаривал он, стараясь избавиться от бдительно не отстающих правоохранителей, пока в отчаянии не воскликнул: - Да сколько же вас!»

Оказалось, даже больше, чем можно представить: всё было битком забито людьми на премьерном показе шедевра в этом кинотеатре, когда самим создателем картины были сказаны слова, а фактически гениально просто озвучено наше самовыживание: «Нам бы про душу не позабыть».

Взгляни-ка на меня: чтоб с места не встать, коли это неправда. Узнал я её ещё издали: мать это Сереги Кожевникова была, и к гадалке не ходи. На набережной поджидала женщина, с которой мы в первый и последний раз месяцем раньше в глаза друг другу смотрели. На «свиданку» из областного центра к сыну приезжала. Комната для такого дела родственникам была в двух шагах от моего жилища в бревенчатом бараке, что находился через дорогу от дома самого начальника колонии с опознавательно-белой восьмеркой на крыше. Только при помощи этой отметки и обнаруживалась при необходимости зона: кругом дикая тайга, ни подъехать, ни подойти.

«Добрые люди сказали, - шагнула мне навстречу по деревянному тротуару мать безвременно усопшего Сергея Кожевникова, и я поразился тому, как можно так глядеть, вовсе не моргая. - Добрые люди всё рассказали, - все так же, не мигая, протяжно тянула женщина. - И я приехала сюда сразу с дежурства». Голос был глухой и невнятный, пустой, как из бочки. Даже показалось, что не она сама, а кто-то другой, безнадежно больной, раздельно выговаривал слова вместо матери Кожевникова.

Не удержавшись, она прислонилась к

штакетнику у причальной столовки с изображением на входной вывеске освежающе-минеральных напитков, непонимающе огляделась. Затем снова перевела на меня свой неморгающий взгляд, - и без всяких яких видно, что у нее не просто маковой росинки во рту не было, а уже давно человека мучила нетерпимая жажда.

Переделанное в шукшинской кинокартине под ресторан, сие общепитовское заведение с тех пор особо не изменилась, когда заглянувший сюда по освобождении рецидивист Егор Прокудин для первичного знакомства громогласно озвучил свое присутствие словами: «Что мы тут имеем?» Как и тогда, квадратные столики со стульями на алюминиевых ножках так же вразброс были расставлены по всему помещению, разделённому стеклянной перегородкой. Даже пейзаж в тяжело-золотистом багете находился между теми же широкими белыми окнами, за которыми, лихо задрав нос, по синему каналу с ревом промчалась моторная лодка. А нам с матерью Сергея Кожевникова и место досталось напротив этих окошек, да еще за тем столиком, где освобожденный по концу срока Егор Прокудин с «погонялом» Горе доходчиво втолковывал пронырливому официанту: «Нужен праздник!»

Наверное, киношная традиция, касаемо сходного обслуживания посетителей, и прижилась с того времени в столовой, где было на удивление прохладно, к тому же под потолком, хлопая лопастями, добросовестно трудился стародавний вентилятор. А между столиками худенькая пожилая женщина в махоньком фартуке привычно разносила на подносе блюда. И дед еще не на сто лет при виде своего заказа живо потер ладошками перед пластмассовой столешницей:

- Закуска-то больно добра, - хвалебно провозгласил он про свой пир на весь мир. - Глико, и жевать не надо, только брови подымай! - И, мотнув кудлатой головой с крестиком на жилисто-загорелой шее, приглашающе огляделся для одобрения его жизнерадостного расположения духа.

Только наше нынче житьё - ни еда, ни питьё. Одной лишь водички дотронулась - потянула из стакана обо всем непонятным образом узнавшая родительница и, не обращая ни на кого внимания, склонила голову, смежив воспаленно-опухшие, с темными ободьями глаза: видать, забылась на время. Другой мне она, не последнего порядка человек областной «неотложки», запомнилась в нашей единственной беседе накануне ее колонистского свидания с сыном - небо и земля. Тогда и намеком матерь не возжелала знать, что давно её отпрыск, родное дитятко, не в ту сторону глядит, лишнее было заикаться поперек родительской души. Их дети всё одно лучшие на свете: и пусть у того лопнет глаз, кто не любит нас!..

Зато это трагическое происшествие стало праздником тому, кто сидел в другом дому. Иначе в честь чего Серегина мать прилетела сюда как на крыльях: не сама же беда нежданно-негаданно взвыла не своим голосом, да и повисла над её головой? Хотя не велик секрет Полишинеля, и ларчик отмыкается проще простого, потому что ещё солнышко не взошло, когда уже кому надо наловчились вскрывать подобные шкатулочки без особых затруднений. Достаточно было и всего-то тому, в чьих умелых руках оказались материалы личного дела, связаться с кем необходимо по спецсвязи из отдельного кабинета и заинтересовать предложением, от которого, по понятным причинам, вряд ли отказываются. Здешние же мобильные телефоны до морковкина заговенья пребывают «вне зоны досягаемости».

А умников звонить из коммутаторской комнаты, что в поселковом штабе сотрудников, если и было, так уж на низ сплыло. На этом дежурстве одни лишь вольнонаемные женщины, посему через часик-другой уже все бы приветствовали новоявленного миллионера курдюгского разлива. И это, почитай, как сто баб нашептали. Так что уподобляться той самой знаменитой гоголевской вдове, якобы саму себя выпоровшей, охотников не найдется, не на тех напали. Такого рода действия уже изначально чреваты нежелательной экскурсией в лишенный архитектурных излишеств дом, где неволя учит и ума даёт, но обладателю данных о Сереге Кожевникове опасаться было лишне. Никто не увидит и не услышит: давно у подобных государственников с большими погонами, выражаясь по-современному, всё под контролем. По итогам же нехитропредсказуемых переговоров одним духом, кому следует, открывался счёт на предъявителя и, равновесно, сокрушенное сердце - заинтересованное лицо - становилось обладателем нужной информации.

Впрочем, ужели в чужом горе и всегонавсего лишь кому надо в масть подсказать,

как в нужное время и в нужном месте оказаться, не святое ли дело? А коль хочу, так чего не смогу, ведь за добро, как известно, даже сам бог плательщик. Кстати, за сию малую толику отзывчивой души оттого и по правде некое воздаяние рвавших на себе волосы, а за такие дела уж ни с кого не полетит голова, куда понятней. В общем, кто кого сможет, тот того и гложет, не впервой. Только не для нашего ума была эта сума, и без этаких затей своими грехами сыты, хоть отбавляй. Тогда с какой радости такой приговор да сразу же мне во двор, все в толк не могу взять?..

«Верните сына, - маленько забывшегося, вернул меня на место голос матери Сергея Кожевникова. Она поднялась, шатнув столик, и, раздельно выталкивая слова, шёпотом, от которого хоть кому станет не по себе, горячо упросила: - Верните моего сына!» Со стороны такое вполне походило на родительскую беседу с зарвавшимся было не в меру наследником, что, прилюдно осознав содеянное, бережно сопроводил мать под ручку на волю, подальше от посторонних глаз и ушей.

Мимо лениво пробрело несколько подростков, один из них, худосочный - три щепочки сложены да сопельки вложены - поливал себя из большой бутылки. По прямой дорожке обводного канала простреко тал игрушечной наружности буксирчик, трудолюбиво таща за собой обвязку рыжих от солнца бревен. Белыми послушными листами падали в блестящую воду чайки и, крикливо взмывая в вышину, с белокрылой упругостью таяли в глубине прожаренно-небесного простора.

«Отдайте кровиночку», - горячечно молила женщина, спасительно уцепившись за мой мундир рукой с самоцветно сверкнувшим перстнем на указательном пальце. В другой руке была сумочка на длинном блескучем ремешке, что влеклась следом неподъемным лишним грузом. Запнувшись, Серёгина мать еле не упала, но мы с поддержкой вместе устояли на своих двоих: «Верните, - раскачивала она с взбитым платком на растрепанной голове, втихомолку начиная подвывать, а потом вдруг как-то и вовсе неотступно-смертно вскрикнула: - Христом Богом молю, гражданин начальник!..»

V

«Что они делают, что они вытворяют!» - как в той кинокартине, скорее всего, не сдержался бы на это шукшинский Прокудин, окажись еще разом в стороне бывшего «Дома колхозника», куда мы с кожевниковской матерью отошли к скамейке в парке. Неисповедимыми путями Господними на этом месте съемок «Калины красной» была недавно посажена аллея из саженцев дубов с малой родины друга Шукшина Василия Белова. А разве не памятна еще вдогон прокудинская попытка безобидной беседы с заведующей почтой - коробчатым зданием свеже-зеленой окраски, что по соседству, в трех шагах от этого парка? И где данный человек заодно заполучил от суровой представительницы прекрасного пола незамедлительное предписание: «Гражданин, вы тут не хамите!» - на что едва лишь освободившийся Егор Прокудин гневно возразил: «Какой я вам гражданин? - и таково «отбрил», что не грех о той несправедливости его же словами на сегодня господне и напомнить, как заповедное: «Я вам товарищ, и даже друг, и брат».

Оное заведение на этом месте и поныне, как сноп в овине, мимо не пройти. Сразу навстречь дороги и приветствует своей внушительно-наддверной надписью: «Почта России», легка на помине. Пониже - что люди, то и мы - современное новшество: в замысловато-серой окантовке над резным окошком вклеено слово «киберпочта», и в то оконце лезет белая кошка, - так настырно заливает, палит оттуда белым светом от невесть какого невидимого глазу источника. В придачу ещё в такой палючей жарыни сразу не разглядеть и саму площадь с торговыми рядами, отныне выставленными городом для всеобщей продажи. Похожее даже во сне бы не привиделось этому же Егору Прокудину, после освобождения приодевшемуся в сих торговых местах и пожелавшему отсюда в поисках долгожданного покоя «шаркнуть по душе».

Тем часом мы уже остановились дыхание перевести у самого почтового крылечка возле очередной скамейки, изготовленной умельцами так, что будьте-нате было взглянуть, а не то что отдохнуть. Оставалось еще добраться до центральной площади, что с торговыми рядами, а дальше быть и больнице, куда мы правили черепашьим ходом: моя спутница и с поддержкой еле-еле ноги передвигала. Тамошним врачевателям хоть день-деньской звони-зазвонись, во все колокола трезвонь, - ни ответа, ни привета, как поголовно вымерли: пришлось самим, худо-бедно, пешим порядком и тащиться до места.

А из-за открытой почтовой двери, откуда веяло распахнуто-желтым зноем - как сами жданки и ждали - возьми да как мигни тот достопамятный эпизод из кинокартины, что снимался в переговорном пункте почты. Только что хлебнувший воли вольной человек в красной рубахе и кожаной куртке по настенному, заметных размеров аппарату и говорит своим слегка задиристым, но уже домашним, не зоновским голосом: «Алё, здрасте». След еще толком не остыл от тех прокудинских казенных кирзачей, в коих уже свободным он вышагал, верно, по неоглядным, ни конца ни края не видно, тюремным мосткам вологодского «пятака», чтоб затем из этого переговорного столь доверительно кому-то своему напомнить в телефонную трубку: «Это я - Горе».

Так с годами всё тут по-старому и оставили, как до нас расставили. Несдвигаемо занимал обычное место у входа тот же эллипсоидно-объемный стол, обретшийся напротив высокого, лакированно отсвечивающего ящика с почтовыми номерами «до востребования». Дополняла вид еще пара переговорных кабинок с расхлябанными дверками и, особенно запоминаемо, - именно соседний, шукшинско-прокудинский настенный телефон с эбонитовой трубкой на стальном пружинном проводе.

Как на ладошке и видится тот, кто сейчас же вместо нас - знать не знаю, а дело моё, - одним духом, не теряя времени даром, и заказал разговор по коммутатору, одуматься не успеешь. Не снова ли здорово кто-то и подшепнул нам опять без спроса сунуться не в своё дело, горе ты луковое? А по-другому и не узнать было бы решение самого хозяина, без чьего изволения даже волос не упадет с головы, состоящего на службе, младшего по положению лица.

Но когда воспринявшему слухом и коснулось уха приглашение к тому самому настенному телефону, даже у почтового крыльца селекторным голосом разнеслось: кто бы диву ни подивился? Телефонная трубка не только сохранила свой цвет с прошлых лет, хотя эбонит на ярком свету и приобретает некий зеленоватый оттенок, но, вызвавший огонь на себя, даже ощутил толчок какой-то силы, схожий с внезапным приливом крови, когда рука крепко-накрепко сжала увесисто-громоздкую трубку.

«Глянь, сколько хороших людей кругом, - с закадрово-шукшинской интонацией враз и толкнуло изнутри, - моментальным живительно-волшебным кровотоком и принеслось из концовки легендарной картины. - Надо жить, - неведомо из какой дали далёкой, а может, просто из самой души напоминаемо передавал оттуда родной голос. - Надо бы только умно жить...»

«Эк, куда хватил, - тотчас в действительности уже внушительно и отозвалось в трубке с ответной стороны, не внявшим просьбы начальником, что в одноразку, не дослушав, с места в карьер и вправил мозги подчиненному, только держись. - Каким еще родственникам надо кого-то отдавать - нагнал сорок бочек арестантов! Или приказы министра уже не указ: даже власть, как дед репку, садят, а у нас в одну минуту сам сизым голубем за решетку загремишь! - даром давали мне пару с лагерного боку на всю припеку. - Как раз из изолятора дружок убиенного Ворон по концу срока освобождается, - туда и отправим до этапа, чтоб на всю жизнь полные штаны радости были!» - С того места, где было лихо да стало тихо, что-то еще последом буркнуло по-тарабарски, и связь после щелчка, как приснилась, вовсе пропала без вести.

А если так сказано, всё равно, как по нам смазано: что правда, то правда, с сумой да тюрьмой никогда не бранись, сам попадешь. У кого своя рука владыка, не раздумывая, еще с дорогой душой и на кудыкину гору зашлет, куда Макар телят не гонял. Туда, где этот урок - реальный срок - начинается, как говорят, с «мягкого знака»: лет пять или шесть и тому подобная шерсть. Запоёшь тогда, пропащая душа, не своим голосом. Этого только мы и ждали? Свято место пусто не бывает, если и дальше лезть поперек батьки в пекло, то тогда, без сомнения, всем, нерадостным на чужое горе, вскоре найдётся уголок в казённом доме. чтобы лицезреть родное небо в клеточку.

После этого, пусть руганному да пока недопуганному, и осталось лишь от самого крыльца не взглядывать с лица, чтоб не встретиться поглядкой с понимавшей всё на свете матерью отошедшего в мир иной бедолаги. Но что бы там ни было, какие ещё силы вдохнул в жилы один лишь услышанный селекторный вызов в остывающую душу: так и подошла бы она к давшему надежду поближе да поклонилась пониже! Там ещё было время, но в сей же час наступила и пора. Не сговариваясь, мы опять вместе с ней молчком и двинулись далее к площади с торговыми рядами.

Со стороны глянуть - не увянуть: ступить люди ступили на ровно облитую небесным молоком тропку, да как в воду и канули, настолько от почтового угла всё палило, - настырно заливало белым пламенем от какого-то невидимого источника. А появились вскоре на лобном месте - на самой площади, где, собственно, под замершим в мареве жидким, солнечно-расплавленным кругом завершался и наш, пройденный от катерной стоянки, незримо-избавительный круг, безвозвратно исчезал там, где ещё не уготовано нам. Потому как за ним чьи-то кости уже навсегда лягут на погосте, а при этом нашенские, что своего ходу, дальше из ворот да в воду, только след простынет.

VI

Но кто знает, где найдешь, а где потеряешь... Вдруг ни с того ни с сего как дёрнет таким сквозным ветерочком, что сразу знобко стало, когда всё похолодало. И тотчас, ахнуть не успеешь, темным-темно, как черно кругом сделалось, - куда день, туда и ночь. Даже помогающему нам, как ни крути, вездесущему шукшинскому герою, так и не обретшему желанного умиротворения, а оттого посулившему из своего киношного мира опрокинуть «этот город во мрак и ужас, в тартарары», возможно, и довелось бы у нас в яви временно лишиться дара речи при виде случившегося.

Поскольку в нашем подлинном бытии, как перед самим светопреставлением, разом и стало глазу ни зги не видно, - такой мрак навалился, что ничего нельзя было различить, тьма кромешная. Этого только и недоставало, а нас уже из огня да в полымя ни за что ни про что кинуло, что ни дальше, то хуже некуда.

Так как в тот миг вбыль и привиделось, будто я на какое-то время очутился в ином измерении, где чьи-то необъяснимые усилия на несколько летучих секунд и заставили поверить в происходящее, точно вправду, кажись, навсегда накрывши безвозвратным мороком - от горизонта до горизонта - всю нашу тишь да гладь, да божью благодать, - по небу широко, по земле далеко. Не так ли, надо думать, и бывает, когда вдруг неизвестно зачем всей своей былью да небылью так запросто нас перетянет, что кто-то уже и сам не знает: был он - не был, жил - не жил, знать, как пропал?..

Тем временем, чтоб кому ни попадя не было охоты лишний раз время зря терять, - без толку рот разевать, незамедлительно и дунуло со спины обычным мирским ветерком, поверху пронеслось. Тогда перед нами вновь вполне ощутимо, хоть иголки собирай, и возникла эта же площадь, за которой на виду всего грешного мира, - кому неведомо неизменное место городского отдохновения? - как вышним напоминанием о наших вечных душах, судьбоносно пошумливало в кронах вековой сосны, исстари вознесшейся на травяном откосе, всегда остро пахнущим рыбной свежестью озерной воды.

А нас опять-таки в очередной раз за виски да в тиски, - отныне уже в самом деле, что и говорить, как миленький, на все сто попался в перекрестную. Чтоб её нелегкая с самой верхушки да на всю катушку - как хлынула ещё небесная вода, что тебе беда, - что она позабыла тут?..

Но только со всего свету в нашу сторону таким водопадным столбом рухнуло, что и сам царь воды не уймет, даже небо с овчинку стало. Хлестало с высокой вышины без продыха так, что перед глазами видны лишь были кипящие литые струи, крутящиеся витыми водными веревками, да еще рыкнул и вол на семь сел, - грозную тучу по пути от края до края перебросило. А где много воды, разве долго до беды?..

Вскинул я набыстро свой мундир над нами с матерью, - в этом хоть быть по-нашему, забор крашеный, а если затеяно, так надо кончить дело. И тогда мы под этим покровом, - не столь велико закрылись, зато дороге открылись, - шаг за шагом, рядком да ладком, а где и спокользя, добрались-таки до военкоматского здания, за которым, в низине, что в одном ряду с горестным помещением анатомички, в конце всего явилась и сама больница на все лица.

Там и предстали взору под больничным навесом все, кому следует быть, поскольку уже время пришло, и всех в нужном месте нашло. Видать, у нашего медика с двумя из «ларца» были пути иные, раз вышли напрямую, а у смуглокожего машинного работодателя, прогретого совсем не северными лучами, работа кипела до самого пота. Бегал, выжидаючи, взад-вперед возле своего железного коня с откинутыми бортами, потому что в открытых подвальных покоях у анатомической немолоденькой начальницы уже была готовой кожевниковская домовина.

А тут еще на секундочку, вроде, как ух ты, вышли мы из бухты: с обратного края крыль-

ца, потусторонне поблескивая расплывчато-красными бортовыми полосами, притаилась «скорая помощь», разом не узренная под этим не прекращающимся, ни с чем не сравнимым водоизвержением. Подобные специализированные автомобили никоим образом не могли относиться к городским больницам, лишь единично появившиеся в областном центре и предназначенные для станций «скорой помощи». Возле нее, несмотря ни на что, бдительно дежурили двое молодых людей в белых халатах, похоже, проглядевшие все глаза, потому как при виде нас они одновременно оба преклонили свои головы. Вот в этакой-то напасти как было едва не пропасти моей спутнице, не поддержи её со мной, и так уж обеспамятевшую, подскочившие к нам сопровождающие. Но во времена и лета нынешнего света, может ли статься: есть ли хоть какой-то заступник и для нас, когда такое горе горькое у нас?..

«Возьмите сына, - вдруг сказал кто-то нам громким и странным, сроду не слыханным голосом. И еще раз для нас раздалось рядом то же самое, не от мира сего звучание: - Возьмите сына!» Я-то как очнулся, точно бы проснулся, а это, вишь ты, кто-то утробисто так внутри меня сам по себе говорит, словом жарким горит, - и не по-нашему хотенью, а по-чьему-то изволению. Что называется, ни в сказке сказать, ни пером описать, неужели такое бывает?..

И как после дышать, если слово еще не держать, потому что оно опять у нас прошло, как огнем прижгло: «Возьмите своего сына!» - Только это уже аз от самого себя добавил, в своё слово вплавил. Или мы уже сами не с усами и, что бы с ходу ни пришло, сразу лапки кверху? И без подсказки сахар сладкий: не угадаешь, где упадешь, где встанешь, но разве сей день не без завтра? Так не так, а уж этак и будет, кого ждем? И что с того, что плеть обуха не перешибает, зато свой должок не положим обратно в мешок, а после можно будет хоть как-то и на всех исподлобья не взглядывать, худо, что ли?..

Родясь, такое и знать не знавал, умру - не узнаю. Да и белому свету опять же не завтра ещё будешь рад, как вспомнится внове кожевниковской матери взгляд, когда она выпрямилась, неверяще приходя в себя от услышанного, и потом лишь молча, с широко раскрытыми глазами сама дошагнула, как на распорках, до «скорой», ухватившись обеими руками за раскрытые дверцы.

А осмотрительно взятые её молчаливые помощники с какой-то привычной быстротой деловито погрузили в открытую машину деревянную домовину. И родимая матушка, напоследок еще оглядясь вкруг себя, однова лишь вздохнула, но слышал бы тот, по ком этот был вздох, тот бы в щепку иссох! Она даже своими силами, в одиночку, поднялась к последней усыпальнице сына и, такой же человек божий, обшитый кожей, уже без удержу ткнулась в родное лицо: «Давно не видались? - Да как расстались».

А «скорая помощь», подобно обманчивому туману, скоро и растворилась в неумолкающем водном благоденствии, как её вовсе не бывало, лишь остальные еще некоторое время пребывали в молчании, схожим с утренним моих сирых подопечных, над которыми тогда после случившегося в могильной тишине тихий ангел пролетел, напомнив, что на сем свете мы только в гостях гостим.

VII

Может быть, после кто-то из наших катерных обратный путь и вспомнит как-нибудь, хотя, как водится, он и прошел своим чередом, без какой-либо истории с географией. К тому же кто вымочил, тот уже и высушил: пришла в себя выбившаяся из сил погода для народа, день под грейкой теплынью был промыт, как новенькое стекло. Отныне на носу у мачты с высоко вздернутым трехцветным стягом всю дорогу безмолвно пребывал прапор Пушистый, и его извечно жаркую думалку с легким одуванчиком остатков пушисто-волосяного оснащения бодро обдувал пропахший травой, сквозь пальцы пропускать можно, шелковисто-упругий ветерок. Зато в капитанской рубке за компанию с Гришей-Полпотычем блаженствовал безмятежный солнцедуй Боря-Тошнотик, а веселая летняя закуска с их бутылочкой по затылочку на газетной скатерке-самобранке перед самым носом даже способствовала невозмутимому капитану править судно по не впервости знакомому, неукоснительно выверенному курсу.

Только другим такое дело близко не приспело: в свое время успешно прошедшие огонь, воду и медные трубы «института имени Воровского по факультету карманной тяги», благоденствовали «двое из ларца» в уютном кормовом трюме, где они в тишине и покое дрыхли без задних ног, предавшись излюбленному занятию

клиентов исправительной системы. А по мне лучше было и не придумать места снова под капитанской рубкой за той самой дверцей носового отсека, где лежанка была, что по заказу делана. Но каково в одиночку быть тому, у кого что ни день, как опять уже его тень в издавней, в тысячи листьев и солнц, послеармейской весне, где ещё и не знал, куда это нас хлестнёт? В местах той самой незабвенной весны-красны, где во все времена в эту пору не дают спать там бессмертные соловьи, а после дождя видны сразу по две радуги и где до поздней осени без устали стрекочут неутомимые кузнечики, - и где в любом лихе всё равно бывает всегда спокойно и тихо. Только от домашнего порога далее ждала лишь новая дорога, потому что впереди всё было на свете к лучшему. Однако беда сама приспела, наперед не сказалась.

Даже не вздумать, как тот день и пришёл, в котором та самая единственная, с которой друг другу мы в глаза посмотрели впервые, и как будто время остановилось, - вдруг взяла да умчалась куда-то в иные края, - навсегда её след с инаким и простыл из того города, где ещё со школьной поры было всё нам дорого. А коль уже истаяли те истые неотмирные сроки, когда душа сама по себе мёрзлой ломкой веткой слагала свои горячие слова на первом лунно-звёздном снеге - вспоминать-то веки вечные на что?..

И не надо еще при всем этом нашим молодцам быть бледными с лица, когда в вечерней тиши «Курдюг», как-никак, возвернувшийся к родному причалу, и уперся в дебаркадер, соседствующий с местом моего обитания. Хотя и встречал-то нас на вечернем причале собственной персоной сам грозный хозяин зоны Любопытнов, по-всегдашнему аккуратно застегнутый на все мундирные пуговицы, с тремя большими полковничьими звездочками на погонах. Трудно было избавиться от впечатления, что начальник колонии всегда видел всё окружающее как-то не глядя. Входя куда-нибудь, он уже знал, что делалось по другую сторону - порядок дела не портит! - а твердостью и определенностью при решении служебных вопросов завоевал расположение и мало кому верящих подшефных за колючей проволокой. Знать, наша молва опять поперёд нас дошла, потому как только всё было доложено, у начальствующего лица не то чтоб на этом месте сделались круглые глаза, но даже, неизменно верный слову, отчего-то и не возжелал повинных «за Можай» гнать -«киркой махать», лишь только бросив: «Идите отдыхать». Да и желающих брать под белы руки да отправлять на муки мученические нарушившего министерский указ - повыше высокого приказ, в этот вечер не нашлось, никому праздником не стало. Кому охота доносить, когда и самому-то, может, после головы не сносить?..

Другой день тоже не навел тень на плетень: с утра пораньше на лагерной вахте дежурного в том самом зарешёченном домике, что неизменно производит на всякого сюда входящего удручающее впечатление, по-обычному, старое было по-старому, а вновь ничего, не считая доклада конвойного гарнизона хозяину зоны. Всем дежурным нарядом и готовились: одних заявлений да рапортов с протоколами у суточной смены конца-краю нет, только знай отписывайся.

В то самое время и наша дорога от порога была в эту сторону - мир вам, и я к вам! - но мне и шага шагнуть к своему отряду не дали, сразу от самых ворот поворот, из дежурки на пару слов всем миром приглашают. Вместе с бессменным дежурным Колей Ревой еще двое прапоров-орлов наготове стоят: рот до ушей, хоть завязочки пришей, да один другого здоровей, под горячую руку не попадайся. Кому не известно: где начальству чуть что не по нраву, этих орлов сейчас же туда и совали на расправу, спасайся кто может. Чтоб тебе ни дна, ни покрышки: неужто и впрямь разбудили мы лихо, пока оно было тихо?..

А меж тем - от века до века само спокойствие - исполинского вида Рева, обстоятельно достав из своего ржаво-облезшего сейфа конверт с победной, празднично-весенней маркой - откуда только и взялся, - таких даже днем с огнем не сыскать, и встал передо мной, можно сказать, как лист перед травой.

- Самого «законника» Ворона по концу срока освободили, - веско изрек дежурный и, внимательно оглядевшись вокруг, как эстафету, из рук в руки и передал мне, что припечатал, конверт явно еще прошлых лет. - По утрянке на волю и отбыл, а это от него лично тому, кто в нашем дому! - И на замызганном, сомнительной чистоты столе оказался для меня тетрадный в клеточку листок, где в клетках строк было два лишь слова: «Работай, брат».

2020

Анатолий Ехалов

Писатель, режиссер документального кино, заслуженный работник культуры, действительный член Петровской академии наук и искусств, лауреат Государственной премии по литературе и кино Вологодской области, лауреат трех международных фестивалей «Золотой Витязь», трех международных фестивалей «Бородинская осень», Национальной премии «Ника», международных фестивалей «Золотой бубен», «Спасти и сохранить», «Радонеж», премий Николая Лескова, Валентина Овечкина, Владимира Гиляровского и т.д. Автор двадцати пяти книг прозы (в том числе для детей) и публицистики. Анатолием Ехаловым снято более 150 телевизионных фильмов о Вологодчине и ее людях, более пятидесяти демонстрировались на центральных телеканалах.
Анатолий Константинович Ехалов родился 28 марта 1951 года в семье сельского учителя, окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Работал в районной газете «Звезда», областных «Вологодском комсомольце», «Красном Севере».
С 1998 года стал выпускать телевизионный цикл документальных фильмов на областном телевидении «С Ехаловым по Вологодчине». Придумал и поставил более двадцати народных праздников, ставших известными по всей России: «Праздник коровы», «День коня», «Банная ассамблея». Активно сотрудничает с программой «Играй, гармонь!».
В рамках деятельности творческого центра «Матица» организовал общественное движение «Вологодская деревня. Будем жить!». Имеет четверых детей. Живет в Вологде.

Без бабы

ИЗ НЕИЗДАННОЙ КНИГИ «МАЛЬЧИК С КОТОМКОЙ»

Алексей Белокуров тонул в болоте. Дело было к вечеру, а он никак не мог выкарабкаться из затянувшей его чарусы. И чем больше он барахтался, тем глубже затягивала трясина. Он был в длинных бродовых сапогах. И эти сапоги, наполнившиеся торфом вперемешку с болотной водой, затягивали его в смертельную пучину.

О смерти в минуты смертельной опасности некогда думать. Он даже не испугался по-настоящему. В голове лихорадочно прокручивались все возможные способы спасения.

Это было огромное болото, прозываемое в народе Большой Чистью, тянувшееся по водоразделу с запада на восток на многие километры.

Две реки, как два рукава рубахи, вытекали из болота, одна стремилась на Север, к Ледовитому океану, другая на Юг, в Каспий, который древние тоже называли океаном.

Может, тысячу лет назад, может, две это болото было озером. В нынешних газетах порой писали, что в наши края в былые времена приходили через Большую Чисть корабли стран черноморских. И как будто сам историк Геродот об этом упоминал. Будто бы потом

наступил упадок в торговых делах, озеро заросло, края те запустели, задичали, совсем как в нынешние времена.

Вот в этом-то болоте и тонул осенним вечером вчерашний колхозный агроном Алексей Белокуров, промышлявший в последние годы себе на жизнь сбором и продажей брусники да клюквы.

Поля, на которых он в былые годы растил урожай, запустели и быстро затягивались мелколесьем.

И вся жизнь агронома в последние годы была сплошным болотом. Одну ногу вытаскиваешь из трясины, а вторая уже тонет. То заводил уток, так лисы покоя не давали, и самое главное - спрос на уток совсем упал. Коз завел - опять же торговать некому; наделал теплиц, огурцов нарастил гору, - а тут в городе китайские огурцы появились почти бесплатно...

Бывало, забудется агроном Белокуров в тревожном сне, и является к нему древний грек Геродот, трясет бородою и пергаментным свитком:

- Что же это ты, аграрий, за стадиями своими плохо глядел?

И метит заехать свитком агроному по лысеющей голове.

- Да разве ж во мне дело? - уворачивается от древнегреческих нападок Белокуров. - Вы, уважаемый, спрашивайте за развал с начальственных голов, им свитком по головам стучите.

Проснется агроном в своем деревенском доме на краю леса, и нет никого рядом. Ни Геродота, ни безответственного начальства - никого.

Вот и сейчас нет на этом бескрайнем болоте рядом никого, кто помог бы выбраться из смертельной ловушки, кто протянул бы руку. Глушь да наступающая темень.

А тонуть-то в этой болотной жиже ой как не хотелось. И надежда только на себя. Агроном лежал, распластав руки, опираясь ими на кочки, которые при каждом движении предательски зыбали. Комбайн утонул, корзина отлетела в сторону и лежала на трясине, недоступная.

Сапоги! Они были привязаны к ремню веревками, чтобы голенища не мешали собирать клюкву. Сапоги и тащили Алексея вниз. Освободиться бы от них, но для этого нужно одну руку убрать с кочки, достать к кармане нож, открыть его, обрезать веревки...

Но пока он совершает эти манипуляции, верняком уйдет на дно Большой Чисти и будет лежать там нетленно, как затонувшие «корабли стран черноморских».

Что же еще? В сумеречном свете он увидел слева от себя сосновый выскирь. Видимо, дерево повалило ветром, а ствол подзатонул, потом его затянуло белоусом, багульником да клюквенными плетями... Алексей осторожно опустил руку в болотную жижу и стал ощупывать пространство перед собой... Есть! Ствол дерева был как раз напротив. И ствол, как понял агроном, не сопрел в торфянике, крепок...

Это было спасением.

Белокуров подтащил, сколько мог, дерево к себе, опершись на него, достал ножик и обрезал веревки, державшие сапоги. Теперь нужно было освободиться от них. Трясина держала их прочно.

Алексей пошевелил стопами и, опершись на ствол, стал потихоньку освобождаться от сапог. Неожиданно это получилось без особых усилий. Вытащил одну ногу, потом вторую и, почувствовав, как ослабли тиски болота, стал вытягивать себя на ствол спасительной сосны. Он не торопился, не рвался, чтобы снова не оказаться в смертельной ловушке.

Уже затемно агроном выбрался на сухое место. Надо было обогреться и просушить одежду, чтобы не окочуриться - на этот раз от холода и сырости.

Спички у него были всегда завернуты в целлофан и так упакованы, что вода не могла добраться до них. Еще у него был непромокаемый, противоударный телефон. И это тоже большой плюс. На ногах еще оставались носки, что позволяло ходить по болоту почти безболезненно.

Алексей насобирал веточек, запалил сначала небольшую теплинку, подтащил к костру валёжин, огонь которых помог бы обсушиться и скоротать ночь.

Скоро костер заполыхал во всю силу, освещая совершенно голого человека, метавшегося по спасительному пятачку, развешивавшего одёжу для просушки на ветках и сухарах поближе к огню. Наконец, штаны, куртка, рубаха запарили, и агроном блаженно улегся у огня на еловые лапы. В рюкзаке у него был термос с горячим пуншем. Алексей налил, не жалея, крышку этого огненного напитку и выпил на один мах без остатка.

Кажется, жизнь повернулась перспективной стороной.

Он полулежал на лапнике, прислушиваясь к треску костра и ночной жизни Великой Чисти. Он слышал, как переговаривались журавли, готовясь к отлету в свои хургады и анталии, гоготали гуси, обсуждавшие последние новости стаи, где-то далеко кричали лебеди...

Алексей слышал, как бродит медведь или росомаха поблизости, совсем не пугаясь этого голого человека у костра.

И он почувствовал вдруг, что становится частью этой природы, одним целым с этим таинственным и великим миром, который чаще всего недоступен человеку, скрывается от него, не раскрывает своих тайн...

Белокурову казалось, что он понимает птичьи разговоры и сам понятен им. И они понимают его нужду, заставившую собирать на болоте ягоду, рисковать жизнью, не зная законов Большой Чисти. И теперь, спасенный, голый, доступный и понятный всем, он стал им и братом, и равным членом сообщества Большой Чисти.

Над головой агронома висели осенние звезды. Космос был живым и понятным. Большая Медведица с Малой разговаривали о чем-то своем, космическом. А может, говорили как раз о нем, маленьком голом агрономе у костра, подмигивали и ободряли его:

- Не тужи, дружок! С новым рождением тебя! Начинай жизнь сызнова. Пиши ее побелому...

И агроном, задрав голову , ответно подмигивал им и блаженно улыбался.

И тут зазвонил телефон. Непромокаемый, противоударный.

Звонила женщина.

Где-то там, в каменных сотах городских девятиэтажек, со своими амбициями, ценностями, нереализованной тоской по настоящему мужику, мечтой о морских лазурных берегах, селятся женщины, с которыми Алексей давно уже пытается наладить контакты. В городе живет и его бывшая жена.

И все-таки напрасно женщины жалуются, что нет настоящих мужиков. Дескать, что ни мужик, то козел или маменькин сынок.

А вот вам Алексей. Чем плох? Не пьет, не курит, здоров морально и физически, хозяйство ведет самостоятельно. А - не разбежались.

Приедет какая на денек или ночку, побалуется с настоящим-то мужиком, подышит деревенским воздухом, загрузится молоком, творогом, овощами, да наутро домой...

Одна приехала с дочкой лет четырнадцати. Сделали селфи с козами. Слышит Алексей меж ними разговор:

- Что ты, мама, разве ж можно его всерьез рассматривать? Он же коз доит!

Да, Алексей понимает: коз нынче доить и для женщин не «комильфо». У них другие запросы и ценности. Прежде, говорят, нужно полюбить себя...

Не зря мать говорила Алексею:

- Ищи жену, Лешка, не в хороводе, а в огороде.

А он на танцплощадке высмотрел себе кралю.

Вот она и не захотела жить в деревне. Сбила и его с толку. Трехкомнатную квартиру под городом разменяли на малосемейку в городе.

Сидят вечерами, беседуют: она про Анталию, Средиземное море говорит, Таиланд, а он про болото, грибы да рыбалку. Про то, что луговину перед домом нужно осушить да посеять фацелию и пасеку поставить.

Он каждую минуту стремится в деревню - родительский дом блюсти, она себя в городской жизни реализует.

И тут понял Алексей, что жена его самым откровенным образом гуляет. Любовника завела. Сам видел ее с любовником под ручку. Чем он-то худ? И любил ее, и ласковые слова говорил, только вот деревню ценил больше города.

Дело кончилось скандалом. Как-то видит агроном, что жена на очередное свидание собирается самым вызывающим образом. Так его это взбеленило, что бросился со всех ног в аптеку, купил кошачьего «антисекса» и заправил его в кофе.

Жена перед выходом выпила кофе, поскучнела и села, прислушиваясь к себе. И никуда не поехала.

Но никакой жизни с тех пор меж ними вообще не стало. Со стороны супруги - одна ненависть.

Оставил Алексей квартиру жене, а сам в деревню съехал...

Вот и кукует один, тешит свое крестьянское начало. Мечтает, опять же, посадить озимую рожь по методу дореволюционного еще ученого Овсинского и получить без всяких затрат урожай в десять раз больший обычного...

Да на болоте общается с природой.

Прокричала недалеко печальная выпь. И сразу же в кармане просыхающей куртки зазвонил непромокаемый телефон.

Среди этой блаженной ночи, среди любовного соития с природой ему звонила женщина.

- Слушаю! - удивленно отвечал всё еще голый агроном.

- Я требую, - раздраженно сказала женщина, - более не вмешиваться в мою интимную сферу!

И отключилась.

Алексей знал, кто звонит. С этой женщиной они познакомились месяц назад. И никаких интимных отношений меж ними не было.

Может быть, на перспективу намечались...

Женщина брала быка за рога. Она предложила агроному для начала сделать ремонт в туалете и ванной, потом продала эту квартиру и вызвала его перевозить мебель в новую.

- Возьми там с собой кого-нибудь на подмогу, - сказала она требовательно.

Алексей нашел двух деревенских бездельников, посулил им два пузыря, и они помогли перевести эту мебель. Но при этом проверили содержание прикроватных тумбочек.

А потом уже в деревне по пьянке они хвастались добычей.

Алексей едва не захлестнул их обоих.

И вот результат: «Более не вмешиваться в ее интимную сферу...»

- Так, - сказал сам себе агроном. - Вычеркиваем и эту...

Костер ослабевал. Вещи уже просохли. Торф легко отряхивался с них, и Алексей стал облачаться.

И тут он увидел огонек, мелькнувший в сумраке ночи. Кто-то шел по болоту с фонарем.

Это была девчушка в фуфайке, шерстяном платке и мягких резиновых сапогах. Разглядеть ее лицо было трудно. Она остановилась, не доходя до костра, мерцавшего угольем, метрах в пяти...

- Кто ты, ночная гостья? - удивленно спросил Белокуров. - Откуда?

Агроном на какое мгновение даже усомнился в реальности происходящего. Может быть, это видение?

- Я - Ульяна, - отвечала тихо девчонка. - Вы ничего мне не сделаете плохого? - На всякий случай она отступила от костра в темноту, готовая бежать.

- Что ты! - воскликнул агроном. - Разве я похож на злодея? Я только что сам едва не ушел на дно болота.

- У нас тут опасно. У нас Шарик в чарусу провалился, и спасти не смогли.

- Вот и я, как ваш Шарик. Хорошо, валёжина попала под руку.

Девчонка снова вошла в свет костра.

- Так скажи мне, Ульяна, кто ты, откуда? Я на Большой Чисти впервые.

- Живем мы тут с дедушкой. Я и пришла посмотреть, что за люди ночью костер жгут. Дедушка у меня плох совсем, может, помощь какую окажете.

- Конечно, конечно, - заторопился Алексей. Только я сапоги утопил, идти неудобно.

- Я вам дам дедушкины сапоги, - сказала Ульяна. - Идемте. Мы вон на той согре в сосняке живем.

И они пошли. Девчонка подкрутила фитиль «летучей мыши», которая теперь довольно ярко освещала путь. Алексей подхватил на всякий случай палку.

- Здесь твердо, - сказала Ульяна, - здесь можно не бояться. Тут, видимо, остров был когда-то. На нем дедушка еще молодым построил охотничью избушку. Вот в ней мы и живем сейчас.

- Вот уж не никогда бы не подумал, что на болотах могут люди жить.

- Живём, - отвечала спокойно девчонка. - И не мы одни... Километрах в пяти от нас есть избушка. Живут какие-то бездомные, из города бежали. Потом еще дальше, километрах в десяти, люди есть... Приходили к нам. Только дедушка не больно их чествовал.

Они уже поднимались в согру, где среди сосен стояла довольно обширная избушка, в окошке которой едва теплился свет. Под навесом, как заметил Алексей, висели большущие вяленые щуки и крупные черные окуни.

- И рыба в болоте? - снова поразился Алексей.

- Так вон на той стороне - чисть, там озеро не затянуло мхом, там дед ставит сети. Вы только никому не рассказывайте про нас. А то приедут, сети отберут и нас арестуют... Третьего дни над нами кружил этот, квадрокоптер. Снимал. Мы с дедом всё под елки прячем, чтобы сверху не видать было - и лодку, и чуни.

- Не беспокойся... Уж я-то никому не скажу. Я с этой властью знаком.

Девчонка отворила дверь в избушку и, пригнувшись, шагнула вовнутрь.

- Дедушка! Я к тебе хорошего человека привела, - сказала Ульяна.

- А ты как знаешь, хороший он или нет?

Старик, лежавший в углу на моховой подстилке, зашелся в надсадном кашле.

- Да уж знаю, - отвечала твердо девчонка.

...Дед кашлял почти безостановочно.

- Наверное, у него легкие застужены, - сказала Ульяна.

- Нет. Это сердечный кашель, - не согласился Алексей. - У моей матери такой же кашель был. Это проблемы с сердцем. Надо его в больницу...

Дед привстал на постели.

- Нельзя нам в больницу, мил человек.

- Это почему же?

- Да вне закона мы. Тут история такая. Родители Ульянки погибли в автокатастрофе года два уж. Теперь ее должны были в детдом направить, а она со мной с малых лет по рекам да лесам, выпестована мной. Как я с ней расстанусь? Да и она не согласится разлучиться со мной. Говорю: «Не отдам девку в чужие руки!» Вот мы оказались вне закона. Выехала за ней опека с милицией, а я Ульянку в охапку, на каракат - и на Большую Чисть.

- Ясно, - сочувственно сказал Алексей. -Да как же вы тут жили-то? На какие средства? Тут теперь на всё запрет. Зайца не добыть, рыбку не поймать, а недавно, вишь, на грибы и ягоды налог задумали ввести.

- Ничего. Болото наше, родное. Оно прокормит, и заработать даст. Ягоды собирали, на трассу возили продавать. У нас, парень, тут всё есть. И генератор, и электричество можем запустить, даже компьютер у Ульянки есть. А потом - пенсию у меня одна бабушка про доверенности получает... Будто бы уехали мы в дальние края и след простыл...

- Вот это история! Сколько же эта девчонка вынесла! - вздыхал Алексей.

- А вот квартиру родительскую Ульянка потеряла. У тех, вишь, кредит был не выплачен, вот и забрали жилплощадь в погашение. Ну, да Бог им судья, - дед снова зашелся в приступе кашля. - Теперь уж чего? Девке восемнадцать исполнилось, теперь её не заберут от меня, только я-то, вишь, занедужил крепко.

- Ничего, Бог даст, поправитесь, - ободрил его Алексей. - Вот я съезжу домой, куплю лекарств и привезу.

В избушку нерешительно заглядывало утро.

И только теперь Алексей разглядел Ульянку. Да это вовсе не девчонка была, как показалось ему вначале, а настоящая девица-красавица. Русоволосая, доброглазая.

- Собери-ка нам, Ульянка, на стол, - сказал старик.

И пока Ульяна обряжалась, собирала на стол, принялся выспрашивать у Алексея, какого роду-племени, чем занимается.

- Агроном я, безработный сегодня, в деревне хозяйство у меня, козы, куры - верно, живность моя ругает сейчас меня последними словами. Не доены, не поены...

- Женатый?

- Холост...

- Э-э! - поднял старик кверху палец. - Ты, Ульянка, примечай - холостой парень-то...

... Дня через три Алексей знакомой уже дорогой пришел к старику с Ульянкой. Принес продуктов, лекарств. Потом еще раз прибегал, перед самыми заморозками.

Дед совсем был плох. Но держался бодро.

- Ты вот чего, - сказал он агроному, когда Ульяна вышла. - Не пережить мне зимы.

Он перевел дыхание, посидел молча, что-то обдумывая, а потом сказал:

- Забери-ка ты Ульянку себе. Вот это будет тебе и жена, и помощница. Детей нарожаете, меня, старого, добром вспомните. Ни на один день не оставляй ее тут одну, и вообще не оставляй никогда... Куда иголка, туда и нитка. Так и живите...

За окошками избушки падал снег. Бескрайняя равнина Великой Чисти скоро превратилась в белую, не замаранную ничем страницу новой книги жизни агронома Белокурова, которую нужно было написать заново.

1. 07.2020

Антонида Смолина

Антонида Валентиновна Смолина родилась в деревне Горбачево Великоустюгского района, окончила Вологодский педагогический университет по специальности «учитель русского языка и литературы». Работает на телеканале «Русский Север» в Великом Устюге. С мужем Александром воспитывает сына и дочь. Не раз участвовала в литературных семинарах.

Писать прозу начала во время работы корреспондентом в газете «Советская мысль» в 2013 году. С публицистическими материалами стала победителем областного конкурса молодых журналистов в номинации «Лучший материал в печатных СМИ». Проза Антониды Смолиной публиковалась в альманахах «Звезда Поюжья», «Ворота Сибири», журналах «Благовестник», «Родная Кубань», газетах «Красный Север», «Вологодский литератор», сборнике авторов Великоустюгского района «Каменная птица Папороть».
В 2016 году стала лауреатом первой межрайонной литературной премии имени Нины Груздевой «Твоё имя», в 2019 - победителем международного открытого конкурса короткого рассказа «От великого до смешного» (ТРК «Гомель», Беларусь). С 2018 года - руководитель Великоустюгского районного литературного объединения «Северок».

Не по любви

РАССКАЗЫ

ХЛЕБНЫЙ ЖАР МОЕЙ РОДИНЫ

Во времена, когда я еще ходила пешком под стол, в доме нашем нередко собиралось много гостей. Среди них всегда особо привечались жители Загарья, родной бабушкиной деревни в восьми километрах от нашей. Собираясь по вечерам вокруг пузатого самовара, вспоминали они былое, вновь и вновь перебирая «всяко ранешное». В их излюбленных былях передо мной, будто наяву, оживали картины, на которых взлетали колодезные журавли над плетеными изгородями, щеголяли узорными ставнями высокие дома-пятистенки, звенели юными голосами широкие улицы. Мне доводилось бывать в их деревне, но не было там ни высоких домов, ни глубоких колодцев - лишь пара осевших по самые окна изб да трава по пояс...

Сегодня, вглядываясь в родные просторы, я понимаю, что и мои внуки наверняка с недоверием будут слушать мои рассказы. Числится пока населенным пунктом наше Горбачево. Стоят как-то старые избы, живут еще в некоторых прежние соседи, но нет уже той деревни, в которой я выросла и бегала по проселку в ситцевом платьице. Все чаще и чаще я пытаюсь воскресить в памяти счастливые мгновения детства.

Вот вижу себя совсем маленькой девочкой. На дворе весна, солнце щурится сквозь дымку майских облаков, а я бегу вприпрыжку по широким деревянным мосткам на пекарню за свежим хлебом. Щемит в груди от радостного ожидания: распахнется низенькая дверь, обдаст меня внезапно хлебным жаром.

Кажется, сам ветер несет меня, как в замедленной съемке: полощется на ветру пестрая юбка, сшитая бабушкой, а красная кофта с такими рукавами, что шаг еще - и я взлечу, взмахнув красными крыльями... Но... Затянуло бурьяном то укромное место на берегу ручья Щапово, где когда-то дымила высокой трубой пекарня. Растаял за кронами осин дразнящий запах свежего хлеба...

Воспоминания нахлынули, и я хватаю ручку, бумагу в надежде поймать мимолетную картинку, запечатлеть в словах некогда испытанное счастье. А слова не идут.

Эх, хороша была моя деревня, людная, дружная, веселая! «Была», - затеняет всю строчку роковой глагол. И теряются за ним перебор раздольного сенокоса, щелканье кнута и надсадный скрип телег под ношей сена с дальнего покоса.

Мне хотелось бы написать о том, как вырастает новый дом на пригорке у колодца. День за днем под перестук топоров из запаха смолы и кучерявых стружек все выше и выше тянутся рубленые простенки, пока не поднимется он, стройный красавец, во весь рост, подставляя солнцу острые грани новенькой крыши. Да, и ах! Рядом с тем колодцем затянуло жгучей крапивой свежее пожарище. Пьяный сосед на ночной пирушке подпалил избу и сам сгинул вместе с ней. В общем-то, и не его была та изба. Когда хозяин ее помер, с десяток лет тужила она, оставленная на произвол судьбы...

Вот и приткнулся к ней случайный человек. Уж покосилась банька, опаленная пожаром. Обомшела полегшая изгородь. Лишь опаленная огнем калитка не хочет сдаваться. Зацепилась за столб проржавевшей петлей и все скрипит на ветру, будто всхлипывая. Тлен и забвение... Воспоминания то уносят меня в прошлое, то, как в кино, смешиваются с реальностью...

Не представляю наш дом без хлопотуньи бабушки. Старушка моя, я всё помню: твой добротный двор с хороводом рябин вдоль ограды, и беспокойных овец, от зноя забившихся в угол, и толстого петуха, охрипшего малость от собственной важности... Гляжу, а колодец-то мой никак помолодел с последней нашей встречи? Скинув ветхий деревянный сруб, оделся в прочные бетонные кольца и будто подбоченился. А нахлобучив шиферную крышу, совсем заважничал. Топчется рядом с ним прежний приятель - журавель, тянет просительно длинную шею, да не под стать колодезному «франту» водиться с долговязым. Зачерпну студеной водицы, хлебну, как прежде, из немеющих ладошек и побреду дальше - мне ли судить заспоривших друзей!

Ноги несут меня той же дорогой, но глаза не признают прежние места. Уже совсем неразличимы тесовые мостки вдоль забора, выстланные когда-то заботливой рукой до самой околицы. Одичалый малинник тянется из запустелых огородов. И кажется, что каждая изба внимательно следит за мной из-под старых черемух, чуть грустнея оттого, что я прохожу мимо ее калитки. Чудится ли мне, но в их потемневших окнах я словно читаю немые укоры.

Так же глядела на мир однорогая корова Малька, когда хозяйка отправляла последнюю кормилицу на убой. Баба Валя, в распахнутой синей фуфайке и валенках на босу ногу, суетилась вокруг нее, то подкладывая ей сена, то потчуя теплой пшеничной горбушкой, то просто охаживая широкой натруженной ладонью ее крутые бока. Малька стояла посреди двора на вытоптанном, подмерзшем мураве и покорно жевала предложенный ломоть, а в глазах ее затаилось нечто бездонное. Старая хозяйка снова и снова придумывала себе «работу», оттягивая час расставания, не в силах выдержать коровий взгляд...

Когда-нибудь, наверное, я расскажу своим внукам о волшебном месте, в котором выросла. Сидя на покатом склоне среди травы, средь россыпи ромашек и земляники, не уверена, найду ли нужные слова... Я проведу их вдоль говорливой речки Шарденьги, по узким тропинкам, пахнущим клевером и дикой мятой. Расскажу моим родимым, как ветер гонит золотую волну на ячменном поле. Покажу, как сосны на высоком Тайкином угоре щекочут вершинами облака. Пускай сегодня уже не представить, как беспечно цвели на забытых угорах деревни, не зарастут дороги, ведущие к ним. Ибо лежат они не на старых архивных картах, а в сердце каждого из нас.

БАБУШКА

Бабушку с утра ругали за глупость. А как иначе назвать её фантазии о пароходиках на заснеженном балконе? Бабушке шёл 87-й год, она плохо слышала и почти ничего не видела.

Когда-то давно она была дочкой капитана. Папа-капитан водил пароход по широким северным рекам. У него была персональная каюта, белый китель и сильные руки, поднимавшие её высоко-высоко, до самых чаек. По ночам ей часто снились их крики. И тогда с утра она просыпалась в тревоге.

- Пароходик-то ещё не ушёл? Я успею, Нина? - тормошила она спящую дочь и судорожно натягивала на плечи кофту. - Пароходик-то, вот ведь он, у балкона стоит, ишь, волна-то сегодня какая высокая...

- Дура ты, старая дура! - недовольно отзывалась дочь. - Квартира на третьем этаже, до реки через весь город ползти - какой ещё пароходик? Брось свои глупости, дай поспать!

Бабушка на ощупь добиралась до окна и долго стояла там, прислушиваясь к несуществующим чаячьим крикам.

Вечером привели правнука.

- Баушка, баушка, - затараторил он с порога. - Я летающую корову хочу! Настоящую! У неё крылья белые, а сама она чёрненькая, с пятнышками. Я на неё сяду и буду летать вот так высоко, - и мальчуган задрал голову, показывая, как высоко может взмыть летающая корова.

Потом он ещё долго рассказывал, какие удивительные существа эти летающие коровы, как он ждёт не дождётся, когда наконец у него будет своя чудесная бурёнка. И взрослые смеялись, спрашивали, что ест его корова, где спит и влезет ли она на балкон.

Бабушка тоже слушала и смеялась и была, пожалуй, в тот вечер даже счастливее своего трёхлетнего правнука, потому что он по секрету рассказал ей: коровы летают очень быстро, его бурёнка с легкостью нагонит ушедший пароходик. Теперь бабушка ждала предстоящий полёт.

НЕ ПО ЛЮБВИ

Был у Раисы Прокопьевны муж, дядя Алексей. И был он полной её противоположностью. Она - шумная, деловитая, ни минуты без дела, а он - чего уж греха таить - нюня. Всем и всегда рулила тётя Рая, муж же послушно исполнял указы, умудряясь, тем не менее, регулярно напороться на праведный гнев своей благоверной. Впрочем, не так уж прост был дядя Алексей, но об этом чуть позже.

- Мы ведь с ним не по любви женились, - охотно делилась тетя Рая, расположившись у стола с чашкой «ликерчика» - так она называла рябиновую настойку, разбавленную горячим чаем.

- Ну, Раечка, зачем же ты опять начинаешь? - пытался возразить дядя Алексей.

- А затем, что по любви надо было замуж идти, за Генку-инженера: жила бы, как сыр в масле каталась, а не с тобой мыкалась. Сколько нервов ты мне истрепал, вон, неврологию заработала, - заводилась тетя Рая и бесцеремонно тыкала растопыренной пятерней в нос супругу.

После этого дядя Алексей обычно находил себе срочное занятие во дворе, а она продолжала уже знакомую всем историю:

- Я тогда с подружкой из деревни только выбралась. Приехали мы в Мурманск производство строить. Прошли курсы маляров-штукатуров, и направили нас цеха красить. А я хороша была! Коса длинная, талия - чуть шире этой чашки. Одевалась всегда с иголочки. Выйду из цеха - юбочка, кофточка, причёсочка - не скажешь, что малярша. Но гордая! Никого к себе не подпускала. И стал за мной Генка-инженер ухлестывать. То конфет притащит, то цветов. А ведь тогда цветы живые, знаешь, какая редкость была. Одним словом, ухаживал. И нет бы мне, дурехе, приглядеться к нему, все-таки с местом парень, с головой! Подружка-то моя сразу прочухала, давай ему глазки строить. А мне, видите ли, усы его рыжие не по душе пришлись. Как подойдет ближе - так будто тараканы на меня таращатся. Думаю, а ну целоваться полезет - я ведь заверещу... В общем, он потом на подружке моей и женился. Хотя, точно знаю, всю жизнь меня любил. Мне же этот увалень достался. Как достался-то? Дак ведь говорю же, дура была. Иду по улице как-то, а он у киоска газетного стоит. Рубашка белая, на ветру так и трепыхается, рукава по локоть закатаны, и руки загорелые, словно только вчера с моря вернулся. Подошла поближе, он оглянулся на меня - да как хлоп-хлоп своими ресничищами! Я чуть не села, до чего хорош, зараза, был.

- Теть Рая, так ты ж, выходит, влюбилась в него, а говоришь, не по любви...

- Говорю, не по любви, значит, не по любви, - недовольно буркнет несостоявшаяся Джульетта и, отхлебнув ликерчику, пояснит:

- Стали тогда молодоженам квартиры выписывать. А я в общежитии на двоих с подружкой комнатку делила. Удобства на этаже, две кровати вдоль стен да стол с табуретками, и то всё казенное. Вот и думаю, замужем-то почти то же самое, только уж всё своё и сама хозяйка, надо замуж идти. А за кого идти? Не за Генку же, с тараканами в квартире жить ой как не хотелось. Вот и потащила этого в загс.

- И не сопротивлялся?

- Да ты глянь на него, ему ведь ни до чего дела нет. Так и до женитьбы не было. Сказала «пошли», он и пошел.

- Любил, наверно, - подмигнешь тете Рае.

- Любил?! - фыркнет она. - У него одна любовь - та, что сорок градусов и булькает.

В защиту дяди Алексея надо всё же сказать, что пьяницей он никогда не был. Однако много лет в их семье продолжалась увлекательная робинзонада. Немыслимыми фантазийными усилиями он находил тайники для заветной чекушки, чтобы приложиться с утра «для запаху», а после по-партизански верно и преданно отстаивать заначку под натиском разбушевавшейся супруги.

Где только он не прятал свою стеклянную подружку: и в доме, и в бане, и даже на огородных грядках находила тетя Рая его тайники. А найдя, с видом торжествующей Немезиды уничтожала найденное жестоко и беспощадно, выливая в отхожее место. После того дня дядя Алексей ходил пристыженным и обиженным, но как только приходил в себя - поиски начинались снова.

В последнее свое лето Раиса Прокопьевна занялась рукоделием. Очень уж ей приглянулась в одном журнале вывязанная крючком барышня с зонтиком: тонкая, изящная, в широкой юбке, она напоминала тете Рае её саму в лучшие годы. Несколько дней трудилась рукодельница над этим шедевром, и результат того стоил. Барышня, для устойчивости подпёртая пустой бутылкой, заняла удобную позицию на полке за телевизором и неизменно радовала хозяйку.

И в то же лето был побит рекорд по самому длительному ненахождению запретной чекушки. Каждый вечер, ложась спать, тетя Рая ломала голову, где этот старый проныра зарыл свое сокровище. И ведь что интересно, далеко не уходит, надолго не отлучается, а знакомый шлейф уже витает в комнате, под самым тети Раиным носом. По всем подсчетам, выпита была уже не одна «малушка», но разгадка так и не находилась. Ох и кипели же тогда страсти на кухне у тети Раи!

А с первыми осенними деньками Раиса Прокопьевна занемогла. Притихла, присмирела, и в одну из сентябрьских ночей, робко стучащих дождем в тёмные окна, не стало нашей тёти Раи.

На поминках дядя Алексей вынес ту самую, не найденную покойной чекушку. Все это время она стояла на полке за телевизором. Когда тетя Рая связала свою барышню, для опоры под платье она поставила пустую бутылку, которую тут же ловко подменил хитроумный супруг.

Еще долгих двенадцать лет прожил дядя Алексей без тети Раи. Каждую весну он приходил на её могилу и, лукаво подмигнув жене, смотрящей на него с надгробного фото, задавал неизменный вопрос:

- Ну что, Раечка, догадалась, где?

И после, выдержав паузу, торжествующе выдавал:

- А вот и нет! - и доставал чекушку то из сапога, то из-под шапки.

Могила дяди Алексея в Мурманске. В прошлом году дети забрали старика к себе, там он и умер.

Надежно спрятался.

ТАНЬКИНЫ СЛЁЗЫ

Танька была нагулянной. Об этом ей регулярно сообщала бабушка. Так и говорила: «Чего от тебя ждать-то, от нагулянной?»

После чего непременно уходила в размышления о Танькиных родителях: «Нет бы на кого стоящего запала (это про Катерину, мать Танькину), а то сама пустоголовая, он (отец то бишь) - ни кожи, ни рожи, вот и выродили детушку». Танька к бабушкиным речам привыкла, хотя иногда ей хотелось узнать что-нибудь еще про своих родителей.

Анна Егоровна (так звали Танькину бабушку) всю жизнь проработала телятницей в совхозе, за что имела удостоверение «Ветеран труда», поздравительную открытку к Дню работника сельского хозяйства и мучительный артрит, скрючивший почти все суставы ее некогда могучего организма. Однако характер у этой старушки был тот еще: с надуманного ее не своротить, а вот за обиду можно было понаслушаться.

Катерина была ее единственной дочерью. Отца она никогда не знала, ибо молодой муж Анны Егоровны убит был упавшей сосной на делянке через три месяца после свадьбы. Мать, понятное дело, работала от зари до зари - все-таки одна девку воспитывала. Выросла Катерина как-то незаметно, после школы уехала в Северодвинск учиться на закройщицу, а уже к лету вернулась тяжелая. Поругалась Анна Егоровна, погремела крынками, да делать нечего.

Мать из Катерины получилась хорошая, только не суждено ей было воспитать Таньку до полного возраста, оставила сиротой, едва той исполнилось четыре годика. Скрутило Катерину быстро: Рождество встретила на больничной койке, а в Крещенский сочельник ей уже готовили другую постель - топорами да ломами ворошили промерзшую глину.

Так и остались Анна Егоровна с Танькой вдвоем. Матери Танька почти не помнила. Только смотрела порой на её фотографии и думала, что лицо у этой женщины такое знакомое-знакомое. Хотя не оттого ли, что фотографии были изучены ею вплоть до самой маленькой черточки?

Танька росла тихой девочкой, со своими какими-то укромными делами и заботами, которые, правда, не всегда одобрялись бабушкой. Анна Егоровна считала, что растить Таньку надо в строгости, и за провинности наказывала. Ремня в руки не брала, зато на язык остра была, до слез Таньку в два счета доводила.

Особенно Егоровне удавались всякие обзывательства. Так, за любовь к кошкам она стала Таньку кошкодеркой дразнить. И вроде страшного ничего в этом не было, а все-таки при бабушке Танька на кошек уже не смотрела.

Исключением была только Муська - шустрая черно-белая кошечка, которую Егоровна держала, чтобы мышам спуску не давать. С Танькой они были не разлей вода: Муська, как хвост, всюду следовала за юной хозяйкой.

По весне кошка заметно округлилась. «Опять не меньше шести выродит!» - возмущалась, глядя на нее, Егоровна и пыталась высчитать срок, когда ждать пополнения. С котятами старушка расправлялась быстро: выносила новорожденных под тополь, увешанный вороньими гнездами, и оставляла на волю крылатых хищников.

Однако в этот раз все пошло не по плану. В июне живот у Муськи пропал. И сама она почти перестала бывать дома. Ясное дело, родила где-то. Вот только потомство кошка умело прятала. Сколько не пыталась Егоровна ее выследить, все впустую: поводит её Муська кругами возле дома да и сбежит незаметно.

Как-то раз, когда бабушка ушла к соседке посидеть, Танька увидела Муську на тропинке у бани. С кошкой явно было не все в порядке. По дорожке она не бежала, как обычно, держа хвост трубой, а медленно ползла, перебирая передними лапами. Танька рванула к своей любимице. Муська, Мусечка её, буквально была разодрана. Видно, встретилась ей на узкой дорожке чья-то собака. Как она вообще смогла от нее вырваться!

Танька боялась прикоснуться к истерзанному кошачьему тельцу.

- Милая моя! Хорошая моя! Ты поправишься! Ты обязательно поправишься! - причитала она, и на окровавленную шерсть крошились Танькины слезы.

- Муся, Мусечка! Кис-кис-кис! - Танька попыталась подозвать кошку к бочке с водой, чтобы там, в тенечке, смочить ее раны. Муська же из последних сил карабкалась в сторону бани.

- Котята! - вдруг озарило Таньку. - Там ее котята!

- Покажи мне, где они, Мусечка! Я помогу тебе. Я обещаю тебе, я никогда вас не брошу. Только не умирай, прошу тебя, не надо умирать...

Кошка не смогла исполнить Танькину просьбу. Все ее тело вдруг выгнуло в дугу, дрожь пробежала по нему от ушей до кончика хвоста, и Муська замерла без движения.

С трудом Танька обнаружила небольшой лаз под свод бани. Исцарапавшись о поленницу, ломая ногти и обжигая колени крапивой, она всё же пробралась в муськино укрытие. Там, в туго свитом гнезде из старого сена и опилок, смешно уложившись горочкой, спали пятеро малышей. Танька ткнулась носом в эту пушистую горку, вдохнула запах молока и нагретого сена и горько, взахлеб заревела. Разбуженные котята в недоумении цеплялись коготками за ее волосы, лезли мокрыми мордашками ей в лицо и все пытались ощупью обнаружить в ней мамку.

Котята были совсем маленькие. Танька стянула из бабушкиной аптечки пипетку и кормила их сметаной - так они быстрей наедались и дольше спали. Притащила им старое детское одеялко и плюшевого медведя. Котята присасывались к нему и громко чмокали. Девочка

лежала рядом и шепотом рассказывала им про Муську: ей ли не знать, насколько важно помнить свою маму.

А через пару недель тайна была с блеском раскрыта Егоровной. Котят извлекли на свет Божий, над Танькой же нависла небывалая гроза.

- Ах ты кошкодерка! Выкормила на свою голову! Куда мне столько кошек? Скажут, совсем Егоровна с ума спятила. А я ни сном, ни духом. Говори, где научилась от бабушки таиться? - Долго Егоровна отчитывала плачущую Таньку.

А после как отрезала:

- Чтобы сегодня же их тут не было!

- Бабушка, куда же я их дену?

- Знала, как прятать, знай, и куда девать!

В отчаянье Танька понесла котят под тот самый тополь. Из-за слез она не видела дороги, шла, будто пьяная, крепко прижимая к груди коробку с котятами. Положила свою ношу под деревом, а сама в беспамятстве повалилась в траву.

Долго ли там лежала Танька, она не поняла, но разбудили ее знакомые коготки и мокрые мордашки, которые привычно путались в ее волосах. Окрепшие на сметане, котята смогли сами выбраться из коробки.

Танька сгребла своих подопечных в охапку и побежала к бабушке. Почему-то ей вдруг показалось, что бабушка сможет понять и простить её. Танька неслась домой, не чувствуя дороги под ногами.

Однако гроза еще не миновала. Егоровна завелась не на шутку.

- Мне кошек не надо - и точка. Сейчас же убирай! Чтобы духу твоего не было, пока не уберешь!

- Бабушка, их вороны не едят, они уже большие, - попыталась оправдаться Танька.

- Мне какое дело! Сама вырастила. Бери лопату, иди закапывай.

- Они же живые! - захлебнулась в рыданиях Танька.

- Велико дело - живые. Это кошки. Они, как тараканы, плодятся. Куда их девать-то? Убирай, кому говорю!

И Танька закопала котят. У дороги она вырыла небольшую ямку, постелила в нее травы. По очереди брала котят и складывала горкой - так, как увидела их впервые. Они расползались, натыкаясь друг на дружку, переворачивались на спину и сучили лапками, пытаясь выбраться из ямы. Танька уговаривала их, целовала и складывала обратно. Потом зацепила лопатой земли и сыпнула на них сверху. Влажный песок не смог пробиться в густой подшерсток котят и скатывался с них, словно вода со смазанной сковороды. Малыши наперебой замяукали и стали еще активней карабкаться из ямы. Танька снова сыпнула земли. Потом еще и еще. А после прижала ладошками бугорок, из-под которого все еще неслись сдавленные звуки.

Домой она вернулась затемно...

Про этот случай в доме Егоровны никогда не говорили. Танька стала еще тише и послушней. Осенью пошла в первый класс. Училась на одни пятерки. Егоровна с гордостью показывала ее дневник соседям.

С тех пор прошло много лет. Уж покосилась та изба, в которой хозяйничала Егоровна. Завалилась набок банька, где хитрая кошка спрятала от нее своих котят. Затянуло быльем и крапивой тропинки, на которые крошились горькие девчоночьи слезы. Все стирает время, нет у него памяти. И только в душной палате районного дома для престарелых самой смертью забытая старушка все еще помнила, как заплаканная Танька прижимала к груди коробку с котятами.

В ПАЛАТЕ

В душно натопленной палате соседствуют четыре женщины. Все они давно мамы, бабушки, а наша - и вовсе уже прабабушка. У каждой свои болячки. Двое переносят их на ногах, перебинтованные, исколотые, но «ходячие», как здесь принято говорить. Одна восстанавливается после ампутации ноги: вот уже месяц, как мир её ограничен кроватью с примотанным к спинке жгутом, который помогает перевести тело в вертикаль. И наша бабушка, которой тоже вскоре предстоит лишиться ноги. К счастью, она того пока не знает. Бабушке почти девяносто лет, любые изменения в окружающей действительности вгоняют её в панику. Уже сутки она не перестаёт бредить.

Моя задача проста - на протяжении двухтрёх часов держать бабушкину руку, чтобы старушка наша не вырвала капельницу. Вдоволь наглядевшись в окно, где только облака изредка сменяют друг друга, начинаю невольно прислушиваться к разговорам.

- Сколько же можно-то? - возмущается соседка напротив. - Ведь второй месяц лежу, всё

лечат-лечат, а толку никакого! «Отпустите, - говорю, - вон затайка какая началась, у меня ведь картошка-то в подвале уж плавает, наверно». Не отпускают. Ногу просила показать - не слушают, только знай своё - бинты мотают.

- Ну, ничего-ничего, - пытается поддержать её женщина с крайней кровати. У неё тоже картошка в подвале, и дороги раскисли, а в деревне, где она живёт, осталось всего четыре жилых дома. - У меня уж, наверно, и плавать нечему - утащили, поди.

На соседней кровати со скрипом натягивается жгут - ещё одна больная подключается к беседе. Слышит она плохо, а потому тему разговора не уловила - только настроение.

- Ничего не понимаю, - жалостливо начинает она. - Раньше по буханке на человека было положено, говорили, хлеб - всему голова. А теперь говорят, напустую хлебай, хлеб - вредно. Хоть бы корочку ржаную дали, не издевались над старухой. Я им говорю, что не могу больше эту жижу есть, которую они носят. Прямо говорю, что не наедаюсь. Не реагируют.

- Не дают - значит, нельзя, - сурово замечает хозяйка «плавающей» картошки. - Домой приедешь - ешь чего хошь, а тут уж чего дают, за то и спасибо...Ты дома-то как будешь справляться? - вдруг меняет она тему. - Худо без ноги-то.

- Справлюсь, - как-то обиженно отвечает женщина без ноги и валится на подушку. Разговор обрывается. Тяжело вздыхает одна, другая. По коридору с грохотом тащат каталку.

Бабушка, задремавшая на короткое время, просыпается. Не открывая глаз, заводит тоненьким всхлипывающим голоском:

- Мама-а-а... Мамочка моя милая! Если бы ты знала, как я тебя люблю. Нет у меня никого ближе. Без тебя я совсем одна. Почему же ты мне не сказала, что так тяжело-то будет? Качала меня, баюкала, говорила, что всё хорошо, ничего не надо бояться. А ведь это с тобой только хорошо и не страшно. Без тебя всё не то, всё не так. Мамочка-а-а-а... Зачем ты меня бросила, свою девочку? Мама-а-а...

Слушать это невозможно. Я глажу её седую всклокоченную макушку, шепчу:

- Чшшш... Всё хорошо, моя девочка, всё пройдёт. Надо потерпеть немножко.

Бабушка затихает.

Тихонько всхлипывает соседка напротив. По коридору снова гремит каталка.

ЧУЖАЯ ЖЕНА

- Вы же не начинаете шевелиться, пока под самым хвостом не загорит, - раздражённо выговаривал Василий хозяину, обдирая проводку, спрятанную под толстым слоем обоев. Одноногий старик сидел на диване в противоположном углу комнаты и виновато молчал.

Чуть больше недели назад в районе частной застройки один за другим сгорели три дома. И все - по причине короткого замыкания. Для Василия, местного электрика, это стихийное бедствие вылилось в срочную замену километров кабеля на многострадальной улице и, как следствие, - отмену долгожданного отпуска.

Вот и сегодня, оценив фронт работ, Вася понял, что посиделки, запланированные на вечер у соседа, пройдут без него.

- Дома у всех деревянные, погода сухая стоит - как спички повспыхиваете, - продолжал он, с силой выдергивая из стены задубевшие от времени провода.

Кабель неожиданно быстро поддался, и Василий, не удержав равновесия, повалился назад. Пока его руки спешно искали, за что зацепиться, на пол полетели портреты с навесной полки, ваза с подоконника и что-то ещё, пылившееся в тесной комнатушке, сотрясённой падением несчастного электрика.

- Что случилось? - показалась в проёме обеспокоенная хозяйка. - Ой-ё! - всплеснув руками, женщина бросилась собирать осколки на разноцветных половиках.

Василий поднялся, подхватил с полу треснувшую раму с портретами и теперь неловко топтался в углу, боясь раздавить остатки стёкол.

- Ничего-ничего, - улыбнулась хозяйка, заметив его смущение, - пусть на счастье будет! Я сейчас за веником схожу и всё замету.

- Вы уж простите меня, - взглянул Василий на старика, сам не зная, за что больше стыдно - то ли за разбитое имущество, то ли за недавнюю отповедь. - Вон, и родню вашу расколотил, - пробормотал он, пытаясь пристроить портреты обратно на полку. С чёрно-белого фото строго смотрела худощавая женщина. - Кто это? Сестра, наверно?

- Это жена его, - просто ответила вернувшаяся с веником хозяйка. - А рядом мой муж, это армейская фотография.

- А вы кто? - спросил Вася и тут же подумал о неуместности подобных вопросов.

- Да, кто ты мне? - неожиданно подключился к диалогу старик и хитро сощурился. Василию показалось почему-то, что заданный вопрос уже не раз звучал в стенах этого дома.

- Николай, не начинай! - с угрозой обернулась к старику хозяйка. - Не мути воду, не по возрасту нам это.

- Эх, парень, считай, что любовница! - махнул рукой Николай.

- Вот ещё! Любовница! - хозяйка как будто даже оскорбилась. - Просто не жена.

- А чего не поженитесь? - улыбнулся Вася.

- А потому что не бывает второй жены. И мужа второго не бывает.

Старик недовольно крякнул, но возражать не стал.

- У кого-то, может, и бывает, только не про нас это, - женщина вздохнула и присела на край дивана, рядом со стариком. - Был у меня муж. Тоже Николаем звали. Хороший. Худого слова от него не слыхала - только «Манюшка, Манюшка». Мы с ним в деревне жили, недалеко тут, за рекой. Я оператором в конторе работала, он - лесником. А работа такая - всё по лесам ездил. Вот и подцепил где-то клеща. Затемпературил, да мне-то ничего не говорил сначала. И фельдшерица не сразу поняла, от чего. Потом уж оказалось, что энцефалит. В больнице нашли, когда без сознания скорая забрала. Не один месяц лежал. Только не вылечили. Ходить ходил, ел сам, но на голове отразилось - как ребёнок стал.

Так и зажили: старшему сыну десятый год шёл, среднему - шесть, а дочка совсем ещё маленькая была, трёх годков не исполнилось. Ой, тяжко было, чего говорить. И ведь не поплакать, не пожаловаться. Он это вот как-то чувствовал. Сразу занервничает, задёргается: «Манюшка, ты ревёшь? Не реви, Манюшка». И сам слезами уливается. Ребята посмотрят на него - и они туда же! Такое светопреставление начнётся, ой! Так я, бывало, соберусь корову доить, в хлеву всплакну, пожалею себя, горемычную, а уж домой-то опять спокойная иду.

Бабы всё спрашивали, как, мол, ты его не бросишь, ведь это уж не тот мужик, за которого замуж выходила. А я думаю, как не тот? В глаза ему загляну - душа-то Колина! Тридцать два года после этого мы с ним прожили. Когда умер, долго привыкнуть не могла. Будто и на месте всё, а всё не то. Вроде сама себе хозяйка стала, а как распорядиться собой, не знаю.

Вскоре соседка нас с этим вот Николаем и сосватала. Живёт, говорит, хороший мужик, при доме, при пенсии, только ноги нет, отморозил. Я ещё спросила, не по пьяни ли отморозил. Не люблю пьяниц-то. Нет, говорит, на охоте зимой заплутал, еле выбрался. Хозяйственный, говорит, спокойный. Тоже один детей растил: жена молодая при родах умерла.

Два сына у него, в Сибири оба живут. Тяжело в одиночку да без ноги хозяйство тянуть. Объедините, говорит, свои одиночества. Ага, так и сказала: «Объедините одиночества».

Только этот ведь сам свататься не пойдёт, пришлось мне в гости собираться. Так и сошлись. Третий год уж живём.

- Сожительствуем, - поправил старик.

- Да ну тебя лесом! - подскочила хозяйка и принялась за забытую уборку. Василий тихонько подвинул стремянку обратно к стене.

Артём Попов

Артём Васильевич Попов живёт в Северодвинске, его рассказы публиковались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Дон» и других. Автор двух книг - «Счастье прошедшего времени» и «Избачиха», в нынешнем году принят в Союз писателей России. Предки Артема родом из Великоустюгского района, где писатель старается бывать регулярно. Редактором двух его первых книг стала Ольга Кульневская - поэт, прозаик журналист из Великого Устюга. Нередко приезжает Артем и в Вологду. Писатель из Северодвинска презентовал свой сборник рассказов «Избачиха» и поделился размышлениями о судьбе деревенской прозы. Первые детские воспоминания, первые шаги по земле связаны у северного прозаика и журналиста с бабушкиной деревней Якушино, когда-то многолюдной, а теперь умирающей. «Проза Артёма Попова - это своеобразный нематериальный памятник деревне, - считает Ирина Николаевна Трапезникова, руководитель филиала областной библиотеки на улице Конева. - А вот дорожный указатель с надписью «Якушино», который они с братом, лингвистом Романом Поповым, заказали в северодвинском рекламном агентстве и вкопали при въезде в деревню, - это уже память осязаемая, и поступок братьев Поповых вполне в той русской традиции, где Слово свято: «Раз написано, значит есть». «По статистическим данным, - говорит Попов, - Вологодская область занимает в России второе после Тверской области место по числу заброшенных деревень. Свою задачу вижу в сохранении памяти о деревне, о народном характере, культуре.

Два рассказа

КЛИВИЯ

Среди подарков к восьмидесятилетию Клавдии Михайловны оказался этот цветок в горшке, с глянцевыми, как мечи, ярко-зелёными листьями. Она не запомнила, кто его подарил: из школы, где она раньше работала, ветеранской организации или её бывший ученик Димка Рогов. Перенервничала в тот день, и всё закончилось высоким давлением, пришлось пить сразу две таблетки.

Нет, цветок, скорее всего, был не от Димки. Клавдия Михайловна вспомнила: он притащил охапку вишнёвых, почти чёрных роз. «Траурные», - подумала, но смолчала. На следующий же день все розы, как одна, уронили головки. Когда выбрасывала в мусорку, больно укололась шипами, сильно пошла кровь - давление, значит, опять подскочило.

А больше никто из учеников так и не пришёл на юбилей. Клавдия Михайловна успокаивала себя тем, что давно уже не работает,

у всех её повзрослевших воспитанников свои семьи-дети-заботы.

Как-то раз у овощного киоска признала в полноватом небритом мужчине своего ученика Серёжку Брязгина и решилась спросить: «Серёжа? Ты?» Мужчина странно посмотрел на неё и ничего не ответил... А она весь вечер промучилась, её ли это ученик или показалось. Серёжка был любимчиком, которому всё прощалось. Клавдия Михайловна называла его ходячей энциклопедией - всё знал не по годам. Кем же он теперь стал? Вдруг прозябает грузчиком? Вроде одет бедновато... Она додумывала, сочиняла, её любимым предметом всегда была литература. Лишь бы Серёжка остался добродушным, как в детстве, а работа, деньги - не самое главное. Этим себя успокоила.

Клавдия Михайловна не знала, что на юбилей Димку Рогова пригласила соседка по этажу Татьяна, тоже глубокая пенсионерка, бывшая преподавательница педучилища. Димка, точнее, Дмитрий Викторович Рогов, занимал нынче высокую должность в областном Собрании депутатов. Татьяна пристыдила: «Не придёшь поздравить Клавдию Михайловну - всем расскажу, какой ты стал бессовестный, первого учителя не помнишь!» Вот он и припёрся с этими вишнёвыми розами и дежурным тортиком «Прага». Тоже постарел, весь седой: высокие должности, видно, просто так не даются.

Так от кого же был цветок в горшке? Белые хризантемы под цвет её волос - точно от совета ветеранов. Клавдия Михайловна каждый день меняла воду в тяжёлой вазе. Хризантемы стояли целую неделю, но и они повяли.

Клавдия Михайловна даже радовалась, что неизвестный цветок в горшке будет долго напоминать о празднике. Но почему же он не цвёл? Листья здоровые, прямо лоснятся, не погибают, но и не растут! Цветок поставила на солнечную сторону. Поливала, не забывала, только вода почему-то быстро убегала в поддон. Сверху вместо земли был насыпан крупный песок. Клавдия Михайловна подумала, что, может, так и надо. Она толком не умела выращивать цветы. Ей всю жизнь было не до них, не до плиты, не до вышивания, не до... А были только конспекты уроков, классный журнал, тетради, над которыми, уставшая, она засыпала. Если честно, готовить Клавдия Михайловна особо тоже не умела. Не от этого получала удовольствие в жизни, а от чужих детей. Своих-то у неё никогда не было. Молодые учителки в школе за глаза Клавдию Михайловну называли старой девой.

На юбилей в городской газете про неё написали штампом: «Она всю себя отдавала детям». Не садилась на больничный, когда даже не было сил идти. «На кого я своих птенчиков оставлю?» - переживала. Так и надсадила сердце. Одна запись в её трудовой книжке: средняя школа №7, и в конце - много благодарностей мелким каллиграфическим почерком кадровика. Вышла на отдых заслуженным учителем.

Нет, что всё-таки с цветком? Она перестала поливать, думая, что он возьмёт силы из земли и зацветёт. Не случилось... Прошёл месяц, другой. Настало лето с белыми ночами, от которых Клавдия Михайловна не знала, куда себя девать. И так бессонница, а тут ещё солнце круглые сутки.

Как-то раз, проходя мимо витрины цветочного магазина, она увидела точно такое же горшечное растение. Зашла, посмотрела. Кли-ви-я. Так странно назывался цветок. Разговорилась с продавцом - молоденькой ярко накрашенной девушкой.

- Да, это оранжевая кливия, или кафрская. Из амариллисовых, родина - Южная Африка, - свысока глядя на старушку в затрапезном пальто, бойко тараторила продавщица. - Как, у вас не цветёт?

Клавдия Михайловна покраснела: отчитали, как двоечницу.

В самом деле, оранжевые цветки, словно фейерверк, вырастали из самой середины жирного стебля.

- А у меня не цветёт... - повторила Клавдия Михайловна.

- Удобряли чем-нибудь?

- Нет, не знаю, чем, - продолжала завороженно рассматривать цветок Клавдия Михайловна.

- Возьмите вот это удобрение в капсуле. Разводите на литр воды и поливайте раз в две недели, - настойчиво предлагала продавец.

Клавдии Михайловне неудобно было уже отказываться: столько времени потратили на неё. И она поверила, всё ведь о цветке рассказала шустрая торговка. Подошла к кассе.

Продавщица положила в пакет удобрение и назвала цену.

- Сколько? - удивилась Клавдия Михайловна. Она эту сумму взяла для покупки продуктов на вечер. Больше денег в кошельке у неё не было.

- Удобрение хорошее, а так кливия у вас не зацветёт никогда, - «разводила» продавщица.

Трясущимися руками Клавдия Михайловна положила покупку в сумочку, расстроенная, долго не могла застегнуть молнию.

Дома она первым делом подошла к строптивому цветку. Показалось, что в магазине всё-таки стояло другое растение.

Клавдия Михайловна приготовила раствор, как и рекомендовала продавщица, полила. Снова заметила, что вода быстро убежала в поддон: наверное, ничего и не впитали корешки. Прямо как некоторые её ученики: учила, учила, а они после звонка всё забывали.

Удобрение не подействовало ни через неделю, ни через другую. Листья не росли, цветы не появлялись. А лето тем временем клонилось к закату. В августе уже было холодно на первом этаже маленькой «хрущёвки», где жила старая учительница. Клавдия Михайловна спала в тёплых носках, ноги и руки постоянно мёрзли.

Соседка Татьяна, навещавшая её каждую неделю, однажды не выдержала:

- Клавдия, чего ты всё трясешься со своим цветком! Выброс уже его! Он у тебя какой-то неживой.

- Нет, ну что ты! - обиделась на соседку Клавдия Михайловна. И сказала уверенно: - Вырастет!

Она так же твёрдо перед завучем всегда защищала своих учеников, не переводила в спецшколу для отстающих, оставалась после уроков, учила читать по слогам. Первоклашки водили пальчиками по строчкам, размазывая типографскую краску. И всё не зря: двадцать пять слов в минуту кое-как вымучивали. Как радовалась их успехам Клавдия Михайловна! Больше, чем некоторые родители. Ни одного ученика за свою жизнь не сдала в школу «для дуриков».

...Снова пришла Татьяна, принесла продуктов. Вторую неделю Клавдия Михайловна из-за слабости не выходила из дома.

- Ну что ты вся изболелась? Всё из-за цветка! Клавдия, может, его пересадить в другой горшок, побольше? - с надеждой посмотрела Татьяна.

В голове у Клавдии Михайловны просветлело: почему сама не додумалась, что цветок надо просто пересадить? Как пересаживала она слабых учеников к сильным, и они начинали тянуться. Или наоборот, рассаживала драчунов.

Клавдия Михайловна стала жить этой надеждой. Хотя соседка не советовала выходить из квартиры, на следующий же день старушка пошла в хозяйственный магазин и принесла тяжеленный пакет земли - пять килограммов. Откуда и силы взялись! А как любовно она выбирала новый горшок! Взяла керамический. «В нём корешкам будет теплее, ведь родина кливии - Южная Африка», - это она запомнила, когда ещё покупала дорогущее удобрение.

От усталости или в предвкушении работы по пересадке цветка Клавдии Михайловне даже жарко стало. Расстелила на столе газеты, открыла пакет с землёй, полила цветок и аккуратно стала доставать растение. Песок сверху рассыпался... Клавдия Михайловна увидела пенопласт, в который был воткнут металлический штырь, от него и «росли» листья кливии. Она смотрела и не верила, что все эти месяцы, почти полгода, она поливала и ждала цветков от пластмассы или какого-то другого искусственного материала.

Клавдия Михайловна села на табуретку. Слёзы потекли не сразу. Морщины на лице стали глубже, а прожилки глаз покраснели. Она плакала тихо, беззвучно, худые лопатки мелко вздрагивали под заношенным халатиком. Платка в кармане не оказалось, старушка утирала слёзы сухонькими, в чёрных пигментных пятнах руками. Слёзы капали на землю, увлажняя её. Клавдия Михайловна тщательно, как привыкла всё делать, утрамбовала почву. Аккуратно вставила пенопласт в середину, полила тёплой отстоявшейся водой и отнесла цветок на подоконник.

Газету свернула, чтобы не рассыпать остатки земли, и выбросила в мусорное ведёрко. И вдруг на неё навалилась такая усталость, словно всю жизнь не отдыхала. Шаркающей походкой, сгорбившись больше обычного, добрела до комнаты, легла на старую софу и закрыла глаза, чтобы поскорее уснуть.

Из мучительного сна её вырвал резкий звонок в дверь. Солнце играло на стене, часы показывали десять утра. Почти полсуток проспала! Пошатываясь, дошла до коридора, открыла входную дверь. На пороге стояли двое мужчин, их лица показались знакомыми, почти родными.

- Клавдия Михайловна, не узнаёте нас? - заговорил высокий, переминаясь с ноги на ногу. - Мы у вас учились! Ну, в одном классе с Димкой Роговым! Помните? Он нам рассказал о вашем юбилее и адрес дал.

Точно! Это были те самые пацанята, драчуны, которые в первом классе не могли долго научиться читать по слогам. Загадочно улыбаясь, высокий достал из-за спины большой горшок с живым цветком, усыпанным нежно-голубыми колокольчиками.

Клавдия Михайловна, не сдерживая себя, заплакала... Это были светлые слёзы радости.

ОХОТА ПУЩЕ ЖИЗНИ

Лёха неприкаянно брёл по родной деревне Митино. Голова опущена, густые рыжие волосы топорщились, как грива у лошади. Лёхе за шестьдесят, но ни одной седой волосинки, всё лицо в веснушках, как у подростка. Может, рыжие вовсе не стареют и не седеют? У него была тяжёлая одышка, казалось, он даже шипел и присвистывал. Видно, сердечко пошаливало.

«Пузо - три арбуза», - как шутила внучка Лёхи. Детей у него полный комплект: Танюшка с семьей живёт в областном центре, Васька - почти под боком, в соседнем селе. В Митине, где Лёха родился, из трёх десятков домов оставались жилыми только три. Совсем недавно из четвёртой избы каждое утро вился дымок: ещё сорок дней не прошло, как покинул белый свет его друг Славик. Лёшка и Славик - погодки, и жили рядышком, и учились в одном классе. Считай, что родные братья. Дедки уже давно, а имена застыли с их сопливого детства, когда босиком бегали по тёплой дорожной пыли.

Они ещё крепче сдружились по охотничьим делам: не вылезали из леса, били птицу, дичь. Казалось, охота для них больше жизни. А последние годы, можно сказать, этим и кормили семьи. На пенсию-то особо не разживёшься.

В тот апрельский день Славик пошёл в лес за берёзовым соком, ужё банка должна была набраться. Каждую весну многие деревенские собирали эту сладкую водичку: «Скусная!» Ушёл Славик - и с концами. Жена Тоня заволновалась. Ждала, выглядывала каждую минуту в окно на пустую улицу. Лайка вернулась без хозяина. Тоня сразу поняла, что случилось неладное: собака лаяла без конца, крутилась под ногами, убегала на несколько метров вперёд и возвращалась, будто звала в лес. Тоня на босые ноги натянула резиновые сапоги и помчалась. Лайка вела за собой. Тонино сердце бешено стучало, готово было вырваться... Славика она нашла за вторым логом. Сидел, прислонившись к крепкой берёзе, куртка расстёгнута, рука на сердце... А сок из переполненной банки капал прямо на белое, без кровинки, лицо. Не успел снять... После похорон Славика дети забрали Тоню в город.

Лёха постоял несколько минут у дома друга. Не выйдет, не встретит шуточкой. И так тошно, а ещё ворона раскаркалась.

Стояла ранняя весна, которую легко спутать с осенью: зелени ещё нет совсем, не пробилась. Нескошенная прошлогодняя трава путалась, мешала Лёхе идти дальше, цеплялась за сапоги.

Окна пустых домов блестели, вымытые начисто дождями. Вот в двух избах, нижние венцы которых съела земля, живут две старухи. Обе - Марии; чтобы различать, их называли Машуха маленькая и Машуха большая - по росту.

Лёху давила тоска. Чем бы её прогнать? Хотелось порвать куртку, чтобы пуговицы с треском разлетелись. И закричать.

«Выпить, что ли? Нет, Машухи не нальют. Только чай. А чай не водка, много не выпьешь».

Направился к дому. Анна, жёнушка, заждалась, наверное. После смерти Славика тоже сама не своя. Ещё у Лёхи сердце болело за сына, Ваську: «Бобылём живёт. Только ломит две смены на пилораме без выходных-проходных. А ведь сороковник стукнет сейгод. С другой стороны, где хорошую невесту сейчас в деревне найти? Все разъехались по городам».

Васька жил в трёх километрах от Митина, в селе под горой. Там была почта, магазины. «Можно, конечно, и к сыну сходить, попроведать, но спуститься - спущусь, а как обратно? Не выйти в Красную гору», - рассуждал Лёха перед домом. По-прежнему ныло в груди, в висках сдавило.

Красной гору назвали потому, что с неё вся красота лесов-полей открывалась. А ещё гора из глины, да такой цепкой, что в распутицу можно запросто увязнуть и сапоги оставить. Кирпичи из этой глины делали для всей округи. И церковь с колокольней поставили из неё - такую крепкую, что двумя тракторами не могли разрушить. День, когда пытались разломать храм, Лёха прекрасно помнил, ему было уже лет десять. Скинули только колокол - больше ничего у нехристей не вышло... С тех пор колокольню облюбовали вороны, живут там много лет, кликая беду.

Вот он и дома, Анна уже накрыла на стол.

- Мать, есть у нас чекушка? - раздеваясь, попросил Лёха.

- Бог с тобой! Только из больницы - и пить? Ничему не учит тебя жизнь.

В самом деле, после поминок Славика Лёха загремел в районную больничку, в терапию.

Маялся там в душной палате, мечтая поскорее вернуться домой. На обходах врачу говорил, что ничего не болит, хотя болело… В конце апреля отделение приказано было перевести под инфекционное для коронавирусных больных: тяжёлых пациентов решили отправить в область, а лёгких начали готовить к выписке. Лёха стал проситься домой.

- Хорошо, капельницы заменим на уколы. Дома тогда обязательно проколешь! - нехотя согласилась врачиха.

- Будет сделано! - обрадовался Лёха.

Но в аптеку он даже не зашёл, а жене соврал, что ничего не назначили. Все деньги истратил в охотничьем магазине на капсюли, пыжи, порох, дробь и другие боеприпасы. Взял на себя и на Славика. Радовался как ребёнок, даже про ноющую боль в груди забыл. Только когда вышел из магазина, спохватился, что закадычного друга нет на белом свете…

Пока лежал в больнице, всё манило в лес: начиналась весенняя охота. Страсть как хотелось уток пострелять! «А то понаедут ухари на джипах, расхватают всю водку в сельмаге и будут палить круглые сутки», - переживал Лёха. Несколько домов в затерянных лесных деревнях купили москвичи-богачи, в хлев, где раньше мычали коровы, поставили снегоходы и квадроциклы, чтобы ездить на охоту. Приезжие стреляли зверьё для развлечения, а не для пропитания, как деревенские.

…Анна принесла запотевшую бутылку. Прятала от мужа где-то в сенях. Первая стопка прошла легко, а вторая отозвалась огнём в груди.

- Не пил бы, оставил… Давай мне отлей, - Анна всегда помогала, когда видела, что Лёхе может на следующее утро быть плохо. Морщилась, кашляла, но пила.

Жена всегда была рядом, даже когда молодым парнем он решился махнуть на юг в поисках сытой жизни. Отправился на Украину, хотя никого из родных там не было. Тогда, в СССР, все казались братьями и сёстрами друг другу. В Днепродзержинске строили новый комбинат, требовались рабочие руки, много рук. «Поеду, - говорил родителям, - там палку воткнёшь - и та зацветёт». А на Севере в те годы был страшный неурожай. Но новом месте Лёха устроился слесарем, Анна - разнорабочей. Но не прижились они на Украине.

- Люди там совсем другие… - вздыхал Лёха, когда через год вернулся с Анной в Митино.

Так и прожили всю жизнь в родной деревне на Красной горе: он работал механизатором, она - дояркой, пока совхоз не развалился в 90-е, а точнее, не развалили.

…После стопки встал из-за стола, хотел прилечь, резко сдавило в груди.

- Лёшенька, что с тобой? - закричала Анна.

- Скорую… Свете позвони, сестре…

Перед ним мелькали картинки из жизни, как кадры в кино. Вот ему лет семь: первая охота с дедком и со Славиком. Ружьё казалось тяжёлым и огромным, чуть ли не больше самих пацанов. Подстреленный рябчик упал прямо под ноги. «Ну, охотник растёт!» - похвалил дед отцу. А вот уже перед армией зимой в лесу обморозил нос, распутывая следы зайца. Белая-белая шкурка и кровь… Ещё кадр: в прошлом году вместе со Славиком загнали лосиху. Слёзы капали из её больших, как у коровы, моргающих глаз, когда они подбежали, лосиха ещё дёргала длинными ногами. Славик и дострелил…

А в сердце словно заколачивали калёные гвозди.

Скорая была на вызове в Глиннике - это деревня на отшибе. На весенние каникулы туда привезли из города парнишку погостить у бабки. У мальчика резко схватило живот. Скорая - одна на куст деревень. Сначала мальца в город повезла с подозрением на аппендицит, только потом в Митино, к Лёхе. Долго «буханка» скользила по глине, зарываясь всё глубже. Старый водитель подбрасывал под колёса ветки, палки, потом старые больничные одеяла, которые возил на всякий случай в машине… Забралась-таки на Красную гору. Когда фельдшерица зашла в Лёхину избу, стало ясно, что помощь уже не нужна. Да и не было у врачихи ничего в грязном чемоданчике, чтобы спасти Лёху. Навзрыд, захлёбываясь слезами, как маленький, ревел сын Василий. Жена с каменным лицом раскачивалась на кровати, не понимая, что произошло.

На похороны собралось много людей, дочка Танюшка с мужем приехала. А младшая сестра Света, которую Лёха вспомнил перед самой смертью, так и не заявилась. Сказала по телефону, что город, где они жила, закрыли из-за заразы коронавирусной. Родственники только нисколечко не поверили: хотела бы брата проводить - прорвалась. «Денег, видать, на дорогу пожалела». И больше ни слова о ней.

Много вспоминали Лёху, даже как он пытался в молодости Украину покорить. «А

что там сейчас творится! Война народная!» Ещё кто-то шёпотом рассказывал, что врач при вскрытии удивился: Лёхино сердце в дырках всё, как будто прострелено. Машуха большая не терпящим возражения голосом прогремела:

- Славка его забрал. Одному ему там скучно.

За столом замолчали. Даже было слышно, как от сильного ветра загремела какая-то железка на крыше. Но пауза оказалась недолгой, стали опять говорить между собой, парами. Кто-то даже во хмелю чему-то засмеялся, но на него тут же зашикали.

В день похорон Лёхи исполнилось сорок дней, как ушёл Славик. Но об этом почему-то никто не вспомнил.

Двоюродные братья место для Лёхи на кладбище выбрали сухое - один светлый песочек. Под гроб, ещё пахнущий сосновой смолой, положили еловые ветки. Чтобы мягко спалось.

Встреча с вологжанами

Артём Попов из архангельского города Северодвинска провел творческую встречу с вологжанами - первую после долгого карантинного перерыва творческую встречу в филиале областной библиотеки на Конева, 6. В Вологду писатель приехал для участия во Всероссийской школе писательского мастерства, проводимой для молодых писателей Северо-Западного федерального округа журналом «Вопросы литературы». Кстати, Артём прошел строгий конкурсный отбор - жюри отметило его произведения и пригласило к участию в форуме.

Разные темы затрагивал прозаик на встрече. Разговор шел о возможности возрождения деревни, о жизни простых людей, об узнаваемости персонажей, о писательской ответственности и умении предсказывать события, о любимых женских образах и социальных проблемах, о книгах бумажных и электронных.

Книга Артёма Попова «Избачиха» (Архангельск, «Лоция», 2020 год) состоит из двух разделов: рассказы и очерки. Главные герои её, как пишет автор, последние жители российской деревни, современные чудики и юродивые, горькие пьяницы и сельская интеллигенция и, конечно, легендарные русские бабушки, труженицы и терпеливицы. «Терпеливица» - именно так назвал Попов важный для него очерк о бабушке Дусе, отработавшей всю жизнь на ферме, воспитавшей четырёх сыновей. Не по своей воле она покидает обезлюдевшую деревню и переезжает в город, где её снова ждёт тяжёлый физический труд дворника, но лицо у бабушки Дуси всегда «открытое, доброе, светлое», всегда готовая услужить и утешить, она способна «перетерпеть, всю боль сдержать в себе, не показать, как тяжко на душе. Хоть и не кончала бабушка институтов, а воспитание лучше, чем у многих интеллигентов». Бабушка оставила о себе добрую память, а во сне «сидит она на высоком красивом троне. Какой трон, откуда?.. Хоть там отдыхает терпеливица». Вызывают сочувствие читателей и городская отпускница Татьяна Петровна, в поисках родного деревенского дома наткнувшаяся на медвежью семью (рассказ «Медвежий дом»), и Василий Петрович, рисующий ангелов на камнях («Дурик»), и одинокая Капка, которую застрелил сосед, спутав в темноте с волком («Капка»), и библиотекарь Маргарита Белова, по прозвищу Избачиха, которая едет в глухую деревню, чтобы доставить книги читателям и увидеть первую любовь («Избачиха»). Этот рассказ и дал название книге.

В послесловии к сборнику Артём Попов написал: «Пусть эта книга станет бумажным памятником моему герою - маленькому человеку, любимцу русской литературы XIX века с её гуманизмом... Нет на этом свете многих прототипов моих героев, всё ниже к земле опустевшие дома с провалившимися крышами. И всё не даёт покоя вопрос: возродится когда-нибудь русская деревня или зарастёт вконец сорной травой? Важно помнить простую истину: в деревне - сила и душа России».

Свою книгу рассказов «Избачиха» Артём Попов подарил Вологодской областной библиотеке. Познакомиться с ней можно в читальном зале филиала ВОУНБ на Конева, 6.

Ирина ТРАПЕЗНИКОВА

Николай Дегтерёв

Николай Дегтерёв родился в 1986 году в посёлке Шексна. Работал дворником, воспитателем в детском лагере, корректором, литературным редактором на радио, режиссером народного театра. Выпускник Литературного института им. Горького и Вологодского православного духовного училища, участник Форума молодых писателей России в Липках. Несколько лет преподавал в воскресной школе при храме Казанской иконы Божией Матери в Шексне. Печатался в «Литературной газете», поэтических сборниках «Новые имена России», «День поэзии Литературного института», в альманахах «Литературная Вологда», «День поэзии», в газете «Вологодский литератор», а также в журналах. «Вологодский ЛАД» публиковал стихи Николая Дегтерёва и его «Записки катехизатора». В издательстве Московской Патриархии в 2016 году вышла книга Николая Дегтерёва «Преподобный Сергий Нуромский». Стихи молодого автора переведены на болгарский и вьетнамский языки. Н. Дегтерёв - лауреат Всероссийской литературной премии имени Евгения Курдакова (2015) и литературной премии имени Н. В. Груздевой «Твоё имя» (2016). В 2020 году по итогам областной литературной премии имени Сергея Чухина стал лауреатом II премии в номинациях: «Поэзия» и «Критика и литературоведение». Член Союза писателей России.

Русский характер

РАССКАЗЫ

ДУХОСКОП

Ивану Петровичу не давала покоя мысль: как совместить религию и науку? Себя Иван Петрович считал человеком очень верующим и в то же время гениальным ученым. Рассуждал он примерно так: религия требует много времени: надо помолиться, Слово Божие почитать, в службе поучаствовать. И наука конкуренции не терпит: если занят мозг какой-нибудь идеей, то поди отвяжись от нее, пока не додумаешь до конца!

Но вот однажды ночью Иван Петрович вскочил с кровати и в восторге первооткрывателя прошептал: «Духоскоп!» В ту ночь уснуть он больше не мог, а все продумывал и продумывал свое гениальное изобретение. И, чуточку поспав с утра, засел за формулы и чертежи. Три месяца денно и нощно корпел Иван Петрович над своим детищем. Он и на службы божественные не ходил, и правила с кафизмами забросил, а только все сидел и думал. И иногда что-нибудь записывал. А потом взял да и собрал свой духоскоп.

- Чтой-то вы, Иван Петрович, постарели, - пропела ему знакомая бабулька, когда он, после длительного перерыва, вновь объявился в храме.

- Так ведь года, года, Авдотья Яковлевна, - любезно ответил он и пошел прикладываться к иконе.

Служба началась. Чтец Паша, картавя, читал часы, прихожане, как шахматы, расставились по своим местам. «Ну, вот сейчас мы проверим!» - сладострастно подумал Иван Петрович и нашарил в кармане духоскоп. Он бережно и незаметно достал его и стал думать, на кого бы направить. Наконец, после некоторых колебаний, он решил начать с милейшей Авдотьи Яковлевны. «Уж у тебя-то точно отрицательный баланс будет!» - злорадно подумал Иван Петрович и направил духоскоп в ее сторону. Через пару секунд прибор запищал. Иван Петрович посмотрел на экран и увидел показания: минус 4. «Маленько до ада не дотягивает», - подумал Иван Петрович. Он так запрограммировал духоскоп, что, по его расчетам, показатель ниже «минус 5» обеспечивал человеку ад после смерти - по крайней мере, до Страшного суда. «Минус 10» обрекало человека на геенну огненную во веки веков. Правда, как решил Иван Петрович, такого показателя духоскоп выдать не может, потому что совсем безнадежных людей для Бога нет. В противном случае Бог давно бы забрал человека из этого мира, пока тот не дошел до «минус 10». Так что наихудшим показателем в духоскопе Ивана Петровича было «минус 9».

Соответственно, «плюс 5» обеспечивало человеку рай до Страшного суда, а «плюс 10» - Царство небесное во веки веков. Правда, и «плюс 10» в духоскопе быть не могло, так как от падения никто не застрахован.

Иван Петрович после опыта над Авдотьей Яковлевной был несказанно рад: его духоскоп работал - и причем именно так, как его запрограммировали! Ну, или почти так: Иван Петрович все-таки надеялся, что у Авдотьи Яковлевны будет «минус 5».

С жаром бросился Иван Петрович испытывать прибор на других. После того, как он проверил полдюжины людей, жар его слегка поугас. Во-первых, во всех случаях духоскоп показывал отрицательный результат. Это могло означать либо то, что духоскоп неправильно работает, либо то, что в церковной жизни и впрямь что-то не так. Религиозный такт подсказывал Ивану Петровичу первое, а научная добросовестность настаивала на втором. В любом случае, Иван Петрович решил больше духоскоп не использовать, а дома проверить его как следует.

Целую неделю - до следующего воскресенья - Иван Петрович провозился со своим изобретением и пришел к выводу, что духоскоп работает правильно. Из-за этого он порядочно приуныл и задал себе множество глубокомысленных и опасных вопросов. Но так как он был человек самостоятельный, то решил пока этими вопросами ни с кем не делиться, а продолжить исследование духоскопа.

Кстати, за эту неделю он выяснил одну интересную вещь.

Оказывается, духоскоп срабатывал не на всех людей. Как-то вечером, выпивая с друзьями (и гениям требуется разрядка!), изобретатель направил духоскоп на одного из них. Иван Петрович знал, что Семен ни во что не верит, любит только попить пивка, посмотреть футбол и сыграть в карты. И духоскоп не сработал. Иван Петрович подумал было, что прибор сломался, но, наведя свой харизмометр на Семенову жену, которая изредка заходила в церковь, получил отметку «минус 3». После этого Иван Петрович два дня пропотел над модернизацией и встроил в духоскоп функцию «вербального разъяснения», которая действовала в сложных случаях. Ему не терпелось испробовать ее на Семене, но напрашиваться на выпивку изобретатель боялся: мало ли что может сделать Семенова жена с ее «минус 3». По счастью, Иван Петрович случайно встретил Семена в магазине. Незаметно он навел духоскоп на друга и после того, как тот не показал никаких цифр, нажал на кнопку «вербальное разъяснение». Тут же на экране всплыли два слова: «Вне спасения». Тут Иван Петрович вспомнил, как Семен не раз признавался: «Да мне вообще-то по фиг на всё это. Бог, дьявол - ерунда какая-то. И ты не парься, Ваня. Давай лучше пивка попьем».

Открытие Ивана Петровича озадачило. Оказывается, по земле ходили люди, для которых даже и ада было мало. Из ада хоть можно спастись! А тут - «вне спасения».

Еще за неделю перепробовав духоскоп на всех своих нецерковных друзьях («вне спасения» больше не попадалось, но у всех баланс был отрицательный), Иван Петрович вдруг пришел к опасной, если не сказать кощунственной, мысли.

Придя на службу, он встал недалеко от амвона в закутке, где никто не мог бы заметить его копошения с прибором. Во время проповеди Иван Петрович незаметно направил духоскоп на батюшку. На словах «и мы, братия

и сестры, должны всеусердно слушаться Бога, ходить в церковь, молиться, поститься...» духоскоп запищал. Каково же было удивление Ивана Петровича, когда он и тут отобразил «вне спасения»!..

«Что за ерунда! Сломался, верно», - подумал Иван Петрович и стал проверять прибор на прихожанах. Показатели были такие, как и в прошлый раз, хотя у некоторых после исповеди они улучшились. Так что прибор работал правильно! Что же это с батюшкой такое?

«А может, это я во всем виноват? Может, не нужно было его делать? - стал думать Иван Петрович, переносясь мысленно от науки к религии. - Может, надо было благословение взять? Да нет, кто же даст на такое благословение? А раз никто не даст - значит, и прибор этот - «от лукавого». С такими мыслями Иван Петрович собрался подойти после службы к батюшке и все чистосердечно ему рассказать. Ему было жалко прибора, но и запоздалое раскаяние грызло его.

Долго Иван Петрович собирался с духом, а когда собрался, батюшка уже сидел в бухгалтерии. Иван Петрович подошел, перекрестился и хотел было уже постучаться, как вдруг услышал слова: «Вот, вчера хорошо собрали! Вот теперь есть что владыке в конвертик вложить. А там и в отпуск можно - расслабиться». На робкий вопрос о том, когда батюшка поедет причащать болящего, батюшка ответил: «Завтра. Устал сегодня».

И Иван Петрович не зашел. Что-то его остановило.

С мрачными мыслями вышел Иван Петрович из церкви. Научная добросовестность сделала его практически атеистом. «И зачем нужно было тебя изобретать?» - думал Иван Петрович. Он хотел было уже выбросить прибор в канаву, как неожиданная мысль поразила его: «А я-то!..» Он достал духоскоп и навел на себя. И через две секунды увидел цифру «минус 9».

Иван Петрович чуть было не упал в обморок. Ему захотелось застрелиться, утопиться и отравиться одновременно. Но так и не решив, с чего начать, он пошел на остановку.

В автобусе, когда Иван Петрович возился с мелочью, духоскоп неожиданно запищал. Изобретатель достал его и обнаружил на экране «плюс 6». Ничего не понимая, он посмотрел на девушку, которая сидела напротив него. Ее лицо показалось ему знакомым. Он осторожно навел духоскоп на нее, и тот снова показал «плюс 6». Иван Петрович смотрел на девушку не отрываясь, чем явно смутил ее. А когда она вышла из автобуса, он выскочил за ней, не доехав до своей остановки.

- Вы... в церковь ходите? - не зная, что спрашивать, спросил он.

- Да, - ответила девушка.

- Я... просто... - он уже собирался рассказать ей о своем изобретении, как их двоих чуть не сбила с ног старушка, тоже вышедшая из автобуса.

- Вот молодежь пошла! - ругалась старушка. - В наше время мы не такие были, место уступали!

Девушка улыбнулась вослед старушке своей светлой улыбкой, а Иван Петрович смотрел на молодое, чистое от страстей лицо девушки и все удивлялся: «Ну надо же! Плюс 6!»

- Так что вы хотели сказать? - спросила у него, наконец, девушка.

- Я? - растерялся Иван Петрович. - Я ничего. Я просто... - и не в силах ничего больше произнести от подступившей к горлу радости и надежды, он поцеловал ее в лоб и, поклонившись, пошел в неизвестном направлении.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Могила еще не провалилась, венки порядком выцвели и истрепались, но это было видно только вблизи. Издали, когда подходил, Егор моментально определил свежий, как будто только вчера насыпанный холм рядом с могилой отца. Тетя Эля копошилась около него, что-то приговаривая вполголоса, поправляла ленты на венках. Егор встал рядом, у отцовского надгробья, закурил. Он прислушался и понял, что тетя Эля разговаривает с матерью.

- Вот, Машенька, Егорушка-то вернулся, пришел к тебе. Ты уж отпереживалась, отдохни теперь-то, царство небесное, светлое место. Пришел Егорушка, все хорошо у него, целый, невре... - тут тетя Эля глянула на Егора, заметив, что тот прислушивается.

- Невредимый почти, - уже громче, для Егора, проговорила она. Это «почти» относилось к лицу Егора, которое, как река карту, пересекал шрам, к скособоченному носу и к правому уху, половины которого не было.

- А нечего на меня смотреть, - зло добавила тетя Эля, - ждала, ждала тебя, - показала она рукой на могилу, - по кой ляд тебя дернуло туда?

Егор отвернулся, забычковал сигарету и, не желая мусорить на кладбище, засунул окурок обратно в пачку. Он посмотрел на березы, что росли на склоне за кладбищем, на реку, которая петляла слева вдали. Все это было родное и грустное.

- ...страшный, как черт. Кто его, такого, полюбит-то теперь? А ты не смотри на меня! - продолжала тетя Эля, когда он снова повернулся к могиле, - я тебе вот с эдаких лет знаю, - она руками показала, с каких, - ты у меня на руках засыпал, когда мамка твоя в больнице лежала, а папаша твой непутевый вино пил. Не жил ты в те годы! Жил, вернее, - оборвала она сама себя, - не понимал ничего. Маленький ишо был. С наше-то не... - она снова наклонилась к могиле и стала что-то поправлять.

Егор знал эту тетину привычку: сейчас она разойдется, может и лишнего наговорить, но не со зла. У нее тоже на душе много всего было, а высказать - некому. Поэтому Егор не перебивал ее.

- ...вот как был с детства поторжным, так и остался. Почто тебя дернуло туда?

Егор не отвечал, знал, что это не обязательно, тетя Эля еще не высказалась.

- Это ладно этак, а кой век - может террористом признают? Сепа... серпа... тьфу ты, Господи. Ишо в тюрьму загремишь! Понесло ведь тоже. Кому нужна эта война? А она, вишь, переживала, места себе не находила, вот и сдала, сердце-то, и...

Тетя Эля уже плакала, гладила крест, едва не прижимаясь к нему щекой. Егор сделал шаг к ней - поддержать - и тихо позвал:

- Тетя Эля.

- Что тебе? - резко прекратила плакать она. - Я восьмой десяток тетя Эля. Не наигрался в армии-то в войну? - она уже ворчала, но Егор видел, что гнев ее пошел на спад. Да и нестрашным, каким-то даже домашним казался гнев этой слабой старушки. Егор снова отступил и закурил.

- Ты уж прости его, Машенька, он ведь не со зла. Только что в отца ведь, тоже, как он, - ищи ветра в поле...

Тетя Эля уже просила прощения за Егора у матери. Скоро она выговорится, устанет, сядет на скамейку. Егор курил, а сверху плыли серые, готовые к дождю облака...

Посадив тетю Элю на такси, обратный путь от кладбища Егор решил пройти пешком. Ему захотелось до жути, до боли в сердце увидеть сына. А Катя с Мишкой и ее новым мужем жили в центре.

Дом и подъезд он нашел сразу. «А какая квартира?» - стал вспоминать Егор и по детской привычке закусил указательный палец на сгибе. Заветный номер не вспоминался. Он уже решил было позвонить соседям, но, едва занес руку, подумал: «А что я скажу? Здравствуйте, я к Кате, у вас в подъезде живет такая, с сыном Мишей? Я ее бывший муж, решил навестить сына и свою навсегда утраченную любовь? Ерунда какая-то». И Егор отвел руку и медленно пошел вдоль дома.

Вдруг из-за угла они появились все трое: Мишка (какой большой! - удивился Егор) ехал на трехколесном велосипеде, а Катя и этот ее новый муж (Дмитрий - вспомнил сейчас Егор) шли с пакетами и что-то обсуждали. Увидев его, они вдруг оба замолчали, и только Мишка продолжал выписывать кренделя, не замечая ничего вокруг.

- Егор? - первым сказал, еще сомневаясь, Дмитрий и протянул руку. - Как ты?

Вопрос звучал глупо, но от неожиданности никто из них не мог ничего сказать.

- Да ничего, - ответил Егор, - приехал вот, - и, посмотрев на Катю, добавил: - Привет!

Катя была сейчас ослепительно красива. Никогда, даже в первые дни их знакомства, он не замечал, что она так хороша.

- Привет, - ответила Катя, внимательно его разглядывая, но больше не сказала ничего.

- Когда приехал? - спросил Дмитрий.

- Вчера, - ответил Егор и теперь уже обернулся к почти врезавшемуся в него на велосипеде мальчугану.

- Миша, - улыбнулся он и протянул руки к сыну.

Только теперь мальчик увидел незнакомого дяденьку со шрамом через все лицо, заревел и запросился на руки к маме.

- Напугал ребенка, - сказала Катя и не то улыбнулась бывшему мужу, не то оскалилась на него.

- М-да, - оборвал неловкую паузу Дмитрий, - сам понимаешь, два года - не шутка, не узнал тебя, - и он как-то одновременно приобнял Катю, взял все пакеты и двинул всех - себя, Катю, Мишу, но не Егора - к дому.

«От греха подальше», - подумал Егор и усмехнулся про себя. Впрочем, от этой усмешки ему стало не весело, а больно.

«...Нет, ну ладно, батя: 90-е, все дела, не все были готовы. Ему извинительно. Ну, мамка тоже - старое поколение, продавцом работала всю дорогу. Ей тоже извинительно. Но тебе-то, Катюха, чего не жилось?»

Егор уже был пьян. Он сидел на кухне в пустой маминой квартире, пил водку и пытался понять, почему жизнь сложилась именно так.

«Что ты в нем нашла? Чего во мне нет?»

И сам, конечно, отвечал на этот вопрос. В Диме было очень много того, чего не было в Егоре: он ответственный, с ним невозможно поссориться, потому что он и без того всю вину возьмет на себя. Он осторожен, он никогда не пойдет на риск. Он всегда будет вторым номером в семье и всегда будет этим доволен. Поэтому Катя и ушла к нему от Егора.

Егор пил, и наступил, как обычно бывает, тот момент, когда ему стало жалко себя. Ему казалось сейчас, что все его предали. Отец предал еще в детстве - тем, что умер. Мама никогда его не понимала и заботилась только о том, чтобы он «не шлялся по улицам». А теперь умерла и она. Катя предала тем, что ушла от него к другому. И сына - родного, единственного - забрала.

Да и Родина, кажется, предала его. Он-то думал, что вернется героем. А его теперь самые близкие люди считали едва ли не террористом. И уж во всяком случае не видели в его войне никакого смысла. Только сегодня утром в автобусе, в котором ехал на кладбище, Егор узнал от своего бывшего учителя истории, что воевал он, оказывается, «за деньги путинских олигархов».

Егор пил, и все мрачнее становилось у него на душе, и одно только чувство начинало заполнять его, вытесняя все остальные. Не оставалось ни любви, ни жалости, ни ностальгии. Одна только ненависть заполняла его, одна только она была реальным чувством, живым, а не выдуманным. Еще не знала она, куда вылиться, но уже заполняла его полностью, становилась как будто его душой. И Егор пил и шептал, сам не зная, к кому обращается:

- Вы мне, суки, еще за всё ответите.

Он шептал, и плакал ничего не очищающими слезами, и смотрел в окно. А за окном ветер трепал березовые ветки, одинокая птица кружила над домом, серые тучи тяжело двигались по небу. В природе наступала тяжелая минута, когда всё напряжено как бы в предчувствии близкой грозы.

ЭЛЕКТРОННАЯ СОВЕСТЬ

- Вопросов к докладчику больше нет? - спросил у собравшихся в небольшой аудитории старого университетского здания руководитель секции «Этика науки» Владлен Борисович Науменко. Это был крепкий старик, который в свои почти 80 лет дал бы, что называется, фору молодым. Профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой, заслуженный работник образования, он вел ежегодные научно-практические конференции в своем университете и, как легко было заметить, получал от этого подлинное удовольствие. Единственное, что в его возрасте подводило, - зрение. Он носил массивные очки в роговой оправе, которые периодически сползали на кончик носа. Вот и теперь, не услышав вопросов к выступившему докладчику, он поправил очки и продолжил:
- Тогда мы можем перейти к следующему докладу. Тема его необычна, к тому же выходит за рамки собственно философской специфики, хотя напрямую соприкасается с тем, проблемы чего мы и обсуждаем сегодня, - с этикой науки. И я думаю, что нам, гуманитариям, интересен будет взгляд на философские проблемы с другой стороны - естественнонаучной. Также очень отрадно видеть и слышать выступления молодых ученых, одному из которых я и предоставляю слово, - это кандидат технических наук, доцент Московского института инновационных технологий Сергей Сергеевич Решетовский. А тему, я думаю, он объявит сам.

К кафедре несколько неуклюжими, медвежьими шагами вышел высокий белокурый человек, как будто еще только входящий в пору зрелости. Он, еще выходя, улыбался всем, причем и глаза его улыбались, так что скорее он походил на какого-то добродушного простака, чем на ученого, тем более имеющего дело с техникой. Впрочем, внешность часто бывает обманчива.

- Здравствуйте, уважаемые коллеги! Действительно, тема моего доклада, вероятно, покажется необычной, - начал он. Присутствующим заметно стало, что этот молодой простодушный увалень несколько волнуется - правда, скорее не от отсутствия опыта выступлений на подобных мероприятиях, а от того, что тема, которой он хотел поделиться, чрезвычайно его занимала.

- На нашей кафедре, - продолжил Сергей Сергеевич, - мы изобрели... ммм... прибор,

который может помочь человеку решать его внутренние, моральные, психические, как хотите называйте, проблемы. У нас на кафедре нанотехнологий работает дружный коллектив, все люди талантливые.

Присутствующим в аудитории гуманитариям этот «медведь» начинал нравиться. Правда, начало его выступления звучало почти как отчет перед делегатами какого-нибудь съезда - некоторые профессора, сидящие сейчас за партами, будто обычные студенты, вспомнили свою собственную юность и ностальгически улыбнулись.

Однако такое поведение молодого ученого и интриговало: как же он будет говорить о своих научных изобретениях? Так же - по-комсомольски - или же... Одним словом, интересный экземпляр был этот Сергей Сергеевич!

- И вот плод, так сказать, нашего труда, - тут Сергей Сергеевич поднял над кафедрой футляр, в котором лежала микросхема.

- Начну я с предыстории. Два года назад наша группа, которую я сейчас имею честь представлять, совместно со специалистами психологического факультета МГУ решила провести один эксперимент. Был составлен психологический тест. Вот здесь, на слайде, - Сергей Сергеевич указал рукой на доску в аудитории, куда проецировалась его презентация, - представлена выборка лиц, которые согласились пройти этот тест. Выборка, как вы видите, вполне существенная. Суть теста заключалась в следующем: испытуемым предлагались такие вопросы, определенный ответ на которые вызвал бы у них, выражаясь обыденным языком, «угрызения совести». Ну, самый простой пример, предлагалась такая ситуация: допустим, вы идете по улице и видите, что у человека, идущего впереди, из кармана выпала тысяча рублей, что вы сделаете?

В аудитории произошло небольшое оживление: кто-то усмехнулся, кто-то начал переглядываться. Решетовский нравился присутствующим все больше и больше. После скомканного «комсомольского» начала он заговорил хорошим грамотным языком, а теперь еще начал употреблять приемы захвата аудитории.

- А можно пятьдесят на пятьдесят? - пошутил один из присутствующих, что тоже вызвало свою порцию сдержанного смеха.

- Так вот, - продолжил Сергей Сергеевич, - ответы обрабатывались так, чтобы выявить для каждого испытуемого именно те вопросы - строго индивидуально, представляете, какая колоссальная работа, - которые бы вызывали самые сильные «угрызения совести».

- Вторым этапом работы, - продолжил Сергей Сергеевич, - было следующее. Мы подключали испытуемых к томографу, сканирующему деятельность головного мозга, для выявления областей мозга, активных в данный момент. Вот на этом слайде он как раз виден. Я думаю, что большинство из вас более-менее знакомы с принципами его работы - это, наверное, самая удачная за последнее десятилетие разработка канадских ученых, об этом много писали, мы не будем подробно останавливаться на нем. Также проводился анализ крови, - Сергей Сергеевич улыбнулся и оглядел присутствующих, - в философской аудитории едва ли имеет смысл вдаваться в чудеса биохимии, тем более, что на слайде это все представлено. Так что я просто хочу подчеркнуть, что работа проводилась большая, колоссальная, можно сказать, работа, чтобы разработать вот это! - Он снова поднял футляр с микросхемой повыше, чтобы его было видно отовсюду.

- Так вот, - продолжил Сергей Сергеевич, уже отойдя от кафедры и делая пассы руками перед слайдом, как будто завораживая собравшихся философов своей естественнонаучной «магией», - в ходе этих экспериментов мы обнаружили в префронтальной коре головного мозга, особенно в ее дорсолатеральной и орбитофронтальной областях, некоторые отделы, отвечающие за экспрессию нового гормона. Он вырабатывается, когда человек о чем-то переживает, но пик его экспрессии приходится именно на вот эти самые «угрызения совести». Этот гормон - я хочу подчеркнуть, что в данном случае мы выходим в область нейробиологии, которая в последние годы активно изучается западными учеными, и некоторые их гипотезы мы как раз использовали - этот гормон, существование которого только недавно удалось верифицировать, мы назвали консциентиальным, от латинского Conscientia - совесть. Также мы обнаружили, что этот гормон выборочно действует на синаптические контакты у нейронов, которые в данный момент отвечают за мыслительный процесс.

Сергей Сергеевич отошел от доски и продолжил:

- Схематически это можно изобразить так: человек о чем-то подумал - допустим, это идет

вразрез с его совестью - тогда вырабатывается консциентиальный гормон, который тормозит синаптическую передачу и таким образом мешает появлению этих «бессовестных», - он вновь улыбнулся на этом слове, как бы извиняясь за употребление ненаучных понятий, - мыслей.

- Следующим этапом нашей деятельности, - продолжил Сергей Сергеевич, - стал этап, так сказать, уже чисто экспериментальный. Даже, я думаю, не лишним будет подчеркнуть, что он в целом выходит за рамки чисто научной верификации, однако с нашей точки зрения он был абсолютно необходим.

Слушатели, и так уже заинтригованные и докладом, и видом молодого ученого, не только не заметили его усилившегося волнения, но даже еще больше заинтересовались.

- Здесь нам пришлось прибегнуть, - Сергей Сергеевич сделал паузу то ли от волнения, то ли для создания необходимого эффекта. Теперь даже любой близко знающий Решетовского человек засомневался бы - волнуется ли он или вправду настолько четко распределяет свои ораторские способности, - пришлось прибегнуть к помощи религии.

Слушатели напряженно ждали, не считая нужным перебивать докладчика.

- Все-таки совесть принадлежит, так сказать, к сфере компетенций религии, поэтому в данном случае такое сотрудничество религии и науки было, в какой-то степени, неизбежно. Во-первых, нам нужна была какая-то закрепленная, кодифицированная, что ли, основа, для того, чтобы эту «совесть» и ее угрызения проверять. Поэтому - опять подчеркну, в качестве эксперимента - мы обратились к заповедям, к тому самому декалогу, изложенному в Библии. И пригласили принять участие в эксперименте несколько по-настоящему религиозных людей. Ну, то есть таких, - Сергей Сергеевич решил опять пошутить, - у которых эти заповеди находятся, что называется, на высоком «уровне совести». И вот как раз, - продолжил он, - в ходе экспериментов мы выявили некоторые узловые нейроны префронтальной коры, которые ответственны за, если можно так выразиться, восприятие и осмысление этих заповедей и за соотношение с ними реальных действий.

- Все вышесказанное вело, собственно, вот к чему, - продолжил он после некоторой паузы. - После такой подготовительной работы, занявшей у нас, признаюсь, очень много времени, мы запрограммировали вот этот чип, - он вновь поднял футляр с микросхемой в воздух, - и проверили его, что называется, в рабочих условиях. Принцип его действия такой: на входе он получает потенциалы действия с аксонов вот этих самых узловых, ответственных за заповеди, нейронов. Эти сигналы - определенной частоты. Вернее, определенная частота - диапазон ее, кстати, очень узок - возникает как раз тогда, когда получаемые данные - от обработки информации человеческим сознанием, восприятием какой-то жизненной ситуации и, соответственно, принятие решения - идут, что называется, вразрез с заповедями. В таком случае - именно в этом случае «нарушения заповедей» - наш чип стимулирует мощную выработку консциентиального гормона, который, в свою очередь, тормозит, в пределе даже купирует, развитие мыслей, идущих вразрез с заповедями.

Возникла некоторая пауза, как будто Сергей Сергеевич ждал какой-то реакции. Однако слушатели сидели неподвижно, видимо, «переваривая» то, что только что услышали. Сергей Сергеевич понял это по-своему:

- Ах, да, забыл отметить, что наше изобретение абсолютно безвредно для здоровья. Мы уже проводили консультации с Медицинской академией, и они заверили, что абсолютно никакого вреда он не нанесет. Задача этого чипа, фигурально выражаясь, читать наши мысли и, скажем так, редактировать их…

- Простите, вы хотите сказать, что этот чип может прочитать то, о чем я сейчас думаю? - спросил, наконец, с задней парты старенький профессор.

- Не совсем, но…

- Вам не кажется, что вы с огнем играете! - возмущенно произнес профессор. - Я в данной аудитории представляю, так сказать, филологию. И такие изобретения… Ну, это что-то из серии известных антиутопий XX века. Возможно, такое и может себе позволить, но, наверное, только государство в целях национальной безопасности. Однако XX век показал нам, к чему могут приводить подобные… подобные… - профессор все никак не мог подобрать нужного определения.

- Нет, вы меня, вероятно, не так поняли, - ответил молодой ученый. Он, кажется, с самого начала был готов к подобной «атаке». - Этот чип предназначен не для того, чтобы кто-то

с него считывал ваши мысли. Он строго индивидуален, и никто не сможет по нему вас проверить.

- Но ведь, - раздалось возражение с другой стороны, - я, извините, представлюсь: Милашевская Светлана Игоревна, я занимаюсь философией религии. Так вот, я хотела сказать, что декалог - это специфически иудеохристианская традиция. А как же в таком случае быть с остальными - весь Восток, язычество самых разных версий?

- Спасибо за возражение, Светлана Игоревна. Я хочу подчеркнуть особо, что десять заповедей в нашем эксперименте - это только, выражаясь поэтически, проба пера. Безусловно, и другие религии, другие моральные системы могут быть специальным образом запрограммированы сюда.

- Но ведь заповеди в разных религиях не совпадают, - как бы желая поймать молодого ученого, с улыбкой ответила Светлана Игоревна.

- Вот это уже вопрос скорее к Вам и вообще к конкретной конфессии. Я, как представитель в данной аудитории естественнонаучного мира, говорю только со своей стороны - со стороны того технического способа, которым можно было бы как-то регулировать все эти вещи. То есть я в данном случае представляю, метафорически выражаясь, инструмент, а вы - музыканта.

- А какой вообще смысл в этом? - спросил молодой аспирант-философ.

- А смысл вот в чем. Мы живем в очень преступном мире, согласитесь?

- Да, да, - закивали все. В данном вопросе оппонентов не было.

- Так вот, ведь преступник совершает злодеяние, только если предварительно замыслит его.

- А состояние аффекта? - возразил кто-то.

- Это к медикам вообще-то, но поверьте, состояние аффекта тоже не на голом месте возникает, - уже было видно, что Сергей Сергеевич действительно волнуется, поэтому и аргументировать он стал несколько скомканно, как будто стараясь ответить на вопрос ранее, чем его, как он предполагал, перебьют. - То есть даже в состоянии аффекта все равно за мгновения на физиологическом уровне происходит нечто - не только в эмоционально-волевом, но и в мыслительном плане - что заставляет человека в это состояние впадать. В этом смысле человек становится заложником собственной физиологии. Так вот, этот чип способен и на такой, можно сказать, скорости сработать, чтобы не дать этому состоянию возникнуть. То есть он считывает наши злые мысли - вот за эти мгновения - и изгоняет их - таким образом, мы не можем даже замыслить преступление.

Все на секунду замолчали, но дальше диалог продолжился еще интенсивнее.

- То есть, погодите, он загоняет наши преступные замыслы в подсознание?

- Нет, нет, что вы! Он вообще истребляет их, как бы сжигает, выбрасывает из нашей психики!

Снова наступила небольшая пауза, кто-то даже попытался аплодировать.

- Но как он отличает добрые мысли от злых? - спросил сухонький старичок-профессор.

- Он их не отличает, он не человек. Мы просто запрограммировали то, что считается злым, и он реагирует именно на это.

- Но ведь мысль может быть амбивалентна.

- Это тонкости, но, если хотите, я расскажу поподробнее…

- Нет, нет, Сергей Сергеевич, мы не можем растягивать время нашего заседания до бесконечности, - сказал руководитель секции. - Лучше перейдем к, так сказать, содержательной части. Под содержательной частью я тут имею в виду, собственно, не вот эти технические нюансы, о которых вы уже рассказывали, а то, что ближе к гуманитарной сфере. Ну, вот, например, расскажите, что вы запрограммировали в качестве преступных замыслов?

- Это программа экспериментальная, возможно, ее придется еще корректировать, поэтому в качестве эксперимента мы запрограммировали 10 заповедей Моисея, подробно прописав, что наше изобретение будет понимать под каждой из них и, соответственно, под нарушением каждой из них.

- А, то есть еще будет корректировка? - уточнил Владлен Борисович.

- Да, безусловно, - ответил Решетовский. - Я и хотел поучаствовать в этой конференции - в философской конференции, так как не являюсь специалистом в философии - чтобы увидеть… чтобы посмотреть на наше изобретение с другой стороны, не с технической. И, соответственно, какие-то мысли, уточнения, которые я здесь услышу, представить на суд своей рабочей группы, чтобы мы могли скорректировать свою программу.

- Это интересно, очень интересно, - ответил Владлен Борисович и задумался. - Скажите, а эксперименты уже проводились?

- Нет, мы, к сожалению, не имеем права проводить эксперименты на людях, а на мышах - сами понимаете… - попытался пошутить Сергей Сергеевич. - Вот на слайде как раз представлены и сами заповеди, и нарушения…

- Это хорошо, что эксперименты на людях еще не проводились, - перебил молодого ученого руководитель секции, который, казалось, не заметил, что Сергей Сергеевич продолжает рассказывать. - Ведь кто знает, к каким последствиям может привести ваша программа. Я призываю вас, дорогие коллеги, прямо сейчас заняться обсуждением этой программы, раз у нас такой необычный доклад и мы уже плавно перешли к его обсуждению. К тому же Сергей Сергеевич и сам попросил, некоторым образом, нашей помощи для корректировки своей программы. Итак, Сергей Сергеевич, продолжайте, а мы будем внимательно следить и… - Владлен Борисович сделал какой-то неопределенный жест руками.

- Итак, - Сергей Сергеевич волновался все больше и больше, - вот первая заповедь, в том виде, как она звучит в книге «Исход»: «Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства, да не будет у тебя других богов перед лицом Моим».

Руководитель секции как-то нервно заерзал на стуле:

- Сергей Сергеевич, вы же понимаете, мы живем в светском обществе, все эти религиозные дела - лучше их пока отложить.

- Это не совсем… - начал было молодой ученый.

- К тому же, - все больше, казалось, нервничая, продолжил Владлен Борисович, - в современных условиях… достаточно нетолерантно…

- Мы и не хотели… - снова стал оправдываться Сергей Сергеевич. Однако его снова перебили, на этот раз специалист по философии религии Милашевская. Сергей Сергеевич ожидал скорее поддержки от нее, однако услышал совсем другое.

- Сергей Сергеевич, я вам скажу - лучше, действительно, для «поддержания общественного порядка», - эти слова она произнесла как будто с некоторой иронией, - религию - я имею в виду вот эти институциональные все вещи прежде всего, ну и отсылки к конкретным текстам - не привлекать. По крайней мере, в чисто религиозной их части - это скорее спровоцирует межрелигиозную рознь, чем обуздает кого-то, - закончила Светлана Игоревна, и лицо ее исказилось непонятной судорогой, как будто разговоры о религии доставляли ей физическую боль.

Сергей Сергеевич потупился, он не знал, что ответить.

- Ну, хорошо, - на сей раз пришел ему на выручку руководитель секции, - давайте, действительно, отложим в сторону, так сказать, религиозную часть этого вопроса, и продолжим рассматривать - что там далее?

Владлен Борисович сам обернулся к доске, на которой отражалась презентация, и прочитал:

- «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли».

- А если человек скульптор или художник? - спросил молчавший до сего времени искусствовед Петров.

- Нет, нет, здесь речь о другом, - начал Сергей Сергеевич, - никому не запрещается рисовать пейзажи или делать статуи. Просто не нужно, чтобы это имело богоборческий характер, - и снова запнулся, поняв, что «скатывается в религию».

- Ну, мы об этом уже говорили, Сергей Сергеевич, - мягко напомнил ему руководитель секции. - К тому же религий и богов много и, насколько я помню, речь идет о том, чтобы не делать языческих идолов. Но язычники сейчас такие же граждане, как и все.

Сергей Сергеевич молча согласился.

- Да, про «Не произноси имя Господа твоего напрасно» тоже уберите, мы должны рассчитывать на любого человека, а не только на религиозного, - словно воодушевляясь, продолжил Владлен Борисович, глядя на экран. Можно было подумать, что он принимает у Сергея Сергеевича работу или даже сам участвует в этой работе. Впрочем, именно такая роль всегда нравилась Владлену Борисовичу. - Так, так… «Шесть дней работай и делай всякие дела твои. А день седьмой - суббота Господу, Богу твоему; не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих».

- Нет, ну сейчас такой темп жизни… Нам, что, весь день лежать, а дела стоять будут? -

раздались из разных концов полушутливые комментарии.

- Да, да, - улыбнулся Владлен Борисович. - К тому же, если не ошибаюсь, это специфически иудейская заповедь, в других религиях ведь нет такого?

- В христианстве она трансформировалась… - начал было Сергей Сергеевич, с опаской глядя на Светлану Игоревну. Однако та перебила его:

- Сергей Сергеевич, уже, - и сделала характерный жест рукой, - мы же ведь уже договорились, что будем рассматривать не специфически религиозные заповеди.

- Ну, да, да, - согласился Сергей Сергеевич и пометил что-то в своих бумагах.

- «Почитай отца твоего и мать твою», - прочитал Владлен Борисович.

- А если родители бьют ребенка? - неожиданно спросила младшая научная сотрудница Анисимова, - он что, должен терпеть? Это противоречит «Декларации прав ребенка»!

- Да, да, - подхватили голоса из аудитории. Философы, филологи, искусствоведы начали принимать живейшее участие в такой, как оказалось, близкой к ним проблеме, - так мы не сможем воспитать полноценного человека! Ведь это, в сущности, идеология рабства! Зачем нам эти униженные и оскорбленные? Тем более в нашем детоцентричном мире - такое… Ну, совершенно вразрез…

- Но ведь это не противоречит… - начал было Сергей Сергеевич, но осекся.

- Я, кажется, понимаю, почему вы замолчали, - сказал с задней парты сухонький профессор. - Ведь программа - не человек, и любое сопротивление родителям она будет рассматривать как нарушение заповеди?

Сергей Сергеевич хотел было возразить, но только расстроенно кивнул.

- И надо быть величайшим дипломатом, - продолжил сухонький профессор, - чтобы и выразить свое несогласие с родителями, и при этом не пересечь ту область, в которой программа уже «выкинет» эти мысли из головы.

- Ну, да, да, тут придется еще поработать, - сокрушенно согласился Сергей Сергеевич, опять помечая что-то в бумагах. - Впрочем, это только экспериментальное… - и не докончил фразы.

- Ага, вот, - обрадовался руководитель секции, желая помочь уже расстроенному Сергею Сергеевичу. - «Не убий». Ну что, это оставим? - все больше входя в роль редактора программы, спросил Владлен Борисович.

- Оставим, конечно! - раздалось со всех сторон. - Убивать не надо!

Владлен Борисович улыбнулся Сергею Сергеевичу. Тот тускло улыбнулся в ответ.

- «Не прелюбодействуй», - произнес руководитель секции.

Вдруг наступила гробовая тишина, а потом по залу прокатился шепот: «Ну, это, знаете, как-то…», «Да, несовременно…», «Да и что, собственно, плохого…»

- Есть у вас возражения, Сергей Сергеевич? - как будто ехидно спросил Владлен Борисович, глядя на молодого коллегу, - я, конечно, со своей стороны готов поддержать, в силу возраста, так сказать, - попытался пошутить Владлен Борисович, - но молодые коллеги…

- Тем более ведь Христос в Евангелии говорит, - произнесла Милашевская, - что кто смотрит на женщину с вожделением, тот уже прелюбодействовал с ней в сердце своем. Вы и это в качестве прелюбодеяния запрограммировали?

- Да, - выдохнув, ответил Сергей Сергеевич, - потому что, с точки зрения биохимических процессов, нет разницы, происходит прелюбодеяние в мыслях или наяву.

- Но ведь огромный пласт культуры!.. - воскликнула Милашевская, однако на сей раз сухонький профессор не дал ей закончить:

- Но ведь с точки зрения биохимических процессов и интимные отношения с женой ничем не отличаются от интимных отношений с… эээ… например, представительницей древнейшей профессии?

- Безусловно, - ответил Сергей Сергеевич, - но программа позволяет использовать и зрительные, и обонятельные анализаторы, и многие другие. В этом смысле ее можно запрограммировать так, что «распознавая» в объекте жену, она не будет препятствовать… совершить то, что нужно совершить.

- Однако тут есть и еще один момент, - продолжил сухонький профессор, - брак - понятие исторически изменчивое. Да и, скажем так, географически изменчивое - в некоторых странах и до сих пор допустима полигамия определенного рода. И согласитесь, что, во-первых, представители разных стран находятся здесь в, мягко говоря, неравных условиях?

- Но программа позволяет программировать себя так, чтобы соответствовать юри-

дическим, культурным и иным нормам того общества, в котором она используется.

- Хм, хм, юридическим, - задумчиво произнес искусствовед Петров, - юридически прелюбодеяние не запрещено. Поэтому в этом случае это будет насилием над личностью. Вас могут обвинить в…

- Но ведь это добровольная программа, - пытался отбиваться Решетовский, - кто хочет, тот ставит себе, кто не хочет - не ставит. Я имею в виду в будущем, когда…

- Фашизм тоже в свое время немцы добровольно приняли, добровольно проголосовали за Гитлера, - напомнил Петров.

- Ну, в общем, крайне сомнительная в настоящее время… заповедь, - сказал Владлен Борисович, - давайте дальше двигаться, а то доклад уважаемого Сергея Сергеевича рискует перерасти в целую конференцию.

Все согласились, вместе с тем давая понять, что заповедь «не прелюбодействуй» крайне сомнительна.

- «Не кради», - произнес Владлен Борисович.

- Да, да, это нужно оставить, - заговорили все, но вдруг из глубины зала раздался голос.

- Скажите, пожалуйста, а если, например, человек захочет сделать подарок кому-то, рассчитывая, скажем так, на ответную любезность…

- Вы говорите о взятке? - спросил Решетовский, - чип сразу же выкинет это у него из головы.

- Это хорошо, - понурым голосом согласился спрашивавший.

- А вот я читал, что ростовщическая деятельность тоже считалась воровством. Вы и это запрограммировали?

- Ммм… - начал Сергей Сергеевич, - тут все немного сложнее…

- Дорогой Сергей Сергеевич, ну как же банки будут работать? - весело-снисходительно спросил руководитель секции.

- Нет, банков, - ответил Решетовский, - банков, как и других социальных институтов, это не касается. Речь идет именно о личном, личном отношении, восприятии воровства, о том, что совершается внутри, в голове человека.

- Ну, вот допустим, - начал искусствовед Петров, - нищий захотел украсть буханку хлеба, программа - раз - и выкинула эту мысль у него из головы. Он умер с голода. А какой-нибудь руководитель предприятия - в полном соответствии с нормами того социального института, в котором он находится, кстати - назначил себе зарплату миллион рублей в месяц - и что программа?

- Вот! Вот! - обрадовался Решетовский, - тут-то программа и сработает! Ведь в данном случае человек понимает, что он, мягко говоря, оставляет без куска хлеба вот этих самых нищих, назначая себе такую зарплату. Соответственно, выделяется гормон - и…

- Подождите, - перебили Решетовского. - Но вот взять, например, индивидуального предпринимателя. Он не обманывает никого, никого не эксплуатирует. Он сам назначает себе доход. И что, если вдруг у него возникнет мысль: «Эх, а ведь дети в Африке голодают, а я тут…» - сработает программа, и он начнет отдавать половину своего дохода бедным? Это, уж простите, идеализм какой-то.

- Нет, программа не закладывает наши действия, она только тормозит «бессовестные» мысли. И тут, да, если у человека… - Решетовский вновь осекся.

- Вы хотите сказать, что если у человека «развита» совесть, то, соответственно, и под разряд «бессовестных» мыслей будет попадать больше… эээ… мыслительного материала? - спросил Владлен Борисович.

- В сущности, да, - согласился Сергей Сергеевич, - в сущности…

- То есть эта программа работает неодинаково на разных людях? - воскликнул Петров. - О чем тогда вообще можно говорить?

- Это один из спорных, безусловно, моментов нашей разработки, в этом отношении мы еще не закончили наши исследования вместе с нейробиологами. Область довольно новая, тут еще много неизвестного, - попытался оправдаться Решетовский. - Я ведь прежде всего хотел рассказать именно об идее, о такой вот постановке вопроса. И как, соответственно, с такой постановкой вопроса в наше время соотносятся заповеди, которые веками, тысячелетиями…

- Н-да, спорный момент, - произнес Владлен Борисович. - Хорошо, давайте перейдем тогда к следующей заповеди, чтобы не задерживать дискуссию. Но момент, конечно, интересный, - произнес он в задумчивости. - Хорошо! Дальше!

- Ну а воры-карманники? - спросил кто-то. Людям все-таки нужно было, казалось, понять все до конца.

- Вообще-то их образ мыслей мало чем отличается от образа мыслей больших коррупционеров, - ответил Решетовский.

- А у крупных коррупционеров, как показывает история, совесть отсутствует за ненадобностью, - улыбнулся сухонький профессор.

- И снова мы вернулись к индивидуальным различиям, которые отличают «бессовестных» людей от «совестливых», - подытожил Владлен Борисович. - Господа, давайте двигаться дальше, доклад Сергея Сергеевича затягивается.

- Но ведь тогда это совершенно бесполезная программа! - воскликнул кто-то.

- Теперь уже да, - согласился грустный Сергей Сергеевич.

- Так, так, друзья, пойдемте дальше, - сказал руководитель секции, - не будем останавливаться на частностях. Сергей Сергеевич, уберите «Не кради».

Сергей Сергеевич сделал пометку в своем блокноте.

- «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего», - прочитал председатель.

- Но как полиция работать будет? Лжесвидетели - один из приемов их работы! - пошутил кто-то.

- Тем более, что есть ложь и, что называется, во спасение! - добавил кто-то уже серьезно.

- А если, чтобы защитить человека от чего-то более страшного, приходится обвинить его в чем-то менее страшном? - продолжались философствования. - Тут очень много философских проблем на самом деле.

- Коллеги, я думаю, что по сравнению с какими-то более глобальными, более серьезными темами, как воровство, убийство и так далее, это такая мелочь, что можно и пренебречь. Сергей Сергеевич, вычеркните, а то так мы до конца никогда не доберемся, - командовал Владлен Борисович. Видно было, что развернувшаяся дискуссия уже начинала надоедать ему своей философской бессмысленностью.

Решетовский сделал пометку.

- «Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».

Всех уже порядочно разозлили эти заповеди, поэтому постепенно и другие участники дискуссии, воодушевляясь критикой, стали почти срываться на крик: «Ну, а как я денег займу? Это что, - я пожелал денег ближнего, а чип - бах - выкинул эту мысль? А я голодный останусь?»

- А если мне у него охота что-нибудь другое занять?

- Занимать вам никто не запрещает, - старался перекричать всех Сергей Сергеевич, - просто вы должны потом сразу это отдать.

- А если я забуду? У меня память плохая!

- А чип еще следить за мной будет, отдам я или нет? Или, может, из зарплаты моей вычтет? Ну уж дудки, я такого Большого брата не хочу.

- А если в квартире живут пьяницы, и их можно переселить и квартиру отдать государству?

Поднялся такой гвалт, что руководителю секции пришлось сказать Сергею Сергеевичу вычеркнуть и это.

- Ну вот, друзья мои, мы в общем-то подкорректировали программу! - радостно сообщил Владлен Борисович, после чего все успокоились и даже как-то подобрели. - Правда, осталось только «Не убий», но и это хорошо. Начинать надо с малого, как говорится. Сергей Сергеевич, оставьте «Не убий», уж хотя бы с этим можно, как говорится, и к опытам с людьми приступать - может, преступникамрецидивистам его вживлять, - Владлен Борисович даже как-то оживился, как будто это он сам планировал внедрение чипа в общество, как будто нес ответственность за него. «А что, - думал Владлен Борисович, - мы ведь и действительно несем ответственность за эти изобретения, для чего же тогда научно-практические конференции проводятся?»

Сергей Сергеевич, хоть и раздосадованный таким поворотом обсуждения, но все-таки обрадовался, что труд их научной группы не пропал даром.

- Ну, что, коллеги, замечательный… по-своему, конечно, доклад, - подытожил Владлен Борисович, - а теперь, я думаю, как раз подошло время перерыва, после которого мы и продолжим. Спасибо, Сергей Сергеевич, за то, что поделились с нами.

Сергей Сергеевич, уже собрав бумаги, собирался уходить с кафедры, но тут из зала раздался голос молодой аспирантки, которая почти не принимала участия в обсуждении:

- Простите, а аборты он тоже воспринимает как убийство?

- Да, - ответил смущенный Сергей Сергеевич.

- Но ведь противозаконно запрещать аборты, - воскликнул кто-то.

Тут опять поднялся гам, и Владлен Борисович несколько раздосадованно сказал Решетовскому:

- Сергей Сергеевич, вычеркните аборты, и кончим с этим.

- Проблема в том, Владлен Борисович, что он и любое насилие воспринимает как убийство. Программа не может знать, повлечет за собой насилие смерть или нет.

- То есть если я захочу шлепнуть сына за то, что он провинился, я что, не смогу это сделать? - спросил кто-то.

- Н-да, не сможете, - повесил голову Сергей Сергеевич.

- Ну, как же так! Что-то уж это совсем… - раздалось со всех сторон.

- Но наорать-то мне на него можно?

- Нет, и этого вы сделать не сможете, - ответил уже безучастный Решетовский, - крик обычно провоцируется эмоционально-волевой сферой человека, которая в этот момент, как вы понимаете, находится не в лучшем состоянии. И программа, в сущности, распознает это состояние как предшествующее насилию.

- Сергей Сергеевич, при всем уважении, бросьте вы эту программу, от нее бед не оберешься. Ведь так вообще никакой жизни не будет. - Все почему-то стали утешать Решетовского, когда его программа полностью провалилась. Все вдруг вновь увидели в нем не ученого-революционера, предлагающего утопическую программу и рискующего нарушить устои общественного порядка, а того симпатичного доброго увальня, которым он показался в начале. Теперь, правда, этот «медведь» не улыбался, а грустил. И даже как будто жалко стало его, и как будто все вдруг почувствовали, что этот интеллигентный и, видимо, наивный молодой ученый хочет добра, только не знает, как к нему приступить. Всем почему-то захотелось вдруг поговорить с Решетовским о жизни, подбодрить его. И друг другу в этой аудитории все как будто стали ближе от этого флера объединившей их темы, продолжали обсуждать изобретение, доказывать что-то, опровергать. И когда уже снова накопился у участников данной секции круг вопросов, которые мог разрешить только Сергей Сергеевич, все обратились к нему.

Но Сергея Сергеевича в аудитории не было. Он как-то незаметно исчез, забыв, правда, свою флешку с презентацией. И только на экране продолжали светиться десять заповедей, которые - все без исключения - были отвергнуты учеными прогрессивного человечества.

Марк Москвитин

Марк Москвитин родился в 1946 году в окрестностях Самарканда. Семья много переезжала. После окончания в 1975 году Уральского лесотехнического института в Свердловске (ныне Екатеринбург) работал в научных учреждениях, был электромехаником, программистом. В Вологду переехал в 1996 году. Жизнь страны приобрела несколько фантастический, антиутопический характер, и в конце 2002 года М. Москвитин начал писать фантастику. Проза публиковалась в журнале «Техника - молодёжи», футурологическом сборнике «Россия через 30 лет». Наш журнал не раз публиковал рассказы М. Москвитина. Его рассказ «День служивого» признан лауреатом конкурса на лучшую публикацию «Вологодского ЛАДА» 2013 года в разделе «Проза».

Талисман

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Тучи накрыли бесконечный тёмный простор Пинских болот. Ночной ветерок теребил мокрые кусты. Едва слышно доносилось далёкое уханье филина.

Кастусь Мазуркевич бесшумно скользил вдоль чёрного силуэта кустов. Он был зол на себя: разведчик, тоже... Нет, всё, что нужно, он высмотрел, даже кое-что подслушал - знал немецкий язык - но незаметно уйти не сумел. Пришлось отстреливаться, а потом забирать с убитых немцев оружие и документы. Досадливо морщился: вот занятие для мирного школьного учителя... Бумаги распихал по карманам, два автомата - такие же, как его собственный, - нёс за ремни.

В темноте медленно нарастал слитный гул пары авиационных моторов. С запада тянул бомбардировщик. «Наш, - по звуку определил Кастусь. - Отбомбились сябры по немцу. Так само, как я, домой идут».

* * *

...Внутри самолёта было плохо. Машина, иссечённая пулями и осколками, непонятно как держалась в воздухе. Клочья обшивки трепетали на встречном ветру, отрывались, улетали. Но сильнее всего досталось людям.

Цель была очень хорошо прикрыта. Экипаж майора Богданова пробился сквозь плотный зенитный огонь. С короткого боевого курса залпом сбросил бомбы. Внизу полыхнуло. Разлилось море пламени - такого они ещё не видали. Стрелок даже что-то запел. Но тут за них принялись ночные истребители. Атака за атакой... Штурман и стрелок отбивались короткими и, без сомнения, точными очередями. Но вот их пулемёты замолкли.

Командир понимал: до линии фронта не дотянуть. Экипаж молчал. Убиты? Без сознания? Самого его тоже не пощадило. Пробив левый борт, в кабине рванули снаряды с «мессера».

В ногу впились осколки, в сапоге стало мокро. В руку тоже прилетело. Но хуже всего - другой осколок проломил ребро. Во рту стало солоно, кровь заливала подбородок. Голову царапнуло, порвало шлемофон. С разодранного виска текло по щеке. Богданов бессознательно стиснул рога штурвала, чтобы не упасть. Со стоном выпрямился. Преодолевая слабость и рвущую боль в груди, потянул штурвал на себя. Стёр кровь с лица. Сквозь красноватый туман ещё различались стрелки уцелевших приборов… Наконец, удалось наскрести высоту, укрыться в облаках.

Привезти ребят домой, живыми или мёртвыми… Он чувствовал, что слабеет. Ещё минут десять - и глаза закроются, руки упадут, голова повиснет… Воздушные потоки опрокинут машину - и гробанёмся, даже не успеем войти в штопор…

Что-то потеснило его в кабине. Он повернулся и увидел девушку в лёгком светлом платье. Вот и всё. Бред начинается… Девушка была молчалива. Строгий, сосредоточенный взгляд карих глаз, как у хирурга во время операции. Солнечно-рыжие косы, взволнованно приоткрытые алые губки. Открытые плечи… Непонятным образом, не раздевая, даже не прикасаясь к Богданову, прошлась словно бы нежными пальчиками по всем его ранам. Ласково, чисто по-матерински улыбнулась… Исчезла так же неожиданно и беззвучно.

Ему показалось, что стало чуть легче. Он знал, что многие умирающие перед концом чувствуют облегчение… А до линии фронта ещё далеко.

В наушниках зашуршало. Послышался хриплый, едва узнаваемый голос:

- Командир… Тридцать пять градусов влево.

Володя! Живой!

Однако чувствовалось, что говорит он с трудом.

Этот немногословный, хмуроватый парень достался Богданову от комэска-два, когда того забрали в дивизию на повышение. За Володей Рощиным командир чувствовал себя как за броневой плитой.

- Сержант Васильев! Гена! - позвал он. Стрелок-радист молчал.

- Штурман, - спросил Богданов, не очень надеясь на ответ. - До дома далеко?

- Час сорок… С такой путевой.

Не хотелось трогать секторы газа. Моторы потряхивают, постреливают. Им тоже досталось. Ничего, притерпелись, приработались… Тащат - и пусть тащат.

По подбородку больше не текло. Богданов провёл ладонью по виску. Крови не было и там. «Вся вытекла…» - невесело усмехнулся он. Нельзя помирать. Сейчас нельзя. Мужики рассказывали: лётчик может силой воли отодвинуть конец. Были такие случаи… Довезти ребят. Они сделали, что от них требовалось. Не дали поджечь машину. А выпрыгнуть, похоже, не смогут.

Сам майор притерпелся. Дышать можно, если неглубоко. Нога… больно, но кость вроде цела. Педаль нажимается.

Воздух за бортом неспокойный. Болтанка средней паршивости. Надо выравнивать крены, держать высоту, двигать штурвалом и педалями. Следить за курсом - избитую машину то и дело ведёт вправо. Только не спать, не спать… Лётчик Богданов через не могу делал привычную работу.

* * *

Скоростная наземная струна Североярск - Синегромово рассекала просвеченный солнцем сосновый лес. В трёх километрах по меридиану тайга расступалась. С обширной поляны рванулось к небу здание-всплеск. Будто сдерживая его взлёт, кругом навивалась спиралью сплошная лента окон - от земли до вершины. На площади перед входом в Институт Истории сидело несколько аэролётов, больших и маленьких, разного цвета.

Внутри главного корпуса полы и потолки были, как и положено, горизонтальны. В просторном, слегка притемнённом зале первого этажа стояла гулкая тишина, лишь подчёркиваемая негромкими голосами.

Вдоль противоположной от входа стены протянулись три огромных экрана высотой почти до потолка. Собственно, это были мониторы хроноскопов. Казалось, что смотришь в соседнюю комнату. На их светящемся фоне виднелись силуэты сидящих и стоящих людей.

В левом углу зала из стены выступал внушительный тамбур с выпуклой овальной дверью, своей массивностью похожей на звездолётный люк.

Ближний к тамбуру экран был свободен, зеленовато мерцал. Люди перед средним монитором негромко переговаривались, пересмеивались. Операторы в креслах работали. На их висках поблёскивали плашки мыслеу-

правления. Надёжная вещь, но вдобавок от подножия мониторов поднимались консоли с контактными пультиками. Подстраховка…

- Конец двадцатого, начало двадцать первого, - сказал оператор-преподаватель на левом сиденье.

- Капитализис… - произнёс один из студентов, стоявших позади кресел - среднего роста, черноволосый, коротко стриженый. Одет был, как и все, в шорты и футболку.

- Нет, Валерий, - поправил оператор. - Тут два слова. «Капитализм» и «кризис».

За экраном - в «соседней комнате», на расстоянии больше тысячи лет, сидел за тяжёлым столом отдалённый предок в старинном костюме, с круглой упитанной физиономией, которую окружала равномерно обстриженная, преждевременно поседевшая бородёнка. На лице отражалось мучительное раздумье. Человек то поднимал глаза к потолку, то вскакивал и нервно пробегал из угла в угол. Один раз вцепился себе в волосы, рванул.

- Неприятный тип, - проворчал кто-то.

- Решает задачу, - объяснил левый оператор. - И мы знаем, какую. Он ищет способ, как платить поменьше своим работникам. И кого сократить.

- А-а, рабо-дотатель… - усмехнулся Валерий. - Слово какое-то…

- Рабо-то-датель, - снова поправили его.

- Способ-то найдёт?

- Найдёт! Всячески извернётся, обойдёт любые законы и правила.

- Бизнесмены. Порченые люди.

- Но в той системе, - сказал преподаватель, - именно им позволили взять в руки управление экономикой. Экономика работала лишь настолько, насколько шла на пользу личным интересам бизнесменов.

Правый оператор подключил звук. На экране прозвенел сигнал вызова. Хозяин кабинета нажал кнопку, недовольно отозвался:

- Ну?.. Пусть войдёт.

Сел за стол. Его лицо приняло надменное, каменно-неприступное выражение. На пороге робко возник посетитель…

Валерий, вздохнув, отошёл в сторону и задумался.

* * *

…У него перехватывало дыхание, когда перед внутренним взором приоткрывались поистине космические глубины любимой науки. Совсем недавно история начала становиться точной наукой. Всё началось после возвращения из героического странствия звездолёта «Эрф Ром». Экспедиция была тяжёлая, пришлось слишком скоро расходовать ресурс ходовой установки корабля. Завершив исследования и в очередной раз вынырнув из межвременья, они оказались в двадцать восьмом веке. Решили не рисковать больше, дотягивая до финиша на уже, мягко говоря, очень много потрудившемся корабле. Предпочли провести эти три столетия на Земле, в анабиозе.

Не очень-то поначалу укладывалось в голове: космопроходцы стартовали в наши дни, а вернулись триста лет назад… И нельзя до старта ни людей пробуждать из анабиоза, ни пользоваться плодами их экспедиции… Год назад «Эрф Ром» ушёл в полёт. И лишь через двести дней все девять саркофагов были вскрыты, и герои встретились с родными и друзьями.

Инженеры быстро разработали машину времени. Несколько таких машин было установлено в разных местах планеты. Историческая наука рванулась вперёд… Лавиной посыпались открытия и проекты. Горячие головы пророчили смерть археологии. Все считали, что царица наук - математика передала корону истории.

Высший Совет Координаторов вынес строгое предупреждение о невмешательстве в процессы прошлого…

* * *

Внимание студента привлёк возросший гомон у дальнего монитора, к которому перешли все. Валерий поспешил туда. На экране в тёмном воздухе летел старинный аэролёт, потогдашнему - самолёт. Торчащие в стороны крылья, воздушные винты, аэродинамические рули. Красные звёзды, крупные белые цифры номера.

- Священная война, - пояснял левый оператор, доктор наук Фёдоров. - Воины Света. Летят в восточном направлении, то есть возвращаются с боевого задания… Смотрим, что внутри.

Изображение дрогнуло. В решётчатой носовой кабине воин лежал, завалившись между бортом и сиденьем. Впереди торчали рукоятки бортового оружия - пулемёта. Во второй кабине воин с залитым кровью лицом управлял летящей машиной. Было видно, что делает это он через силу. А третий, ближе к хвосту, лежал

на днище корпуса. Сверху была прозрачная башенка, тоже с пулемётом.

- Они долетят? - спросил Валерий, с сомнением глядя на полумёртвые лица экипажа.

- Нет. Видишь, они умирают. Все трое тяжело ранены. - Фёдоров коротко бросил правому оператору: - Документы.

На краю экрана появились увеличенные виртуальные копии древних документов. Боевые донесения, лётные книжки, наградные листы… На трёх лежащих сверху наградных листах оператор выделил красным слово «посмертно».

Сзади, за прозрачной стеной, мелькнула тень: приземлился аэролёт. По притенённому залу скользнул солнечный луч. С улицы впорхнула девушка. Дверь закрылась, но девушка словно продолжала собою яркий луч. Сама была - сгусток света. Белое безрукавное платье, рыжие косы, сверкнувшая улыбка.

- Здравствуйте все!

Голос был высокий, полнозвучный - но не серебристый, а скорее солнечный. В ответ послышалось сдержанное разноголосие:

- Люда, привет!

- Людмилочка!

- Салют, компаньера!

Девушка быстро подошла к монитору.

- Что у вас тут?

- Вот, смотри… - Ей наперебой объяснили.

- Ой, так они же не долетят!

- Не долетят, - кивнул Фёдоров. - У пилота остановится сердце.

- Прямо сейчас?!

- Через восемь минут… Стой! Ты куда? Людмила, не смей!

Простучали каблучки. Мелькнула белая туфелька, громыхнул тяжёлый люк. Изображение погасло, экран подёрнулся серой пеленой. Правый оператор бросил руки на пульт. Фёдоров остановил его.

- Бесполезно. Она уже там.

Все непроизвольно отступили от монитора. Валерий лихорадочно огядывался по сторонам, всматривался в лица, словно запоминая.

Что сейчас будет?

Почти никто в ошеломлении даже не сообразил, что они ровно ничего не заметят.

* * *

Бомбардировщик со стихшими моторами прокатился за край полосы. Одна стойка шасси подломилась; самолёт припал на крыло, подняв другое наискось к серому небу. Рядом тормознула полуторка. Из кузова выпрыгнули техники, мотористы, оружейники. Прилетевший экипаж бережно извлекли из машины, уложили на моторные чехлы, расстегнули шлемофоны.

Штурман перекатил голову набок.

- Командир, девушку видели?

- Да, - машинально отозвался Богданов. Удивляться не было сил. Все их забрала посадка.

Из санитарной машины шагнул полковой врач Мартиросян. Быстро осмотрел лежащих.

- Кладите. Аккуратнее.

Стрелок, когда его подняли, простонал, не открывая глаз:

- Где она?..

- Плохо дела, - пробормотал в усы врач. - Бредит. - И почти неслышно, для себя добавил: - Помрёт.

Многоопытный военный врач… ошибся. Стрелок выжил. Причём поправлялся быстро, его даже не стали перевозить в госпиталь, долечивали в лазарете.

Через месяц и штурман вернулся - сбежал из госпиталя. В начале осени появился Богданов. Сразу принял командование полком. Разорванное осколками лёгкое зарубцевалось и не беспокоило. Только иногда покашливал.

* * *

В штабной землянке штурман направился к телефонисту, младшему сержанту Карякину. Миша Карякин был полковым художником. В своё время его по слабости здоровья не приняли в лётное училище. Но с началом войны, уходя добровольцем на фронт, он добился, чтобы его направили в авиацию. Хоть кем, лишь бы в авиацию… Попал в бомбардировочный полк. И этим пользовался. Время от времени удавалось упросить какого-нибудь лётчика взять его в боевой вылет стрелком. Вернувшись, гордо шёл по аэродрому в лётном шлеме с очками.

- Что, хулиган, опять летал? - смеялся, встретив его, Мартиросян. - Сколько «мэссэршмитт» свалил?

Впрочем, один «мессер» на счету у Миши Карякина был. О чём говорила медаль «За боевые заслуги».

- Михаил, - сказал штурман, - нарисуй мне девушку.

- Слушаюсь, товарищ старший лейтенант. Вам голую? Одетую? Портрет, в рост, или вот по сюда?

- Одетую, - усмехнулся Рощин. Он вынул из кармана гимнастёрки сложенный тетрадный листок - свой рисунок по памяти. На оборотной стороне был записан рассказ Богданова. А от стрелка толку было немного.

- Красивая… Ну, жутко красивая. Я такую ещё никогда не встречал. И, наверное, не встречу. Врачиха или медсестра, только без халата…

Художник осмотрел листок с двух сторон. Положил на стол.

- Будет исполнено.

…Когда экипаж собрался втроём, разговор зашёл, понятно, о странном происшествии. Никто не помнил похожую красавицу ни в столовой, ни в медсанчасти, ни где-то ещё. Решили - поменьше болтать.

- А ты, Гена, - сказал командир, - можешь рассказывать про медсестричку. Только нас с Владимиром не приплетай.

- Есть не приплетать, - улыбнулся стрелок.

Портрет девушки летал на боевые задания в планшете командира, вместе с маршпутными картами. Все трое относились к нему как к талисману. И, что удивительно, до самого конца войны больше ни одна пулька не задела их самолёт.

* * *

Нельзя…

Нельзя вмешиваться в ход прошлого. Нельзя исправлять то, что уже закрепилось в последствиях. Бывая в прошлом, можно только смотреть, наблюдать - как бы ни чесались руки. Нельзя спасать хороших людей, даже помогать им. Нельзя мешать плохим людям, а тем более их убивать. Кто знает, во что разовьётся самый мелкий и незаметный поступок. Скажем, прихлопнуть комара. Рукотворное воздействие вызывало цепочку следствий, которая могла и не получить развития, бесследно затухнуть в ближайшие дни и недели. Но могла и… пойти вразнос.

После яростных споров в Высшем Совете контактная история всё же не была причислена к опасным направлениям науки, к так называемому Чёрному Сектору. Гости из будущего всего лишь должны были соблюдать предельную осторожность.

* * *

Известному писателю Рощину принесли телеграмму.

- «Владимир Борисович приезжайте похороны отца тчк Ольга», - медленно, вслух прочитал он. - Катя!

Пришла из кухни жена в фартучке, с тряпкой в руке. Рощин молча показал ей телеграмму. Катина рука опустилась.

- Ох, Андрей Иванович…

- Поедешь?

- Нет, наверное… У меня же лекции. Проректор не отпустит.

Рощин пошёл к телефону - заказывать авиабилет в Минск. Богданов после войны служил в Белоруссии. Командовал полком, дивизией. Там и дочку Олю выдал за хорошего парня, молодого директора школы. Там же и в отставку вышел, и овдовел. Рощин иногда бывал у него.

В аэропорту его встретили супруги Мазуркевичи. Вытирая слёзы, Оля рассказала о последних днях отца. Старый лётчик не перенёс второго инфаркта.

…После похорон и скромных поминок, когда молодёжь ушла, муж Ольги Кастусь вынул из стола небольшой бювар.

- Смотрите, Владимир Борисович. Это его записки. Он хотел передать их вам и не успел.

- Да, он мне писал.

Они стали перебирать разнокалиберные листки.

- А это вроде уже военное, - проговорил Кастусь, перекладывая очередной лист.

И тут бывший штурман вздрогнул. На него смотрела девушка, нарисованная Мишей Карякиным. Он знал, что портрет лежит у командира, хотел переснять на фото, но всё как-то не дошли руки… И вот сейчас неожиданно взглянула на него та, что пригрезилась им всем троим, когда возвращались из памятного боевого вылета, самого тяжёлого за всю войну.

- Картинка вам не нужна? - спросил он.

- Нет, - ответила Оля. - Отец никогда её не показывал. На маму не похожа.

- Так я заберу?

- Забирайте, вместе с записками.

* * *

…Отзвучал в головах меломанов концерт ментомузыки. Людмила Берестова раскланялась, отвечая на благодарный шум в зале, по-

махала рукой и убежала. Распахнулись стены, и слушатели пошли на улицу.

Только что прошёл короткий летний дождь. Тучи умчались, будто их и не было. Становилось жарко. Мокрая листва берёз и клёнов сверкала под солнцем; терралит под ногами исходил паром, быстро высыхал. Центральная площадь Североярска сплошь была засажена коврами цветников, во всех направлениях её пересекали дорожки, здания - светлые, разноцветные - подобно береговым скалам охватывали озеро-площадь. Артистка - девушка с рыжими косами, в светло-зелёном сарафанчике, вышла вместе с пёстрой толпой из-под широких крыл белого Дворца Ментомузыки. Она была довольна своим выступлением: ни одного сбоя! Внезапно глаза её радостно расширились.

- Учитель, здравствуй! И ты слушал?

- Здравствуй, Люда, - ответил Фёдоров. - Твои живые концерты грех пропускать.

- Спасибо…

- Проводишь меня до аэролёта? Есть разговор.

- Догадываюсь…

- Ты прекрасно построила концерт. Первое отделение - Исаак Дунаевский…

- Да. Вальсы и увертюры.

- Второе - собственные вещи. А Дунаевский - это же двадцатый век?

- Двадцатый.

- Тот век - один из самых удивительных. Мне кажется, больше всего работы будет именно по нему. Думаешь, случайно в начале двадцать первого так забегали фальсификаторы истории?

- Известно… - поморщилась Люда. - Политика. Разобщённый мир. Особенно нападали на историю Священной войны.

- Кстати, о твоей выходке. Конечно, победителей не судят… Нам просто повезло. И нам, и тем лётчикам, и всему миру. Всей истории… Эти дела почти совсем не изучены. Документов недостаточно. Ты же знаешь, у нас очень хорошо отлажено дистанционное наблюдение, но оно не заменит живых людей. Нужны именно живые наблюдатели. Имей в виду - не деятели, даже не проповедники, а наблюдатели.

- Понимаю, учитель…

Они остановились. Аэролёт Фёдорова стоял там, где кончалась шпалера розовых кустов.

- Ты думаешь, мне не было жаль этих лётчиков? Ты не представляешь, Люда, как мне жаль всех погибших, все эти непрожитые, недожитые жизни?! - У него на миг исказилось лицо. - Как бы я хотел, чтобы этой войны вообще не было! Но…

- Война была - ответная. Неизбежная.

- Да. А на прощанье, чтоб ты не слишком огорчалась… По вероятностным расчётам Большого Квантового Мозга, праздник Победы Света вполне мог быть десятого мая. Историки всегда недоумевали, почему Земля отмечает Победу девятого числа. И вот загадка разрешилась! Отчаянный поступок студентки Института Истории, - улыбнулся Фёдоров. - Ты сохранила жизнь лётчикам Богданову, Рощину и Васильеву. В базе документов из их наградных листов исчезло слово «посмертно». Они до конца войны продолжали вычищать бесов. И приблизили Победу на сутки. А это спасло ещё много жизней. Но, повторяю, это просто везение.

Люда вздохнула - и вдруг коротко засмеялась:

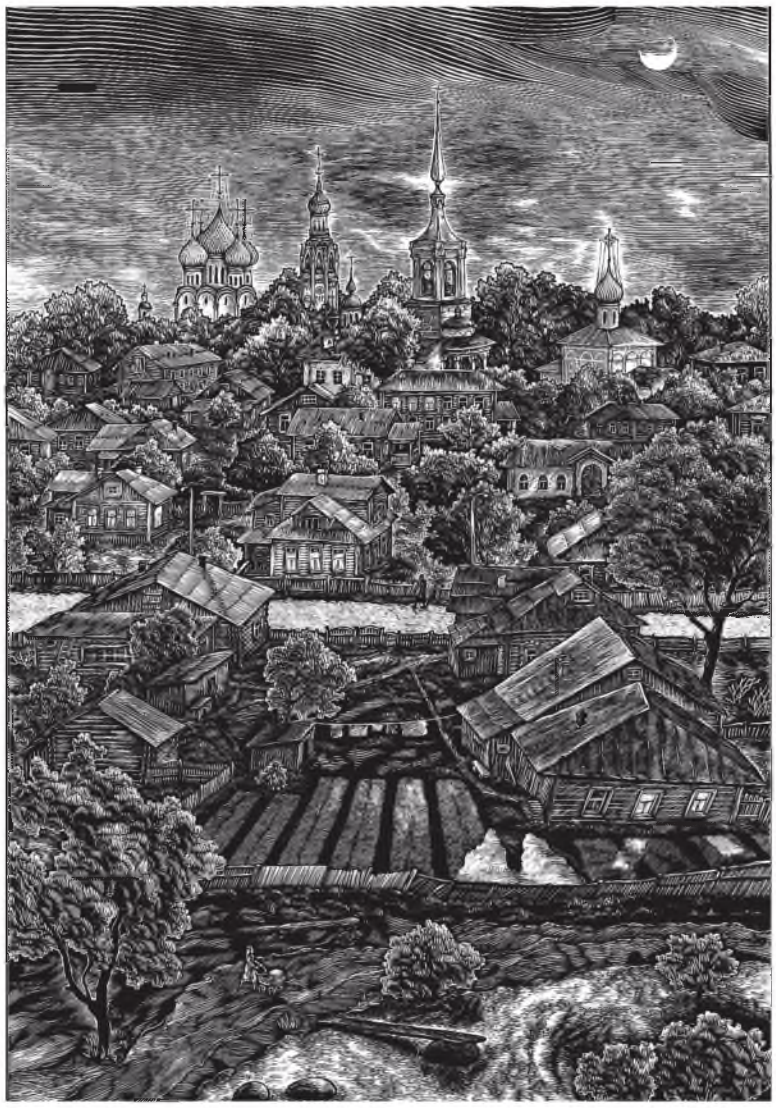
- А они меня поблагодарили!

- Нарисовали, - кивнул Фёдоров. - Портрет… взял да и появился в базе документов. Его уже видела вся Земля.

Закрасневшаяся девушка отступила чуть в сторону. Фёдоров опустил фонарь аэролёта, прощально качнул ладонью и взлетел.

Иллюстрации к публикации Леонида Щетнева «Жил-был я»

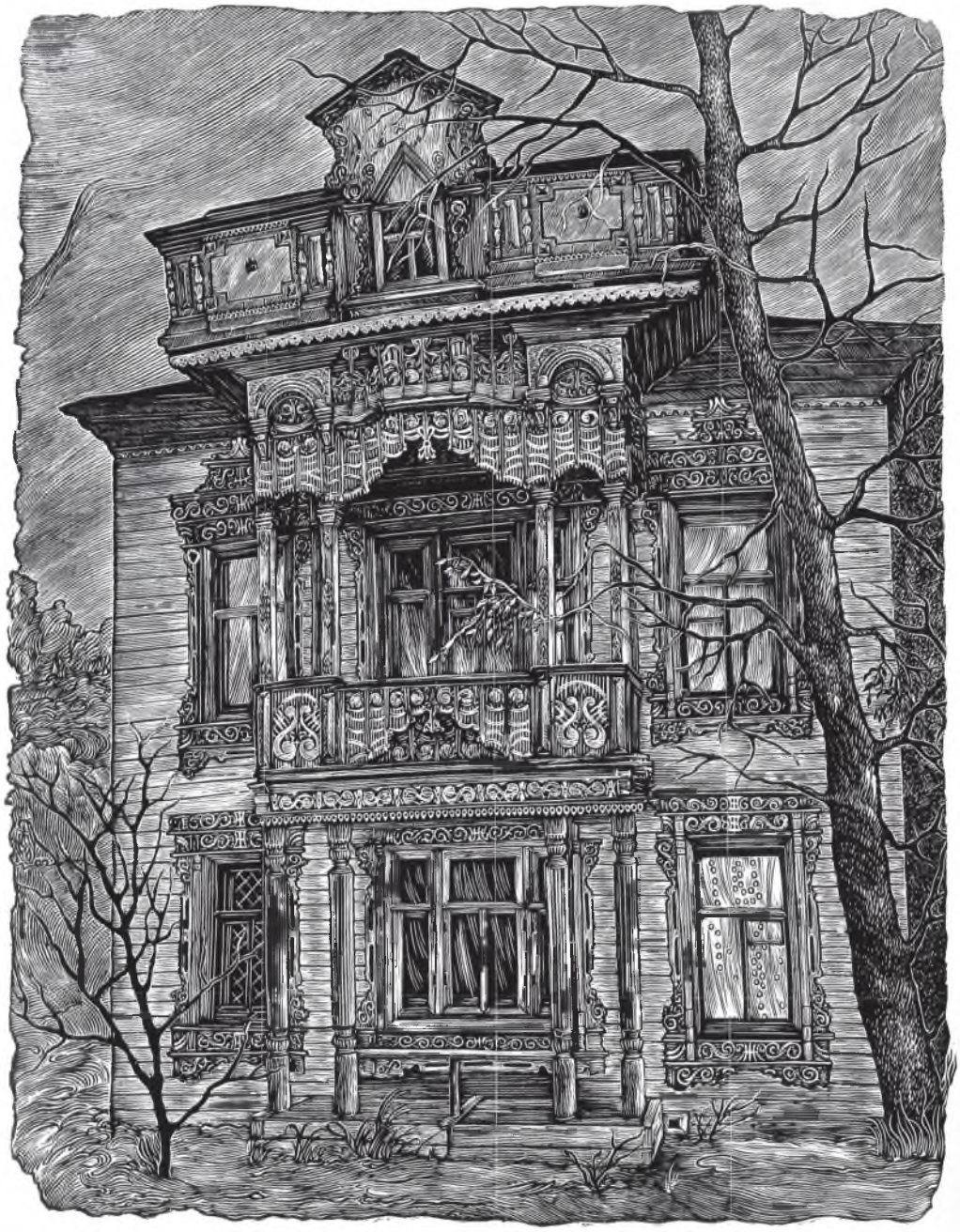
(см. стр. 228)



Лунный вечер. 300x210 мм. 1996 г.

Ex libris Luisa Garsia Muro. 70x91 мм. 2002 г. Опус 382

Ex libris Artur Mario da Mota Miranda. 62x110 мм. 2002 г. Опус 375

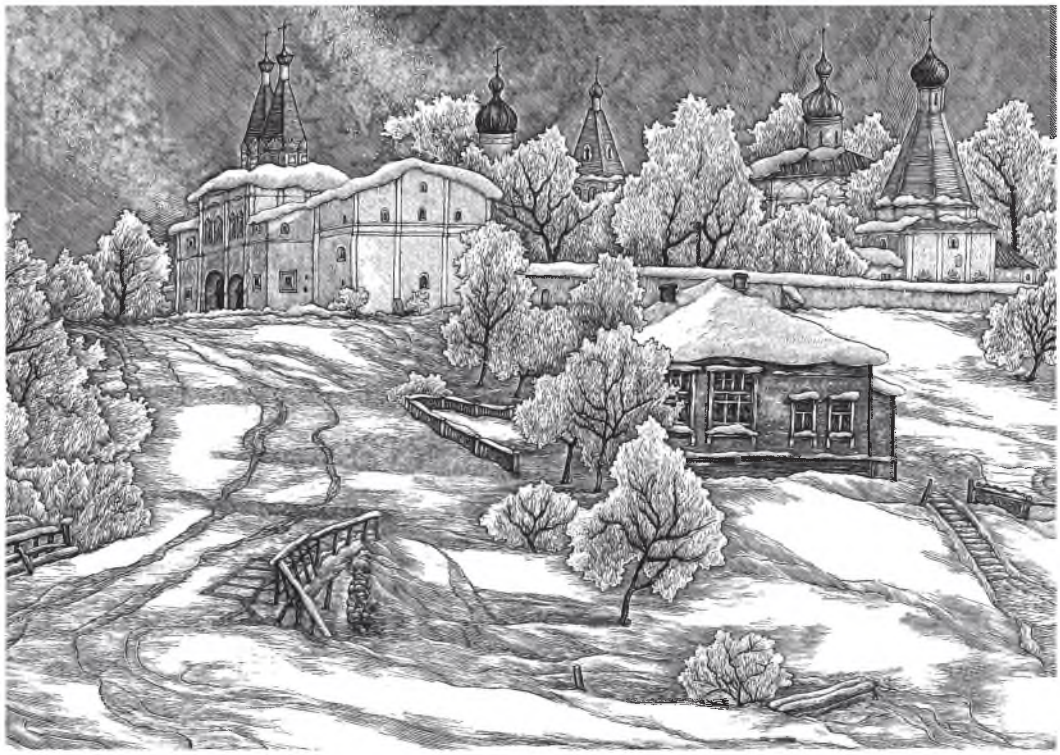


Дом на Кирова, 12. Вологда. 235х185 мм. 2010 г.

Из книг Капитолины Кокшеневой. 102х60 мм. 2017 г. Опус 480

Из книг по русскому искусству
Леонида Щетнева. 64х35 мм 1983 г. Опус 216.

Из книг Ларисы Юрченко. 54х85 мм. 2013 г. Опус 465



Ферапонтов монастырь зимой. 223х343 мм. 1997 г.

Ферапонтов монастырь. 190х317 мм. 1993 г.

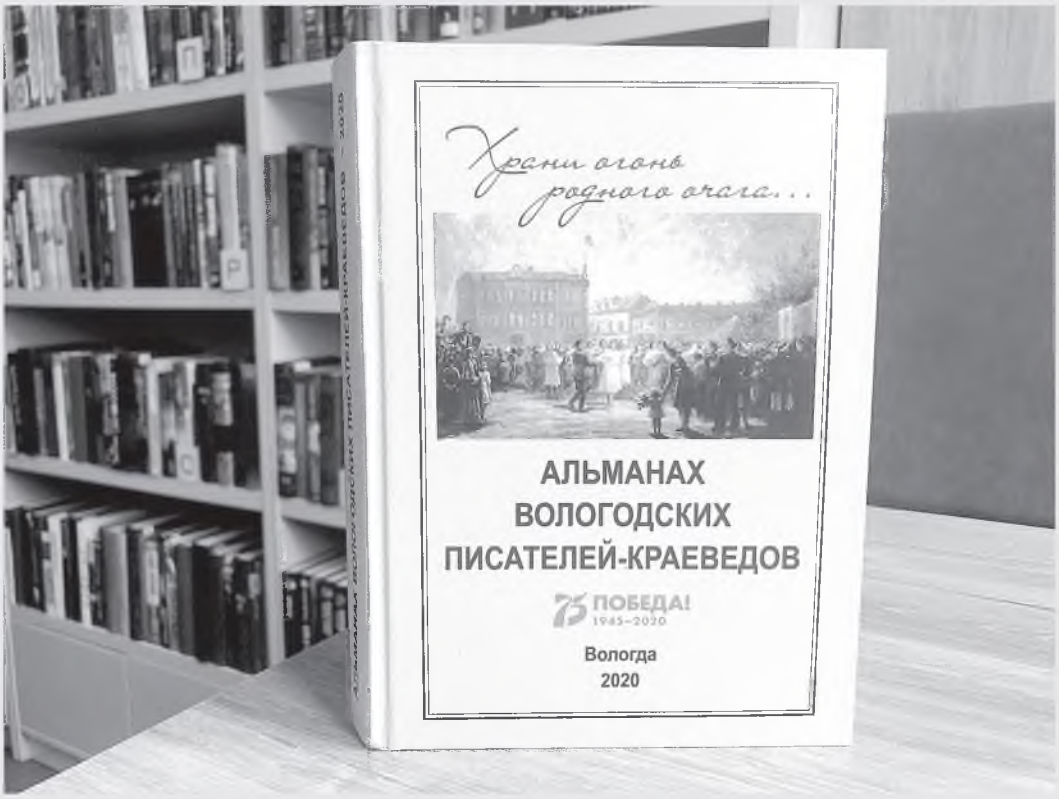
Ex libris Валентины и
Юрия Молибоженко.
91х62 мм. 2013 г.
Опус 464

Ex libris Arturo Zaera
Arino. 67х70 мм. 2002 г.
Опус 378

Ex libris Т. И., В. А. Хаустовых. 85х57 мм. 1982 г. Опус 197

Ex libris Ольги Пахнёвой. 55х45 мм. 2001 г. Опус 360

P.F. (пер феличе) 2020. L. Schetnev. Ex libris Деда Мороза. 110х127 мм. 2019 г. Опус 494



«Храни огонь родного очага...»

Новый альманах вологодских писателей-краеведов называется строкой известного стихотворения Ольги Фокиной «Храни огонь родного очага...». В него вошли стихи, рассказы, исследования на основе документов и фактов из истории Великой Отечественной войны.

Вологодский Союз писателей-краеведов создавался как содружество творческих людей, занимающихся литературой и краеведением. В его рядах есть писатели и поэты, работники науки, образования, культуры и искусства. В своем творчестве они обязательно обращаются к Вологодчине. Для членов Союза писателей-краеведов новый альманах стал творческим итогом прошедшего года. На страницах книги представлены проза и поэзия 24 участников, среди которых Дмитрий Ермаков и Владимир Корюкаев, Геннадий Сазонов и Алексей Маклахов, Константин Павлов, Юрий Иванов, Леонид Юдников, Александр Соколов, Виктор Борисов, Виктор Новиков, Игорь Ваганов, Леонид Вересов, Татьяна Канунова и другие авторы из Вологды, Череповца и Тарногского района.

Альманах выпущен по итогам литературно-краеведческого конкурса, проведенного по трем номинациям: «Поэзия», «Проза», «Краеведение». На конкурс были заявлены работы 63 авторов со всей области. «На основе местного исторического краеведческого материала, на примерах подвигов героев-земляков, на фактах из их биографий писатели-краеведы отразили самоотверженность нашего народа в борьбе за свободу нашей Родины», - отмечает Виктор Борисов.

Издание вышло благодаря победе Союза писателей-краеведов в конкурсе Правительства Вологодской области по предоставлению субсидии социально значимым проектам некоммерческих организаций.

Вместе читать интересно

То и дело слышим о наших детях: «Книгу взять в руки не заставишь, читают только учебники, да и то, что называется, из-под палки..» Но, оказывается, это далеко не так. Не перевелись еще дети, которые с удовольствием читают, обсуждают понравившиеся книги и даже иллюстрируют их собственными рисунками. Уже несколько лет член Союза писателей Дмитрий Ермаков ведет в Вологодской области клубы детского чтения. Что это такое? Зачем они нужны?

Идея клубов детского чтения витала в воздухе... Да ведь различные кружки, клубы и прочие объединения в библиотеках были всегда...

Но мне захотелось организовать «свой» подобный клуб. Пожалуй, подтолкнул меня к этому и неудачный опыт создания «литературной мастерской» (то, что обычно называют «литературное объединение»). Неудачный - потому что через год, кажется, с небольшим, в общем-то, вполне нормальной работы этой «мастерской» я сам её и закрыл. Понял, во-первых (то, что и так знал), что научить писать того, кому это не дано (а дано далеко не всем), невозможно, а во-вторых, я пришёл к выводу, что надо учить не писать, а читать, причём - прежде всего детей. И даже не учить, а просто читать с ними книжки, говорить о книжках... Ну, а если кто-то из них напишет стишок или сказку - так и это не плохо, но не главное...

Так складывалась у меня идея клуба детского чтения. С этой идеей и обратился я в Вологодскую областную детскую библиотеку, с которой у меня уже были хорошие контакты. Идею такого клуба сразу поддержала директор библиотеки Тамара Владимировна Кузнецова, а осуществлять эту идею взялась библиотекарь Светлана Николаевна Чернышёва - договорилась со школами, учителями... Светлана Чернышёва, кстати, была и участницей «литературной мастерской», а сейчас у неё издано уже, кажется, две книги детских рассказов, есть и многочисленные публикации в журналах.

Так примерно четыре года назад и начал работать клуб детского чтения при Вологодской областной детской библиотеке «Открытая книга»... Занимались и занимаются в нашем клубе ребята из школы № 15, из 2-й гимназии, из школы № 5...

Вологодская областная детская библиотека уютно устроилась в старинном особняке. Здесь в 1833 - 1845 годах жил поэт Константин Батюшков

Конечно, огромная заслуга в работе нашего клуба принадлежит Светлане Чернышёвой и другим библиотекарям, педагогам, которые приводят на занятия школьников.

Встречаемся в библиотеке раз в месяц, рассказываем друг другу о прочитанных книгах. Как я и ожидал, многие ребята стали приносить и свои стихи и рассказы, некоторые из которых я публикую в литературном приложении к газете «Маяк» - «Литературный маяк».

Но, оказалось, что клуб «Открытая книга» - только начало.

В клубе детского чтения идет общий разговор о книгах - о тех, что ребята уже прочитали, и о тех, которые хочется прочесть

Моё основное место работы - Центр культурного развития Вологодского муниципального района и газета «Маяк». Часто бываю в библиотеках района, провожу встречи с читателями. Естественно, что возникло желание перенести опыт областной детской библиотеки в районную библиотечную систему. Руководители центра культурного развития и центральной библиотечной системы Вологодского района поддержали, и в 2018 году клубы детского чтения и творчества появились в библиотеках Вологодского района: в селе Кубенском - «Фонарик», в посёлке Надеево - «Огонёк», в селе Новленском (в школьной библиотеке) - «Ключик». В 2019 году к ним присоединились клубы детского чтения и творчества: «Родничок» в посёлке Непотягово, и «Чтение под соснами» в Сосновке...

Более сотни детей приходят на занятия в эти клубы (это не считая клуба в городе). Читаем, сочиняем, разговариваем. В «Литературном маяке» я целую страницу отдал творчеству детей и для детей, назвал её «Фонарик»... Наш девиз: «Вместе читать интересно!».

Могу сказать, что и мне самому помогает работа с этими клубами. Во-первых - интересно слушать и видеть талантливых детей; а во-вторых, стараюсь приходить на эти встречи не с пустыми руками, и несколько рассказов написал специально для них. Только за

Ребячьи иллюстрации к «Историям старого пня» помогли автору по-новому взглянуть на сказки, им написанные

Мы часто видим, что детям через какое-то время становятся неинтересными занятия в школах, а такие клубы помогут удержать их интерес.

Митрополит КЛИМЕНТ, председатель Издательского совета, одобрил опыт вологодских клубов детского чтения

осень прошлого года написал целую серию сказок «Истории старого пня»... И это самое удивительное издание в моей жизни. Книжка «Истории старого пня» издана всего лишь в двух экземплярах (пока).

В роли художников выступили дети - воспитанники литературного клуба «Росточек» детского сада «Ромашка» из Великого Устюга. Редактор издания - руководитель этого клуба Валентина Симоновна Жукова, компьютерную вёрстку делала Светлана Алексеевна Вязникова. Рисунки - ребят из Вологды, Вологодского района, Нюксеницы, Кичменгского Городка, Коношского района Архангельской области... Всего было прислано 123 работы... В эту книжку вошли лишь некоторые рисунки ребят из Великого Устюга. Но я надеюсь издать сборник, в который войдут все написанные для него сказки и будут использованы при оформлении работы ребят из всех регионов...

Ах, каким бы подарком для юных художников и читателей было издание этого сборника в настоящем издательстве, в типографии, обязательно с использованием детских рисунков! С каким удовольствием я подарил бы эти книги в детские библиотеки... Всё готово: написаны сказки, есть замечательные рисунки, есть заинтересованные читатели... Не хватает «мелочи»... Вот, кстати, хорошая возможность для благотворительности...

За четыре года работы с клубами детского чтения и у меня, и у библиотекарей, и у ребят сомнений в том, нужным ли мы делом занимаемся, никаких не осталось. Совсем недавно получили очень весомую поддержку - точнее, благословение.

В середине октября в рамках XI международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» в Издательском совете Русской Православной Церкви под председательством митрополита Калужского и Боровского Климента прошел «круглый стол» по теме «Современный литературный процесс». Особый интерес вызвал мой рассказ об организации и работе клубов детского чтения и творчества. Владыка Климент отметил, что это очень важно - посредством литературы, чтения прививать детям традиционные семейные ценности. Рекомендовал развивать опыт клубов детского и семейного чтения в воскресных школах при православных приходах: «Мы часто видим, что детям через какое-то время становятся неинтересными занятия в школах, а такие клубы помогут удержать их интерес».

Для меня это очень важные слова, укрепившие в желании работать с клубами и развивать их. Надеюсь, что они появятся и в приходах нашей Вологодской митрополии.

Предлагаю несколько работ участников клубов детского чтения и творчества и свой рассказ.

ОСЕННЯЯ РАДУГА

Наступила осень. Земля покрылась яркими красками. Саша, Серёжа и Даша пошли после школы на прогулку. Какая красота была вокруг! Но вскоре пошёл дождь, и ребята быстро припустились домой. Они весело бежали по лужам, хотя дождик и был уже холодный. На небе вышла последняя осенняя радуга.

Сергей ТУМАНОВ,
поселок Надеево, клуб детского чтения и творчества «Огонёк»

ВОЛШЕБНАЯ РУЧКА

Жил-был Саша Говорилкин. И учился Саша в самой обычной школе. Говорилкин Саша был двоечником, но не потому что он был балбесом, а потому что любил болтать с соседом по парте. А все мы знаем, что если много болтаешь на уроке, то пропустишь всё мимо ушей.

Но как-то раз Саше несказанно повезло. Он неохотно шёл в школу, ноги его заплетались, а глаза закрывались. Но вдруг его взгляд упал на ручку. Ручка валялась в луже и при этом вся переливалась разноцветными стразами. Саша подумал, что какая-то девочка потеряла ручку. Говорилкин был хоть и двоечник, но очень честный и добрый, поэтому решил поднять ручку и найти её хозяйку.

Когда Саша пришёл в школу, то обнаружил, что сам забыл ручку дома. А первым уроком был диктант по русскому языку.

«Ну, ладно, - подумал Саша, - делать нечего, сегодня придется писать этой ручкой, главное, чтоб никто не заметил у меня эту девчачью письменную принадлежность».

Вот прозвенел звонок, дежурные раздали тетради, и учительница начала диктовать текст. И тут началось волшебство! Всё, что писал Говорилкин, исправлялось само собой. Сначала Саша этого не заметил и как обычно, не проверяя, сдал тетрадь. Каково же было его удивление, когда на следующем уроке объявили, что Говорилкин написал диктант на «отлично». Все были удивлены. Учительница, Вера Николаевна, была так счастлива, что Говорилкин наконец-то взялся за голову! А как удивился сам Саша! Эта же история повторилась и на уроке математики, и на уроке истории, и на уроке географии. Саша посмотрел свои работы и начал догадываться, в чём дело. Ручка-то волшебная! И тогда Говорилкин решил не искать хозяйку ручки и оставить себе такую необыкновенную ручку. Ведь это так удобно, на всех контрольных, проверочных, да вообще всегда и за все работы можно было получить «пять» и такие заветные слова: «Молодец, Саша!»

Но уже через неделю в Саше заговорила совесть. Ведь он получал пятёрки не за знания, не за собственный труд, а потому что у него была волшебная ручка. И тогда он твердо решил вернуть ручку владелице. Саша начал писать объявления о найденной волшебной ручке. Писал он эти объявления все выходные. И, конечно же, когда он расклеил все объявления, начали приходить фальшивые хозяева. Как же их было много! Ведь все хотели стать обладателями такой волшебной ручки. К счастью, Саша не написал, как выглядит ручка, и никто не мог правильно описать её.

У Говорилкина была подруга Оля. Девочка жила в соседней квартире, ребята росли вместе, у них не было секретов. Оля согласилась помочь Саше. Ведь она училась во вторую смену, а Саша в первую. Так они проверяли хозяев ручки по очереди. Их дружба стала ещё более крепкой. Но однажды Оля, сказав, что идёт в школу, начала открывать дверь, как вдруг Говорилкин заметил у неё в руках ручку! Да-да, ту самую волшебную ручку! Саша остановил Олю, выхватил у неё ручку. И спросил:

- Оля, зачем ты взяла волшебную ручку?

- Саша, у меня сегодня сложная контрольная по истории, я не успела… - пыталась оправдаться Оля.

Но Саша её перебил и сказал:

- Ты очень хорошо понимаешь, почему я против того, чтобы пользоваться ручкой. Ведь тебе поставят незаслуженную пятёрку. Поверь, тебе не принесёт счастья эта пятерка, полученная таким способом!

Оля ушла, не попрощавшись, и громко захлопнула дверь.

- Ну вот, я потерял лучшую подругу! И всё из-за этой ручки! Надо скорее найти хозяйку.

Только это подумал Саша, как вдруг раздался звонок в дверь. Саша открыл дверь и на пороге увидел странного человека, похожего на фокусника из цирка. К большому удивлению Саши, фокусник правильно ответил на все вопросы о волшебной ручке. Тогда Говорилкин побежал за ручкой, чтобы, наконец, отдать

её настоящему владельцу. Когда Саша отдал ручку, то незнакомец прошептал:

- Саша, ты же знаешь, как работает эта ручка? Ну так вот, если ты будешь учиться только на пятёрки, я подарю тебе эту ручку.

Саша кивнул, а фокусник испарился, как по волшебству!

С тех пор Саша учился только на пятёрки. А что до этой ручки, теперь она ему была не нужна! С Олей Саша помирился. Оля поняла, что была не права, и их дружба стала ещё крепче!

Ксения ГОРЯЧОВА,
вологодская гимназия № 2,
клуб детского чтения «Открытая книга»

ПИСЬМО

Посвящается Татьяне Борисовне Москвиной, которая работала в самой первой в моей жизни библиотеке и продолжает работать сегодня в одной из библиотек Вологды, а в её лице и всем служителям книги...

Письмом из души в душу -
Вот чем должны быть
Книги.

В их доме, на первом этаже, одно время была детская библиотека, и Митя стал читателем раньше, чем научился читать. Он спускался по широким деревянным ступеням (первоначально, ещё до рождения Мити, в этом доме была школа) на первый этаж - там четыре двери, как на их втором этаже. Библиотека - дальняя справа. Митя подходил, наваливался на туго закрытую дверь и попадал в волшебный мир...

Те книги, которые интересовали его тогда - большие, яркие - стояли в ящиках на столе рядом со стойкой, за которой сидела библиотекарь. Ящиков было два или три, и Митя перебирал все книги в них. Он долго рассматривал картинки, потом брал книгу домой, и мама читала ему: про то, как «битый небитого везёт», про «вершки и корешки»... И особенно запомнилась одна - про Чапаева. На последней странице прославленный герой переплывает реку Урал, а по нему строчат с берега из пулемёта враги...

Дома тоже были книги. Вот он берёт «Приключения барона Мюнхгаузена», идёт на кухню, где мама что-то готовит. Она вытирает руки клетчатым полотенцем, садится и читает ему...

Мите было шесть лет... Видимо, мама много раз повторяла эти строчки - на всю жизнь запомнились:

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо умолять сестрицу:
- Ну, прочитай ещё страницу...

Сестрицы у него не было. Он не стал приставать к маме, сел на низенькую табуретку перед печкой, раскрыл взятую в библиотеке книгу со слонёнком в пожарной каске на обложке и стал складывать буквы и слоги. И - о чудо! - стали появляться слова, картинки из книжки ожили, звери в ней заговорили! Слонёнок оказался живым, и он, так же как Митя, очень хотел заниматься каким-нибудь интересным и нужным делом... Слонёнок стал пожарным! И Митя побежал к маме, чтобы рассказать о свершившемся чуде.

Много лет спустя он узнал, что книгу написал Геннадий Цыферов, и мысленно поклонился писателю...

Во втором классе учительница сказала, что надо вести «читательский дневник». И Митя завёл толстую тетрадь, так и оставшуюся наполовину незаполненной (она и по сей день лежит в нижнем ящике шкафа). Первой в ней записана книга Йозефа Лады (он автор текста и рисунков) «О хитрой куме лисе»: там и переведённая и раскрашенная картинка из книги, и подробный пересказ... Последующие, записанные в дневнике книги, не помнятся. Постепенно запись о них сводилась к одной строчке: «Книга очень интересная» или «книга понравилась»... Книги сливались в единый, бесконечный текст, который Митя не читал, а глотал - он ходил в школьную и в городскую библиотеку (библиотеки в их доме уже не было)...

Читал и те книги, что были дома, они стояли в простеньком книжном шкафу со стеклянными дверцами.

Отец какое-то время работал на «утильке», видимо, оттуда, из утильсырья, и появлялись в доме некоторые книги. «Уральские сказы» Бажова в зелёной матерчатой обложке - книга, вся разобранная по страницам и прочитанная многократно... Павел Бажов остался одним из самых любимых писателей на всю жизнь. Две книги канадского писателя Сетона-Томпсона: «Маленькие дикари» и «Рассказы о живот-

ных»... Митя даже пробовал шить мокасины, как было рассказано об этом в «Маленьких дикарях». «Лобо», «Домино», «Мустанг-иноходец» - названия засели на всю жизнь, ведь эти рассказы он перечитывал, наверное, десятки раз.

Книги «про индейцев» Фенимора Купера - особая тема. Эти книги он брал в школьной библиотеке: «Зверобой», «Следопыт», «Последний из могикан», «Прерия», «Пионеры».

Однажды с мамой зашли в магазин «Дом книги», и там (удивительно!) в шкафу за стеклом стояла книга «Последний из могикан». Но радость быстро угасла. «Эта книга по подписке», - ответила продавщица. В те годы хороших книг в свободной продаже не было.

Митя смотрел на заветную книгу, и слёзы бежали по его щекам (а ведь он учился в четвёртом или даже в пятом классе). «Подождите, подождите... Сейчас... Не плачь, мальчик», - продавщица торопливо достала из-под прилавка ещё одну заветную книгу: «Пробивайте в кассе». Не то что книгу - цену на всю жизнь запомнил: рубль сорок. «Выревел», - сказала мама. Это тоже запомнилось. И единственный раз в жизни отец (он тогда уже купил дом в деревне и жил постоянно там, лишь иногда приезжая в город) читал первые страницы этой книги вслух ему и матери...

И, конечно же, Стивенсон, Жюль Верн, Дюма, Джек Лондон... И ещё многие, многие книги и авторы... Серия «Библиотека приключений», передняя обложка книг из которой, как понял позже, оформлена на манер иконы: центральный рисунок (обычно главный герой) и по всему периметру обложки - квадратики-клейма с миниатюрными рисунками... А ещё был Гайдар: «Р. В. С.», «Чук и Гек», «Судьба барабанщика». Ещё был Носов (Николай. Евгений - гораздо позже). Был «Волшебник Изумрудного города». Были сказки Пушкина и «Бородино» Лермонтова...

В девятом классе он впервые прочитал Шукшина: «Чудик», «Сапожки», «Крепкий мужик», «Охота жить» - всё это запомнилось ещё тогда, в пятнадцать лет.

И тогда же в его жизнь пришла поэзия (когда и сам начал писать стихи). Дома были книжки Рубцова, Коротаева, Фокиной. Есенина он брал в школьной библиотеке. Там же брал Евтушенко и Рождественского...

Почти весь набор поэзии, с которым живёт Митя, - десятки стихотворений, отдельные строфы и строчки - из того времени. И даже стихи, почему-то запомнившиеся с ошибками (с другим словом или пропущенной строчкой), так и помнятся всю жизнь. И в этом даже есть какая-то заветная между Митей-читателем и автором тайна...

В девятом или десятом классе писали сочинение (что-то о «малой родине»), и Митя легко вставил в него цитаты из Коротаева и Фокиной. Обидно было, когда учительница решила, что он списал эти строчки. Очень обидно... Впрочем, сочинения вообще не удавались ему - он писал или меньше, чем было нужно, укладывал свои знания и мысли в одну-две странички, или же вовсе не писал, потому что в старших классах не читал по программе...

Уже гораздо позже, после армии, прочитал он и Толстого, и Достоевского, и Шолохова. Полюбил Чехова и Белова, Казакова и Пришвина... Пушкина!

Всё это пришло гораздо позже.

Но всё это с ним, как письма от дорогих людей, - из души в душу. Как то, самое первое письмо - про слонёнка...

Дмитрий ЕРМАКОВ

Фото Игоря Аксеновского

Миссия есть и у Церкви, и у прессы

Первая на Вологодчине пресс-конференция митрополита Саввы

Митрополит Вологодский и Кирилловский Савва 1 октября встретился с журналистами в пресс-центре информационного агентства «Вологда-регион». После вступительного слова глава Вологодской митрополии ответил на вопросы журналистов.

НЕ БУДЕМ ЗАБЫВАТЬ О БОГЕ!

- Хотел бы перед началом пресс-конференции предложить вологодским журналистам вместе подумать над таким вопросом: кого мы забыли в этой жизни? Скажу откровенно: забыли мы Бога. Вся наша жизнь, к сожалению, изо дня в день проходит в некоей суете, и вспоминаем мы о Боге разве только когда нам очень плохо: что-то разлаживается во взаимоотношениях с начальствующими или с подчинёнными, а то и в семье какая-то беда случается. Вот тогда мы, может быть, о Боге вспомним: скажем «Господи, помилуй!», попросим у Него излечения от болезни, помощи в сложной ситуации... Но как только мы получаем желанный результат - тут же забываем о Нём. И не думаем, что надо, наверное, поблагодарить Бога за то, что Он выполнил нашу просьбу.

Более того: когда мы забываем о благодарности, мы совершаем, будем так говорить, непрагматичный проступок - в кавычках, конечно: в духовной жизни не может быть никакой прагматики. Дело в том, что благодарность - это всегда протянутая за новой милостью рука. Конечно, добрые слова важны не только в общении с Богом; и когда мы общаемся с друг с другом, доброжелательность делает наши отношения глубже, они перестают быть только внешними, мы приближаем свою душу к душе другого человека, нашего ближнего.

Хотел бы пожелать, чтобы мы с вами помнили Бога и о нём не забывали. Помнить Бога - это значит любить Его и ближних своих. Возможно, мои слова кажутся чересчур возвышенными, но на самом деле они отражают самую насущную необходимость. Ибо без этой любви нет смысла в существовании всей Вселенной. Как говорится в Священном Писании, на этой добродетели основано все: весь закон, всё Писание, да и вся наша с вами жизнь.

Не знаю, что я должен говорить как архиерей во вступительной речи перед представителями СМИ; говорю как священнослужитель, который старается любить Бога, считает эту любовь самым важным в жизни и хочет донести огромное значение этой мысли до вас, а через вас - до всех ваших читателей.

А всё остальное - статистика, информация о том, где, что, когда произошло... Думаю, вы можете это узнать без особого труда в доступных умелому пользователю интернета источниках.

Почему я так говорю? Приехав на вологодскую землю, я каждый день, не побоюсь высоких

> *Говорю как священнослужитель, который старается любить Бога, считает эту любовь самым важным в жизни и хочет донести огромное значение этой мысли до вас, а через вас - до всех ваших читателей.*
>
> *Митрополит Вологодский и Кирилловский САВВА*

слов, утверждаюсь в вере в истинного Бога. Этому помогают люди, которые окружают меня, - и священнослужители, и благочестивые миряне. Вера крепнет при виде замечательных храмов - они здесь особенные… Особенные! Люди, которые жили на вологодской земле до нас, приносили Богу самое красивое, самое лучшее. Разве в прежнее время не было болезней, не было войн?.. Были условия жизни более стесненные, чем сейчас. Но сквозь всю эту кутерьму проблем наши предки о Боге помнили и строили Ему такие замечательные красивые храмы…

Строили их не для священников, не для служителей культа, как скажут сейчас, - люди возводили храмы, в первую очередь, в благодарность Богу за всё, что в их жизни было, есть и будет.

И вместе с тем, это - некое их послание нам с вами. Древние жители Вологодчины, наверное, знали, что мы, их далёкие потомки, увидим эти храмы, пусть и не все из них, возможно, сохранятся. Храмы говорят о том, что наши предки верили в Бога, верили осознанно и не просто так.

Поэтому я считаю, что мы не имеем права забывать о нашей вере, о нашей истории, о замечательных памятниках архитектуры. Воскресенский кафедральный собор - это, с точки зрения культуры, памятник архитектуры. Но с точки зрения символической, это центр духовной жизни нашей вологодской земли, куда люди должны собираться на общую молитву. Собор - это собрание всех в одном месте…

Хотел бы призвать к тому, чтобы мы с вами не забывали: Богу надо отдать Божие, а кесарю - кесарево. Поэтому хотел бы призвать всех соблюдать за богослужением санитарные нормы, особые режимы, которые накладывают на нас светские власти. Я не считаю, что это какое-то нарушение отношения к Богу, как полагают некоторые. Считать, что маска удаляет от Бога, - позиция, странная для меня. По-моему, все наоборот. Мы ведь используем санитарные средства, соблюдаем социальную дистанцию, чтобы оградить ближнего от возможности заразиться опасной болезнью. Я считаю, что это - проявление любви к ближним нашим. Господь говорит в Евангелии от Иоанна: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою». Надеюсь, эта любовь у нас есть.

На этом мое вступительное слово закончено. Буду благодарен журналистам за вопросы.

РЕСТАВРАЦИЯ ХРАМОВ: ЧТО НУЖНО ВОССТАНОВИТЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ

- Безусловно, кафедральный собор, главный храм области, должен быть отреставрирован. Но ведь в нашем городе немало храмов, которые остро нуждаются в ремонте. Посмотрим на противоположный Соборной горке берег реки Вологды: почти напротив Воскресенского собора находятся Златоустинский, Сретенский храмы, состояние которых далеко от идеального. Церкви, нуждающиеся в срочной помощи, есть и в других районах областного центра. Насколько для Церкви это актуальный вопрос? Насколько это сложный вопрос для всей области, ведь храмов на Вологодчине много, и далеко не все выглядят так, как должны бы?

- Мне есть с чем сравнить наши храмы вологодские. Полагаю, местные жители заботились о них, и большинство церквей в более-менее нормальном состоянии. Хотя, как вы верно заметили, есть и руинированные, и аварийные церкви. В своё время, когда я нес послушание управляющего делами Московской Патриархии, мы работали над рекомендациями, как нам хотя бы законсервировать такие храмы - это ведь проблема для всей Русской Православной Церкви, а не только для Вологодчины. Были выработаны некоторые шаги - как говорят сейчас, дорожная карта. Но завершить проект мы тогда не успели, меня назначили архиереем в Тверскую епархию, а теперь перевели на Вологодчину. Может быть, если Богу содействующу, мне удастся на своём посту здесь, в Вологде, реализовать то, что было намечено.

То, что проблема реставрации актуальна для Церкви, - это правда. Мне, вместе с тем, кажется: решить ее сложно без определенного участия общественности. Церковь - это не просто учреждение. Вологодское епархиальное управление, где функционируют архиерей, секретари и другие священнослужители - это далеко не вся Церковь, нет. Церковь - это общество людей, верующих в Иисуса Христа. Поэтому я хотел бы к этому богоугодному делу призвать всех неравнодушных. Если мы объединим по крайней мере свои, пусть и небольшие возможности, и материальные, и - что очень важно - моральные, мне кажется, это возымеет определенный успех.

Интерьер вологодского храма преподобного Димитрия Прилуцкого на Наволоке. Митрополит Савва отозвался об иконостасе в этой церкви: «Отремонтировать его в былом величии - это было бы замечательно!»

Что-то, мне кажется, мы сможем привести в должный вид с помощью программы «Культура России» - она помогла, например, провести работы на храме святого Иоанна Предтечи в Вологде. К сожалению, «Культура России» завершает свою деятельность, но это ведь не единственная подобная возможность! Может быть, действительно, федеральная власть нам поможет, у нас много памятников федерального значения.

Есть у нас священники, которые, не так давно приняв руинированные храмы, уже сумели привести их в должный вид. И вы знаете этих священников, сами рассказывали о них в СМИ. Один из них - отец Николай Булеков, настоятель комплекса Димитриевских храмов на Наволоке. В одном из храмов отца Николая сохранился древний иконостас, он меня очень впечатлил. Отреставрировать его в былом величии - это было бы замечательно! И на Вологодчине не один, конечно, такой попечительный священник. Как видите, заинтересованность есть, желание есть, а возможности, думаю, найдутся - пусть, может быть, и не так быстро, как хотелось бы.

Я очень скрупулёзно отношусь к реставрации, поскольку не терплю новодела на памятниках. Хотел бы, чтобы мы максимально выполняли Федеральный закон о сохранении объектов культурного наследия, и не только потому, что требования закона надо соблюдать, - только это поможет сохранить для будущих поколений достоверную память о былом.

О ШАГОВОЙ ДОСТУПНОСТИ ЦЕРКВЕЙ

- В центре города сосредоточено много храмов, в то же время есть новые районы, где их попросту нет вообще. Должна Церковь думать о шаговой доступности храмов, чтобы человек мог посетить богослужение неподалеку от дома, либо мы все-таки должны строить приоритет в отношении уже имеющихся храмов и в первую очередь направлять туда финансовые и другие ресурсы?

- Посмотрите на исторический центр Вологды - им был весь город. Вы видите, что один храм находился неподалеку от другого - церкви практически в каждом квартале. В то время

люди считали, что храм должен быть в шаговой доступности; полагаю, что и в наше время это требование остается насущным. Одно другому не мешает. Реставрация - это отдельное направление, и оно гораздо сложнее, чем строительство новых объектов. Строить мы должны - если не будем этого делать, какое тогда культурное наследие передадим в будущее, какое послание отправим потомкам, какой культурный код оставим грядущему поколению? Ведь наши предки возводили храмы ради своих, конечно, нужд, но с установкой на будущее. И нам тоже нужно внести свое направление в современную храмовую архитектуру. Сейчас во всём в основном эклектика присутствует - то мы копируем XVIII - XIX век, то можем взять за образец храм Покрова на Нерли XVI века... Люди заняты в основном повторением былого, но я считаю, что нужно вырабатывать свой архитектурный стиль нашего времени, и это может стать одной из задач при решении проблемы обеспечения храмов в шаговой доступности.

В Москве, как вы знаете, есть программа строительства храмов, которая осуществляется отнюдь не на государственные средства, а на помощь благотворителей. Будучи викарием Святейшего Патриарха, я не раз посещал строившиеся храмы, в том числе и временные, и всегда удивлялся, как в небольшую коробку временной церкви вмещалось огромное количество людей. Прихожане готовы молиться в стеснённых обстоятельствах, тогда как могли бы и проехать на метрополитене, например, до Елоховского собора или другого крупного храма... И знаете, почему? Это способствует сплоченности прихода - люди рядом живут, они знают друг друга, и храм становится для них точкой единения. Тем более, что сейчас храмы, если можно так сказать, многофункциональны. Во-первых, это не только место молитвы, но и место общения. Во-вторых, - место, где занимаются просвещением, катехизацией, образованием, то есть происходит какая-то миссия. В одних храмах активно ведется молодежная работа, в других развивается паломническая деятельность, другие какие-то направления. Храмы становятся своеобразными центрами не только духовной жизни, но и культурной, социальной...

Знаю, что бытует и такое мнение: нужно отреставрировать исторический центр, а о новых районах можно позаботиться во вторую, так сказать, очередь. Надеюсь, что мы успеем и то, и это. Жизнь - она большая.

О ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

- Уважаемый владыка, Вы - доктор церковной истории. Продолжаете ли научные исследования? Есть ли планы, связанные с вологодскими памятниками, с вологодской землей?

- Спасибо за вопрос. Я занимался научной работой, будучи в Новоспасском монастыре, вы можете проследить мои исследования по некоторым аспектам дореволюционной жизни этой обители. В Твери очень много времени требовали организационные вопросы, наукой я занимался в меньшей степени. Ну, а сейчас - сам Бог велел, край-то здешний богат на историю, и мне хотелось бы внести определенную лепту в его изучение. Тем более, что вологодская земля мне близка: по соседству, в Ярославском регионе, я начинал свое церковное служение, и первая моя диссертация, кандидатская, была посвящена Спасо-Яковлевскому Димитриевому монастырю. Докторскую диссертацию я писал об Авраамиево-Богоявленском монастыре Ростова Великого. Надеюсь, Божией милостию я здесь найду тот объект, о котором было мало что написано, - может быть, и с вашей рекомендацией.

Перечитываю сейчас книгу «История храмов и монастырей Вологды» - и удивляюсь, какую богатую историю имеет здесь каждый храм. Вчера про Лазаревский храм читал. Конечно же, жалко, что строители этого храма столкнулись с проблемами: строили, строили - и тут, на тебе, трещины пошли, что-то разрушилось... О подобных случаях упоминается в истории нескольких храмов, и Воскресенского кафедрального собора - в том числе.

В ЦЕРКВИ ПО-ДРУГОМУ ВСЁ

- Когда назначают нового руководителя - в любой сфере, - всегда перед ним ставят какие-то определенные задачи. Какие задачи Вам поставили при назначении в Вологодскую епархию? Или у вас всё по-другому в Церкви?

- В Церкви по-другому всё. Задача одна - прийти нам всем к Богу, в Царство Небесное. А способы и всякие вокруг этой миссии целеполагания - они разные. Кто-то придёт ко Христу, участвуя в ремонте и реставрации, консервации храмов - памятников архитектуры; кто-то - участвуя в строительстве новых храмов, кто-то

- участвуя в церковных проектах... А кто-то придет ко Христу, услышав передачу или прочитав в газете какую-нибудь замечательную статью, через ваши руки прошедшую. Поэтому моя задача здесь - дать возможность каждому жителю нашего края уверовать во Христа и по этой вере жить. Я говорю не пафосные слова, это - действительная реалия нашего времени. Еще раз напоминаю: православие говорит о любви к Богу и ближнему своему. Почему оно об этом говорит каждый раз? Потому что мы понимаем: без этого никак невозможно нам с вами выжить в этом мире. Представьте себе: если у нас будет вокруг зло, мы же сами себя съедим. Зло - оно только разрушает, оно ничего не созидает.

Моя задача с точки зрения миссии церковной - это привести всех ко Христу. Для этого, конечно же, следует поддерживать то, что наработано, сделано-то очень много. Духовное образование у нас поставлено на определенную ступень, но, как и в любом процессе, нужно развитие. Со временем в нашей жизни появляются новые вопросы, которые прежде не были актуальны. Например, взаимоотношения с религиозными организациями мусульман, иудеев и буддистов не стояли на повестке дня в 90-е годы, когда я учился в духовной школе, - тогда религиозных сообществ не было так много, как сейчас. О взаимоотношениях Церкви со школой речи долгое время и быть не могло, священников на уроки не пускали. Сейчас занятия по «Основам православной культуры» идут во всех школах, - значит, есть основа для размышлений над этим явлением современной жизни. Это предмет, который показывает некую статистику, сколько у нас православных среди школьников. Честно сказать, мне это говорит просто о том, сколько детей избрали выбрали для изучения «Основы православной культуры», а станут они православными или нет, мы не знаем. Но и через это зерно тоже может что-то прорасти, и эту возможность тоже нельзя упускать.

Актуальных вопросов очень много, и задач очень много. Я не ставлю какой-то конкретной задачи для себя, для меня есть определенная миссия: возрождать души человеческие. Мы можем реставрировать храмы, да; мы можем их построить - но кто в них будет молиться? Если никто не придет на службу, тогда смысл в этих храмовых зданиях совершенно теряется. Мы можем на них приходить посмотреть от случая к случаю, пожалуйста, - но это будет музей, а не храм. Для того, чтобы храмы оставались храмами, чтобы они были наполнены, нужна работа. Нужна проповедь, миссия; нужно жить по вере, быть «образом верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою», как говорится в Священном Писании.

Получается, большая часть церковных задач - это задачи нравственные, как скажут иные, абстрактные и непонятные. Вот непонятность - это, наверное, основное свойство православия, в отличие от всех иных религиозных направлений.

Почему так? Потому что иные говорят о том, что прочитал определенное количество молитв - спасешься; уверовал - спасешься... А мы говорим о том, что нужно не просто уверовать, но и дела совершать. Нужно не просто уверовать, но и полюбить. А как полюбить того, кого не то что не любишь - кого ненавидишь? Это очень сложно. Как полюбить человека, который отвечает на твою любовь колкими словами? Как любить врагов? Не представляете, наверное.

Это можно только при постоянной, напряженной, целенаправленной работе над собой. А это тяжелый труд! Нужно работать над своими мыслями, нужно стараться не осуждать никого... У нас ведь это не получается, особенно у представителей СМИ. Ведь все равно впадаем в определенное осуждение. Статью пишем о проблеме какой-то - и начинаем осуждать, как без этого. Ну, иногда оправдывают свое осуждение словом «рассуждение», хотя разницы никакой.

Большая часть церковных задач - это задачи нравственные, как скажут иные, абстрактные и непонятные. Вот непонятность - это, наверное, основное свойство православия, в отличие от всех иных религиозных направлений.

Митрополит Вологодский и Кирилловский САВВА

- Это тоже наша миссия...

- Ваша миссия, да... Держаться золотой середины - и не осуждать, и не рассуждать, но давать объективную оценку. Вы, журналисты, определенную роль в жизни общества играете, и очень важную. Порой репортер может указать на проблемы общества гораздо быстрее, чем какой-нибудь мощный аналитический центр. Немало времени потребуется для того, чтобы составить, например, обстоятельную справку для высокого чиновника о положении дел в какой-то отрасли - скажем, в коммунальном хозяйстве. А журналист сделал телерепортаж с места прорыва водопровода - и сразу же, может быть, техника приедет и решит проблему, не дожидаясь решений управленцев.

То есть вы, с одной стороны, - голос общества, голос совести. Но хотелось бы, чтобы этот голос был честным и порядочным, чтобы он не был направлен только лишь на извлечение прибыли, чтобы нельзя было упрекнуть его в ангажированности...

НЕ ПУГАЙТЕСЬ МИТРОПОЛИТА НА ВЕЛОСИПЕДЕ!

- Мы знаем о хобби Ваших предшественников на Вологодской кафедре: архиепископ Максимилиан любил фотографировать, митрополит Игнатий играл на музыкальных инструментах.. А какое у Вас хобби, уважаемый владыка?

- Хобби... Что, вы говорите, владыка Игнатий любит?..

- Играть на аккордеоне.

- Да... Я грибы люблю собирать. Люблю ездить на велосипеде. Сейчас я пока пользуюсь велосипедом, который стоит на месте, - велотренажером, а так я люблю пешие прогулки, скандинавскую ходьбу, и на велосипеде с удовольствием готов прокатиться, если есть возможность. Так что если вы меня увидите на велосипеде - не пугайтесь.

Есть у меня одно непреодолимое желание: хочу научиться играть на фортепиано. Попросил, чтобы нашли мне педагога. Ну нравится вот мне! Я всегда восхищался теми людьми, кто умеет играть на фортепиано. Почему именно этот инструмент? Знаете, фортепиано дает тот звук, который необходим. На скрипке, например, надо все на слух воспроизводить, а на пианино нажал клавишу с нотой до - и звучит до. Только знай, куда нажимать и как правильно держать кисти рук.

Одно время я путешествовал по исторической глубинке - побывал, например, в городе Городце. Елец тоже посетил. В Городце есть музей самовара - замечательный! Там около восьмисот

Спасо-Каменный монастырь в Кубенском озере

единиц хранения, они не все выставлены. Очень меня впечатлила история самовара. Поразило, например, что каждый самовар - он для определенной обстановки, даже для определенной должности. Есть «цыганский», есть «эгоист», есть на двоих самовар, есть даже солдатский - и кашу сварить, и чаю попить, и суп можно было разогреть. Я тоже немного поколлекционировал самовары, их у меня немного, штук десять, но есть и довольно интересные...

- В Череповце есть подобный музей, он небольшой, частный...

- Да вы что? Обязательно надо будет зайти. Еще среди моих увлечений - история храмов. Сейчас, конечно же, передо мной открылось большое поле неизведанного, поэтому я сейчас активно читаю книги по церковной истории. Вот про Вологду читаю, дальше, получается, - Тотьма, потом Великий Устюг, Череповец, Шексна, Грязовец...

Я посетил Спасо-Каменный монастырь - и, конечно, был поражен. Во-первых, подвигом тех людей, которые на этом островке жили, во-вторых, - тем, что там построено... А еще, до прибытия на Каменный остров, поразил меня храм в Устье. Подъезжаешь - а там стоит копия вологодского Воскресенского собора, только гораздо лучше. У нас-то, как сейчас по-современному говорится, - лайт, а там, наверное, полная комплектация... Лепнина замечательная! Я впечатлен, что в таком небольшом селе такой величественный храм... Видно, что богато было, люди здесь жили состоятельные.

Мне хочется поездить по дальним сельским приходам. Туда ведь нечасто архиереи заезжают, они больше на районные центры ориентируются, а села как-то стороной объезжают. Знаете, служил я в Грязовце, подошли ко мне из трех приходов в округе. И они все спрашивают: «Владыко, к нам когда приедете?» Я отвечаю: «А зачем я вам там нужен? Священники же есть у вас, служба идет!» Говорят: «Так ведь когда вы приезжаете, хор лучше поет».

- Долго ли будет без архиерея Великоустюжская епархия?

- Сложно мне сказать. Раньше, когда я был управляющим делами Патриархии, я мог бы ответить на этот вопрос. Наверное, вся проблема в кандидате на архиерейскую должность. Сейчас, насколько я помню, у нас около семи вакансий по всей Русской Православной Церкви, и Великий Устюг - не самая стратегическая кафедра, хотя историческая. С другой стороны - может быть, и воля Божия есть. Я хоть там побуду подольше, поезжу. Попытаюсь поделить свое время на две части, чтобы ни Вологда, ни Великий Устюг не были обижены.

А может быть, у нас появится какой-нибудь хороший кандидат, и мы его туда направим. Предлагайте!

ЦЕРКОВЬ И ТАК ПУБЛИЧНА

- Насколько Церковь, с Вашей точки зрения, должна быть публична?

- Она и так публична. Каждый священник сам по себе всегда публичен, его же на приходе все видят, все знают, какие у него грехи и немощи. И я все время на публике.

- Да, мы следим за Вашим инстаграмом...

- Я говорил Надежде Александровне, редактору «Красного Севера», что с того времени, как был объявлен особый режим, я вышел в социальные сети, и за исключением нескольких дней, когда не было интернета, ежедневно в 21.00 начинаю проповедь на 10-15 минут. В общем-то, это беседа на злободневные темы. Так что если у вас будет желание и возможность - приходите. Смотрите мою страничку, поучаствуйте в моих прямых эфирах, их прошло уже около двухсот.

У меня еще есть такой проект - «В гостях у епископа», в прямом эфире я отвечаю на вопросы прихожан. Я это практиковал в Тверском регионе. И там есть тоже ряд моих роликов, которые посвящены историческим личностям: Петру Аркадьевичу Столыпину, например, или Владимиру Ильичу Ленину - на его примере я показываю, каким не надо быть. Говорили мы и о том, как следует относиться к критике в социальных сетях и СМИ.

Так что если вы желаете чем-то воспользоваться - пожалуйста, пользуйтесь, это только во благо. Тем более, что я ничего не говорю о политике, поскольку считаю, что мне как священнослужителю делать это не следует. Я считаю, что Церковь находится над всем, поскольку мы идем, как говорится, другим путем, ведущим в Царство Небесное. Путь этот простой - но сложный: любить Бога и ближнего своего, вот и всё.

А остальное, как говорится, наносное. И это пройдет, как говорит премудрый Соломон.

Крестный ход движется из Софийского кафедрального собора в Воскресенский

Воскресенский собор: новая жизнь кафедрального храма

4 октября нынешнего года было совершено великое освящение Воскресенского кафедрального собора - главного храма Вологодской митрополии.

Возглавил чин освящения управляющий делами Украинской Православной Церкви митрополит Бориспольский и Броварской Антоний. Ему сослужили глава Вологодской митрополии митрополит Вологодский и Кирилловский Савва, глава Саратовской митрополии митрополит Саратовский и Вольский Игнатий, епископ Бежецкий и Весьегонский Филарет и епископ Череповецкий и Белозерский Игнатий. Вместе с преосвященными в освящении Воскресенского собора и в Божественной литургии приняли участие священнослужители Украинской Православной Церкви, Вологодской и Саратовской епархий.

Участники великого освящения во главе с архиереями совершили крестный ход в Софийский кафедральный собор: там в алтаре был приготовлен ковчег с частицей святых мощей для помещения святыни под престолом новоосвященного собора.

Воскресенский собор построен как зимний кафедральный храм у северной стены Вологодского кремля на месте башни. В 1776 году его освятил епископ Ириней (Братанович), за почти 250-летнее существование этого храма в нем не раз устраивали масштабные ремонты. Трижды после окончания работ собор освящали.

Митрополит Савва помазывает освященным маслом стены алтаря

За свою почти 250-летнюю историю стены Воскресенского собора видели немало выдающих церковных деятелей. В 1830 году здесь был пострижен в монашество Дмитрий Брянчанинов - будущий святитель Игнатий, выдающийся церковный писатель и богослов, причисленный к лику святых в 1988 году. В соборе служили великий русский проповедник и церковный писатель XIX века Иннокентий (Борисов), канонизированный как архиепископ Херсонский, а также первый Патриарх Московский и всея России нового времени Тихон (Беллавин).

С архипастырским словом к прихожанам собора обратился митрополит Бориспольский и Броварской Антоний. Он отметил:

- Владыка Савва говорил, что в Вологде климат холодный, но дыхание веры теплое. Согреваем это дыхание не мы - согревает его Христос.

По окончании богослужения митрополит Антоний вручил церковные награды потрудившимся на возрождении Воскресенского собора. От имени Патриарха Московского и всея Руси Кирилла во внимание к помощи Вологодской епархии губернатору Олегу Кувшинникову был вручен Патриарший знак храмостроителя.

Освящение престола

- Сегодня, когда произошло великое освящение, - сказал Олег Александрович, - я увидел слезы на глазах присутствующих; это слезы радости в день возвращения храма. В далеком 1938 году, 82 года назад, этот храм закрыли. Здесь было общежитие, потом был клуб, картинная галерея... В 2016 году уважаемый владыка Игнатий обратился ко мне с просьбой возглавить попечительский совет. Я с радостью согласился, и началась тяжелая работа. Четыре года здесь работали лучшие реставраторы. Благодаря нашим российским и украинским благотворителям, а также сотням жертвователей из числа прихожан работы были завершены.

Причащение совершалось из четырех чаш - так много было желающих приобщиться к Бескровной Жертве Христовой в этот исторический день. Все участники богослужения получили на память иконки Воскресения Христова с благословением митрополита Вологодского и Кирилловского Саввы.

По окончании богослужения губернатор Олег Кувшинников вместе с архиереями осмотрел нижний этаж Воскресенского собора, где находился престол во имя Киево-Печерских чудотворцев.

Связь Вологодчины с Киевской Русью прослеживается на протяжении всей церковной истории нашего края. Основание Вологды летописи связывают с преподобным Герасимом, пришедшим на берег Вологды из Киевской Гнилецкой обители. Жизнь многих вологодских архиереев была связана с духовными школами на древней родине русского благочестия: Киевскую духовную академию закончили и епископ Ириней, построивший Воскресенский кафедральный собор, и епископ Феофилакт, освятивший нижний придел в 1805 году. Несколько лет был ректором Киевской духовной академии преосвященный Иннокентий (Борисов),

Важно отметить, что в реставрации Воскресенского собора не было истрачено ни копейки бюджетных денег - все работы проводились на пожертвования благотворителей. Расходы на восстановление главного храма митрополии в общей сумме составили 90 миллионов рублей.

- Вологодчина - моя малая родина, для меня было большой честью вложить частичку себя, своего труда в восстановление храма, - отметил совладелец и первый заместитель генерального директора компании «Высококачественные автомобильные дороги» Виктор Перевалов.

Участникам празднования хотелось бы разделить радость обретения Дома Божия со всеми - может быть, этот день сделать областным праздником? Например, днем возрождения церковных памятников.

Существенный вклад в возрождение Воскресенского собора внесли киевляне Вадим Новинский и Алексей Пертин, оба они - протодиаконы, принимали участие в освящении и Литургии. У обоих - вологодские корни, и они с радостью оказывают помощь родному краю.

Митрополит Савва считает:

- Теперь самое главное - поддержать набранный темп и завершить восстановление первого этажа. Благодарю неравнодушных вологжан за их молитвы, за труды. Этот собор объединил всех нас, Киев и Вологду, всех прихожан вокруг самой главной святыни Вологодского края.

Отошло богослужение, стихли праздничные песнопения... Конечно, память о торжестве, объединившем сотни людей вокруг возрождаемого храма, никуда не исчезнет - пока будет совершаться в соборе Божественная литургия. Участникам празднования хотелось бы разделить радость обретения Дома Божия со всеми - может быть, этот день сделать областным праздником? Например, днем возрождения церковных памятников. Воскресенский собор ведь памятник культуры федерального значения. Несмотря на статус, до ремонта этого памятника руки у власти долго не доходили - и возрождение началось только тогда, когда всколыхнулся весь народ.

К сожалению, на Вологодчине еще немало храмов, которым нужна скорая реставрационная помощь не меньше, чем Воскресенскому собору. Будем напоминать о них обществу хотя бы раз в год, будем убеждать людей, что гибнущие храмы необходимы нам всем, - найдутся и благотворители, и добровольцы с Божьей помощью.

Первая Божественная литургия в новоосвященном соборе

Священнослужители и благотворители, принимавшие участие в освящении собора, сфотографировались на память с губернатором Олегом Кувшинниковым

Храм, который необходим нам всем

Беседа с настоятелем Воскресенского кафедрального собора протоиереем Алексием Ольховниковым

- Скажите, батюшка, думали ли Вы, что реставрация главного храма митрополии пройдет так долго - почти четыре года? Ведь вначале предполагали, что срок эти работы займут гораздо меньший...

- Действительно, сначала-то мы полагали, что обойдемся первоочередными работами, так сказать, малой кровью. Там текла крыша в трапезной части храма, были испорчена кровля и потолок. Поэтому мы полагали, что перекроем крышу - и всё будет хорошо. Мы рассмотрели несколько компаний и выбрали в качестве генерального подрядчика известную среди реставраторов фирму «Электра»...

- Фирма с хорошей репутацией, именно она восстанавливала усадьбу Брянчаниновых в Покровском. Помню, директор «Электры» Константин Львович Смирнов тогда говорил: «Мы использовали либо материалы той эпохи, либо идентичные». За возрождение уникального памятника культуры Константин Львович был - вместе с другими участниками проекта - удостоен премии Правительства России в области культуры. Это говорит об уровне реставраторов.

- Мы надеялись, что специалисты - а в «Электре» трудятся мастера высочайшей квалификации - смогут провести работы довольно быстро. Однако при детальном обследовании выяснилось, что только ремонтом крыши мы не сможем обойтись: собор нуждается в очень серьезной реставрации. Стали поэтапно изучать этот вопрос, и выяснилось, что у нас и фасад находится в печальном состоянии: большая площадь штукатурки на фасаде отходит от стен, цоколь находится тоже в ужасном состоянии, кое-где проседает фундамент... И мы стали эти работы тоже выполнять. После того, как была перекрыта часть крыши трапезной части, было принято решение отреставрировать и центральную кровлю - купола, главки, кресты, кровлю над алтарем. Параллельно шли подготовительные работы по фасаду. Изучался вопрос и о внутреннем состоянии храма.

- Интерьер тоже требовал масштабной реставрации?

- Мы рассчитывали, что можно обойтись и без этого. Даже поставили иконостас, который соответствовал дореволюционному. Вроде бы дело уже шло к открытию собора, мы радовались, что скоро можно работы завершить, но тут выяснилось, что центральный свод верхнего этажа, то есть самый главный свод, находится в аварийном состоянии. Мы со специалистами раскрыли трещины и увидели, что свод практически съехал на 28 сантиметров со своей первоначальной точки крепления!

На голову он никому не упал только благодаря тому, что является армированным. Пришлось законсервировать работы на втором этаже, иконостас мы наполовину разобрали, а оставшуюся часть укрыли таким саркофагом. Выставили специальные леса-кружало, с помощью которых вывесили свод и часть его полностью переложили.

Совместно с этим сводом мы практически полностью переработали опорные столбы, на которые свод опирался. Выяснилось, что в советские годы кто-то в несущей стене сделал дверь - возможно, это и стало одной из причин того, что свод этот поехал.

Эти работы оказались крайне тяжелыми - больше года мы со сводом возились.

- И чем дальше занялись реставраторы?

- Поменяли практически все внутренние слои штукатурки на втором этаже, провели новые электрические коммуникации, пожарно-охранную сигнализацию, все инженерные сети. Установлено новое отопление и водоснабжение, реализуется проект газификации собора.

На первом этаже демонтированы все штукатурные слои, тщательно изучили состояние кладки и там, где необходимо, провели вычин-

Епископ Череповецкий и Белозерский Игнатий, митрополит Саратовский и Вольский Игнатий, митрополит Бориспольский и Броварской Антоний, митрополит Вологодский и Кирилловский Савва, епископ Бежецкий и Весьегонский Филарет

ку (то есть восстановление разрушенной кладки). Та же операция проведена и на втором этаже. Проведено инъектирование под давлением практически всего объема - на обоих этажах и на цоколе - специальным раствором, который заполняет пустоты в разрушенной кладке.

При подготовке верхнего этажа к освящению покрасили стены, устроили деревянные полы - они имитируют фризовый пол XVIII века, времени постройки Воскресенского собора. Мы восстановили парадную лестницу между этажами, рядом с ней отведено место для служебных и санитарных помещений для прихожан.

- А в каком состоянии первый этаж?

- Самая трудоемкая часть - выемка грунта. Нужно было убрать шлак и землю, трубы коммуникаций советского периода, чтобы довести объем до проектной отметки - это примерно на метр ниже, чем было, когда мы в храм пришли. Сейчас всё готово для устройства пола - сделана гидроизоляция, утепление, уложена армированная сетка.

- Сколько, как Вы думаете, батюшка, продлятся работы в нижнем храме? Год-два, или меньше?

- Пока мы еще не определили точно ни сумму затрат, ни источники финансирования. Если всё будет хорошо, то за год-полтора можно сделать.

- Отец Алексий, проведена гигантская работа. А что было самым сложным, как вы думаете?

- Самую сложную задачу нам поставил центральный свод.

- Тем больше чести, что нашли правильное решение.

- Но это если говорить о технической, строительной части. Собор - это ведь прежде всего действующий приход, это живые люди. И мы оказались перед задачей совместить эту стройку с жизнью прихода.

Вологжане так долго ждали возрождения церковной жизни в нашем храме! 4 декабря 2016 года состоялась первая Божественная литургия в Воскресенском кафедральном соборе, и богослужения у нас сразу после этого стали совершаться ежедневно. Появились постоянные прихожане, и за год с небольшим - до начала системной реставрации - приход, я считаю, сформировался. И священники, и прихожане учитывали сложную ситуацию. Летом службы

За Божественной литургией

совершались в Софийском соборе. Зимой, когда была необходимость проводить работы на втором этаже, мы переходили на первый. Но ведь шум-то на первый этаж доносится сверху, и не всем это, ясное дело, нравилось. Да еще и душновато на первом этаже, помещение-то небольшое. Прихожан довольно длительное время приходило гораздо меньше.

- То есть приходская жизнь в соборе как бы притухла, впала в сон?

- Не скажите. Мы с первого года стали проводить курсы для прихожан для изучения Священного Писания. Ведут их преподаватели Вологодской духовной семинарии. На безвозмездной основе они читают лекции по истории Церкви, литургике, богословским дисциплинам. Можно изучить Священное Писание на семинарском уровне, и наши прихожане всегда эти курсы охотно посещали.

Период совмещения службы и реставрации оказался довольно сложным. Приходилось сложно, неудобно - но мы научились жить вместе.

- А как идет сотрудничество с областными и городскими властями?

- Наверное, еще одно слагаемое успеха - это коллегиальность работы. Все сложные вопросы мы решаем совместно: представители епархии, комитета по охране объектов культурного наследия Вологодской области, городских структур обсуждают, как поступить, и вырабатывают общее решение.

- Скажите, отец Алексий, как вам работается с «Электрой»?

- За эти годы мы подружились с Константином Львовичем, и объединила нас не только стройка. Мы с ним и об истории Церкви беседуем, и на богословские темы. Константин Львович - музыкант, скрипач, у нас всегда есть общие темы для разговоров. Но главное, конечно, - что с ним хорошо и легко работать, на него всегда можно положиться в трудную минуту.

- Хор соборный нравится директору «Электры»?

- Да. И все отмечают хорошую акустику второго этажа.

- Акустика важна, конечно, но важнее - голоса певчих, опытный регент. У ваших певчих замечательные голоса, всегда радостно их слушать. Но самое, наверное, радостное для всех клириков, сотрудников и прихожан собора - ощущение того, что начинается новый период жизни Воскресенского собора. Храма, который так нужен нам всем...

- Знаете, когда ежедневно погружен в реставрационную жизнь, изменения не всегда успеваешь отмечать. Порой даже забываешь, как выглядел храм не так уж давно. Приходишь в собор, смотришь вокруг и думаешь: да ничего особенного, всегда так и было... Начнешь перебирать старые снимки - и вспоминаешь этапы, через которые пришлось пройти. Это возвращает с небес на землю.

Материалы раздела подготовил
Андрей САЛЬНИКОВ

«Остров Спасения»

Книга под таким названием продолжает серию фотоальбомов издательства «Арника» о прошлом и настоящем Вологодчины.

Первый - «Вологда в объективе времени», второй «Вологодская область - душа Русского Севера». Третьим должен стать фотоальбом о Спасо-Каменном монастыре «Остров Спасения». К сожалению, в нынешнем году - юбилейном для островной обители, ей исполнилось 760 лет - книгу издать помешали экономические нестроения. «Арника» не отказалась от выпуска книги, но вынуждена перенести его на весну будущего года.

Юбилейный для древнейшего островного монастыря Русского Севера год издательство отметило выпуском пилотного фотоальбома. Небольшой объем (в сравнении с полным вариантом книги о Спасо-Каменном) всё же позволяет составить представление о легендарном монастыре. Читатели увидят фотографии разных периодов жизни Спасо-Каменной обители - исторические свидетельства жизни на Каменном острове до событий 1917 года; трагические снимки, зафиксировавшие превращение древней обители в руины; фотографии хода восстановления строений и возрождения монашеской жизни на острове.

В полном издании «Острова Спасения» - подробная история монастыря, хроника его восстановления, рассказ об удивительных людях, жизнь свою положивших ради возрождения этой удивительной святыни. Читатели увидят практически все дошедшие до нас исторические снимки, лучшие работы замечательных фотографов, сделанные на острове Каменном в разное время, - это не только вологжане, здесь были фотомастера со всех России.

Судьба Спасо-Каменного монастыря волнует многих, это показывает история его возрождения. У друзей обители есть шанс помочь изданию книги, раскрывающей красоту и значение святыни на островке, затерянном в Кубенском озере. Издательство приглашает к участию в издании книги «Остров Спасения». С предложениями можно обращаться по адресу: www.arnika35.ru

На снимке - пилотный вариант фотоальбома о Спасо-Каменном монастыре. У каждого есть возможность участвовать в издании книги о древней обители в полном объеме. Выпустим хорошую книгу вместе!

Генриетта и Николай Бурмагины: художники своего времени

В исторической части Вологды, некогда называвшейся Верхним посадом, что за Софийским собором и памятником 800-летию города, расположилась уютная улочка, застроенная деревянными домиками. С конца 1980-х годов она носит имена Николая и Генриетты Бурмагиных. На карте Вологды мы найдем улицы и переулки с именами многих прославленных вологжан: поэтов, писателей, ученых, исторических и политических деятелей. А вот мастера изобразительного искусства, художники-земляки редко удостаиваются такой чести. Улица Бурмагиных, пожалуй, единственный пример в этом ряду.

Жизнь и творчество Николая и Генриетты Бурмагиных неотделимы от вологодской земли. Здесь они родились: Николай Васильевич в 1932 - в деревне Журегино Сокольского района, Генриетта Николаевна в 1939 - в славном городке Харовске. Встретились же в Ярославле, в стенах художественного училища, где полюбили друг друга и в 1964 году в Вологду приехали уже семьей.

Бурмагины вошли в современное изобразительное искусство Вологодчины стремительно и легко. Они были молоды и азартны, открыты навстречу всему новому и скоро добились зримых успехов в жанре книжного знака, в который ввел их искусствовед и истовый пропагандист экслибриса Семен Георгиевич Ивенский. В уникальной коллекции последнего и на выставках книжного знака в Вологодской картинной галерее, директором которой Семен Георгиевич был много лет, молодые художники знакомились с подлинными работами современных европейских мастеров гравюры и произведениями классиков отечественного искусства начала XX века. Творческим выбором Бурмагиных стала ксилография. Они не сидели на месте, путешествовали по области, собирая материал для своих первых графических серий. Родная земля, такая близкая и знакомая с детства, стала питательной средой их вдохновения, основой многих и многих сюжетных и образных разработок. Именно тогда и родилась характерная особенность стилистики их гравюр, объединившая в себе историческое культурное наследие Русского Севера и современный художественный язык гравюры XX века.

Есть художники, о которых говорят: «они опередили свое время»; о других, наоборот: «опоздали родиться». Бурмагиных можно без сомнения назвать художниками своего времени. В творчестве наших графиков отразились главные, если не основные черты и запросы советской культуры периода «оттепели», то есть конца 1950-х - начала 1960-х годов: утверждение национальной идеи, поиск новых тем и нового художественного языка. Ответы на эти запросы времени многие столичные мастера искали на Русском Севере, в Вологодской и Архангельской областях. Творческие поездки «По земле вологодской» и одноименные художественные экспозиции стали тогда регулярными. Участие в них принимали и вологодские мастера - Владимир Корбаков, Джанна Тутунджан и, конечно, Николай и Генриетта Бурмагины. Свою родную Вологодчину воспели наши мастера в ярких живописных и графических произведениях. Выставка «Вологодская графика», состоявшаяся в Москве в 1972 году и объединившая в экспозиции как оригинальную, так и печатную графику вологжан, подтвердила, что представленные работы, несомненно, - явление в искусстве

Бурмагин Николай Васильевич, Бурмагина Генриетта Николаевна. Набережная VI Армии. Вологда, 1969. Бумага цветная, ксилография

не только Русского Севера, но и всей страны. И не последнюю роль в формировании и творческом развитии вологодской графики сыграло творчество Бурмагиных.

Как мало времени было отпущено им для совместной жизни и творчества, и как много они успели сделать за десять лет - до трагического 1974-го, года гибели Николая Бурмагина в автокатастрофе... Художники много работали в книжной графике, и многочисленным любителям литературы, классической и современной, Бурмагины запомнились как создатели ярких, запоминающихся гравюр, доносивших до читателей второй половины XX века знакомые образы Александра Яшина и Николая Рубцова, Ольги Фокиной и Александра Романова, Василия Белова и Виктора Астафьева. Благодаря гравюрам, созданным Бурмагиными, навсегда остался в памяти поколений уникальный образ исторической Вологды. Деревянные особняки и каменные храмы в окружении деревьев и неспешно гуляющих горожан, играющих детей - словно яркие бытовые сценки, выхваченные из повседневной жизни, которая неспешно течет возле них годами и десятилетиями. Серия гравюр «Архитектурные памятники Вологодской области» продолжила традиции культуры гравирования в Вологде, сложившиеся здесь в 1920-е годы, и дала толчок развитию городской пейзажной гравюры как самостоятельной темы, подхваченной художниками новых поколений, работающих на Вологодчине.

Деревянные особняки и каменные храмы в окружении деревьев и неспешно гуляющих горожан, играющих детей - словно яркие бытовые сценки, выхваченные из повседневной жизни, которая неспешно течет возле них годами и десятилетиями.

Необыкновенно насыщенными стали последние годы совместного творчества Генриетты и Николая Бурмагиных. В 1972 - 1974 годах были созданы иллюстрации к книгам стихов Виктора Коротаева, Валерия Дементьева, Николая Рубцова, к двум сборникам прозы Лидии Сейфуллиной. Художественным достижением Бурмагиных стал цикл ксилогравюр, иллюстрировавших сборник фольклора «Народные песни Вологодской области». В этом издании сюжеты, пришедшие из далекого прошлого, обрели особое образное звучание благодаря яркому языку гравюры XX века. Песенные традиции, сохранявшиеся в народном быту вплоть до начала

Бурмагин Николай Васильевич, Бурмагина Генриетта Николаевна. Полдень (Материнство). Из триптиха «Лето». 1973. Бумага, ксилография. 15,3х10,8

XX века, отражали и уклад жизни, и характер отношений, сложившийся в крестьянском сообществе. Работая над этими иллюстрациями, художники показали прекрасное знание традиций народной культуры Русского Севера - резьбы, росписи, вышивки. Изобразительные мотивы в сочетании с элементами растительного орнамента выстраивали декоративно-нарядные композиции графических листов, наполняли их особой ритмикой и энергетикой.

Тонким лирическим характером отличался триптих Бурмагиных «Полдень», посвященный поэтическому образу женщины-матери, ставший еще одним достижением их творчества 1973 года. Обращаясь к этой весьма распространенной в изобразительном искусстве теме, художники отсылают нашу память к традициям отечественного искусства, в том числе и к самым ранним ее образцам - русской иконописи. Наверное, потому центральной частью триптиха становится символический образ женщины с младенцем на руках, сидящей под раскидистым деревом на пестром крестьянском лоскутном одеяле. Следующим в этом ряду стал графический триптих «Дорога» (1974 год), обращенный к судьбе земляка, летчика-космонавта Павла Беляева.

Смерть Николая Васильевича Бурмагина была большой потерей. Признанный лидер вологодских графиков, Бурмагин снискал уважение и в кругу столичной творческой интеллигенции, в 1973 году его избрали членом правления Союза художников СССР, уже рассматривался вопрос о присвоении им обоим звания заслуженных художников РСФСР... Это звание в 1975 году получила только Генриетта Николаевна.

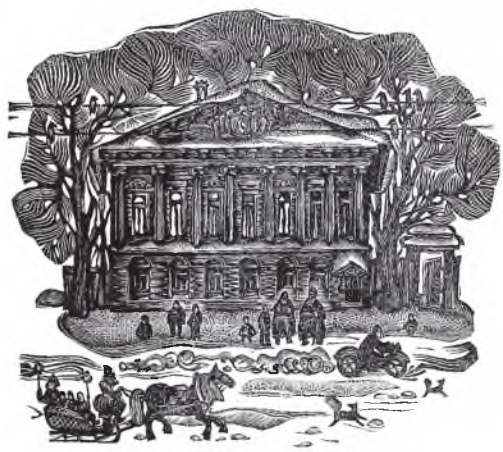
Последующие десять лет она работала одна. Ей пришлось досконально освоить технические тонкости гравирования на дереве - долгие годы этим, как правило, занимался Николай Васильевич, а Генриетте Николаевне была ближе разработка композиционных и образных решений гравюр. Дружеская поддержка пришла от ближайшего коллеги - Валентина Ульяновича Едемского, к которому Генриетта Бурмагина и обратилась за помощью. Товарищеские, доверительные отношения между нашими графиками - не пустые слова. Стоит вспомнить хотя бы книжный знак, который Валентин Едемский посвятил чете Бурмагиных еще в 1969 году. Добрая улыбка автора освещает эту аллегорическую композицию, где в образе былинных пахарей, возделывающих «ниву искусства», выступают его друзья - Бурмагины. Роль сохи, в которую «впрягся» глава семейства, Николай Васильевич, выполняет штихель, главное орудие граверов; рядом с пахарем, с ребенком на руках, - верная жена и в прямом смысле соратница - Генриетта Николаевна. Здесь есть всё: и ясное определение творческого кредо этих художников, и чувство уважения к их кропотливому труду, и восхищение близкими по духу людьми, и глубокое понимание их исусства. Выполненный в изящной, декоративной манере, этот книжный знак не потерял своего обаяния до сегодняшнего времени.

Генриетта Николаевна была хорошей ученицей; она не просто успешно продолжила работать в ксилографии, но и обрела в этой технике свой почерк. Он ярко выражен во всех работах художницы - экслибрисах и иллюстрациях к классике русской литературы. Объем и разнообразие сделанного Генриеттой Николаевной просто ошеломляет - это «Семейная хроника» Сергея Аксакова и поэма Александра Блока «Двенадцать», книга леген-

дарной кавалеристки-девицы Надежды Дуровой «Избранное»... А ведь были еще и прекрасные экслибрисы, и серии станковых гравюр по мотивам прозаических произведений Василия Белова «Бобришный угор» и Виктора Астафьева «Царь-рыба»...

Новой ступенью в творчестве художницы конца 1970-х годов стало освоение ею техники литографии. Мне кажется, что гравирование на камне привлекло Генриетту Бурмагину прежде всего тем, что при печати этим способом практически в деталях сохранялся рисунок. Вот где полностью раскрываются и её фантазия, и свободное владение композицией, основанное на знании традиций отечественного и европейского изобразительного искусства. Этому способствовала и выбранная тематика - сказки архангелогородца Степана Писахова, путешественника, художника, писателя.

Писахов - удивительный сказочник. Нет для его героя Сени Малины из деревни Уйма невозможного. Захочет - на бане в море за рыбой пойдет. Надо будет - из болота на ружье выстрелится или на Луну с помощью самовара улетит. Рассказывали, как необычно принимали Писахова в 1939 году в Союз советских писателей. Писаховские сказки оказались в руках членов секретариата Союза во главе с Александром Фадеевым. И вместо того, чтобы обсуждать, как полагается, достоинства и недостатки этих текстов, они принялись, перебивая друг друга, читать



Бурмагин Николай Васильевич, Бурмагина Генриетта Николаевна. Дом Левашова. Из серии «Архитектурные памятники Вологды». 1970-1971. Бумага, ксилография. 9,5 х 10,7; 14,2 х 20

Едемский Валентин Ульянович (1939 - 2003). Экслибрис Г. и Н. Бурмагиных. 1969. Бумага, ксилография. 4,9 х 7

сказки одну за другой и не могли остановиться, при этом со смеху чуть ли не сползая на пол. Яркие, непосредственные станковые литографии Генриетты Бурмагиной, а также иллюстрации, выполненные в технике ксилографии и расцвеченные акварелью, идеально отражали чистый язык озорного сказочника Писахова.

Конечно, если б не болезнь, творческие достижения художницы были бы еще значительнее. Но и то, что сделала она за 10 лет после смерти мужа, достойно восхищения и признательности, которые проникновенно выразила художница Джанна Тутунджан, много лет дружившая с Бурмагиными: «Спасибо Вологде, что не забыла своих прекрасных мастеров, которые буквально воспели каждый ее уникальный дом. Спасибо Вологде, что назвала одну из лучших по расположению своих улиц, у излучины реки, в виду панорамы всего города, всей его истории ... именами Генриетты и Николая Бурмагиных».

Именно там, на берегу Вологды, напротив устремленной в небо церкви Сретения Господня, изобразила художницу Джанна Тутунджан. Картина (один из лучших портретов кисти Джанны, на мой взгляд) называется его просто, по-дружески - «Гета».

Любовь СОСНИНА,
искусствовед, главный хранитель фондов Вологодской областной картинной галереи

Продолжение темы - на цветной вклейке в конце номера

Памяти писателя

СЛОВО О ДРУГЕ

Станислав Мишнёв с Александром Цыгановым

На Святую Пасху не стало большого русского писателя Станислава Михайловича Мишнёва... Словно предчувствуя беду, размышляя о Всероссийском литературном конкурсе «Всё впереди», Станислав Михайлович писал: «Уж сколько раз казнил себя и ел себя: не лезь! Нет, опять в реке, опять бреду вверх по течению, только рубаха полощется. Думается мне... это мой последний шанс отметать икру на беловском перекате. Да и вообще пора завязывать. Меня терзают какие-то мрачные мысли... К вам поступит много материала, и материал будет качественнее моего (куда мне с тем же Робертом Балакшиным тягаться! Да что Роберт - велика Русь, сильна Русь!), и я не обижусь, если не попаду в число избранных, - не по две морошки на ложку...»

А казалось, давно ли удивительный поэт Виктор Коротаев, известный всем открытиями новых писательских имен, зашел ко мне на Урицкого, 2 в отделение Северо-Западного книжного издательства и прямо с порога радостно возвестил: «Всё спите! А у нас родился настоящий писатель, Станислав Мишнёв из Тарноги! Вот, почитайте его рассказ «Мельник»! - и передал мне рукопись. Я окунулся в текст и сразу забыл всё на свете. До сих пор за всю многолетнюю редакторскую работу я еще не встречался с подобным языковым чудом! Даже сейчас всей душой ощущаю то счастье, которое навсегда поселилось во мне в те давние времена, когда, уже на правах редактора, я готовил коллективный сборник прозы «Под Большой Медведицей», где в разделе «Книга в книге» была опубликована и первая книжка Станислава Мишнёва «Такая она, жизнь...». Потом у нас был прием Станислава Мишнёва в Союз писателей, тогда еще на улице Ленина, 2, в Вологодском отделении, где опять же произошло маленькое чудо. На приеме присутствовал председатель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев, который вместе со своим сопредседателем Василием Ивановичем Беловым и предложил принять в наш Союз Станислава Мишнёва открытым голосованием - настолько блестящий талант вологжанина покорил сурового председателя, в первый и в последний раз пошедшего на нарушение писательского устава. Да и сам Василий Иванович пожелал сфотографироваться вместе со Стасом, чего я за многие годы работы с великим писателем уже больше и не знавал...

Затем были книги, - много книг, самобытных и неповторимых: на сегодня у нас еще нет, не появилось на российских просторах мастера такой необычайно образной художественной силы, такого естественного владения волшебным русским словом, каковым Создатель наградил вологодского писателя. Уверен, что впереди всех нас ждут еще светлые и радостные, волнующие любую живую душу встречи с прозой прекрасного писателя и настоящего человека - Станислава Михайловича Мишнёва.

Александр ЦЫГАНОВ

СЕРДЦЕ ПИСАТЕЛЯ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СЛАБЫМ!

ОТ РЕДАКЦИИ. В конце прошлого года Станислав Мишнёв попал в областную больницу. Рассказывал потом, что доктора его обследовали, поддержали, а при выписке посоветовали быть осторожнее: «Сердечко у вас слабенькое, Станислав Михайлович». Вспоминал об этом Станислав с улыбкой - его, возможно, удивляла врачебная формулировка.

И в самом деле: сердце писателя не может быть слабым. Если это, конечно, писатель настоящий, если он пишет не для развлечения читателей, а для того, чтобы помочь им подумать, как устроен этот мир и как сделать его, наконец, лучше... Но и сильное сердце изнашивается. Теперь мы будем размышлять о нашей жизни уже без Станислава Мишнёва - над его книгами. Сильное, несмотря ни на что, сердце писателя поможет нам жить дальше. Спасибо, Станислав Михайлович! Вечная память!

Мишнёва хоронили на третий день Пасхи. Яркое, проглянувшее сквозь быстро бегущие невесомые белые облака солнце в последний раз коснулось его лица, обращенного к небу. На проталинах возле молодых сосен проклюнулись уже первоцветики-хохлатки...

Странное дело, но с того самого момента, когда 19 апреля 2020 года, в светлый день Христовой Пасхи, пришла внезапная печальная весть о смерти Станислава Михайловича Мишнёва, в которую совершенно не хотелось верить, всё вокруг стало восприниматься по-другому: как будто это он, знаток человеческих характеров, признанный писатель сам рассказывает о событиях на Шебеньгском кладбище со страниц своей новой книги...

Станислав Михайлович родился в большой крестьянской семье Мишнёвых в деревне Ярыгине Шебеньгского сельсовета Тарногского района. Его родители, Михаил Михайлович и Евдокия Михайловна, прошли всю войну и воспитали пятерых детей, дали всем высшее образование, и каждый достиг в своей профессии больших вершин.

С родным краем Станислав Мишнёв не расставался никогда, разве только на годы учебы в Великом Устюге и Вологде и службы в рядах Советской Армии. Как все, трудился в родной деревне, не чурался никакой колхозной работы - был и трактористом, и инженером, и секретарем партийной организации; делил радости и печали со своими земляками - вместе с ними надеялся на подъем сельского хозяйства в 70-80-е годы XX века и переживал крах и предательство в 90-е.

От первых рассказов, опубликованных в районной газете «Ленинец» в начале 70-х, до прекрасно оформленных книг, изданных в наши дни, прошла целая эпоха. И эта меняющаяся эпоха как раз и стала главным героем произведений Мишнёва, рассказывающих, как и чем живет деревня, в которой больше потерь, чем приобретений. Невообразимо больно видеть, как зарастают лесом некогда плодородные поля, на которых трудились наши предки. Еще больнее от изменения нравов: портятся характеры, люди разъединяются, становятся черствыми и равнодушными ко всему, кроме собственной выгоды.

Истории писателю диктовала сама жизнь. Случайно услышанный на улице разговор прохожих в мишнёвских книгах наполнялся глубинным смыслом, заставлял думать.

Трудно не восхищаться трудолюбием Станислава Михайловича. Количество опубликованных им рассказов и повестей трудно поддается статистике. Самые популярные рассказы кочуют по разным литературным журналам и сборникам не только нашей страны, они переведены и на иностранные языки. Но это лишь верхушка айсберга. В его писательском столе есть добрая сотня неопубликованных произведений. К тому, что издатели берут в печать не всё и не всегда, Мишнёв относился философски: откладывал рукопись, осмысливал сюжет, переделывал по несколько раз, сокращал и вел героев «другим путем».

Быть писателем - великий и тяжелый труд! Возьмите хотя бы небольшую книжку любого автора и перепишите или перепечатайте готовый текст - и вы поймёте, как это непросто: силы, энергию, знания и время превратить в рассказ или повесть, да еще сделать так, чтобы его захотелось читать и перечитывать.

Быть писателем и жить в деревне - это подвиг. Нужно сочетать несочетаемое. Городской житель может сосредоточиться только на «сидении за столом», а крестьянину надо успеть всё и в конкретный срок - заготовить дрова, вскопать огород, наносить грибов из леса, поправить изгородь... А еще пчелы! Много лет Мишнёв всерьёз занимался пчеловодством, он даже назвал себя пчеловодом в одной популярной передаче. Впрочем, Станислав Михайлович всё в жизни делал всерьёз, но пчелы требуют полной отдачи - почти как рукописи... В сезон жизнь пчеловода зависит от того, как проходит зимовка на пасеке, когда придет пора первого облета пчел, куда «приклеится» сбежавший рой, хороша ли погода для медосбора и где шатается медведь в темные августовские ночи... Пасека у родительского дома становилась для Станислава Михайловича на всё лето центром мироздания. И во всём здесь царил идеальный порядок, который он унаследовал от отца.

В новом веке к Станиславу Михайловичу пришло литературное признание. Толстые журналы охотно брали его рассказы для публикаций, а звание лауреата десятка престижных премий, всероссийских и международных конкурсов вновь и вновь подтверждало: Мишнёв - настоящий, большой писатель.

Удивительное дело: чем громче звучали фанфары в честь Мишнёва в официальных кругах, тем проще, открытее и скромнее он становился. Относился к славе как к погоде за окном - всякая бывает. И еще: у него был дар общения с людьми, с каждым - свой, уважительный. Никогда не забывал поздравить друзей с важными для них датами и событиями, поддержать словом, порадовать баночкой меда. И очень спешил жить, работать, издавать... Понимал: жизнь не бесконечна.

Еще совсем недавно, перечитывая рассказы Мишнёва, мне думалось: «Ну почему так часто его герои «с червоточинкой»? Почему они зачастую поступают не так, как надо, а нелепо и трагично? Почему на страницах мишнёвских книг нет ни одного «рыцаря без страха и упрека», нет супергероев? Наши потомки, изучая творчество русских писателей начала XXI века, будут воспринимать нас именно по книгам Станислава Мишнёва. А мы же гораздо лучше!»

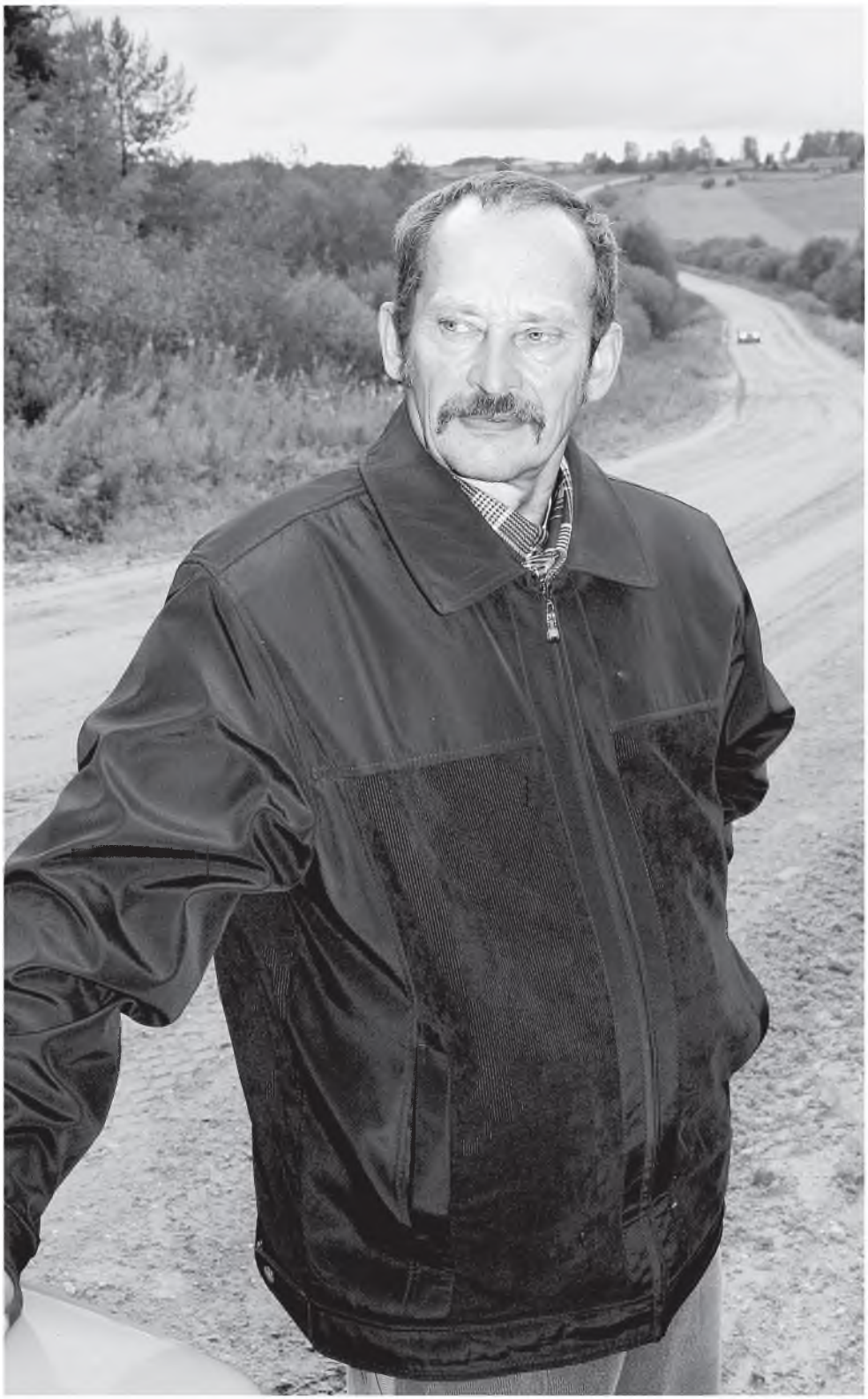
Нет, мы далеко не белые и пушистые, и пороков у нас в сто раз поболе будет, чем отражает проза писателя. Господь послал его на эту землю, возможно, чтобы обличать наши слабости, немощи и грехи. Станислав Михайлович говорил с нами на языке, понятном нам: вопрос, услышали ли мы его голос, научились ли хорошему? Признали ли за собой вину в том, что рухнул вековой уклад русской жизни, с любовью и тяжкими трудами выстроенный предками?

Ушел из жизни писатель Мишнёв, а книги его остались. И с этого дня каждый герой стал для нас немножко другим, и в каждой строчке мы видим больше пророчества, и мысли автора и чувства воспринимаем по-другому.

Еще пока очень остра боль для родных и близких, но даже через призму горя можно увидеть, как достойно прожил свою жизнь этот великий человек. Трудился на своей земле, воспитал двух сыновей, написал десятки книг, запечатлел историю северной деревни и повлиял на умы целого поколения.

Стоит открыть любой из сборников Мишнёва, вновь слышишь его голос. Этот голос сейчас слышит вся Вологодчина, вся Россия. И он не смолкнет никогда.

Надежда ЮРОВА



Станислав Мишнёв

Прозу Станислава Мишнёва наш журнал публиковал с первого номера, с 2006 года. Станиславу Михайловичу нравилось у нас печататься, особенно когда его рассказы составляли раздел «Книга в журнале». Улыбался: «Как будто новая книжка вышла». Книг, кстати, у Мишнёва немало, но издал он далеко не всё, что написал. Работал трудно («Писать,- говорил не раз, - это как плуг по целине вести»), но очень много. Торопился высказаться... Первую после кончины Станислава Михайловича солидную подборку рассказов писателя в его любимом разделе сопровождают воспоминания близких друзей Мишнёва, а также статья профессора Людмилы Яцкевич. Автор убедительно показывает, какое значение для нашей жизни имеет вдохновенное слово Станислава Мишнёва, черпавшего силу в любви к Родине и родному народу, к русскому слову и северной природе.

Избранная проза

РЫБАЛКА

Нет для человека врага страшнее, чем он сам. Это про Кешу Сидорова сказано. Кеша Сидоров иногда бурчит как медведь, слов не разберёшь. Попросишь его перевести сказанное, явственно повторит. Ещё Кеша - человек вялый. Вот приехал в отпуск, октябрь на улице, а он лежит и лежит на веранде на старом диване. Думаете, журналы листает, книги читает? Ошибаетесь: ничего не делает, лежит да в потолок смотрит. Мать позовёт к столу, он пробурчит чего-то и продолжает лежать. Работает в Сибири на каком-то добывающем предприятии взрывником. Чего добывают - не говорит. Вялость Кеши не только его внутреннее качество, а качество и внешнее, касающееся всего загадочного предприятия. Должно быть, люди на этом предприятии не столько добывают, сколько думают, чего добывать и когда добывать.

Худо, когда душа - как роща после пала.

По приезде Кеша испытывает мучительное чувство неопределённой тоски. Он курил, долго бродил ночью за селом по проселочной дороге, намеренно пытаясь устать, - тоска не исчезала. Как-то, проснувшись под утро, он почувствовал, что глаза мокры, и понял, что плакал во сне. Ему, подрывнику, было стыдно, он ругал себя, но из этого тоже ничего не вышло.

Родители надеялись, что в этот приезд Кеша всё же сделает предложение Тамаре, - вроде дружат со школы, хотя, может быть, и не дружат вовсе. Скромница эта Тамара, такая незаметная мышка. Не дал ей бог броской женской красоты, зато щедро одарил добротой. Ещё в школе она выдумала свои правила жизни и слепо им следует до сих пор, только сама жизнь постоянно вносит коррективы. Работает медсестрой в районной больнице, она как затычка в каждой бочке: «Тамара, подмени», «Тамара, войди в положение», «Тамара, ты

поедешь на областной конкурс медсестёр от нашей больницы». Мать подталкивает Кешу на решительные шаги, да тот не торопится сползать с дивана.

Кеша привёз взрывчатку. Обмолвился по приезде школьному приятелю, ветрогону Мишке Бабахину, мол, не мешало бы доброй ушицы из местной рыбки похлебать. Сказал и завял, а Мишку подмывает «грохануть» - не зря же он носит фамилию Бабахин. Видимо, в ихней родне были мужики боевые! Мишка раз толкнулся к Кеше с рыбалкой, другой заикнулся - ухом не ведёт Кеша.

Мишка - к Тамаре. Прямым ходом в сестринскую на правах близкого родственника.

- Всё хорошеешь, хорошеешь, - Мишка без всякой скромности обнимает за талию девушку. - И чего ты такая плотная? У моей Гальки рёбра так и ощупаешь...

- Убрал бы ты клешни, Мишка. А то ведь...

- Ладно, ладно, недотрога ты наша. Кешка приехал, на рыбалку нас с парнями подбивает, а без зазнобушки своей, говорит, шагу не сделаю.

- Так и говорит? - не верит Тамара.

- Во, перекрещусь!

Тамара рассмеялась счастливым смехом.

- Иди ты к черту!

- Да я тебе говорю! - крикнул Мишка, словно испугавшись, что Тамара наведёт справки и узнает: как всегда, Мишка врёт. - Столько, говорит, я помёрз в тайге, сколько дум передумал, сколько мук принял - мобильник худо берёт, каждый раз на сосну залезаю кричать, а тут ещё этот ваш приезжий инженер палки в мои колёса вставляет...

- Откуда?! Откуда он про приезжего узнал? А-а, ты натрепал?

- Тамара, царица Тамара! Не бей, не убивай Мишку, Мишка ещё пригодится.

- Ух, Мишка! Глаза твои бесстыжие когда-нибудь выцарапаю! Чего про приезжего натрепал, говори!

- Царица Тамара, самую малость: подбивает клинья один ухарь к нашей Тамарочке, но она... она ни в жизнь! Так и сказал: веди её в ЗАГС, а то уведёт, как пить дать уведёт!

Подействовали басни Мишки на Тамару или нет, про то неизвестно, но через день после этого Кеша идёт к Мишке: сегодня, говорит, на вечеру пойдём рыбачить. А Мишка опять зайцем забежал:

- Тамара твоя просится. Вчера разревелась у меня на плече: как вспомню, говорит, и слезами давится, как с Кешиком по озеру на лодке катались, как целовались и лодку опрокинули... жить не хочется!

- Да ну-у...

- Баранки гну. Надо нашу медсестру звать. Слышь, засыхает девка на корню. Моя лодка - маленький буксир, сам знаешь, все поместимся. Пары пузырей водки хватит?

- Да ты что, опупел? Станет Тамара водку пить! Есть у меня винишко заморское, слабенькое, бутылка как графинчик маленький, Венеция на этикетке намалёвана и эти двое, что гребут на лодке... как их там кличут, вспомнить не могу?

- Да пёс ними! Я водочки прихвачу на всякий пожарный случай.

Мишка забежал к Тамаре. Та час как вернулась домой со смены. Гладит белый халат утюгом и напевает:

Где-то выше - истоки реки,
Где-то ниже - сольются реки.
По ладони одной руки,
Не прочесть судьбу человека.

- Царица Тамара, это опять я, не гони сразу.

- Ты когда стучаться будешь, балабол? Чего тебе?

- Зови, говорит Кеша, от моего имени на рыбалку зазнобу мою. Чего сам не зову - сердит на неё немного. С какого краю подступиться, не знаю.

- Ну, Мишка! Ну, паразит!

Свёл-таки Мишка Кешу с Тамарой.

Собрались.

Поплыли.

Выехали на самое рыбное место, мотор заглушили. Минут десять сидели молча. Кеша то смотрел на Тамару, то отводил взгляд, сопел, собирался с мыслями. Ему хотелось обнять девушку, прижать к себе, заговорить сейчас, именно сейчас. Сказать, как он скучал в тайге по ней, по дому, как, не дыша, прислушивался к безмолвью в сопках, пускай и Мишка слушает, - хороший парень Мишка, пустозвон, а себя для друга не пожалеет. Ещё прочесть стихи, которые посвятил школьной подруге по имени Тамара. Под ногами лежала взрывчатка. Кешу так и подмывало выбросить её за борт. Тамара сидела на носу, глаза её загадочно блестели. Вроде любовалась пейзажем, - набросила осень на берега свой наряд в прорехах, и ветерок с севера сгущает тучи, - а глазами как отстреливалась от Кеши; а Мишка весь ушёл в слух: мало ли чего, хоть время и позднее, а вдруг кого леший кинет? Да и жена ещё «напутствовала»: «Чтоб твою лодку разворотил Кешкин тротил!» Жена у Мишки вроде пророка святого, как скажет, так и будет. Даже боязно... И с инспектором рыбнадзора пересекаться нежелательно...

- С богом, - сказал Мишка.

Кеша буркнул что-то себе под нос, опустил «снасть» на дно, поджёг запальный шнур.

Рывок, ещё рывок, и ещё пять рывков с одного - мотор не заводится.

Первым за борт прыгнул Кеша, прихватив с собой взвизгнувшую Тамару, за ними, туда-сюда покидавшись, хозяин лодки Мишка. Куда и вялость Кешина подевалась. Одной рукой тянет Тамару за воротник к берегу, а другой гребет изо всех сил. Подачи нет, - октябрь не июль, все одеты в теплые тужурки, резиновые сапоги...

Качнулась водная гладь, берега отозвались тяжким выдохом и давай аукать в ночь.

На другой день Кеша с Тамарой подали заявление в ЗАГС.

Мишкина лодка утонула. И «Венеция» ушла на дно вместе с гондольерами. Плавал Мишка на то рыбное место не один раз, «кошку» трёхлапую кидал - увы, нет зацепа. Слух прошёл по селу, что власти пляж собираются делать, водолаза вызывают озеро обследовать.

- Мотор бы достать... - мечтает Мишка.

- Ушки бы похлебать, - язвит Мишкина жена.

ВЕЛОСИПЕД

Здесь жил отшельник с непреклонным характером, и звали его Лука. Любил черную, как дёготь, заварку из разных трав с мёдом. Всю свою жизненную силу он сосредоточил на посте и молитве; и была мысль, и была сосредоточенность, и была вера, и жил человек, испытывая одновременно и сладкую грусть, и бодрость воодушевления. Да, прежде сильна была наша земля гордыми, скорбящими и сильными людьми. Кормился лесной податью, держал три колоды пчел. Одаривал божьих людей туеском мёда, и слыл мёд отшельника заговорённым от ста скорбей.

Зимним путем 1930 года на лыжах к нему пришли двое военных.

- Отец, собирайся, нам приказано доставить тебя в суд.

- Каким же грехом я ожесточил людские сердца?

- Твоим мёдом отравился уездный секретарь партии.

- Надо же?.. Кулик, ребятушки, на месте соколином никогда не будет птичьим господином. Слышал я, что ваш секретарь ни пряха, ни ткаха, и язык, как плаха. Какую же нищую душу он ограбил на этот раз?

- Язык мой - враг мой. Береги язык, отец. Он видел живого Ленина.

Охал отшельник, в дальнюю дорогу собираясь, клал в холщовую суму образа Николая Угодника и Зосимы Соловецкого, с полатей доставал посох. Военные отдыхали. Жгли табак, один угрюмо смотрел с угла, другой поддакивал с краю. Путь был трудный. Удивлялись: ради чего надо жить одному в диком лесу, мерзнуть, голодать, слушать волчий вой, тосковать в одиночестве? Хоромы у отшельника «барские»: нары в углу под овчинным тулупом, табурет да стол, кадка с водой, горшок на устье печи... Хватились - нет отшельника. Туда-сюда - как сквозь землю провалился. Решили: скажем, что мертвого нашли в скиту, кто пойдёт проверять?

Так гласит легенда. То, что первыми поселенцами здесь были высланные целыми семьями раскулаченные украинцы - явь. И то, что власти находили среди высланных много

врагов, шпионов, вредителей, красиво прописано в газете «Правда» от 28 ноября 1938 года. Статья называлась «Дело чести работников лесозаготовок».

...

Из книги приказов директора Комреньгского лесопункта П. П. Жердякова за январь месяц 1957 года.

Приказ № 9 от 17 января:

«Командировать завхоза Антонова К. Ф. (он же помначсплава) в город Калинин для вербовки рабочей силы. Указать тов. Антонову, что набирать надо разборчиво, желательно людей семейных и мастеровых, и как можно меньше бывших заключенных. Наличие паспортов не обязательно...».

Выписка из приказа № 10 от 17 января:

«...на основании докладной записки мастера леса т. Поповой С. И. от 6 января рабочая п. кадра Баженова Анна Ивановна самовольно, якобы проведать больную мать, ушла домой в д. Давыдовку и тем самым совершила прогул, нарушив указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года. Приказываю: направить дело в суд. Директор л.пункта Жердяков».

Из книги приказов начальника Лукинского лесоучастка И.Д.Черноусова.

Приказ № 33 от 2 марта:

«За выполнение взятых на себя социалистических обязательств первого квартала лесозаготовок и за мобилизацию себя среди окружающей массы лесорубов и возчиков, приказываю: провести выдачу мануфактуры за наличный расчёт: Антоновой М. П. - три метра... Премировать деньгами лучших лесорубов и возчиков-стахановцев: Антонову М. П. - 100 рублей...».

Приказ № 39 от 23 марта:

«По прогнозам апрель с первых чисел месяца ожидается с исключительно высоким паводком и бурным ледоходом. Это создаёт угрозу разносу древесины, разносу бонов и запаней... Остающиеся, ещё не сплоченные лесоматериалы скатать на более возвышенные места, на короткие подставки «под коромысло», но ни в коем случае не в русло реки, где их оборвёт ледоходом... Учесть трагедию прошлого сплава, ни в коем случае не допускать показного геройства... Руководство по пропуску моля и зачистке хвоста от Ершовых складок

до самых Ширбуйских складок возлагаю на помначсплава Антонова К. Ф. Водку выдавать исключительно тем, кто по каким-то причинам упал в воду...».

Антонов К. Ф. - Ксанфий Федорович и Антонова М. П. - Мария Павловна - родители Оли Антоновой. Родители состоят в штате постоянных кадров.

Оле пятнадцать лет. Ей, как и всем девчонкам этой поры, очень хочется быть хорошей. И счастливой. И красивой. Честно говоря, она не чувствует себя совершенной натурой. Она миловидная девушка, подвижная, губы у неё нежные, пухлые и немного вздернутые. Улыбается застенчиво, старается не смотреть в глаза встречным и собеседникам. Конечно, Оле повезло, она не знала военного лихолетья, уровень жизни год от года становится лучше, в их посёлке строят новую школу, ведется строительство дороги до райцентра, на пекарню и в баню воду женщины уже не носят на коромысле, воду качает пожарная помпа. Жаль, однако, что баня в поселке общая, мужики и взрослые парни моются по субботам, женщины, ребятишки, девчонки - по пятницам. В воскресенье - стирка. Женщины со всего поселка кипятят своё бельё в больших котлах с мылом, канцелярским клеем и таблетками «Пурген», потом трут на стиральных досках и полощут в реке. Оля - очень впечатлительная натура. Реагирует на разные события не так, как ей хотелось бы. Сама себя казнит, что иногда поступает глупо, что со стороны это смешно; лёжа в постели, перед тем как заснуть, осуждает себя. Девчонок, её ровесниц, всего пятеро. Сбиваются в бане в общую стайку, плещутся в уголке, стыдливо закрываются тазиками от хихикающих парней. Мать говорит: «Перестань стыдиться. Наоборот, держи себя раскованно, а парни пускай слюни пускают. Ты что, урод какой? Всё при тебе. Но выпучиваться нельзя, доченька. Красота твоей поры одним глаза обжигает, других в омут греха ввергает. После войны нагонят из колхозов девчонок-сирот, они как воробушки беззащитные, всего боятся, всего стыдятся, нет бы нахалу по морде залопатить, так плачут в три струи. А парни - бывшие заключенные, так что творилось!.. Насилуют, за волосы таскают, куда пойдёшь жаловаться? Да и не всякая девчонка решиться открыться, будет терпеть до конца издевательства. Теперь другие времена настают, кончается эта дикость».

Матери хорошо советовать, мать много всего повидала, а Оля держится кротко, застенчиво; когда поступала плохо, чувствовала себя противной, безвольной, на людей смотрела боязливо. Ещё больше усугубляла свои душевные муки мрачными размышлениями о том, что живёт она у чёрта на куличках, что со временем придётся выйти замуж за какого-нибудь пьяницу, нарожать детей, в 6 часов утра, хоть стужа на дворе, хоть дождь, иди запрягать лошадь и езжай в лес. Пьяниц дерзких, наглых вербованных она повидала много, драки, слезы детишек - явление частое. Кто-то привык, смирился со своей сложившейся судьбой, но как привыкнуть пятнадцатилетней девчонке?.. Женщины в поселке говорили матери: «У тебя девка растёт, что коза пугливая». «Пугаться не надо, ухо востро держать надо. Забыли, как весной 49-го две девки с Давыдовки нарочно утопились?» - отвечает мать. «Твоя правда, Маша. Кругом мужики да парни, по нужде приспичило сходить в лесу - хоть на ёлку полезай», - говорит Алевтина Листопад.

Брат Толик сломал ключицу, - упал с турника Игната Листопада, месяц сидит дома. Оля перетаскала ему из школьной библиотечки все книги, вызвалась поехать на склады ОРСа за продуктами для магазина, с условием заскочить в райцентровскую библиотеку. Выехала в полночь. Отец наказывал: «Никаких волков не бойся. Около полуночи поедет домой вторая смена от Шербуйских складок, кричи, песни пой». Она везёт на старенькой Шпрее, трофейной кобыле, которую уже вывели из собственного обоза, продукты в магазин. ОРС снабжал рабочих хорошо, всё необходимое было. Везёт пряники, водку, рулон материи, десять плиток шоколаду и разобранный велосипед. Плитки шоколада поверх пряников положила, глаз от них оторвать не может. «Вкуснятина, должно быть... Хоть бы раз лизнуть... А вот возьму и разломаю!» Нет, не разломает Оля шоколадку: нельзя.

Пока Оля работает учеником бухгалтера, что с ней дальше будет, не знает. Отец хочет отправить в торговый техникум, а мать посылает учиться на учителя. Отец говорит: «Семёныч - бухгалтер лесоучастка получает 360 рублей, а перейди он в леспромхоз - 500, а то и 600 дадут». Мать своё поёт: «Вон в газете пишут, до войны в школах района 100 женщин-учителей было, теперь 170. Красная дорога учителям! Нам с отцом по шестнадцати не было, затолкали под ёлку: родине лес нужен. Время-то какое хорошее пошло, страна в гору идёт, народ зажил лучше, веселее, да тебе ли не учиться, доченька?»

Бухгалтер лесоучастка, однорукий инвалид войны Листопад Павел Семёнович, - дядька очень строгий. Сильный человек с красным, сухим лицом спортсмена, немного усталым и грустным, он требователен ко всем, к самому себе в первую голову. Сказывают на поселке, что в бою наш трактор вывозил подбитую немецкую пушку. Семёныч шёл рядом с пушкой, стрелял из винтовки. Откуда-то взялся немецкий солдат, схватил Семеныча за горло, и оба упали под колесо орудия. Немцу колесо раздавило грудь, а Семеныч отделался потерей правой руки. Пишет теперь он левой рукой, как ворона бродит. Рука у Семёныча тяжелая, с утолщенными суставами на пальцах. Пишет, бывает, мучается - отодвинет бумаги, размечтается:

- Есть такие машины счётные в Америке, задачку задал, ручку крутанул - и на тебе: как в аптеке. Вот бы дожить... А то считаешь, считаешь, в глазах искры летают, сколько Яблоня кубометров вывезла да сколько на Урхо моя Алевтине стрелевала...

Укатанная санная дорога шла лесом. Черной ниткой она петляла, изгибаясь, от мостика к мостику, от ложка к ложку. Холодный дождь со снегом сек голый лес, сек и Олю. Ноги лошади разъезжались, проваливались; Оля покрикивала - страшно. В ложках поверх льда уже бежала вода. Оля боялась, что не успеет переправиться через реку. Проезжая Ванину бережину, вспомнила, как прошлым летом Витька с Колькой здесь загнали на ель медвежонка, Витька с вилами стоял под елью и кричал до посинения, отпугивая медведицу, пока Колька бегал в поселок за ружьём. Медвежонка убили, притащили в поселок, два дня мужики пировали, и сенокос побоку. Но сено Ваня Егоза не выставил: медведица не отходила от пожни, ревела, коряги швыряла. У овдовевшего Вани Егозы семеро детей, плюс взял замуж вторично беременную Валентину. Ваня Егоза - лучший кирпичник леспромхоза. Буквально на днях Иван Егоза приказом директора леспромхоза Жердякова отбыл на курсы мастеров леса в город Великий Устюг. Валентине бывший зэк Ванька Карасик платит алименты - 5 рублей в месяц. Живут очень трудно, но всегда с улыбкой и в хорошем настроении. «Наверно, медведи выползли из берлог. Сейчас ходят по лесу голодные... И та медведица ходит... Дурачье парни: зачем медвежонка убивать?» - размышляла она.

- Но, но, Шпрея! Но, милая!

Быть задушенной зверем в такую погоду неприятно. Да, наверно, и нет на свете погоды, при которой умирать было бы приятно.

Лошадь остановилась. Напрасно Оля понукала её, била вожжами. Лошадь тащила повозку, пока могла, теперь ей требовался хоть маленький, но отдых.

В воздухе пахло сыростью, слышались шорохи, тяжелое, усталое дыхание лошади. Набрякшее влагой небо висело над головой. Оно было похожим на сырую овчину. В лесу весна только начиналась, а в поле... «Помоги, господи, добраться до полей! Там уж и поселок - рукой подать. Нет-нет, и через поле дорога крепкая, не могла же она раскиснуть за день! Утром аж звенела по насту, не должна». Застыдилась, улыбаясь сама себе: она же комсомолка, как можно Бога вспоминать?!

Отдохнула лошадь, сама пошла, и понукать не надо.

Оля шла какое-то время за дровнями, отогрелась, села на воз. Гадает, кому же тетя Галина Изосимовна велосипед продаст? А вдруг какому-нибудь стахановцу велит директор продать? Отец сказывает, Игнат Листопад в дни стахановского месячника «Ваккоком» до двух норм за смену валил. Отец Оли - совестливый человек. При нём даже мужики редко матерятся. Для него Семёныч - герой. Жалеет, что не попал на фронт, родился несколько ущербным: одна нога короче другой на пять сантиметров. Ходит неровно, как журавль подскакивает с кочки на кочку.

Добралась до полей. Дорога, что кисель. Шпрея упирается изо всех сил. Полозья дровней сипят. Местами голая земля, грязь. Ноги погружались в рыхлый, пенистый снег. На ногах Оли валенки давно промокли, обросли грязью; жалко валенок, мать ими премировали в прошлый год за ударный труд на вывозке древесины.

К реке прикачала, на реке лёд. Опять помянула Бога. Во все стороны посмотрела, нигде никого. Видит, на бугорке сквозь бурую попревшую прошлогоднюю траву проклюнулась какая-то травка, слабенькая, чахлая, толщиной с шерстяную нитку. Села перед травкой на корточки, с умилением уставилась на стебельки. Подула - вроде травинки обрадовались, потянулись вверх... Исподволь, вкрадчиво подула позёмка, зашуршали,

завихрились снежные полосы; вдруг по ледяной поверхности, как по разбитому стеклу, поползли трещины.

Тут от реки показались бегущие фигурки, чего-то кричат, машут руками. Передний - Игнат Листопад, его Оля признала по солдатской гимнастерке и стриженой голове. Ещё подождала: чего бегут, чего кричат?

- Назад! Назад!

Куда «назад», если лошадь уже стоит передними копытами на льду?

- Давай! Давай вперёд! - кричат, напирая, другие мужики.

Подхлестнула Оля Шпрею, та качнула воз с боку на бок, чуть не растянулась на льду, выправилась и ходко пошла по накатанной дороге.

- Назад! Назад! - догоняет повозку Игнат.

За узду хватает, пробует развернуть Шпрею, та упрямится, и вынужден Игнат бежать рядом, держась за оглоблю.

Тут как из пушек начали басисто палить вверх по течению, грохот покатился над рекой. И под ногами вздрогнул лёд.

- Давай, давай!

Большую льдину вместе с повозкой и людьми лениво понесла река.

Прыгнули на льдину два мужика, к повозке и Оле подбежали.

- Леший тебя дернул «назад!» кричать! - кричит один, в пропитанной соляркой фуфайке, на Игната. - Девка-та бы одна скорее сообразила!

- Во, сейчас сообразим! Смотри, куда несёт!.. С разгону надо брать, с разгону! Лошадь за берег зацепится, а так!..

Схватил Игнат вожжи, стал хлестать ими Шпрею, подгоняя ближе к берегу. И надо же такому случиться, что льдину, где течение прижимается к самому берегу, развернуло и всей массой вытолкнуло метра на четыре по берегу! Только согнали лошадь, сами спрыгнули - льдину кто-то невидимый снова развернул, и она медленно потащилась обратно на быстрину.

- Бывает же такое, - удивленно говорит Игнат. - Как на такси, с доставкой на дом. Да-а, а говорят, бога нет. Это, мужики, нам святой Лука пособляет.

Вытирают мужики перепотевшие лица шапками, не верят случившемуся.

- Вот-те нате... Это надо же? Сами-то, быть может, спаслись бы, но лошадь, товар... Под счастливой звездой ты, девка, родилась. Что там везёшь-то?

- Книги. Велосипед. Материю.

- А чего это у тебя в ящиках, а? Чего там соломой обложено, уж не водочка ли? - прищуривает глаз Игнат.

- Галина Изосимовна...

- Не робей, мы с Галиной Изосимовной столкуемся, - скалит зубы Игнат. - Пару пузырей за продолжение жизни надо освоить! Эй! - кричит, потрясая бутылкой, быстро идущим по противоположному берегу мужикам. - Не завидно?! Давай к нам, кто смелый!

- Не сметь! - кричит коренастый конопатый мужик. - Не сметь! Или приказ забыли?

Выбрались на влажную хлябь мхов, Игнат с достойной важностью обил сургуч с одной бутылки, протянул конопатому.

- За второй круг, - говорит. - Другую, считай, жизнь почали. А я на третий пошёл. Аха -хаа!

- Обязательно надо пить? - говорит конопатый, испытывая ощущение некой брезгливости. Подержал бутылку в руках и обратно подал, с веселой злостью добавил: - Пей, лешак тебя побери.

Ветер набирал силу. Весь горизонт затянули серые, дряблые, источающие холод тучи. Если бы река могла кричать, она бы кричала от захватывающей ярости, нетерпения, воли - таким сиплым и могущественным был голос реки.

Брат Толик встречал её у барака. Увидел, бредущую с книгами, закричал:

- Ура!

Оля стащила с ног размокшие валенки, с сожалением сказала:

- Мамины... Ссядутся теперь, мама заругает...

- Не ссядутся. Папка их на колодки посадит, не тужи. Папка у нас головной человек!

Складывает Оля мокрую одежду в кучу, взахлёб говорит брату, как было страшно через реку переезжать. Как набежали мужики, как лёд трещал.

Толик здоровой рукой обнял сестру, сказал задушевно и нежно:

- Отчаянная ты, Олька.

- В магазин шоколаду привезла, вот такие плитки... Ох, и вкуснятина!

- Ела уже?

- Не-е, не ела, плитки же заклеены.

Мать вернулась в 9 часов вечера. Усталая, промокшая, еле дошла до стола. Оля раздела её, стащила с ног такие же размокшие, какие были на ней, валенки, собрала поесть.

- Отец не пришёл? - спросила Олю.

Керосина не было. Горели в светце лучины, огарыши с шипеньем падали в корытце с водой. Отец, как обычно, приходил часов в 10 вечера.

Стала Оля рассказывать матери, как она съездила в райцентр, мать слушала-слушала и захрапела. Оля поняла, что мать спит. Стащила мать на кровать.

Пришел отец. Разделся, ноги на табурет положил, массирует икры.

- Болят? - участливо спрашивает Оля.

- Намял, должно быть. Испугалась, когда льдина понесла вас с мужиками?

- Не знаю. Игнат кричит: «Назад!», мужики кричат: «Давай!», под ногами лёд трещит... А как в верхотине забухало, у меня руки-ноги задрожали.

- Удалой дьявол этот Игнаха. Что поделаешь, ребята, кому что на роду написано. Мне вот не повезло...

- Папка, опять ты сам на себя клепаешь!

- Игнат пришёл из армии, его за сеном послали на ту сторону. Дело на 8 ваше марта было. Мороз, иней над рекой ажурной вышивкой висит. Лошадь провалилась, воз на воде качается, а Игнат не тюха-матюха - давай лошадь за гужи тащить. Лошадь массой своей лёд ломает, метр за метром - и ведь вытащил! Выпряг, гонял, пока пар не повалил. Так бы ша, застудил бы Шварца. Я бы так не смог... Завтра керосин обещались привезти, теперь не скоро привезут. А керосин надо! Что бы тебе бочку керосину вместо водки нагрузить... Хотя бочку бы Шпрее не утащить по такой дороге. Что и деется на белом свете: опять зима. И ветер шальной. Хоть бы бон у Ершова ручья не сорвало...

- А сорвёт? - спрашивает Толик.

Отец побил себя по шее ладонью.

- Всё понял?

- Намылят? - спрашивает Толик.

- Отрубят.

- Папка, а правда, что святой Лука в беде людям помогает? - спрашивает Оля.

- Не по печке заслонка: сказки. Тебе вперёд жить, ты комсомолка, забудь всех святых.

- А кто прошлым летом родник ниже пекарни расколупал и крестик из прутиков поставил? Вот и не знаешь. А я знаю: святой Лука приходил в ночь на Ивана Купалу, - говорит Толик.

У не многих в поселке есть радио на батареях. У Антоновых есть. Ксанфий Федорович не позволяет Оле и Толе включать его с тех пор, как Толя расковырял одну батарею, желая вызнать, откуда идёт электрический ток. Ксанфий Федорович перед сном всегда слушает последние известия, потом говорит: «Ну, мужики, я устал и вы устали. Давайте-ко спать, ложитесь благословясь».

Велосипед директор Черноусов распорядился продать Игнату Листопаду.

- Иван Дмитрич, да на кой ему кляп? - пыталась оспорить решение директора продавец Галина Изосимовна. - Изломает, истопчет за неделю этот бугай, отдал бы Ване Егозе, ребят такая куча, вот бы радости было...

- Нельзя, Изосимовна, нельзя. Уже завтра начинаем сплав, опять на Игната вся надежда. Нужна моральная агитация, понимаешь?

- Понимать-то я понимаю, а всё-таки...

- Игнату!

Принёс Игнат велосипед из магазина, едва ли не вся ребятня с поселка собралась на смотрины, смотрят завистливыми глазами, как Игнат колеса насосом подкачивает, как сиденье регулирует. Выкарабкалась из комнаты тяжело дышащая бабка Листопадиха, под вешний ветер лицо выставила. В добротной шубе, в валенках с галошами, на голове шаль с кистями. На поселке знают, что когда Листопадов раскулачивали, она в этой шали

самовар прятала. Игнат из себя широкоплечий, сильный. Как суровый облик северной русской избы смягчают резные наличники по окнам, так широкая, открытая улыбка парня смягчает сердитое от природы лицо. На турнике «солнце» крутит. Одна щека глубоко вдавлена фиолетовым шрамом. На спор перебегал по плывущим бревнам реку, поскользнулся, ушёл с головой под бревна. Чудом выплыл. Ещё он смелый. Перепьют вербованные, за ножи схватятся - все бегут скорее к Игнату: растащи! Он нравится женщинам. В праздники пляшет так, что подошвы сапог отлетают. Девушки возле него до поту с круга не сходят, наперебой дробят да озорные частушки поют. Коронную частушку Игната «Я ворую лошадей, ты воруешь сани...» поют даже младенцы в зыбках.

- Кто у нас готов повторить подвиг Александра Матросова, а? - смеётся Игнат.

От крыльца кричит возмущенная бабка:

- Дай хоть дороге просохнуть! Куда ты в эдакую грязь, есть у тебя сколько ума в голове-то или нет?

- Отсталый ты человек, бабуля. Как говорил один писатель, от ума только горе, - самоуверенно отвечает Игнат. - Ну, орда, так кто самый смелый?

Страшно. Только на картинках велосипед ребятишки видали, а сядь да упади, так засмеют, подклинивать станут: вытюкнулся?

Вышел вперёд всех парнишка Вани Егозы, десятилетний белокурый Венчик, дозволь, говорит, дядя Игнат, мне попробовать. Маленький, босой, озябший, рубашка на нём рваная, штанины закатаны.

- Не мерзнешь? - снисходительно спрашивает Игнат.

- Мерзну, да одеть больше нечего, - доверительно отвечает Венчик.

- Не тужи, отец из города костюм привезёт.

- Тужи, не тужи, как мамка новая говорит, да мило взглядывай, - рассудительно говорит Венчик.

Посадил Игнат Венчика на велосипед, провёл до пекарни, обратно к бараку.

Ребята шли сзади.

- А мне можно? - спрашивает Оля Антонова.

Игнат с загадочным выражением молча гладит ладонью руль велосипеда, потом небрежно отвечает:

- Только если пойдёшь за меня замуж.

Оля прячется в стайку ребятишек.

- Ну вот, а я надежды питал... Эх, пацаны! Надоело мне холостому жить. Мать заела, бабка пилит, отец бранит. Как вы думаете, пойдёт за меня замуж ваша учительница?

Ребятишки переглядываются, топчутся: Игнат добрый парень, да скалозуб... а если Екатерина Ивановна рассердится, даст от ворот поворот?

- Давно бы пора остепениться! - кричит от крыльца бабка. - У ровесников-то детки скоро за парты сядут!

- Решено: сплав кончаем, пиво закупаем и сватом идём. Но, пацаны, услуга за услугу: вы всячески должны хвалить меня вашей Екатерине Ивановне. Всячески! Помните: вежливость приятна, обольстительна и доставляет счастье окружающим. Дарю велосипед поселку! Старшей назначаю Олю Антонову. Если будете жадничать, драться, то велосипед забираю обратно! Все слышали?.. А заместителем Оли по политчасти назначаю Венчика.

- Отдаёшь, что ли? - удивлённо спрашивает от крыльца бабка Игната.

- Бог дал - Бог взял: отдаю, - с холодным достоинством отвечает внук.

- Эх, простота ты, простота. Ну да... - машет отрешенно рукой бабка. - Ужо!

Идёт сплав. На реке далеко слышны голоса. По берегам горят костры. Разлившаяся вширь труженица река, медленно несёт на своём горбу тысячи бревен. Вода уносит вдаль чувство зимней заброшенности, одиночества. С тяжелым ровным шорохом плывёт льдина, на льдине куча бревен. В какой-то момент льдина разламывается, бревна встают стоймя и плывут так, голосуя пространству, потом с грохотом опрокидываются через себя, дробя и топя обломки льдины.

Прилетел кулик из заморья, вывел деву-весну из затворья.

Сырость, слякоть.

От реки несёт холодом.

А в поселке у ребят праздник: в очередь катаются на велосипеде. В расчёт не принимается грязь, падения и ушибы, фонтаны грязной жижи, обсусленные кучи снега, главное - вперёд!

Венчик, сын Вани Егозы, сидит в отцовской фуфайке на березовом чурбаке, на ногах у него резиновые сапоги. Катающийся на велосипеде должен отдавать, пока катается, свою обувь ему, Венчику.

ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ ЕРМАКОМ

Примета: кукушка петь перестала - зерном подавилась (жито на колос пошло)...

Марфа Пудовна дала знать внукам: на Ильин день умру, как можете - приезжайте. А то - пожила и хватит, пусть другие столько поживут. Девяносто пятый почала месяц назад. Упрямая старуха Пудиха, как в народе её зовут. Сказала, что на своей печи умрёт, и ведь слово сдержит.

У самого крыльца тихо, как облетающая осенью листва, прошелестел «Лексус» - пожаловал средний внук Фёдор. Из машины выступил, ноги широко расставил, с интересом деревенскую улицу и ближние дома глазами объехал, подтяжками брюк «поиграл» на выпирающей «мозоли». В себя заглянешь - тоскует сердце в тайной радости, испытывая сладкий недуг.

Мельком глянул на крышу летней избы, вздохнул: пяток тесин сорвались со стропил, которые тесины переломались, одна ядреная ткнулась торцом в густой крапивник. «Пропадает дом... нет крыши, не будет и дома. Всё некогда...» Отошёл от машины. Когда-то давно в такой день после короткого дождя он с бабкой выгонял коров из лесу. Белые березы роняли алмазные слезы, бабкин голос был звучен и весел, он стрелял кнутом - боялся быка, налетел ветер, лес загудел, между стволами закачались тени...

Рядом с «Лексусом» припарковался «Ягуар», из машины вылез младший брат Орест. Из одежды на нём одни шорты, на ногах сандалии. На небо глянул - везде простор и чистая лазурь, носом потянул - родина!

Пробежался взглядом по громадине отцовского дома - как бледный призрак юных лет, лежит на сердце разбитый груз надежд; присмотрелся к взирающему на деревню брату - лет двадцать не виделись, руками всплеснул, возопил от всего помышления:

- Брат мой Федор свет Павлович, тебя ли я вижу в родных пенатах? Суриков. Масло. «Покорение Сибири Ермаком».

Обнялись братья, побили один другого по плечам, прослезились даже.

Двадцать лет - не двадцать дней. Много воды утекло. Большой перерыв оказался между прошлым и нынешним временем. Грудь Ореста от горла до шорт заросла курчавой шерстью. Плешь на голове с бабкину шаньгу. Федор забыл, когда был брюнетом, лысоват, брюхом беремен.

- Сколько же ты пудов, Пудёнок? - смеётся, радостью обмирая, Орест.

- Орешка ты Орешка... Как я рад тебя видеть... Да немного, семь с довеском, если весы не врут. А ты все восемь, а? Восемь, бабкин неслух?

- И не знаю, брат... - Орест гладит ладонью свою «мозоль», - может... всё может. - Да-а, брат, вот тебе и Пудёнки! В люди вышли Пудёнки! - крикнул, приседая. - Поел нас сосед, царство ему небесное. Рожу искосит, нос свой кривой к губе придавит и назло с нажимом выговаривает: «Арест» да «Арест». А «Арест» подкатил к родительскому дому на «Ягуаре»! Наградил меня батюшко имечком, век благодарен... Смотри, дымок показался. Наш старшой по косогору катит, дымит наш Пуд!

- Какую дорогу голландцы положили! Лепота! Умеют, сволочи, строить! Еду и не верю. А мост? Ты заметил, какую дуру заворотили, а? Выдержит стотонные машины. Вот что значит алмазы, - говорит Федор.

- Перебор, брат, перебор. Я слышал, в нашем болоте хранилище для отработанного уранового топлива строить будут. Будто бы не только со своих подлодок, и с Европы всю гадость к нам повезут, - говорит Орест.

- Что тут скажешь, а? Нас с тобой не спросят. Болоту так и так капут.

В краю деревни затарахтел трактор. Орест и Федор вышли встречать, - к бабке правился старший внук на старенькой «сороковке». Василий живёт в другой деревне, ему ещё в детстве оторвала ступню правой ноги роторная косилка «КИР-1,5». Пудом прозван с одной стороны по прадеду, с другой - за тяжелый голос, высокий рост, худобу и прямоту речи. В колхозной кузнице отстучал Василий почти тридцать годиков. По какому месту подручному показал молотком стукнуть, там тот и стучи, а коль рядом попал - беда, кузнец поковку может и под дверь кузницы бросить. Осерчает, бывало, бабка на него: «Пуд ты Пуд, сущий камень! Да в кого ты экой упрямый выродился?» - «А в тебя, в кого ещё».

Василий трактор поставил под березой напротив дома.

Из кабины выбрался, припадает на протез, младшие братья к нему, как к отцу, жмутся.

- И как ты в такой скворечник влезаешь? - удивляется Федор.

- А он вдвое складывается! - гогочет Орест.

- А я влезу или нет? - говорит Федор. - Толкать если...

- Влезешь. У нас ребята на вечерину в Березову слободу поедут, семеро с гармоньей влезают.

- Да-а, в Березову слободу и мы с гармоньей... - стал вспоминать Федор и осекся.

- Братище, а народу много в деревне? - спрашивает Орест.

- Народ, - хмыкнул Василий. - Народ на буеве, в большой деревне прописан, в нашем Ягодине народишко доживает. В четырёх домах.

- А было... это какая деревня была, а? - изумляется, как не веря, Орест. - У Кислицыных в летней избе самовар стоял с двумя кранами, на стене ружье висело. На прикладе выжжено «Иванъ». Мы всё гадали: неужели из дерева? Стволина длинная, железные кольца наведены. Брат, ты пищали не куешь?

- Ты когда в деревне-то был последний раз? - спрашивает Василий.

- Ну, это... а гастролёры шерстят? Домов-то пустых много?

- Ладно, пошли к бабке, - распорядился Василий.

Не едет бабка к Василию жить. А про Федора да Ореста и в мыслях у неё нет. Один где-то на юге, другой ближе к Москве. У бабки в хозяйстве есть петух и три куры, кошка. Петуха держит голосистого, чтоб, говорит, дом пустым не был. Бывает, ночью петух как запоёт - замерзает, что ли, в хлеву, бабка очнётся от дремы: «Да штоб тя!.. Ишь разорался! Завтра велю Евдохе голову отрубить!» Полежит, подумает, сама себя выругает: «Бесстыдная рожа! Да как такое подумать могла?!» За бабкой присматривает Евдокия, такая же одинокая старуха, ещё живая на ногу. Соседи. Давным-то давно не всегда приветливы бывали друг

к дружке. Много раз прошлись памятью старухи по прожитым годам, вспомнят да посмеются, посмеются да поплачут. Хмельник растёт по меже, как стал весной подниматься, каждая старается на вечеру будто ненароком по хмельнику пройтись, с чужой стороны тычинки на свою сторону направить. Соседская кура завела в чужой крапиве гнездо, а Федька да Орест разведали, высмотрели и стащили яйца. Хорошая морковь в своём огороде нарастет, а у соседей лучше и сочнее - ночью набег «Пуд да Пудёнки» совершат, была морковь, да сплыла. Родители у ребят заживо сгорели на риге - спасали колхозное зерно. Вроде и бранить - сироты, безотцовщина, а не бранить - много ли проку от одних бабкиных наставлений?

Пустует скамья на крыльце.

Взялся за дверное кольцо Федор, подержался и отпустил.

- Открывай, не выбежит навстречу бабка, - сказал Василий.

Он шёл задним, шаркая протезом, давая дорогу младшим братьям.

Лежит бабка на широкой лежанке возле печи под теплым одеялом. В избе душно и жарко. Тяжелый запах малоподвижного тела. Из-под лежанки видна шайка, прикрытая газетой. Помнят Федька и Орешка, как из этой шайки их бабка в бане мыла. С потолка свисают клейкие ленточки, мух на них черным-черно. На столе полотенцем прикрыты чашки-ложки, на стене фотокарточки в рамках. Тикают часы-ходики, как и тридцать лет назад, бегают у кота глазки туда-сюда, туда-сюда.

На божнице нет икон, одни засохшие жалкие цветочки: голубенькие колокольчики и поникшие ромашки.

В мыслях Федор и Орест думали застать бабку той, что осталась в памяти двадцать лет назад, а увидели живые мощи, и не по себе стало.

Некому Марфу Пудовну обиходить. Пропитанные мочой одеяла Евдокия вытащит на улицу, на изгородь повесит, сухие на лежанку постелит. Бранит Марфу Пудовну:

- Какого ты лешева к Ваське не едешь жить? Ведь зовёт, кабы не звал... Анна у него баба золотая...

- На своей печи умирать стану. Отвяжись.

- А как я раньше умру, а?

- Окстись, умрёт она раньше. Пошто это ты раньше умрёшь? Ты меня схорони, ишь какая...

Встали все трое возле бабки. Впечатления молодости не только живы, но ещё так ярки и необыкновенны, так и манят и волнуют, громко стучит сердце, - тревожное и внутренне не всё осознанное, острая жалость лежит перед ними, взрослыми мужиками. Все трое опять маленькие, слабые, одна защита у них - бабка, хочется скорее вырасти, самим собой казаться большими и самостоятельными.

Василий покрякивает в кулак, привлекая внимание бабки к себе, говорит, подбирая слова:

- Вот, баушка, Орешка наш да Федька наш, как и просила.

Иссохшая старуха лежала немая и неподвижная. Если бы не открытые глаза, непонимающе оглядывающие мужчин, - уснула вечным сном.

- Баушка, Орешка наш да Федька наш к тебе пожаловали, - медленно повторил Василий, поочередно показывая пальцем на братьев.

Голова бабки немного шевельнулась, откуда-то из провалившегося рта послышался вопрос:

- Пензию принесли?

- Принесли, - кивнул головой Василий. - Орешка наш да Федька.

- А-аа... Ты пошли Орешке денег в тюрьму. Худо арестанты живут.

- Пошлю. Вот он, - взял Ореста за рукав, пододвинул к бабке. - Орешка наш.

- Выпустили? - удивилась бабка.

- Выпустили. Отпуск дали за хорошее поведение.

- Бабка, Федька я, Пудёнок, - наклонился над бабкой Федор. - Помнишь, неслуха такого? Помнишь, как вожжами меня полосовала?

- А как же, как же! Пудёнки - наши робята. Сиротами поднимались. У них родители в риге сгорели, вот, товарищ дорогой... Васька, ты мне место рядом с Пашей моим застолби. Евдоха бает, нонче загодя место на буеве отбивают, больно, бает, мор людей косит, штоб не заняли.

- Ладно. Ты хотела с Орешкой да Федькой увидеться, так вот они. Подарки тебе навезли, весь стол кульками завалили.

- Страхи господни...Што ты, Васька, меня пугаешь? - у бабки затряслась нижняя губа.

- Я не пугаю. Ты просила им депеши послать, я послал, они... вот они, потрогай Орешку за руку.

Бабка вытащила из-под одеяла вздрагивающую руку, осторожно дотронулась до протянутой руки Ореста и отдернула.

- Ну, признала? - спросил Василий.

- Может он, может... обличьем как бы счетовод Ондрий Настасьин... Тебя, товарищ дорогой, остричь - налог по шерсти вытянем.

Все рассмеялись от бабкиной шутки.

- Всё такая же, - глуховато, с облегчением произнес Орест, повертываясь к Федору с посветлевшим лицом.

- Ты, Васька, мужикам-то денег дай. Прогон ноне дорогой. У меня под подушкой, - сказала бабка.

Попытался Орест доходчиво объяснить, что с тюрьмой он давно распрощался, когда прошлый раз приезжал из Астрахани, уже жил на вольных хлебах, а бабка вдруг хватилась большой чугунной сковороды - её Пудёнки страсть любили жареную картошку с луком.

Василий смотрел на бабку спокойно, а Федора уже начала покалывать тихая злость, сухая и холодная: умом тронулась бабка, чего сто раз ей повторять, если не понимает?

Вышли на улицу, на свежий воздух.

- Со святыми упокой, - тяжело вздохнув, сказал Орест.

- До Ильина дня, пожалуй, не доживёт, - сказал Федор.

- Доживёт, - сказал Василий.

Стояли на улице Орест и Федор, оба охваченные странным, тупым равнодушием. По приезде было желание у Федора проехать на своей дорогой иномарке по деревне, проехать с вызовом, тихо и медленно, чтоб все видели, до каких высот вырост Пудёнок, а теперь смотрит на заросшую дурной травой улицу, дома со съехавшими крышами... не перед кем козырять-то! Укоризной колют окна с выбитыми стеклами, начавший съезжать с соседской крыши конёк как собрался в дорогу, да передумал, бабкин петух закукарекал торжествующе на том месте, где когда-то стоял хлев...

- Иконы давно умыкнули? - спросил Орест Василия.

- Есть кому нынче мыкать. Дармоедов развелось, алкашей, всяких спартанцев... Каждое лето до снегу деревню не раз пройдут воры. Запирай, не запирай, всё с мясом выворотят.

- А чего запирать, себе дороже.

- Так идите и берите?.. Мне по чужому дому пройти, что покойника обыскать. А ты чего про иконы-то намекаешь? Штобы я из родительского дому да при живой бабке?

- Здравствуйте. Не успели встретиться - уже содом. Нехорошо, брат Пуд и брат Пудёнок, - вмешался Федор. - Есть у меня распрямляющий извилины коньячок, пропустим? На родной земле, под родным небом... - заговорил Федор, подталкивая Ореста к Василию с снисходительным почтением, стараясь выказать своё понимание происходящего.

Перегнал «Лексус» Федор тоже под березу.

- Какие мы скворечники на эту березу весили! Помнишь, Вася? Бабкин сундук распотрошили, накалим кочергу в огне и кочергой дырки прожигали. Надо бы хоть один скворечник повесить...

Столовались возле «Лексуса». Двери машины распахнуты. Сидели в примятой траве. Золотые снопы света валились через листву вековой березы.

Но было что-то жуткое в красоте безлюдной деревни, со всей неразгаданной страстной тоской, отовсюду как собиралась пышная, расточительная, потревоженная зря жизнь. Орест и Федор сидели напротив друг друга. Первый тост поднимали за встречу. Федор выставил батарею французского коньяка. Федор сделал несколько меланхоличное и в то же время загадочное лицо, чувствуя на себе направленные взгляды братьев, - как он сам-то будет пить заморскую гадость? Выпили, вроде прокатило хорошо и пожгло где надо...

Откинулся всем корпусом назад Федор, смотрел на Ореста и Василия - и не мог наглядеться.

- Вот и встретились... Да-а, - говорил Федор, стараясь придать своему голосу особенно простодушный братский тон, - редко, братья, встречаемся, редко. Покорение Сибири Ермаком...

Соседка Евдокия пришла к мужикам. Долго она пережидала, когда разъедутся внуки Марфы Пудовны. Не вытерпела. С одной стороны, не хотелось встречаться с Орестом и Федором, с другой - интересно, какие стали из себя Орешка да Федька. Будет потом о чём с Марфой поговорить. Правда, сначала Марфу надо в толк ввести, расположить к разговору её крылатую, постоянно исчезающую душу. У Марфы все разговоры о смерти, порой она не понимает, порой злится, зовёт поименно всех умерших в деревне и место себе на кладбище требует.

Орест и Федор дружно вскочили при виде Евдокии, стали тащить присесть рядом с ними на травку да «покалякать» о прежней жизни. Евдокия садиться не стала и от коньяка отказалась, сказав, что за всю жизнь капля спиртного во рту не бывала.

- Как, Василий Павлович, Анна-то твоя? Слух есть, в больнице?

- Уж дома, Григорьевна, дома.

Сидели долго.

Судьбу бабки внуки отдали попечителям-ангелам. Чего вмешиваться, сколько отмерено, столько и отживёт.

Крутили словесные жернова «по правилу левой руки» и «по методу буравчика». Много перемололи всего на белом свете, ибо в трезвой голове свет велик, а в пьяной, да - двадцать лет не виделись, да - один умён, а другой умнее - о, сколько идей и прожектов вспыхивает и гаснет в градусной отраве!

Вот где человеку место под солнцем?.. Святой Дух не знает. Мир обширен, и глубок, и тесен; в государстве есть армия и флот, есть генералы, банкиры, нефть, церкви, партии всякого толка, памятник Петру Первому работы Церетели ... всего до выгребу, а нет, нет порядка в нашем Отечестве!..

Есть Дальний Восток, который тихой сапой подминают китайцы, - тема. Зерно за границу утекло, в колбасе ноль процентов мяса - всяк русский человек о колбасе мечтает с рождения. Федор орлом налетел на Аллу Пугачеву с её «фабрикой звезд» - зажирела Пугачиха, Максим Галкин уже не устраивает. Или певица Бабкина? У, горлопанка! Меняет мужей как перчатки - в колхоз её, пожизненно скотницей на двор! Воображение Ореста рисует фантастическую картину конца света...

По родине и ворон плачет; жалели братья родное болото с комарами и ягодами: и зачем Бог столько добра высыпал под деревню Ягодино?

Василия спрашивают про жизнь в колхозе.

- Что наша жизнь, вся тут, - развёл руками старший брат.

- Пашут, сеют? - спрашивает Федор.

- Бабы рожают? - гогочет Орест.

- И пашут мало, и сеют мало, а бабы... кому рожать-то? Из нашей деревни пять учеников в школу ходит, а помните, сколько из Ягодина ходило?

- Пятнадцать! - говорит Орест.

- Шестнадцать, - поправляет Василий. - Вовчика Козулина в интернат увезли после третьего класса. Водолаз. Навещал прошлый год родные края, в Архангельске живёт, своё дело поднял, скребёт днища кораблей от ржавчины и соли.

Не заметили, как солнце вывалилось из березы, как соседка обратно к себе прошла.

Деревенских мужиков вспоминали, не обошли вниманием соседа.

- Помните, как сосед зубные протезы в сортире выблевал? - ржёт Орест.

- Не надо мертвых тревожить, - воспротивился Василий. - Лучше скажите, как это вы такие машины дорогущие завели? - спрашивает Василий.

- Постом и молитвой, - пуще прежнего заржал Орест.

- И реформами кремлёвских старцев! - добавил Федор.

Стали младшие братья подкалывать, подъедать один другого. Вроде шутят; предлагает Федор Оресту тележку купить брюхо своё возить; Орест шерсть на своей груди потеребит, поплюёт на призрачный клок и к груди Федора «прилепит». Заколдую, хохочет, ни пуля, ни яд не возьмут. В каждом из них зависть забродила, вроде как желчь взыгралась: я думал богаче брата живу, я сверху, а брат вроде лучше?.. Ты на какие шиши машину завёл? А ты на

какие? В «Лексусе» 300 лошадей запряжено, в «Ягуаре» 500. Один до 100 километров в час разгоняется за 5 секунд, другой за 8. Предмет достатка - дача, предмет роскоши - любовница. У обоих есть то и другое! У одного дача в три этажа, у другого под дачей бассейн, теннисный корт, крокодил Гена в ванне плюхается. Жаль, народу деревенского мало собралось под березой. Легонько открываются братья. Нынче такой разговор на блатном жаргоне именуется «понты кидать». Орест круто живёт, а Федор круче. Он прошлый год мял пузом песок на турецком берегу, Орест махнул в Сибирь, к старообрядцам.

- Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна, - пропел Орест. - Я приобщился посещать святые места, был на Соловках, недели три кантовался в Киево-Печерской лавре, был в Берлине на Унтер-ден-Линден, жил в гостинице «Бристоль».

В школе Орест учился так себе, с двойки на тройку, а нынче декламирует Овидия (якобы в переводе Пушкина Александра Сергеевича). И прилично читает, пощипывает на груди шерсть.

О, люди! Все похожи вы
На прародительницу Еву;
Что вам дано, то не влечет,
Вас непрестанно змий зовёт
К себе, к таинственному древу...

Оказалось, Федор рубит лес в Карелии и толкает за кордон. Лесу много. Скандинавам хватит лет на тридцать.

- Будем жить-не тужить, пока мутят воду наши патриоты.

Орест сколотил капиталец на сборе «старины».

- По домам щуняешь? - прямо спросил пораженный Василий.

- Надо же... - удивился и Федор. - Хотя ты и раньше чужим не брезговал, тот ещё был сатюк.

Вспомнили, как ходили с гармоньей в Березову слободку и за что попал в тюрьму Орест.

- Это тебе надо было срок мотать, тебе! Ты же драку начал!

- Братишки, братишки...

Развязали хмель и чистый деревенский воздух язык Федору: лес он сам не рубит, бензопилу в руках не держал, черную работу выполняют «негры» - вчерашние колхозники, в силу финансового краха сельского хозяйства готовые на любую работу. Федор - мозговой центр, «мажет» где надо, кому надо, и знает, почем сегодня кубатура у нас и «по ту сторону».

- Работаем вахтовым методом. Делянку насмотрели, обмозговали «приход-отход», дождались ночи, рывок - и мы в шоколаде.

- Да вас стрелять, суки, надо! Стрелять! - кипит Орест, не по сердцу ему «шоколад» брата.

Двадцать лет не виделись и не помять друг дружку холки? Потомки нас не поймут. Не поймут! «Покорение Сибири Ермаком» - вот это понятно! Приплыли на лодках и дали по сусалам кому следует дать!

Драться не дрались, бодались; первым делом Орест испробовал на брате «подтяжки Рокфеллера» - крепче буксирного троса оказались. Федор не остался в долгу и защипнул пуп Ореста, - меньшой брат взвыл на всю деревню; мирились, целовались, слезы лили. Слезы лили за погубленную деревню Ягодино, за Россию, за болото под деревней - какие раньше ягоды вкусные росли! - за бабку - пусть она живёт сто лет! Василий руками сильный, лезет разнимать братьев, его как «ковыльнут» Орешка или Федька, он не устоит на одной ноге, летит в траву.

Соседка Евдокия сидела у окна, смотрела «спектакль». Поначалу наивно полагала, что раз соседи обзавелись такими машинами, какие нашим колхозникам век не купить, так они стали другими, уважаемыми, около штурвала власти крутящимися, а оказалось, такие же дурные, как и тридцать лет назад. Против Василия Павловича ничего против не имеет, золотой мужик.

Хозяйственный. Обеих дочерей в институтах выучил, замуж отдал. Пока мал был - не озорничал, а эти Пудёнки!.. золотая рота. Орешка у ихней коровы соски нитками перетянул, через то пришлось корову на мясо отдать. А Федьке было милое дело матюгами дверь разукрасить, лук выдергать. Однажды засверлил в полене дыру, пороху насыпал и полено в ихнюю поленницу сунул. Хорошо Евдокия рассмотрела: зачем это торец полена

оконной замазкой залеплен? Расковыряла - батюшки! Муж велел обратно заклеить да полено Пудихе положить в поленницу. Не стала Евдокия зло творить. Страсть покойный супруг Орешку с Федькой не любил. Где-то выслушал, что сравнивают глупых людей с обезьянами, и частенько повторял: «Облизьяны. На днях с пальмы сползли».

Василий Павлович - родной сын всем жителям деревни Ягодино. Редкую неделю бабку не навестит. Каждый раз бабку совестит: «Да что же ты меня на смех выставляешь? Вот свяжу и увезу». «Увезет он... на-ко выкуси! - бабка кукиш внуку покажет. - Не смотри, что снегу много, я босиком и по снегу убегу». Зимой сугробы перекинут дорогу, так он гусеничный трактор схлопочет, районному начальству назвонит, а то и в газету заметку пошлёт.

- Арест ты, Арест... поросенок плешивый.

Сидели под березой за полночь. Хорошие машины делают иностранцы. Вовчик Козулин приезжал на «Ниве», двадцать два года машине, Василий забрался, - места немногим больше, чем в его «сороковке». Вместительные машины клепают иностранцы, надежные. Федор и Василий спать сунулись на сиденья, Орест уполз куда-то.

Всплывает над деревней солнце. Петуха у бабки не унять.

Появился Орест на горизонте. Сонный, рожа красная, мятая, изъеденная комарами. Под левым глазом синяк в половину бабкиной шаньги. Вроде шерсти на груди убыло - или наткнулся грудью на чью-то поваленную изгородь? Волоком тащит выкованную лет полтораста назад цепь - снял с поваленного ворота колодца.

Бережно смотал цепь Орест, положил в багажник. Сходил к кадке под поток, умылся. Вынул из чемоданчика брюки и рубаху, оделся.

- Шишкин. Масло. «Утро стрелецкой казни», - кисло говорит Федор, сплёвывая кровь с губы.

- Давно ли? Шишкин - «Утро в сосновом лесу», а «Утро стрелецкой казни» - Суриков, - поправил Орест.

Стали собираться в дорогу.

Головы у всех гудят.

- Повидались, - виновато говорит Василий. - Эх-хее... А пить надо водку. Пусть из доски, из опилок, из нефти, из конского помёту, но отечественное пойло, а французский коньяк - чума бубонная.

У Федора кровоточат разбитые губы. Своей кровью испачкал сиденье шикарного «Лексуса», на котором спал.

Ходили прощаться с бабкой. Сегодня бабка принимала гостей «во всей красе» - сидит за столом с подарками седая, иссохшая мумия, собирается пить чай. Во всю ивановскую шумит электрический чайник. Вода нынче не родниковая, из скважины, тяжелая вода.

Терпеливо говорил один Василий; бабка соображала лучше, чем вчера. Но снова спросила про «пензию» - вчера были у неё начальники из райсобеса, сказывали, как Орешке худо в тюрьме, просит денег.

Василий опять показывал бабке на Ореста, та вовсе умом смешалась.

- Да ты што?.. А тот... другой-та? Он ещё, - поскребла себе костлявыми пальцами по рубахе, - шерстистый...

Отвернул Орест лицо в сторону. Смотрит на печь. «1956» - вырезаны цифры на боку глинобитной печи. Бабка сказывала: отец вырезал. Отец и печурки на боках вырезал, в печурках рукавицы сушили, носки. Лежит в одной печурке стопка писем. Прочитал адресат на верхнем: из Астрахани, значит, когда-то он посылал бабке.

- Тот уехал, баушка. Отпуск кончился. Ему прокурор колхозный пай цепью колодезной выдал, да и отпуска в тюрьме маленькие дают. Погостили, по деревне походили... С тобой поговорили...

- Мы с Евдохой чаю швыркнём и косить побежим. Надо народу пособить. Евдоха бает, от водопою, как по все годы начали, пять зародов по шесть промёжков подняли. Ты косы-то настрогал?

Больно уколол «отпуском» да «цепью» младшего брата старший брат! Очень больно! Под дых врезал! Раздул ноздри Орест, кулаки сжал, волком смотрит; Федор видит, у Ореста воротник рубахи, кажется, распрямился; понял состояние Ореста, стал намеренно давить животом на Василия, давая знать Василию, что пора кончать прощание.

Глянул Федор в вершину березы: не мешало бы скворечник повесить, но... некогда.

Василий ковыляет около своего трактора - голова садовая! - вчера забыл закрыть краник бензобачка, бензин ночью вытек. К Федору - так, мол, и так.

Федор открутил шланг, поточил бензин в коньячную бутылку. У меня, кричит, прикладывая пальцы к губам, бензин девяносто восьмой, разнесёт, чего доброго, твой пускач вдребезги. Василий смотрит: Орест из избы воровато бежит, шайку, в которую бабка мочится, к боку прижимает.

- Эй, счетовод! - окрикнул Василий Ореста.

Тот на крик оглянулся, мнётся, вроде хочет шайку в крапиву кинуть, а вроде в жизнь с ней не расстанется.

- Ополосни! - добивает Василий. - Машина провоняет!

Орест швырнул шайку в крапиву.

Плюхнулся в «Ягуара», на скорости вылетел с бабкиного двора.

Сходил Василий, шайку нашёл, вымыл - кадушка полна воды под потоком, в избу снёс, толкнул под бабкину лежанку.

Достал из подвала косу, стал обкашивать бабкину улицу. Себя бранит: нет бы раньше умом раскинуть, пока братья своими машинами не раскатали в блин... Некрасиво будет: умрёт бабка, придут люди прощаться, сказать не скажут, а подумают об них с братьями худо.

Идёт Евдокия.

- Уехали? - спрашивает.

- Уехали.

- Да-а, жалко не вина выпитого, жалко ума пропитого. Помнишь, третьего году учёный с худыми ногами из нынешнего Петербурга по деревне с клюшкой ходил? Корни, чудак, искал...Человек спасен в будущем из рук судьбы в настоящем.

- У меня пытал, что ждёт русскую деревню.

- Как же, как же, в наших полумертвых деревнях у каждой избы по замшелому Илье Муромцу сидит да ждет радетелей прохожих. Может, думал, раз ты кузнец, то сквозь раскаленное железо видишь?

- Да чего видеть, и так всё ясно.

- А я сказала: «Пустая Вселенная глядит в нас мраком глаз. А ты, душа, усталая, глухая, твердишь о счастье - который раз?»

- Ну, Евдокия Григорьевна!.. Удивила меня.

- Я, Васенька, сама себе удивляюсь. Ходила к двоюроднице Насте Барсовой в гости, она так испугалась меня! По избе мечется, в окошки суётся, чашку чайную разбила, да что, спрашиваю, сделалось-то? Поуспокоилась и говорит: «Преж наслаждение было на деревню вечером после работы смотреть, чувствовать себя защищенной, народ-то, народ-то какой преж был хороший! Преж гармонь на деревне заиграла, вся деревня в радости, а теперь мимо избы кто идёт, сердце обмирает: не ко мне ли? Как ко мне - по какой леший?» У них в деревне сын-алкоголик мать зарубил за сто рублей. Что деревню ждёт?.. Страшна не смерть, страшно народ видеть умирающий в забвении, сходящий с ума. Маленькой была, жил у нас в деревне старик, Чалым звали. Много раз в тюрьме сидел. Эдакой грибок сморщенный. Печь топил тем, што где-нибудь стяшит. Так этот Чалый повесит днём свою шапку на тычину, а ночью идёт её воровать. И дня три спит сном праведника. А то, говорит, меня как клопы кусают, спать не могу.

- Выправь речь свою, Евдокия Григорьевна.

- Не в обиду будет сказано, прости меня, старуху глупую. Случилось мне видеть, как Орешка ваш в доме у Кислицыных обыск творил. Трезвому бы надо, его мотает, кричит, что опоздал...Чего брать, чего? Уж сто раз до закладного камня... Не в обиду, Василий Павлович.

- Я не обижаюсь, своя ноша... Бабка тебя заждалась, на сенокос собирается бежать.

- Отбегали... Давно было, в школе училась, не помню, в какой и книжке вычитала: человеком движет голод, холод и надежда. Голод да холод наше поколение хорошо усвоило. А надежда... туман широк и прижимист.

Не косил - рвал косой дикую траву Василий. Печальными глазами смотрела на косца Евдокия, боясь оглянуться на деревню. Сердце её, давно наполненное грустью, вроде радовалось, вроде плакало; ни слов, ни мыслей не было у неё, был некий смутный восторг перед многообразием отжитого, - давно ли, кажется, в этот час деревней шло стадо мычащих коров, за коровами шли овцы, кричали дети... Одинокий глубокий вздох ушёл в пустую деревню.

ПОСЛЕДНИЙ МУЖИК

Онучин умер накануне Великого поста. В последнее время он страшно похудел и изменился в лице. У него болело все тело, ломило суставы, но он воображал, что выздоравливает, потому тщательно брился, смотрелся в зеркало, нетерпеливо ворочался в постели. Под конец стал очень разговорчивый, говорил тихо, через силу, тяжело дышал, вспоминал покойную жену Агафью, просил у нее прощения, жалел убитого парнишку, сына бандеровца, обещал наделать бабам к сенокосу грабель.

Горела утренняя заря, над зубчатым лесом медленно поднималось солнце, радостное, изумленное, как дитя малое. Воздух был спокойный, затаенный. Природа вчера, как в последний раз, вдохнула мороз, а под утро выдохнула изморозь - шевельнулась под снежным тулупом мать-земля. Сквозь стекла пали на стол, на тальянку, на лежащего Онучина лучи, окропили позолотой. Кошка, встревоженная непонятными ей переменами, то просилась у дверей на улицу, то сжималась на полу клубочком. Никто не видел, как умирал Онучин. Явился ли к нему ангел и благопристойно попросил следовать за ним, или судорожный дьявол, хохоча, подхватил железным крюком его душу?..

Он лежал навзничь на большой деревянной кровати под старым ватным одеялом из синего ситца, в пестрой рубахе с расстегнутым воротом, уставив в потолок неподвижные, как бы шальные от изумления глаза. Бритое до синевы лицо, острый нос, скрещенные смиренно руки.

На деревне топились печи, сизый дым поднимался сажен на двадцать ввысь, уходил замысловатыми кружевами на север. Жизнь, простая человеческая жизнь продолжалась в раздумьях и хлопотах.

Пришла Наталья, двоюродная сестра Онучина, прямая и высокая старуха, сняла у порога валенки, полезла на печку за теплыми обутками. Охнула раз-другой, пока их достала, попутно незлобиво отругала кошку, что лезет под руки, разделась, стала затоплять печь.

- Василе-ей,- нараспев сказала она,- седни как, отвалило, не давит грудь? Сердишься? Ну посердись, на сердитых воду возят... Я вот седни сон смешной видела. Помнишь, ты лошадей гонял, когда с Иваном нашим за рекой до войны жали? Народику - ну как наяву, гужом, и девки незамужние, и бабы, всех вижу. Как бы на Ильин день, по приметам. Сарафаны на всех баские, бабы веселые, так счастливы, будто весть услышали, что война проклятая кончилась... Иван-то в лазоревой рубахе с закатанными рукавами, а мать твоя, покоенка, как бы от реки заходит, из села, рожью идет. Вот подходит, лошадей останавливает, а у самой в руке пук крапивы с корнями надран. «Васька, - кричит на тебя, - ты чего это, паскудник, за Натахой в бане подглядывал?» И давай тебя по голым ногам крапивой жалить... Васи-ле-ей, спишь, что ли?..

Кольнуло под сердцем Натальи: уже... Подошла торопливо, склонила голову к плечу, охнула. Перекрестилась, прикрыла синие глаза красными рубцами век. Взяла с табурета тальянку, прижала к себе, запричитала:

- Отыграл, Васильюшко-оо...

Страшно ей стало, тоскливо; рушилась жизнь, уходила из деревни. Смерть, безглазая ведьма, прятавшаяся в пустующих избах, махнула своей косой, как знать, чья теперь очередь.

Осиротела деревня народом: из сорока шести домов в пору былого величия ее только на сенокос выходило до ста человек, а ныне полуживых старух колготится пятеро, Онучин был шестым. Последним мужиком. Бредет Наталья по деревне, так и хочется закричать: «Эй,

мужики? Эй, бабы! Куда вы все подевались?.. Выходите на деревню, дорогу протопчем, ведь занесло до крыши!» Не аукнется народ, нет его. Старшее поколение на буеве лежит, молодое в городах о машинах хлопочет. Обошла Наталья товарок, донесла им горькую весть. Всем миром пошли к Онучину, как ходили в последние годы по всякой надобности. Осторожно ступали за порог, подходили к кровати, смотрели. Уселись около него, стали думу думать.

Лежал перед ними не дряхлый старик - отдохнуть прилег Васька-гармонист, удалой да пригожий, на жизнь способный. Девок любил страсть как, баб - пуще того. Председателем колхоза был - каждое бревно по нему проехало, везде поспел, ко всякому ключик имел.

Строгий был, да отходчивый.

Кажется, сядет сейчас на кровати, обведет шальными глазами всех и каждую наособицу, к тальянке потянется.

- Закислились, девки? Что нам тужить, когда не хрен прожить! Запевай, Егоровна!

Себя не обманешь: не вернется молодость весенней птицей, не растянет Васька тальянку. Тугая на ухо Марья обронила, что мужик ее, Иван Прокопьевич, перед смертью два гроба сделал, себе да и ей. Коль Онучин раньше убрался - отдает домовину ему.

Нет к деревне следа, нет проследья. Почтальонка ходит на лыжах, когда ей прикачнет. Дунул ветер да спутал провода - сиди при лучине неделю-другую. Нет мужиков, некому могилу выкопать, не на чем на буево свезти.

- Бабы, стесняться нам друг дружки нечего. Давай-ко Василья помоем, переоденем в чистое,- сказала Егоровна, самая сильная и решительная из старух. Егоровна еще держит корову, сама баранов режет. Засуетилась Парасковьюшка, сухой ощепок, достала из-за пазухи Псалтырь, прокашлялась, хотела прочитать что-то, да Наталья махнула рукой: не время еще.

Онучин, Онучин... Загадывал ли ты когда, что тебя разденут свои же деревенские бабы, с коими ты жизнь прожил рядом, изучат твое тело самым бессовестным образом, вымоют, полотенцем оботрут, как беспомощного какого, и оденут, наперекор смерти, в красную молодецкую рубаху?.. Любил Онучин жизнь, ой, любил! И пил, и гулял, и дело вел, ненасытный был до жизни. Поговаривали, что жена его, робкая и застенчивая Агафья, через эту любовь в доски ушла раньше времени. Так это или нет, один Бог знает да Наталья немного.

Чужая баба для него была слаще меду, чужой сарафан и пахнет приятнее. Наталья помнит, как, будучи пьяным, бранился и рычал, бросался с кулаками на Агафью, тогда она молила Пресвятую Деву, чтобы отняла она у Васьки-гуляки мужскую силу. Прошло время, перебесился Онучин, на могиле жены хлестался, прощения молил, а жизнь-то боком да боком, будто и не жил. Полюбовник он был скрытный, за что и уважали подружки. Другой мужик и не поймал, да ощипал, а за Онучиным такой славы не водилось. Этим он поселял в некоторых вдовушках ревность, желание отбить его, как на выхвалку...

- Подойди, птичка моя,- говорит Онучин. Стоит у свежесметанного зарода сена, распаленный, кряжистый. - Подойди! - шепчет страстно. Глаза горят, в лицо кровь бросилась.

- Вот еще, - играет с ним Авдотья.

- Ангел ты мой единственный... Век бы тебя на руках носил, голубка сизокрылая, - голос тихий и вместе с тем исполненный какой-то демонической власти. - Ночи через тебя не сплю, как представлю, что ты на моей груди...

Ночи он не спит... а от кого Шурка родилась?

Божится Онучин, клянется всеми святыми. Авдотья как не слышит, подняла гордую головку свою, усмехается. Лестно ей, что такой мужик перед ней половиком расстилается, лестно и боязно: как да с сенокоса не все ушли, как да кто в кустах стоит, слушает?..

- Зазнобушка, иссушила меня...

Авдотья старается не смотреть на Онучина, ступает мелкими шажками к нему. Привлек к себе, и она, кроткая овечка, задрожала вся, ласки ждет.

Целует в голову, в шею, сжимает в объятиях. Качнулось небо в глазах Авдотьи, зажмурилась в истоме, подогнулись ноги...

Положили Онучина на кровать, смотрят на стены, на пустую божницу, на комод, точно запоминают, где что лежит, где что висит.

- Дожили до тюки: нет ни хлеба, ни муки,- печально говорит Парасковьюшка.

Марья вытягивает лицо: не слышит, о чем речь.

- Девки у него сами уж бабки, разве приедут?.. Телеграммку бы отбить. Испилят дом, а жалко... Испилят, нынче модно ломать - не строить. Боюсь я, бабы, этого. Будто нутро выворачивают...

- Им что, анкаголикам, - говорит Егоровна, - у Кузьмичевых ломали, так будто Мамай воевал. Одежку из сундуков вывалили, топчут, Катеринины исподки на себя примеряют, гогочут. «Эй, вы, - говорю им, - собаки!» А тот, рыжий, топором давай посуду бить, рамы пинать, и все на меня оглядывается, похвалы ждет...

- Не заводили, не ставили, душа не сболит. Насколько же народ обурел, по дрова в лес не поедем, лучше пятистенок пилить, - говорит Наталья.

- Почитать, может? - теребит Псалтырь Парасковьюшка.

- Ночь-та твоя, начитаешься, - грубо говорит Егоровна. Много хлопот доставил им Онучин. До кладбища - шесть километров, опять к алкоголикам идти на поклон...

- Придется самим, - говорит Егоровна.

- Пустое несешь, - возражает Авдотья, некогда румяная да статная, нынче - яблоко сморщенное. - Ты-то, может, еще и коренник, а какие из нас пристяжные...

Егоровна исподлобья смотрит, щурясь, пренебрежительно говорит:

- Тебе ли скудаться, Овдошка, ты ведь на четыре года меня моложе.

- Моложе, да,- качнула головой Авдотья,- счет не по годам веди - по зубам.

Смеются старухи: у Авдотьи во рту один клык желтый, у Егоровны - железные протезы.

- Полы вымою, приберу, а там как Бог положит. Вот, бабы, кошка, и та беду чует. Гля, раньше все в ногах у Василья комалась, теперь под лавку юркнула. Пушка, Пушка, иди ко мне, - говорит Наталья.

- Чего свечу-то не ставите? - спрашивает Марья. - Тяжело он с белым светом расставался.

- А ты почем знаешь? - кричит ей на ухо Егоровна.

- Болел долго, - отвечает печально скромная Марья.

- Поставим-ко, бабы, и свечу, и самовар да чайку попьем, будто и Василей с нами столуется, - предложила Наталья.

- Тогда я за вином сброжу, - говорит Егоровна. - Надо при жизни истребить нажитое, чтобы не тужить на том свете.

- Ой ли, - со страхом сказала Парасковьюшка. - Трех ден не прошло, грех.

- Домой? - тревожно спрашивает Марья поднявшуюся Егоровну.

- Сиди-сиди, - щелкает себе по горлу: - Помянем!

С уходом Егоровны всем стало не по себе. Егоровна была становой жилой деревни, опорой. Все настолько привыкли, что она будто мать над ними, редкий день кто проведет без нее. Егоровна не боялась никого и ничего, она даже прокурору Силинскому влепила затрещину, когда тот на празднике распустил лапы. Прокурору!

- Тальянку в музей отдадим, один парень приходил и денег давал, и пугал, что украдут, - сказала Наталья.

- Ну уж нет! - запротестовала Авдотья. - В головах поставим. Захочет Василей растянуть - она под рукой.

Старухи не могли удержаться, заревели. Авдотья стукнулась головой о дужку кровати. Пили какое-то заграничное вино, вкусом - клоп раздавленный, пили, как могли. Кто по глоточку, кто пригубил только.

Расстегнула Егоровна кофту, поправила тяжелые груди, сказала:

- Ну, дроля, играй, плясать пойду. Споем напоследок нашенскую!

- Как полоску Маша жала, золоты снопы вязала, ээ-еех, молода-а!

- День-то какой, знамение тебе, Василей, - глянула в окошко Парасковьюшка.

- До чего же ты под старость набожная стала,- хмыкает Егоровна, толкает под бок Марью. - Расскажи-ко, как в ваш колодец Парасковьюшка чурку опустила.

Марья смеется, начинает рассказывать сто раз повторенный рассказ, оборачивается к Онучину, призывая того в свидетели. Молчит Онучин, нет ему дела до бабьих сплетен.

- Ты-то праведница, - поджимает губы Парасковьюшка. - Не с тебя ли Онучин мешок с колосками снял?

- Нашла чем попрекнуть! Да за это я ему в ноги поклонилась потом, что деток сиротами не оставил. Перестань, не со зла я... Расскажи-ко, Овдошка, как с Онучиным сено метали!

- Господи, - изумляется та, беспокойно ерзает, - веком, бабы, не бывало, вот те крест.

Много кой-чего помнят эти старухи, всё поведать - жизни не хватит. Вышла на небо луна, огляделась, прихорошилась. Насколько глаз хватает, разлито серебро свадебное, плавают в том серебре легкие тени заборов, деревьев, стогов соломы, блестят крыши черных домов. Бежит лисица, принюхивается. Теплится свет в окне Онучиных, стоит в головах покойника большая свеча, дрожит на ней прозрачное копье.

Спит на стуле Парасковьюшка, выпал из рук ее псалтырь, рассыпались почерневшие от времени листы по полу.

Утром провожали в дорогу Егоровну. Лыжня чуть заметна, до жилу брести да брести.

- Ну, подружки, коль дойду - трактор пригоню, нет - на мороз выносите. Когда-нибудь да кто-нибудь вспомнит о нас. Марья! За коровой вникай!

Неловко ступила шаг, оперлась на палки, другой - качнуло малость. Устояла, потыкала снег палками. Пошла.

ВОРОН

Посреди поля спит овраг, шириной метров десять и глубиной метра четыре. Когда он образовался, никто не помнит, что разве одинокий ворон.

Небережливое многословие доступно всем, потому что оно бессодержательно. Это касается скверной осенней погоды. Тянет какой-то беспокойной сыростью. Подчиняясь логике данного рассказа, отнесёмся к этому факту замкнуто и самостоятельно, как к заглавному интеграционному ядру, где на небольшой ладошке российских просторов живёт и корчится маленькая деревушка, жители которой добровольно катают это ядро от домишка к домишку, не нарушая своей сделки с природой. Порядком приуставшая старуха Осень не иначе как ковыряется в гнилых зубах спичкой, выискивая корешки мёртвых трав, а краснощекая молодица Зима, знатно подрубленная сумерками, произвольно берёт ноты. Любуется своим станом утром, наклонилась ось дня - готова предложить Осени отступные, а ночью, с силой, равной квадрату световой дистанции, жаждет решительной битвы с ворчливой старухой.

От леса, от подросших елочек и сгнивших бунтов древесины, прижимаясь к самой земле, набегают обжигающие холодом вихри; на опушке, как на порванной нечистой силой огромной фуфайке, вроде кашляет сама нечисть - то по дуплам высоких пней шныряет ветер. Пятнадцать лет назад лес в этом урочище рубили в конце марта, снега лежали глубокие, потому пни получились богатырские.

На краю оврага растут три матерых сосны. На средней сосне гнездо ворона, похожее на большую растрепанную корзину. Ворон опускается в гнездо, выдергивает ветку, поднимается с ношей и бросает. Описывает широкий круг, издаёт крик, в переводе на человеческий язык жёсткий и матерный, - и за другой веткой. Зачем он это делает - непонятно. Журавлиная песня высоко в небе, до сердца ей далеко; волчья песня волос на голове дыбит; лебединой, говорят, никто ещё не слышал, а крик вороний пятки калит.

Просыпался мелкий снежок, но выглянуло тусклое солнце, остатками своих копий расписало деревню Баркаиху, часть жара уперлась под низкие серые облака, а часть растопила снежок.

Есть ли вечная жизнь или её нет, Эдик Котомкин не знает. Будь жизнь вечной, плести бы ей, как гармони голосистой, звонкие переборы, а то скрипит, бурчит, ровно сухие грибы на нитку нанизывает. Эдик из старой конюшни рубит себе пристанище. Погорели Котомкины ближе к Ильину дню. Иной бы мужик злобу завёл в себе против всего мира, напускным безразличием бы насытился, у Эдика характер немного колючий, но душой - не сдаст! Ютятся в соседской бане. Дала на погорелое место бабка Серафима телевизор, вот и вся роскошь. Колхоза нет, колхозных квартир в помине нет, есть старые бесхозные деревенские дома, какой дом без крыши, у какого и окна вывалились. А жить надо! Надо!! Ему ещё тридцать четыре года, жене столько же, старшая дочка зиму дома училась читать и писать. До школы десять километров, дорог нет, машины у Эдика Котомкина нет, денег нет, банк в кредите отказывает. Что он выставит в залог? Одни фиги в карманах.

- Ума у тебя - палата, - как шилья в колодку, втыкаются свои деревенские старики и старухи в Эдика. - Ты нашей власти веришь, депутатам веришь, обещаниям? Э-ээ, милок!

Да ты погляди кругом, упрямая голова! Кому мы нужны в своём заточении? Нам на роду написано тут доживать, тут помирать, а ты-то!.. Ты-то чего тут забыл? В деревне двадцать один пенсионер, да какая мы рать? Мы - обуза всей власти! Богадельня! Молим Бога, чтоб свет не отключили, а уж пропитаться - в войну кору сосновую ели - выжили, а теперь нас не забить.

Слушает такие речи Эдик, то зажгутся его глаза, то погаснут.

- Подождём, - отмахнётся.

- Ага, жди, когда чёрт сдохнет, а он ещё и хворать не начал!

Или жена прижмётся к нему, высокому, черноволосому, черноглазому, обнимает сухую и мускулистую фигуру, да носом передёргивает:

- Может... может нам в райцентр?

- Не может, - скажет Эдик.

В ясном, почти всегда спокойном лице жены, было всё же необычайное смущение. Когда говорит, лицо немного раскраснеется, даже уши порозовеют, и слышит, и видит она то, чего не видят и не слышат другие.

- И чего ты у нас такой вредный? Вроде не глупый, вроде руки из того места растут....

Будучи порой в крайнем недоумении, а точнее, в сильной досаде, - на что решиться, выйдет на деревню и в задумчивости присядет на лавочку возле берез, думу думает. Непостижимое противоречие сердца человеческого! Чувства, которые рождает оно, порой настолько мелочны, что не стоит за них запинаться ни одной клеточке мозга, а порой родится тихое чувство, смешанное с глубокой грустью, с сознанием невозвратимой утраты, или замешанное на мучительной отраде, и встрепенётся все тело, оживится восторгом, как будто изнемогая под сладким бременем стыдливой и непонятной неги, и примется мучить обладателя сердца сутками. Сватался к ней Коля Волков, в Мурманске живёт, рыбу ловит, и почему замуж не пошла? Не любила? Жила бы теперь в городской квартире, лиха не знала, в театры ходила, детишек каждое утро в школу отправляла... «И теперь не знаю, любила я его или нет. Скорее - не любила. Нет, не любила, и никогда бы не полюбила! Что ты, как можно его с Эдей моим рядом поставить? А нравиться - нравился. А как сказал однажды с презрением: «Ах ты! Не тебе бы говорить, не мне бы слушать!» Обиделся... А на что обиделся, дурачок? Да разве порядочная девушка будет любезничать ночью на стоге сена с незнакомым парнем? Кому век свой дела нет, и тот уши вострит, глаза выронил. Какой быстрый! Навалился, руками полез...»

Эдик найдёт её под березой, пожурит, что на улице Покров скоро, она же думает - круглый год лето будет.

- Оделась бы, не Петрово говенье.

Посмотрела на мужа как человек весьма озадаченный.

- Не скрою, есть о чём думать, - говорит, вздыхая, Эдик.

- А о чём ты знаешь, о чём я думаю?

- Твои думы - мои думы, - посматривая куда-то в сторону, отвечает муж.

- А как знаешь, чего не решиться не можешь? Чего узел не разрубишь, хотя узла-то никакого нет?

- Нас ждут в райцентре? Ага, ещё как ждут! Что мне заместитель главного поселенца сказал? Существуют, говорит, три непреложных сущности, которые никому забывать не советую: не проси, не верь, не плачь. Говорит мне, а сам вроде как боится, что подслушают. Дверь плотнее прикрыл, ещё и у двери постоял, как убеждался, нет ли кого лишнего на коридоре. Кто я, спрашивает меня, по-твоему? Номенклатурная единица. Где жильё? А нет жилья. Нет, и планов на строительство нет. Всё растащено, пропито, прихватизировано. Дай я тебе какую нибудь

конуру сегодня, ты завтра пойдёшь горланить, что живёшь хуже всякого негритоса! А я куда? Меня без мыла брить станут. Как, почему? В Кремле соцсоревнование идёт, кто кого речами ошельмует. День ото дня живём лучше, лучше, богаче, дольше... заработки, дачи, машины!.. Пропади всё пропадом! А тут важного туза, защитника сирых и убогих, с верхов леший принесёт, ты к тузу, меня за хобот да под зад коленкой, и побрел Юрьевич к вчерашнему уголовнику щепки от станка относить. В средней школе интернат давно закрыт, ты куда с дочкой? Один выход: ищи квартиру, но скажу честно: процентов 60 от заработка пойдёт на оплату жилья.

- Живём мы как свиньи, однажды возьмём и умрём, и не будет нас, как будто никогда не было, - сказала жена со злорадством в голосе.

И замолчала, угрюмым взглядом глядя в маленькое оконце бани. Даже верхнюю губу закусила и только минуты через три способна была говорить.

А вчера он наклонился над женой, лежащей на раскладушке, растерянно глянул на широко раскрытые, с умоляющим выражением глаза, мокрый лоб - губы жены шевелились, она или молилась, или звала на помощь, он не знал, и осторожно спросил:

- Болит чего?

Жена молчала.

Эдику жаль свою лапушку, сердце его болело при виде её страданий.

- Таблетки какие?..

Потом он мерил шагами баню и возбуждал в себе решимость и спокойствие. Ему было немного страшно и хотелось бежать прочь от всего постигшего горя. Страх за удивительную жизнь детей, доверившихся ему, страх за жену, покорную и нежную. Кабы не пожар!..

Утром твердо решил держаться бодрее. Он подумал, что не всё потеряно, что печалиться никак нельзя, и сегодня же он напишет письмо самому губернатору. Катил на стену бревно, настроение было хорошее и приподнятое. Веселое чувство победителя наполняло всё его существо.

Издали, от своих углов, наблюдала за ним старая Серафима. Он, оглядываясь, видел её поднятое лицо, восторженно-напряженную фигуру, подносимый к лицу фартук. Лицо у Серафимы всегда обращено к добру, к радости, да зайди к ней в гости - и утешит, и накормит, и спать уложит. Звала Эдика с семьёй жить к себе, в тесноте, говорила, да не в обиде, но не захотел Эдик стеснять добрую старушку.

Пришли два старика, деду Васе восемьдесят, деду Васильевичу - восемьдесят четыре. Васильевич из себя худющий, хоть хомут на него вешай. Шапку Васильевич носит набекрень, только в сильные морозы кутается в шарф и поднятый воротник. Дед Вася - лысый, юркий, руки у него загребистые с молодых лет, каждую весну стройку заводил. В молодые годы любил дед Вася сморозить какую нибудь небылицу о своей несчастной женитьбе, потряхивал головой и насмешливо улыбался, выставляя всё с забавной стороны. Нынче не смешит народ байками. Или перезабыл всё, или говорить о ковыляющей по избе с клюшкой бабке охотки не стало.

- Да-а... двадцать две лошадки стояли в этих стойлах. Ты, Вася, Карчишка любил... вроде третье стойло от дверей? А я Бойчика, - говорит Васильевич, присаживаясь на бревно. - Силища в Бойчике была! С отцом на сруб трелевали, так он на старом Выстреле из чащи чуть не хлыстом вытащит, а мне на Бойчике тащить домой велит. Как попрёт, как попрёт!.. Я рядом бегу да вожжами хлопаю: давай, давай, не останавливайся, а то с места не сорвать!

Помогают старики Эдику. У Васильевича топор в руках играет, а топор деда Васи худо откликается на вызов топора Васильевича.

- Впустую, Эдя, бьёшься, - говорит дед Вася.

- Твою бы хватку да годков пятьдесят назад, а теперь что... - вторит Васильевич. - Вот бы когда колхозы распускать надо было!

- Всё этот пьяный бульдозерист, чтоб ему раз пятьсот в гробу перевернуться! - говорит дед Вася.

- Это ты про Ельцина? - спрашивает Васильевич.

- Про его. Гаранта нашего, Стакановича. А чего, Васильевич, после него не гады пошли? Да гад на гаде, вор на воре и вором подпоясался!

- Переживём! Да-а, воздух вожжами сотрясали, а кабы, мужики, да от правды хлопнуть?

- Хе-ее, народный мститель.

Чёрт был живуч.

Туго лезет новое в головы старых колхозников. Слушают, слушают болтовню в телевизоре, сойдутся, только что не скрипят языками:

- Вот сволочи! Кругом воры! А мы жили... копеечку к копеечке слезой клеили.

Через полтора месяца пришёл ответ от губернатора. Эдик Котомкин был вызвал повесткой в районную администрацию. На запрос Котомкина Эдуарда отвечал главный поселенец, то бишь глава района господин Недокипелов Павел Иванович: программа расселения жителей умирающих деревень утверждена на самом верху, разработан пилотный проект, рассчитана смета, через семь-восемь лет все жители деревни Баркаиха переедут жить в благоустроенные квартиры в райцентре. Долго ходило прошение, в мозолях воротилось домой и было вслух зачитано томным голосом господина Недокипелова гражданину поселенцу Котомкину. Говорил демонстративно вежливо, с оттенком официальности, сидевшая рядом секретарша торопливо строчила в блокнот. Так-то, поселенец Котомкин, придумаешь опять жаловаться, мы тебе этот текст отпечатаем на память.

- Спасибо, - сказал, сжимая кулаки, поселенец Котомкин.

Конский дух в хоромах Котомкиных. Жена и старшая дочка как могли обтирали стены горячей водой, да крепко потом пропитались бревна. На потолке мох, в щели, если сильнее хлопнуть дверью, сор сыплется. Основная пища - картошка. Главное - тепло, ещё главнее - все жильцы помнят прописные истины: не верь, не проси, не плачь.

- Слышь, Эдя, гектар земли охочим дают, - хохочет как-то дед Васильевич. - Кому бы всучить хоть приусадебный участок, а? По ящику кажут, что из городов едут на природу, на чистый воздух, вдруг да какой идиот объявится... Это надо же, дурнее себя власти ищут! Дадут гектары, потом налогом обложат, да таким, что жила на лбу лопнет.

- Как не лопнет. Одна лопата в хозяйстве. Гектары - ладно. Налогом обложат все постройки, а я...поломался же за жизнь-то! Как щепка в весенней реке, вертелся. У меня одиннадцать построек с баней да хлевом, вот это - да-а! Строил, строил, а хватись жить - и жить негде, - охает дед Вася.

- Так что, Эдя, ты в самом козырном положении, - продолжает дед Васильевич. - У тебя дом сгорел, а эта халупа не числится, с тебя и взятки гладки. Надо тебе, Вася, запаливать свои постройки. Как снегу потолще выпадёт, так и поджигай.

Через Баркаиху гнал на медвежью забаву московский опричник. Якобы егеря видели медведя-шатуна, такой медведь - большая опасность для поселенцев. Есть у опричника под рукой добрый молодец в красной рубахе, молодцу поставлена задача с рогатиной и ножом прыгнуть в берлогу, а хозяин будет снимать на кинокамеру момент яростной схватки человека со зверем.

Ядрёное морозное утро встречало Эдика Котомкина.

Когда проносились «Бураны», Эдик стоял у своей хоромины, улыбался этому утру - голубизне, летящему самолёту; он стоял и щурился, и в глазах пересыпалось солнце; уверенный, что после зимы обязательно придёт весна, весной он уйдёт на болото за клюквой, будет, стоя в воде горстями кидать в ведро ягоды... костёр, сменные сапоги, сменные портянки, он выдюжит... потом зацветет мох, потом придёт лето с добрым солнцем...

На страшный шум двигателей выскочила из тепла жена, вроде как хотела бежать и кричать проезжающим, что здесь живут люди, а сжалась вся, побледнела, чуть не упала - ноги как подломились, оперлась о мужа. В избу заходила первой, испуганно-счастливой.

Спрашивает Эдик:

- Куда это ты с копыт долой?

- Видел того в белом тулупе сзади?

- Видел. Морду с похмелья не обгадить.

- Важная шишка! - выпалила жена. - По ящику правду-матку режет.

- Царь небесный? И что?

- Что, что... в гости бы позвать, пускай посмотрят, как живём.

Эдик усмехнулся одним ртом, сел на табурет, достал завернутые в старую мешковину инструменты, стал подшивать валенок.

Они не услышат диалог важного охотника и местного главного поселенца:

- Три года меня пустыми обещаниями кормишь, Павлуша. Или я мало перегнал зелени?

- Геннадий Константинович, отец родной! Я человек подневольный, вокруг меня сплошь зверьё, с потрохами сожрать готовы. Три раза совался к губернатору - мимо кассы. Весь областной ресурс съедают дороги, дороги, дороги! Везде надо между двумя кусками хлеба добрый слой масла положить.

- Темнишь, Павлуша, ой, темнишь. Дороги - золотое дно власти. Твой сын уже заканчивает Оксфорд, а моя охотничья база только в моей голове. Моих оленей доедают амурские тигры, из моих кабанов делают колбасу браконьеры. И что мне прикажешь делать? Надавить на губернатора, некоторым делам-делишкам дать ход? Осенью у вас в районе выборы, один парнишка толковый нарывается быть удельным князем, законопачу я тебя в Сибирь, Павлуша. От тебя пользы, как от козла молока.

- Воля ваша, Геннадий Константинович. Куда, куда я выселю этих несчастных стариков?

- Два года ты их переселяешь! Хватит меня водить за нос!

- Деньги, всё упирается в деньги!

- Что-о?! Какие деньги, ограбленный своей бедной семьёй несчастный Лазарь Перекипелов?

- Каюсь: грешен немного. Постараюсь. Начнём. Есть у меня на примете большой кирпичный гараж бывшей «Сельхозтехники». Пятнадцать боксов. Сделаем общежитие.

- Поверю в последний раз, Павлуша. Или - суши сухари!

Сломалась зима дружно. Ночь от ночи мелела небесная река, глазастые звезды утрами не хотели гаснуть, и белесые рассветы топили над болотом для русалок бани. Рассопливились горушки, умылись говорливою водицею. Когда от снежной перины остались рваные лоскутки и солнце принялось яриться в окнах, пошёл Эдик Котомкин заготовлять березовый сок. Слух прошёл, что в райцентре приезжий москвич закупает сок и вроде цену даёт неплохую. С ношей туесков вышел в поле к трём соснам, с серьёзным вниманием, несколько даже по-детски, склонил свою голову к земле - мохнатая гусеница пыталась перелезть через коричневый узловатый корень; вскинул глаза к вершинам: сколько себя помнит, вороны всегда жили, а нынче вороньего гнезда нет.

Дед Васильевич морщит озябшее лицо, объясняет такое явление:

- Всякая нелепость имеет свою природу. У ворона глаз не щербатый. Чуткой он, воронто. Загодя снимается с обжитого места. Свинство какое-то замышляется наверху. Вот помяните меня на этом месте.

- Чёрт сдыхает? Война?- скупо усмехнулся Эдик.

- Не берусь предсказать, - угрюмо сказал Васильевич.

Дед Вася разволновался, сердце заколотилось в ребра:

- Уж было заскорузла душа, и на тебе!.. Кабы скопом умереть, в один бы час всей деревней!..

- А на беса нам умирать, да ещё скопом! Скопом имеет смысл умирать только за наше общее будущее, ибо тогда только каждый из нас уверен будет, что умер всего-то наполовину. Помнишь, Вася, кузнец Горев - сущее вылюдье, дупло липы забил досками, и в том дупле филин умер? Того году сперва Горева в сумасшедший дом отправили, потом Фёкла умерла, потом парнишка...

- Иродовы веки, - вздохнул дед Вася. - Неужто ворон?

- Выбирайся, Эдя, ближе к свету, забудь ты нашу деревню, - твердит Васильевич. - Авось спасёшься, и бабу спасешь, и ребятишек выучишь. Ты не пьянь, не лодырь, ремесла знаешь - уходи! Завтра письмоноска прибежит, пенсии принесёт, так мы тебе все пенсии со всей деревни соберём, верно, Вася?

Заплакал дед Вася, отирает носовиком обвислые щеки, промокает глаза, самого дрожь колотит.

- Слабнуть стал ты, Вася, - укоризненно говорит Васильевич. - В наши годы это зовётся сентиментальностью. Пошли, выпьём по наперсточку, и печаль долой.

- Уезжай, Эдя, пожалей жену, - тяжело говорит дед Вася.

- А не поеду! И перестаньте меня уговаривать, - отрезал Эдик.

- Дурак, - качает головой Васильевич.

Наговорившись вдосталь, уж хотели расходиться по своим углам, как поросячий визг заставил всех сначала изумиться, потом сжаться в кучку. Деревней летели кабаны. В

голове, как большущая черная торпеда, выпущенная с подводной лодки, несся секач, за ним разномастная стая от полосатиков до больших свиней с хлопающими ушами. Грязь, брызги во все стороны!

- Вот это да! - в восторге закричал Эдик.

Дед Вася затолкал носовик в карман ватных штанов, зашёлся дребезжащим смешком. Взбросил на Эдика блеснувшие глаза.

- Скажи бы лет пятьдесят назад, что деревней кабаны забегают, на смех бы подняли. Это сколько же пудов в том, в переднем катилось?

- Говорят, до полтонны бывают, - ответил Эдик.

- Нам бы одного такого завалить, всей деревне за год мяса не съесть.

- Да от этого кабана дух хуже, чем от трёхгодовалого козла! Три дня в чугуне варить - не сварить, - сказал Васильевич. - Тебе сказывали, Эдя, как твоя мать медвежонка из лесу принесла?.. В хлев к овцам посадила. Он ревел да ревел, а ночью медведица пожаловала, трёх овец на раз распласнула.

- К слову пришлось, про мать-то... - завёлся дед Вася. - С того ли, нет ли, заболела она чем-то. Тебе два года от роду было. Заболела и заболела, и умирать собралась. Везите, говорит, меня в поле, если в поле не умру, то домой выбреду.

- Возили мать в поле?

- А лошади не нашлось. Уборочная только начиналась. В бригадирах того году Николаевич срок отбывал. Подошвы смолой несколько раз с одного промажет, всё лето босиком пробегает. Нервный, задёрганный. Ногами затопал, кричит: «Нашли время умирать! Что я уполномоченному скажу?!»

Вроде спят туземцы истекающей эпохи, вроде сон мают.

Мелкими, сбивчивыми шажками крадётся задворками тихая ночь. Пусть же безмятежно спят избалованные обещаниями жить в светлом завтра поселенцы! Веление сна объясняется и возрастом, и навыками, и неосуществлёнными мечтами, и огромной душевной жизнью, крупно прожитой впрок.

У всякой новизны имеется в запасе своя злобная сила.

Вечна только та сила, у которой нет цели.

Досыпай свой век, тихая деревня, такая до боли родная, властью раздетая, памятью заплёванная, до слёз беззащитная под чужим кнутом...

ПИСЬМО ДРУГУ

Друг мой!

Храни тебя Бог!

Опять теребишь меня: «Пиши». Надо! Согласен! Пока жив человек, он частица великого и бесконечного мира. Кажется, я сросся сердцем с деревьями и цветами, с бесхозными разваливающимися домами, со снегом, с одиночеством: могу часами лежать, смотреть в небо, наблюдать за одиноким ястребом, парящим в облаках, а вокруг что-то шевелится, ищет дорогу к солнцу, дышит, перекликается... спрашиваю себя: а что является мерилом мужицкого достоинства? И отвечаю: отношение к земле. Так и пиши, велю себе, - о ней, кормилице нашей! Только это сближает прошлое с настоящим. И, подумав, отрезвляюсь: ты же старый, больной старик, а деревня... эх, деревянная ты моя, «кривой да пегий» остались в деревне.

Когда мне было лет пятнадцать, я смеялся над стариком Николаичем: летом по деревне в валенках ходит. «А то, паря, худая свинья и в Петров день озябла. Доживё-ёшь до моих годов, вспомнишь». Дожил... мерзнет левая нога, тоскует. Суну под одеяло грелку, ноги прижму к ней, мучаюсь, мучаюсь, то ногам жарко - одеяло комом сдвинул, то - как поддувает... едва усну.

Этим годом в деревню приехала гостить или обживаться одна семья: грузная, пожилая, накрашенная, в золоте женщина - по слухам, работает в банке, её дочь, зять - самоуверенный тип, ростом под два метра, и девочка шести лет. Взгляд у парня суровый, даже отрешенный, любит теребить рыжеватую бородёнку. Задумали копать колодец. В районной газете нашли объявление, что фирма «Колодец дешево и сердито» копает быстро, за работу берёт «ну просто смешные цены». Я на ту пору бреду деревней, на деревне «тихо лето» - изрусела деревня народом.

Солнце жжёт, не шелохнет листок на березе. Летит машина, звук такой, ровно орду бесов засунули в железную банку. Приехал из фирмы лысоватый молодец, на ногах сапоги-бродни. Стал из салона вылезать - дверка отвалилась. Дверку на место ставит, кулаком хлоп - как с завода! Матом: «Свою бы на сварку... а тут, фашисты-гады... сплошная химия!..» Берёт проволоку, согнутую буквой «г», и говорит: «Заказ принят. Предоплата 70% - такое наше условие. Через три дня гоним сюда технику. Самое главное в нашем деле что? - магнитная энергетика. Нужно найти точку... - ладонь ребром кладёт на ладонь. - Восемь на восемь...» - «Короче, Склифосовский, - оборвал очень умного «фирмача» двухметровый детина. «И тут «Остапа понесло»: «Люблю, понимаете, витиевато изложить мысль, - соглашается «фирмач». - Режем диагональ». А я стою поодаль - чудеса! - батогом подпираюсь, женщина смотрит, дочь смотрит, девчонка сидит на шее папы. Огород стоит в лопухах. Море дикой травы. Медвежьим бродом «фирмач» пробрёл до поваленной соседской изгороди, потом обратно, на яркое солнце глянул, на почерневшую от времени стену избы, где-то на средине огорода бьёт ногой землю: «Есть! Три эрстеда, и не меньше! Во, как провернуло руку!»

Детина принёс ему гнилой кол. Кол кое-как воткнули в землю. «Теперь вертикаль!» Опять побрёл и к этой вешке вышел. Ликует: «Больше пяти эрстедов!» - «Сколько колец заказывать?» - спрашивает зять. «Фирмач» и раз, и два, что жеребец-семилеток лягнул ногой землю, виновато говорит: «Не откидывает. Мне бы...» - выразительно бьёт себя по горлу ребром ладони.

Женщина поднесла «фирмачу» графинчик, налила стаканчик. Тот выпил, занюхал кулаком и как почал бить ногой землю, аж корни лопухов полетели. «Откинуло! С седьмого кольца откинуло!»

У меня челюсть отвисла: надо же! Даже ноги в валенках вспотели. А раньше, сказывали, как только не ухитрялись место определить, как на воду наткнуться. И яйца сырые под горшок клали на ночь, и шубу расстилали - отсыреет ворс или нет... а теперь стакан водки на лоб, да давай пинать...

Ага, думаю с каким-то злорадством, на семи метрах! И на кой он леший вам сдался, этот колодец, три огурца полить? У соседей выше лет сто назад копали колодец, прокопали двенадцать аршин, а до воды не добрались.

И тут не доберутся!..

...Не пряча горечь, надо сказать честно: молодой писатель - это перевес будущего над прошлым. Старый мерин мирно жуёт свой пенсионный овес, не бьёт копытом, призывно не ржёт, взывая к прелым далям, что разве иногда под настроение от ушей до хвоста пробежит по его телу искра - слабенький романтический импульс в сочетании с трезвым знанием практической (ТОЙ!) жизни, да и погаснет. Стареем, друг мой, стареем. Как найти с читателем новый тон разговора, диспута, убедительный прямой и доверительный тон, ведь писатель - не эксперт, он не знает ответы, которые ставит перед ним завтрашний день?

Старый писатель как ни старается заглушить в себе обиду, но не удаётся: он не прощает жизни слома, - наше поколение и поколение наших родителей власти не приняли в расчет в царствование Бориса, не принимают и теперь. Мы - лишние. Половине мира, некогда дурившей нас строительством коммунизма, можно списать миллиардные долги, а со своего «русака» можно снять последнюю рубаху, он стерпит всё. Наше поколение не пойдёт в толпу, расталкивая локтями, мы ещё живём по принципу «Человек человеку - брат».

И ужели верно, что под солнцем, которому все обязаны жизнью, и маленькая козявка, и корешок, и гений, кто угодно - от Адама до изгоя, - всё суета и томление духа?! А может, это чувство легкой грусти, бесконечная ценность жизни, антитез «прошлое-настоящее», чувство сопереживания, нежелание смириться с бесследным уходом в никуда?..

Что-то жесткое, крутое встает в горле: надо писать, а не хочется. Ни строчки, ни полстрочки. Вроде бы и не стоит над душой чеховская нянька, никто никого не учит писать, и тему всяк выбирает сам, есть у тебя умение соединять все открытое тобой воедино, расположив на иерархической ценностной лестнице или нет, а как задумаешься над жизнью, станешь воплощать осмысление действительности... неподъёмно! Шальное наше время!

Люди будто знают (а как не знать, на это есть «ящик» и всеядный интернет!), куда они спешат, зачем отдаются течению жизни, куда их вынесет поток и о какие камни ударит.

Мне кажется, человек уже давно не спрашивает сам себя: «Кто я?» А ведь человек - это очень маленький корешок, основание могучей в будущем корневой системы, что питает державу нашу. Для кого писать? Или народ наш по-прежнему «самый читающий в мире»? Увидит свет твоя «писанина» или нет? Поговаривают, что скоро в школах исчезнут учебники - а зачем они, если всё можно найти в интернете?..

Лет сорок назад много приезжало в деревни отдыхающей родни. Раскладушки с потолков доставали, прямо на улице ставили и блаженствовали целыми днями под родным небом. Под вечер, на берегу реки, горели костры, орала музыка, а усталый, изъеденный комарами и мухами деревенский житель с тревогой ждал завтрашний день: как да дождь? Столько ещё сена выставить надо... Деревенские жители завидовали горожакам: мы-де бьёмся, как рыба об лёд, а они!.. «Уробились, пашные... ишь, пузы вывалили...»

Нынче в деревню из городов загорать не едут. Зря. Нынче к ним присоединились бы и деревенские старики да старухи; коров нет, овец нет, всё хозяйство «на спичке», - разве что петух на чьей-то изгороди пропоёт здравицу Господу...

В райцентре один преуспевающий господин завёл лошадь. Увидят ребятишки, сбегутся - о, лошадь! Живая, настоящая! Сколько радости, смеха, открытий! Господин посадит мальчика на лошадку, дозволит озорнику побить пятками бока лошадке, ссадит - гони, малыш, денежку! Кажется, недалёк тот день, когда учитель выведет класс «в поле» - корова мычит! - и станет объяснять ученикам, откуда берутся молоко и масло.

Зимой я был на концерте в сельском клубе. Просто диво: клуб ещё наш, общий, его немного отапливают, и он еще постоит, как говорится, врагам на зависть. И даже есть в клубе начальник: эта неспокойная женщина путается под ногами районных чиновников, где слезой, где ведром ягод отстаивает право на существование этого клуба.

Стужа, зрители сидят в шубах. Артисты приезжие - старики и старухи из соседней волости, они стоят плотным рядом, как взятые в полон вражьей силой древние русичи, поют песню: «Скажи, председатель». Зал плачет...

Кто ответит бывшим колхозникам, через какую дыру улетел их колхоз и куда улетел, зачем намеренно загубили сельское хозяйство, почему грибы пришли к самым окнам, - поля зарастают лесом, почему на пятнадцать деревень ни одной коровы, ради чего отцы и деды живота не жалели?

Но самое страшное не это, самое страшное - нет молодой поросли. Бывший председатель сказал бы: да, сказать страшно. Что там сказать вслух, думать стыдно. Вроде вины за простым колхозником нет, был он послушным работником, а всё равно не по себе. Страшно назвать истинных врагов своего Отечества, совестно указать перстом в того же Ельцина или Горбачёва, всяких Хакамад и Абрамовичей. Гнев переполняет народ, а что делать?

Уповать на заступничество Божье, и только. Кто ответит: почему двадцать лет грабят Родину, губят армию, китайцы и кавказцы хозяйничают на русских полях, воры пишут законы для прожигателей жизни?

Бурлит русский человек, чувствует свое полное бессилие, его охватывает желание чем-нибудь задеть неуязвимую нашу власть, но он боится повредить себе и предпочитает «бурлить» на своей кухне.

Только собрался писать маленькую статью о местном диалекте, глядь, по телевизору Максим Галкин с Аллой Пугачевой баюкают своих пробирочных детей. Ну, надоело!..

... Остаётся одно: или разбить телевизор, или идти в лес. Но и в лесу не найти покою: его рубят, только щепки летят. Трудно сосредоточиться на бытописании деревни, её языка, когда умирает наша деревня...

Говорят, что только Россия возродит морально разлагающуюся Европу. Один раз мы уже спасли Европу от фашизма...

Но как спасти Европу может Россия, если сильные мира сего (свои враги страшнее чужих врагов!) перекраивают Россию по чуждым ей выкройкам, переписывают историю государства Российского, намеренно обваливают союз земли с государством?

Разве в России присутствует некий гнет скудной жизни? Да вы что!.. Нынче колбас полные магазины, пускай колбасы из туалетной бумаги, но колбас много! Товары к нам везут со всего мира, водки - запейся! Мы едим сельдерей из Израиля, будто бы на нашей земле сельдерей расти уже перестал...

Всяк уважающий себя прохвост ездит на иномарке, не уважающий себя лодырь тешится выиграть в «Поле чудес» хоромы шикарнее, чем у того же Баскова. Горбачевскую перестройку стоптали, Стакана Гарантовича похоронили; вроде третьему мировому кризису голову свернули, тонущие европейские банки удержали на плаву, каждый день наша Дума принимает если не в первом чтении, то во втором, десятки законов; умаслили высокими ставками судей и прокуроров - они уже взяток не берут, гаишники перестали грабить на дорогах мужиков, наши девки - самый ходовой товар после Украины на мировых подиумах; мы так раскрепостились, на Запад глядючи, что осталось только Россию признать колонией Англии...

Или нам не хватает естественных возможностей для выражения чувств, страстей?.. Мы так употели на работе, что еле ноги до дивана доносим? - да выражайся ты день и ночь у телевизора: «ящик» напоёт, награбит, настреляет, напляшет до рвоты. «Ящик» «забыл» простенькие, наивные советские фильмы: на «уме» лишь деньги, деньги, деньги... И мы все реже и реже задумываемся над вопросом: «кто мы нынче», а зря!

...Пахарь с сохой давно не «едет» и песен не поёт. И ехать не на чём, и ехать некуда. Был лес, и тот в аренде. В чьей аренде? В чьей, чьей... у кого толще кошель, тот и владыка. Была земля наша, стала - ваша. Чья «ваша?» Да бес знает, чья! Был курятник наш, стал ваш...

Нарушился союз земли с государством. Как обозначить на карте местности деревню, в которую ведёт разбитая в дым дорога одного «дяди», обрушившийся мост через речушку -другого «дяди», лавка продуктовая - третьего прохиндея? И мают день к вечеру в этой деревне зануды пенсионеры, нужные как «ректорат» всего на день голосования? - деревня Пустокормовка. А ведь деревня, только русская деревня, не город, была носителем диалектного русского слова, а значит, хранителем русской речи.

Мы живём нынче в каком-то общественном безвременье. Кажется, и власть есть - просыпаемся вместе с Владимиром Путиным, ложимся с Дмитрием Медведевым, а нет веры ни Путину, ни Медведеву. И самим себе веры нет. Почему? Потому как порядка нет в державе нашей, защиты нет! Кто-то млеет в эстетических восторгах, - мы продаём газа больше всех в мире!

Кто-то считает пенсионные копеечки и прислушивается - вот пригонят власти трактора да сгребут у нас, поселенцев, временно проживающих на родной земле, избенки в кучу...

Хиреют русские деревни, умирают «на корню». Горько! Стыдно! Позорно! Трудно быть певцом-деревенщиком своего сословия (деревни), когда думы всего народа, целого века родной земли, и «однокапельны», - т. е. мыслят в одном направлении, и в то же время так противоречивы, - в пору воскресить Н. А. Некрасова да поставить с одной стороны - совесть, с другой - бессилье.

Вот и живи, национальный гений, то бишь русский человек, как тебе «прикачнёт» жить. Бичуют русские писатели и поэты (как приятно, что возродились славянофилы, только ещё не оформились в движение) общественные пороки, гнездящиеся на зарубежной идеологии, видят полный разлад слова с делом, в неком сне остались радужные мечты «пожить белым человеком», и... полное бессилие.

Близок Н. А. Некрасов нашему пониманию. У него рефлекторно-скептическое отношение к жизни, страстная любовь к своему народу, вера в народ; то он верил, то сокрушался, одной природе доверял своё истерзанное сердце. Вот истинно так и живут россияне!

И мы доверимся природе, доверимся самобытности деревни. Оплачем слёзной долей русского мужика, вспомним, как «баял» народ лет так полста назад и как нынче «заговорил». Наша речь держится на диалектах. Это киты нашей словесности, нашей грамматики. Акающая вороватая «Масква» - одно; доверчивая, наивная как ребенок, деревня - другое. Из деревень, пусть полумертвых, состоит Россия. Помните Ивана Грозного? - «Земщина и опричнина»? Примерно такой расклад общества.

Диалект - это могучий пласт, залежь, это родник нашего детства, это бальзам на душу уехавшего за лучшей долей деревенского жителя, наша боль и радость. Счастье фамильное, где говорят по-доброму, «цокают» и «щокают», «бранячче да милуючче»! Говор - это узел, который не надо развязывать, наоборот, этот узел «надэ» туже «затягвать», «шщобы» зернышко махонькое словесное не обронить, «нецово» не «потереть». Свой язык дороже всяких богатств земных! Можно рубахи рвать до пупа, до посинения ратовать за свои гектары и сотки, поносить Кремль, а язык сохранить - достойно уважения. Радость, где сохранился диалект русской речи. Свой, местный! Диалект скажет, измельчал народ или нет!..

Летом приезжают городские, особенно московские дачники, как они удивляются, заслышав нашу забавную речь, перевитую не матерными словами, а словами житейскими, корневыми. Так, должно быть, этнограф Миклухо-Маклай заслушивался речью аборигенов Новой Гвинеи. Горожан поражает щедрость деревенских обитателей, простота, наивность. Придёт в дом горожанка луковицу попросить, а ей хозяйка «чельну» зобеньку луку навалит, чаем напоит, пожалеет горожанку. «Пожалиёшь» - станет горожанка скудости избы завидовать - решительно нечего тут ворью делать, то и замков в деревне нет, а у «...меня квартира трёхкомнатная, диваны по сто тысяч, украшений на полмиллиона...» - «...можот, дева, не тронут. Нащо жо стоко заводить-то?»

Исчезают ремесла, - исчезают слова, выражения, исчезает живая связь поколений. Много в нашей державе гулящего люда, трудно искать «родину» того или иного слова. Вроде наше, вроде и не наше вовсе, и носителей говора остаётся всё меньше и меньше. Диалектное слово - это глубь веков, этнос. Откуда мы пришли и куда идём? Почему урочища носят такие названия, вятичи мы или чудь белоглазая, новгородцы или ростовцы?

Что такое литература? Ходули, ложно-классические ходули. Русские, американские, китайские, но - ходули. Любой писатель пытается сойти с них, ищет что-то своё, пусть даже аллегорический эпос, ищет художественную полноту, меткость слова, детальность, а вот говор искать не надо, он передаётся с молоком матери. Говор любой отдельной местности, это поразительное богатство языка; наши предки были настоящими художниками, жили в гармонии с природой, в ладу с Богом и духами, они ввели в говор малейшие оттенки многолетних наблюдений, впечатлений, передали нам особенные слова и выражения: владейте! И не забывайте!

Живая непосредственная действительность, быт, личные воспоминания - это не творческая фантазия. Сколько в любом диалекте глубокой, своеобразной, потрясающей поэзии, мощи, трагизма, чарующего великолепия! Старые слова - это памятники былого, это наши кресты на могилах предков.

В деревне всё на виду и все на виду: зло и источник зла, совестливость, стыд, едкая горечь, беззаветная удаль, терпение, богатство, бедность; да что перечислять-обобщать, что смотреть на угасающую свечу, - чтоб знать деревню, надо говорить на её языке, жить её заботами, её радостью и болью, её «уставом», помнить и передавать по наследству.

Жить нищим - трудно, стыдно, и... гадко.

Во времена ныне презираемого брежневского застоя страна жила надеждами: колхозник паспорт получил! Крышу шифером закрыл!.. А какая удивительная тяга была у народа к чтению! Магнетизм какой-то. Читали в самолётах, в автобусах, читали, загорая на Ялтинском берегу, читали в космосе, везде. В каждую деревню почтальонки носили тяжелые сумки, мужики пахали землю и читали, жали хлеб и читали...

Помню, я подписывался в год рублей так на 130, выписывал «Роман-газету», «Вокруг света», «Техника и вооружение», «Сельский механизатор», «Проблемы мира и социализма»; да разве все издания вспомнишь? Нынче подари соседу книгу, спроси недели через две, прочитал ли? Да, скажет виновато, не всю. Он эту книгу вряд ли прочитает от корки до корки, его ждёт «ящик», ждёт 600 программ, заболит палец переключать. Чтобы, сидя у «ящика», валенки починить, - да ты что, и ниток нет, и шило сломалось, и вообще, - вылезет нога из валенка - выброшу рваный да новый куплю. Однажды я оставил автограф хорошей женщине:

Своими книгами торгую,
А мимо прёт народ.
Такое чувство - я ворую
Или прошу на водку в долг.
Чем виноват? Скажи, не знаю,
О чем болит моя душа.
И в фас, и в профиль проклинаю
Слепую радость торгаша.

Когда-то Хемингуэй за повесть-притчу «Старик и море» безбедно жил много лет, а нам, сочинителям из глубинки (надо признаться, что мы очень маленького роста против Хемингуэя), не до жиру, быть бы живу. Нам не надо гонорар, нам бы книжечку издать... маленькую, тонюсенькую. Самолюбие не портянка, на ногу не навернешь. Не покидает

маленького писателя сознание того, что, в сущности, в его голову природа положила столько извилин, сколько у всех нормальных людей, - зачем обществу думать, будто все писатели и поэты «нетовос»?..

В душе писателя много сил, ему не отказано в Божьих дарах, в его сердце волнуется кровь, и под маской некой беспечности скрыта любовь к своей Родине, к своей деревне. Каждый писатель верит, что источники зла таятся не внутри, а во внешних обстоятельствах. Порой я сочиняю с позиции мрачного, трагического пафоса, а что делать? - уж так светла наша жизнь, что надо нашпиговать вещь идеальными, доблестными, положительными типами, дать героям шиллеровское ускорение? В двадцать лет можно не замечать тихих и скромных тружеников русской мысли; кругом сады, кругом весна, солнце, любовь, герои так и просятся на подвиг; в семьдесят - мимо идут шеренги добродушных, любвеобильных богатырей, на острие пера запёкся страстный лиризм, воспоминания, некий пессимизм, страдания...

С годами лиризм «набирается ума», пластичности, игривости, исчезает «я», произведение принимает образность, заветные думы и чувства героя выше писателя. Будто бы у писателя (чаще у поэта) на одном плече сидит ангел, на другом бес, тот и другой шепчут на уши - петь или отпевать?

Надо «петь»! «Отпевать», правда, тоже надо вовремя. Но, повторюсь, в промыслы Божьи соваться ни к чему. Девяносто один год суждено прожить - проживём, и сто один проживём, была бы жажда к жизни.

Почему, спрашивают те, кому я желаю прожить минимум 91? А потому, что до 91 человек с умом собирается. Вот я собрался - и сочинил тебе письмо. Старался, сам видишь. Вроде никого не обидел, не наступил «на любимый на мозоль?» А что «забрёл издали широким прокосом» - голова русского человека устроена неким клином: старое никуда не годится, новое - несостоятельно; бредёт наш человек, бредёт, куда-то к есенинскому забору... опять к забору.

... Друг мой, великий русский мыслитель В. В. Розанов говорил: « Книги читаются не для удовольствия, не для информации, а для изменения души».

Хорошее письмо состоит из чистых сотов словесного мёда. Отцы Церкви учили вести постоянную и неустанную духовную брань между сладким, похотливым и чистым, учили обуздывать гордыню, отвергать искушение. Эх, надо бы!..

Урчат машины. Пойду смотреть, как нынче копают колодцы.

Тарногские литераторы: Александр Силинский, Василий Зубакин, Станислав Мишнёв, Виталий Ламов

Мудрость и безумие крестьянской жизни
в рассказах Станислава Мишнёва *

Понимание мудрости и безумия в русской культуре имеет свои национальные особенности. Отец Павел Флоренский в своё время отмечал: «Наши философы стремятся быть не столько у м н ы м и, как м у д р ы м и, не столько м ы с л и т е л я м и, как м у д р е ц а м и. Русский ли характер, исторические ли условия влияли тут - не берусь решать. Но несомненно, что философии «головной» у нас не повезло». Действительно, если обратиться к русскому фольклору и художественной литературе, начиная с древности, мы найдём многочисленные подтверждения мнению, согласно которому *мудрость*, то есть глубокое сердечное и душевное проникновение в суть явлений жизни, противопоставлена бездуховному, бесплодному рассудку.

В фольклоре прямо и контрастно противопоставляются бесплодный ум и мудрость. Достаточно вспомнить Ивана-дурака - любимого героя русских народных сказок, который в конце концов оказывается мудрее всех умных героев, над ним ранее насмехавшихся.

Василий Макарович Шукшин в своей сказке «До третьих петухов» глубоко раскрыл духовные основы мудрости и безумия народной жизни. Его сказка-притча, написанная ещё в 1974 году и первоначально названная автором «Ванька, смотри!», является той путеводной звездой, которая правдиво и мудро освещает события и нашего тревожного времени, призывает нас к духовной трезвости и бдительности. И особенно сейчас важно прислушаться к грозному призыву-предупреждению героя этой сказки - богатыря Ильи Муромца, а значит, и самого писателя: *«Ванька, смотри!»*

* * *

Писатель Станислав Мишнёв следует этому призыву-предостережению В. М. Шукшина. Мишнёв продолжает в своём творчестве традиции тех писателей, которые «особенно остро ощущали зло и грех, разлитый в мире, и в своём сознании не отделяли себя от этой порчи; в глубокой скорби они несли в себе чувство ответственности за общую греховность как за свою личную, властно принуждаемые к этому своеобразным строением их личности» (священник Павел Флоренский, «Рассуждения на случай кончины отца Алексия Мечёва»).

У Мишнёва есть произведения, в основе сюжета которых лежит конфликт между житейской или духовной мудростью крестьян и абстрактной законностью представителей власти, с позиций которой их поступки кажутся безумными и предосудительными. Отметим, что этот тип сюжета получил широкое распространение в русской литературе, начиная с эпохи коллективизации в 30-е годы XX века, в силу своей жизненной достоверности. Среди вологодских писателей первым обратился к нему В.И. Белов в повести «Привычное дело», проникнутой болью за родную землю, страданием за унижение человеческого достоинства крестьян-тружеников.

В рассказе Мишнёва «За деревней Баской» описана трагедия двух мужиков, вернувшихся с фронта в родную деревню, где свирепствует страшный голод, хотя *«хлеба склады стояли полные, а хлеба не тронь! Каждый день бригадир с председателем колхоза проверку делали, мышиный след и тот на подозрение брали. Клеверные шишки ели, сосновую кору, очень вредную для желудков куглину и прочий всякий сор, всё ели, что утроба принимала».* (*Куглина* - обмолоченные головки льна, льняная шелуха от семенных растений).

Автор подчёркивает в начале повествования, что его главные герои были друзьями и жили одинаково: *«У колхозника Петра Обрядина детей шестеро. Окна их летнего пятистенка смотрят на восход солнца. У колхозника Семена Купрянова детишек семеро.*

* Журнальный вариант

Окна их летнего пятистенка тоже смотрят на восход солнца». Кажется, живи да радуйся. Однако в конце рассказа оба мужика погибают, правда, причины гибели у них разные, хотя источник один - безумные, бесчеловечные законы, притесняющие крестьян и не считающие их за людей. На войне Пётр Обрядин попал в плен, а вернувшись оттуда, оказался в жестких руках НКВД, где его запугивают, обязуют быть осведомителем и доносить на своих односельчан, голодных и замученных тяжёлой работой. Мужик сломлен, презирает сам себя, однако свою унизительную роль исправно выполняет. Правда, все об этом в деревне знают, и ему остаётся только умолять односельчан:

- Ради Христа истинного не говорите при мне ничего такого, не делайте ничего такого и частушек про партию не пойте. Не могу я, люди добрые, не сказать, не могу не доложить!

Его друг Семён Куприянов, не имея разрешения на охоту, по заданию председателя и парторга убивает в лесу лося, чтобы разделить мясо среди голодающих семей в деревне. Пётр сообщает в район, приезжает милиция и увозит Семёна, который затем бесследно пропадает в тюрьме или в лагере. Пётр, не выдержав гибели друга и позора, наложил на себя руки. С точки зрения районных властей и общепринятой в советском обществе норм оба колхозника вели себя как безумцы и преступники. Но безумны власти, которые в те времена раскалывали соборное единство русского народа, да и в наше время происходит всё то же, только изменились законы и нормы.

Тема мудрости и безумия нашла отражение и в другом трагическом сюжете рассказов Станислава Мишнёва. Лишенные собственности на землю и свободного труда на ней, колхозники постепенно под напором диких распоряжений сверху стали отчуждаться от родной земли. В послеперестроечную эпоху это отчуждение катастрофически нарастает. Писатель Мишнёв создаёт образы отщепенцев, для которых отчуждение от родной земли и даже её предательство стали их добровольным безумным выбором. В рассказе «Снится мне деревня» описана судьба одинокой старой колхозницы Анны Сергеевны, которую бросил единственный сын: *«Двадцать четыре года назад сын Юрик не стал признавать за колхозом цены, точно сила людская происходит из одного сознания, подался в город. Сын с пеленок привык идти впереди других, тихий шаг сзади был для него позором. И двадцать четыре года мать ходит за пять километров на почту, ей постоянно хочется слышать родной голос».*

С. Мишнёв показывает и другую форму отчуждения от родной земли - безумное стяжательство некоторых колхозников, воровство, расхищение нажитого колхозом богатства, которое многие не считают своим собственным добром. В рассказе «Тощий, он же жирный» пожилой, опытный парторг предупреждает прибывшего в деревню нового председателя колхоза: *«Тебя сотни, тысячи раз обманут, а почему обманут? Не думаю, что ты глуп, просто обман есть одна из форм колхозного общежития».*

Главный персонаж этого рассказа Иван Петрович Тощёв - один из расхитителей, ускоряющих конец колхозной жизни. Он хитёр и носит маску борца за справедливость: *«Народ положительно убеждён, что Иван правдоискатель, но в то же время знает, какого он закала, что готов отравить жизнь любому, хоть кладовщику, хоть лаборантке на ферме, не говоря о специалистах рангом повыше. В поисках правды готов разорить всю вселенную, но разорить без огня и дыма, вроде для потехи».* По мере разорения колхоза в перестроечные годы Иван Тощёв становится всё богаче, так как присваивает колхозное имущество. И если раньше со школьных лет он имел прозвище Тощий, то теперь односельчане дали ему с насмешкой другую кличку - *Жирный*.

Но есть в рассказах С. Мишнёва и совсем другие крестьянские типы - это наследники традиционной крестьянской мудрости, которая заключалась в трудолюбии, честности и верности родной земле. Так, в рассказе «Черторой» писатель создаёт образ колхозника Михаила Дорофеевича Другова, который за своё упорство в трудолюбии и азарт труженика на земле получил от односельчан прозвище *Черторой*. Так же называли его деда, имевшего мельницу, которого раскулачили в тридцатые годы. В разговорном языке слово *чёрт*, употребляясь в экспрессивном переносном значении, обозначает человека, имеющего невероятное упорство в работе и обладающего большой силой. В составе сложных слов оно сохраняет свою экспрессию, например, в вологодских говорах: *чертоломить* ‘много и тяжело работать’, *чертоломина* - ‘тяжелая работа’. В составленном С. Мишнёвым словаре родного для писателя тарногского говора даётся такое определение

словам *чертоломить* - 'воротить чёрную, малооплачиваемую работу', *чертоломина* - 'тяжелая, малооплачиваемая работа', *черторой* - 'знаток мельничного дела'. В тексте рассказа слово *Черторой*, ставшее прозвищем главного героя, приобрело иное значение - 'сильный человек, упорный в тяжёлой работе'. Все эти слова имеют отрицательную экспрессию и выражают неодобрение. Трудолюбивые, рачительные крестьяне оказались ненужными как в эпоху *«коллективизации»*, так и потом в эпоху *«деколлективизации»*.

Колхозники, утратившие природную крестьянскую хозяйственность и рачительность в труде, *«считали Чертороя докой, головаром, много в нём такого, что всем кажется непонятным и странным. Бредит крепким колхозом - не юродивый вроде, в колхозной зыбке вырос, крепкий колхоз и обдерут крепко. Или пример деда ничему не научил?»*

Когда в перестройку колхоз стал разрушаться, даже жена поедом ела Михаила: *«Да уйди ты с этой работы!.. Ну, неужели умом тебя Бог обнёс? Ровно слепой двадцать лет с народом воюешь. Не надо народу колхоз, гори он синим пламенем, неужели не дотюнькало?»* Но не мог Черторой без работы жить, ушел он с должности инженера-механизатора и взялся навоз вывозить с запущенных ферм. Однако некуда ему было деться от картины гибели родной деревни: *«Тяжело жить, если ты не можешь судить мир, силы такой не имеешь и прав тоже покинуть этот мир не имеешь... Наперекор миру пошёл - отринут миром станешь»*.

Во многих рассказах С. Мишнёва показано безумие пьянства как ложного выхода из тяжёлой ситуации, неминуемо ведущего к гибели. Писатель страдает вместе со своими героями, которые не выдержали утраты работы, смысла жизни и запили. Такие персонажи встречаются почти во всех его рассказах.

Наложили на себя руки спившиеся колхозники - персонажи из рассказов Мишнёва «Золотые руки» и «Пусть я умру - не потускнеют дали». Автор показывает бесовскую суть пьянства: *«...накатит некое безумие, вроде как нечистый дух плечо облюбует, усядется и давай в уши нашёптывать да уговаривать откушать водочки...»*. К сожалению, это типичная история для жизни вологодской деревни на рубеже веков.

Произведения Станислава Мишнёва читать очень тяжело, несмотря на их художественные достоинства и талант писателя. В чём дело? Признаюсь: их чтение мучает душу образами греховности современного человека, которые созданы писателем, но всегда имеют реальные прототипы в жизни. Да, человек не может быть жив и не согрешить. Однако, как отмечал святитель Тихон Задонский, *«согрешить - дело немощи, а пребывать в грехе - дело диавольское»*. В современной культуре это состояние нашей природы, то есть пребывание в грехе, признаётся естественным и так или иначе оправдывается. Как писал сто лет назад священник Павел Флоренский, *«новая культура есть хронический недуг восстания на Бога»*, и этот недуг всё более усугубляется. Люди революционной культуры особенно далеко отступают от Божьего замысла о них и творят беззакония во имя субъективного человеческого закона справедливости, забывая о Божий Воле и Божием Суде. Ещё дальше ушли от Бога современные либералы: они решили уничтожить само понятие греха. А ведь вседозволенность - это любимая уловка Сатаны.

Архимандрит Рафаил Карелин, современный духовный писатель, считает: *«Грех - оккультное явление. Мистика греха заключается в его богоборчестве. Грех - это вызов Богу во имя своей мнимой свободы. Это желание досадить Богу, уничтожить образ Божий в душе. Грех безобразен и бессмыслен, но он привлекателен именно дерзким бесстыдством»*.

Рассмотрим рассказ Станислава Мишнёва «Этап на Песь-Берест». Его сюжет отражает события гражданской междоусобицы, которая вспыхнула в России после Октябрьской революции 1917 года. Два крестьянина из одной местности пошли служить в НКВД, и теперь они вдвоём сопровождают колонну заключённых - арестованных священнослужителей, идущих по этапу в неизвестный пункт - Песь-Берест.

Главный герой рассказа Губин - один из них. В революционных событиях сто лет назад принимали участие не только самоотверженные борцы за народное счастье, которые не боялись пожертвовать собственной жизнью, но и активные «борцы» за свою личную удачу и шкурный интерес. Основной чертой таких «борцов» была страшная жестокость, порождённая удивительной трусостью, вечным жутким страхом перед честными и мужественными людьми. Это был мистический страх перед Истиной. Именно к такому типу людей и относился Губин. Он всю свою жизнь завидовал своему родственнику-дьякону,

страшился его духовной силы и чистоты. И к этому мистическому страху прибавилась ещё бесовская боязнь, что начальство узнает о том, что этот арестованный священнослужитель - его довольно близкий родственник. И тогда он лишится своей должности и хорошего заработка. Ничего нового! Губин повторил грех Каина. Завистники и злобные мстители множатся обычно в те исторические эпохи, в которых царит хаос и произвол, будь то революции и гражданские войны или анархия «перестроек».

Другой герой этого рассказа - крестьянин Гаврила - избивает убийцу и в гневе собирается задушить его, но его самосуд останавливает старый священник, один из арестованных: *«- Сынок, - тихо раздалось сзади, - будь выше тирана. Господи, смилуйся над нашим воздыханием, допусти до Таинства примирения с Тобой»*. Слова старца-мученика спасли Гаврилу от участи убийцы. Он лишь обезоружил Губина и лишил его власти над гонимыми по этапу людьми. Грех бессилен перед духовной силой старого священника, способного остановить другого человека, одержимого искушением мести.

Притча о мудрости миролюбия и безумии человеческой вражды и мстительности содержится также в рассказе С. Мишнёва «Попутчики», он глубоко символичен. С другой стороны, сюжет этого рассказа реалистичен до самых мелких подробностей быта северной деревни в 90-е годы. Композиция рассказа построена на контрасте характеров героев: миролюбца и блаженного в своей радостной жизни глухонемого мужика Африкана Кузьмовича и двух мстительных злобных мужиков - Санко Манника и Коли Еврейчика. Если блаженного автор называет по имени и отчеству, то враждующих всю жизнь между собой мужиков - только уменьшительными именами и прозвищами, словно они так и не стали взрослыми людьми.

Глухонемой не считает себя обиженным Богом и людьми и радуется жизни. Он не боится любой, даже самой грязной работы, у него добрая жена, которая о нём с любовью заботится и даже старается одеть его понаряднее. Писатель прямо указывает на причину его счастливой жизни: Африкан Кузьмович - глухонемой не только в прямом значении, но и в переносном смысле: он глух к бесплодной людской суете и вражде, к политическим играм и новостям. Для него всего этого безумия не существует, он его отринул и стал духовно свободным: *«А как вечером они усядутся с женой на крыльцо - любота! У жены глаза заблестят, смутится он от прихлынувшего счастья, она ему на плечо навалится, не может он сказать, как душа с новой весной встречается, потому нежно и долго будет гладить жену по голове. Не понимает он реформ и не хочет понимать, и газету с постановлениями да указами рвёт, не читая, и рвать будет, ибо он свободный мужик и плевать хотел на олигархов, демократов и цементирующий коррумпированный управленческий класс!»*.

Писатель С. Мишнёв в своих рассказах раскрывает безумие безбожия и мудрость веры в Бога. Это мировоззрение автора не воплотилось в особые сюжеты, но стало тем фоном, на котором происходит осмысление событий во всех его повествованиях. Рассказ «Черторой» начинается с молитвы автора о своей родине - он цитирует строки из сказания о Борисе и Глебе: «Но, о блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его». Первые русские святые братья Борис и Глеб - это наши национальные символы терпения и верности Истине, без которых не устоять Руси.

Далее писатель, как древний летописец, повествует: *«Точно не известно, от царя Петра или раньше, с Куликова поля, наши деревни засватали небесных обитателей в свои защитники. Крестьяне деревни Чудской Посад Николу-угодника на божницу поставили. Ковыринцы часовней Илье-пророку от грома прикрылись. Боярскую Выставку архангел Михаил дозором обходить подрядился. В Смутное время на Шаламовом погосте кирпичную Василия Кесарийского церковь вознесли ...»*. Под Божией защитой жизнь деревни была полноценной, семьи - многодетными, а праздники - весёлыми. Тогда и избы на совесть рубили. Историю постепенной гибели деревень писатель связывает с богоотступничеством её жителей. Он повествует: *«После двадцатого года в защите святых начали сомневаться, кресты на кладбищах комсомольцы посшибали, колокола на церквях побили; после 30-го года запели хвалу новой жизни, зажили поскупее, с оглядкой. Ближе к 40-му ремешки на поясах затянули, пивко ещё варили; в войну на всю волость бабы голосили - не до пива было, после войны страну из руин поднимали, атомную бомбу делали - колхозников довели хуже скота всякого»*. С болью в сердце С. Мишнёв описывает картины кощунства и святотатства несчастных деревенских безбожников. В рассказе «Управляющий Зо-

бенькин» главный герой Тит Валентинович душой страдает от нравственного падения жителей родной деревни, от фальши, господствующей в их жизни. Как управляющему отделением совхоза, ему приходилось произносить речи у гроба умерших колхозников: *«В такие душещипательные минуты к чему говорить о людских пороках, ... надо говорить о человеколюбии, жизнеутверждающих истинах добра, взаимовыручки и прочее... Всё равно живые ... будут помнить другое: там-то покойный напакостил, в другом месте вышиб стёкла в рамах, от трезвого слова доброго не слыхал никто ...».* Размышляя над всем этим, Тит Валентинович неожиданно вспомнил рассказ отца, который остался сиротой после раскулачивания семьи и гибели своего отца: *«Отдали нам, малолеткам-безотцовщине, часовню под хлев. В часовне одна икона была, остальные растащил народ по домам. Брат Венька икону об угол хрясь!.. Катим с верхов первое бревно, а то бревно развернись да Веньке торцом по темечку - Венька как щи пролил. Мне бы над братом реветь, а я дощечки от иконы собираю да в голос рыдаю...».* Однако из дальнейшего повествования следует, что это предостерегающее воспоминание о рассказе отца не спасло управляющего Зобенькина от собственного нравственного падения.

В рассказе «Золотые руки» молодой священник отец Игнатий, ранее известный всем как односельчанин Андрюшка Черпаков, приехал на родину. Он полон сил - *«ростом под матицу, в кости широк, голосина - через всё поле чуть»*, служит в армии, «поднимает воинский и патриотический дух солдат». На родине он решил совершить молебен по искоренению пьянства. На это благое дело собралось много людей, *«пешком шли, на тракторах ехали целыми семьями»* со всей округи, а после этого, окрылённые духовно, решили строить часовню в селе на народные деньги. Однако самые горемычные пьяницы не пришли на этот молебен. Тракторист Кронид Иванович Чудинов уже полностью пленён бесовскими голосами. Была у него слабая попытка освободиться от этого плена, когда он тайно пришёл домой к отцу Игнатию поговорить по душам, ожидая от него помощи. Но гордыня и бесовские голоса опять пленили его, и он пошел в лес и наложил на себя руки. К сожалению, это типичная история безумия...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тяжело читать рассказы С. Мишнёва, но в них нет либерального презрения к русской судьбе, а есть ясный взгляд на то, как было и есть на самом деле. В предисловии к книге писателя «Вот так и живём» В. Н. Бараков, подчёркивая реалистичность повествования о современной деревне, обращается к нам, городским жителям: «Много-много лет мы говорим и пишет о вымирающей России, об опустошённой деревне, а знаем ли мы, как всё это на самом деле происходит, какие ужас и боль испытывает человек, у которого не сбережения - страну и жизнь отняли, а теперь ещё и умереть спокойно не дают...». Станислав Мишнёв пропустил эти ужас и боль через свою жизнь и своё сердце и создал произведения, читая которые, начинаешь духовно трезветь.

Людмила ЯЦКЕВИЧ

Полный текст статьи можно найти на сайте «Вологодский литератор»:
https://literator35.ru/2019/09/writers-word/mudrost-i-bezumie-krestyanskoj-zhizni-v-rasskazah-stanislava-mishneva/

Об авторе. Людмила Григорьевна Яцкевич - доктор филологических наук, профессор. Родилась в Череповце в 1944 году. Училась в Череповецком педагогическом институте, аспирантуре и докторантуре Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Работала в Гомельском университете в Белоруссии, затем в Вологодском педагогическом университете. Автор 170 публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе девяти книг. Подготовила словарь «Народное слово в произведениях В. И. Белова» (2004). Участвовала также в составлении «Словаря вологодских говоров», школьных словарей «Вологодское словечко» и «Золотые россыпи», «Поэтического словаря Николая Клюева». В «Вологодском ЛАДЕ» неоднократно публиковались статьи Людмилы Григорьевны.

Олег Трушин

Олег Дмитриевич Трушин - член Союза писателей России и Союза писателей Союзного государства, автор 18 книг, лауреат многих международных и российских литературных премий. Член Союза краеведов России и Русского географического общества.

Фёдор Абрамов. Я жил на своей земле

ФРАГМЕНТЫ КНИГИ

Нынешний год для Русского Севера это прежде всего - год 100-летия Фёдора Абрамова. Юбилей отмечен широко - новыми изданиями, конференциями, исследованиями... Федор Александрович - дорогой человек не только для поморов: много раз бывал в вологодских краях, дружил с писателями-вологжанами, прежде всего - с Василием Ивановичем Беловым. На Вологодчине Федор Абрамов и воевал - в годы своей службы следователем в «Смерше», об этом периоде жизни Фёдора Александровича рассказывает исследование архангельского писателя Михаила Попова «Лейтенант Абрамов против адмирала Канариса», опубликованное в № 1 «Вологодского ЛАДА» за 2017 год. Представляем читателям фрагменты глав новой книги о северном классике - «Фёдор Абрамов. Я жил на своей земле», написанной подмосковным писателем Олегом Трушиным. Книга должна была выйти к юбилею, но пандемия нарушила планы издателей, и на книжных полках исследование Олега Трушина появится в будущем году. В основу книги положен личный архив писателя, хранящийся в Институте русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург. Читателям откроются многие неизвестные доселе страницы жизни и творчества Фёдора Абрамова.

«...С ОГОЛЕННОЙ ДО НЕРВА СОВЕСТЬЮ» О ФЁДОРЕ АБРАМОВЕ КАК О ЧЕЛОВЕКЕ

Говорить о Фёдоре Абрамове как о человеке - легко и в то же время трудно. Легко оттого, что во всей многообразной писательской среде того времени вряд ли найдётся ещё один такой писатель, для которого, говоря словами писателя Анатолия Белинского, «правда в литературе будет без всяких извинений и скидок на обстоятельства»[1].

А трудно оттого, что рассказывать об Абрамове-человеке - то же самое, что пытаться рассмотреть и сосчитать все грани драгоценного алмаза: какую-нибудь да обязательно пропустишь!

Удивительно, что, уже будучи признанным писателем и в своей стране, и за рубежом, Фёдор Абрамов так и не «забронзовел», не покрылся защитной плёнкой, скорлупой, защищающей его от внешней общественной среды, а наоборот, он стал ещё более ранимым человеком с оголённой до нерва совестью.

Без сомнения, из всей плеяды советских писателей второй половины XX века Фёдор Абрамов был ярким воплощением литератора, для которого вопросы нравственности всегда были на первом месте в его произведениях.

[1] Белинский А. И. Отзвук времени. Листки воспоминаний. СПб.: Петербургское отделение ОО «Союз писателей России»/ ИД «Дума», 2018. С. 228-229.

Булат Окуджава, прочитав подаренный Абрамовым томик «Деревянные кони», в ответном послании сообщал (на письме нет даты):

«Дорогой Фёдор!

Спасибо за книгу. Я её прочитал, а вернее, перечитал с большим удовольствием.

И я, и жена Оля.

В ней много не литературной человечности, а настоящей, и я это уважаю...».

Ответственность перед собой не покидала Фёдора Абрамова всю жизнь. Он был человеком строжайшего контроля над собственной личностью, над своими ощущениями, и при всём этом понимал сложность своего характера. «Книги его шли изнутри, от жизни, в них он не позволял себе фальшивых нот, - признавался в своей книге воспоминаний «Отзвук времени» Анатолий Белинский. - Мне представлялось, что когда он сидел над своими рукописями, то постоянно прислушивался к какому-то внутреннему камертону, который был настроен на волну народного понимания жизни, и Абрамов этому камертону не изменял никогда. Герои его произведений - это сама жизнь северной русской деревни. Он не идеализировал её...»[1].

Порой абрамовские письма к друзьям и знакомым просто до краёв были переполнены негодованием относительно человеческих пороков, чиновничьего хамства и вседозволенности. Так, 13 апреля 1979 года в сердцах он писал своему веркольскому другу Щербакову: «Вот как тошнит меня от нашего разжиревшего чиновничества. Сволочи, жрут, чавкают, получают разные пайки и на всё, решительно на всё, наплевать». Впрочем, Фёдор Абрамов никогда не был ханжой и, если надо, в беседе или в письмеце мог и по-крестьянски ввернуть крепкое словцо, но в меру, и никогда не перебирал «нормы» в этом деле.

И те, кто упрекал Абрамова в чёрствости души и излишнем самомнении, желании учить других, а такие находились, глубоко ошибались.

ИЗ ОСОБОГО ТЕСТА!

В этом контексте размышлений о личности Фёдора Абрамова в первую очередь нельзя не упомянуть Виктора Петровича Астафьева.

Весьма неровными, а подчас и напряжёнными были отношения этих двух ярких представителей «деревенской» прозы. Однако в богатом архиве абрамовской переписки не

ЛГУ, аспирантура. 1950

нашлось ни одного письма какому-либо адресату, в том числе самому Астафьеву и его супруге Марии Семёновне Корякиной, в котором хоть как-то была выражена неприязнь Фёдора Александровича к собрату по перу. А вот в эпистолярном наследии Виктора Петровича, теперь уже не единожды опубликованном, такие письма имеются.

Не будем осуждать Виктора Петровича. Подчас горяч был Астафьев, но и Абрамов в своём характере был не прост. Оба из особого теста замешаны!

Писатели здоровались, общались, встречались на съездах и даже перезванивались по телефону. Но после выхода в свет «Царь-рыбы» Астафьев больше никогда не гостил у Абрамова ни на Васильевском, ни уж тем более по последнему его адресу - на Мичуринской, что на Петроградке.

И всё же Астафьев высоко ценил Фёдора Александровича. Ценил его как несломленную личность, уважал за правду жизни, сказанную им о простом русском человеке, о русской де-

ревне. А когда в 1987 году в связи с 50-летием Валентину Распутину была вручена Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, Астафьев, ещё сам не имевший этой высокой награды (он её удостоится лишь двумя годами позже), в письме другу 14 апреля 1987 года писал: «Поздравляю тебя со Звездой, особо не смущайся, она не только твоя, но и Абрамова, и Твардовского, и погубленных мужиков, могучих телом и душой - Зазубрина, Павла Васильева, да и Василия Фёдорова и многих других, - носи за них»[1]. Искренность этих астафьевских слов не вызывает никаких сомнений!

«...ЛЮБЛЮ ЧЕСТНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ»

А вот совсем иное восприятие Фёдора Абрамова.

Башкирский писатель, поэт и драматург, фронтовик и орденоносец Мустай Карим, потрясённый выступлением Фёдора Александровича на одном из писательских съездов, откликнулся в адрес последнего довольно искренним письмом, где были такие проникновенные строки:

«...Мне было тепло от наших мимолётных встреч на съезде. Это ощущение ко мне возвращалось и после, и сейчас. Я преклоняюсь перед Вашим мужественным и дерзким талантом. Да будет Вам уверенно на этой земле. Обнимаю Вас, Мустай Карим. 3 января 1981 года».

Ведь не только мужественный и дерзкий талант был визитной карточкой Фёдора Абрамова, но ещё и его несгибаемая воля в желании донести до читателей правду о страдающей русской деревне, и не только о её прошлом, но и настоящем.

А ещё честность, как особая грань творческой натуры Фёдора Абрамова, соседствующая с потрясающей внутренней энергией, душевной теплотой и человечностью. И это качество, как, впрочем, и другие, нельзя было не отметить.

Так, художник Илья Глазунов, выступая в январе 1983 года в одном из ленинградских вузов, на вопрос аудитории, каких современных писателей он любит, ответил: «Люблю честных писателей - Распутина, Белова, Солоухина и вашего Абрамова» (из письма искусствоведа Н. П. Борисова Ф. А. Абрамову. 02.02.83).

И эта многогранность творческой натуры Фёдора Абрамова не могла не притягивать к нему людей: не только читателей и товарищей по писательскому цеху, но и простых людей, увлечённых своим делом, думающих и неравнодушных, не одурманенных обывательщиной.

Абрамову писали (иногда разом почтальон приносил до 15 писем), звонили, с ним настойчиво искали встреч читатели и те, кто решил попробовать себя в литературе, испрашивая рекомендательной поддержки, зная, что Фёдор Александрович обязательно скажет правду, пусть даже и не такую лицеприятную, какую хотел бы услышать просящий.

Вот несколько из таких писем, которые нельзя оставить без внимания:

Колодешников (инициалы не указаны), шофёр, г. Апатиты: «...Посылаю Вам ещё рассказ «Волки». Вторую часть напечатали в нашей брестовской газете, напечатали не полностью, потому что начало было не написано. ...Мне хотелось бы узнать Ваш отзыв о «Волках». Я пишу Вам, потому что пока у нас всего два таких писателя: Виктор Астафьев и Вы. Вру, ещё Белов».

Алексей Леонов, 28 марта 1972 года: «...Получил Ваше письмо, доброе, с тёплым отзывом на мой «Колодец». Большое спасибо Вам! А то, что конец у рассказа не тот, Вы совершенно правы...».

Евгений Александров, поэт, г. Луга, письмо от 06.06.1980: «Фёдор Александрович! Мне необходима была Ваша критика, ибо давно прислушиваюсь к каждому Вашему слову. Я не в досаде на резкость и нелицеприятность Вашей оценки, хотя, мне кажется, к стихам надо бы подольше прилаживаться душою. Но пусть!».

Абрамов, сам прошедший суровую писательскую школу, хорошо понимал, что такое для литератора быть услышанным читателями. И в каждом присланном ему материале, ещё не читая, он надеялся, что будет открытие. И если такое случалось, то был искренне рад. И наоборот, если приходилось не по душе, переживая и боясь обидеть человека, всё же писал правду.

«А теперь по поводу Вашей пьесы, - сообщал Абрамов некоему С. Е. Ильину в письме 8 августа 1968 года. - Я её прочёл внимательно, и очень бы мне хотелось сказать: получилось. Но не могу, дорогой Степан Ефимович. Литература не терпит неправды.

В Вашей пьесе есть странички, которые мне нравятся, но в целом это не тот уровень, на котором печатают произведение...

Фёдор Абрамов и Александр Яшин. Бобришный угор. Середина 60-х годов

Пьеса Ваша написана на уровне сельской самодеятельности. Не больше. А чтобы говорить о ней всерьёз как о художественном произведении, ей не хватает ни мысли, ни художественности.

Понимаю, это неприятно слышать автору. Но что делать? Обманывать ведь тоже нехорошо.

И в заключение я хочу спросить Вас: а обязательно ли надо писать?

Разве быть хорошим учителем - это мало?..».

А вот совсем другое письмо - писателю Анатолию Знаменскому на книгу «Иван-чай»: «Всё мне интересно в твоей книге: и свежее чувство Севера (я, северянин, завидовал тебе), и люди твои, и события, которые ты умеешь вязать в крепкий узел. Особенно с большим напряжением читал я первую половину романа. Меньше мне понравилась 2-я половина и концовка. Там ты, по-моему, несколько сбиваешься на беллетристику, на схему (скоропалительное перевоспитание, соревнование, десант и т. д.). А в целом книга хорошая, настоящая.

Кончив читать роман, я сразу же «полез» в аннотацию. Чего за человек этот Знаменский? Откуда он знает Север? Увы, меня ждало разочарование. Будь добр, напиши о себе, если не лень»[2].

«ПОТЯНУЛАСЬ К ВАМ ДУША...»

«До самых последних дней, - вспоминал о Фёдоре Абрамове Валентин Распутин, - он находил время читать молодых и писать им, когда ему нравилась книга. Как, из каких запасов выкраивал он для этого часы, я теперь не

[2] В письме Фёдора Абрамова идёт речь о первом значительном произведении будущего классика советской литературы, уроженца донской земли Анатолия Дмитриевича Знаменского. А Север он знал хорошо оттого, что, будучи осуждённым по 58-й, долгое время отбывал срок на Русском Севере, в Воркуте.

Фёдор Абрамов и Ольга Фокина на приёме в Георгиевском зале Большого Кремлёвского дворца в честь окончания VI съезда писателей СССР, Москва, 25 июня 1976. Фото - Н. Г. Кочнев.

пойму...» (В. Распутин. «Его сотворённое поле». «Советская культура», 10 марта 1987 года).

Самому Валентину Петровичу Абрамов написал однажды после своей первой поездки в Восточную Германию, тогдашнюю ГДР: «23.V.77. Валентин, здравствуй! ...Один умный немец, который стал, между прочим, моим другом, признался мне, что ты для него самый близкий писатель из всех советских письменников». А ведь Фёдор Абрамов, как и его близкий друг Василий Белов, был напрямую причастен к писательской судьбе Валентина Петровича, в своё время крепко поддержав начинающего иркутского писателя добрым словом.

Как видно из писем, не только оценки своих произведений просили от Абрамова начинающие писатели и поэты, но и рекомендаций, так необходимых при вступлении в Союз писателей.

Порог его квартиры на 3-й линии Васильевского переступали не только ленинградские писатели, но и товарищи по творческому цеху из других уголков страны и даже зарубежья. Завсегдатаями в квартире писателя были Василий Белов и Виктор Астафьев, Игорь Золотусский и Михаил Годенко, Владимир Солоухин и Семён Шуртаков, Андрей Вознесенский... Нельзя тут не вспомнить и вологодскую поэтессу Ольгу Фокину, которую в своих письмах к ней Фёдор Александрович нежно называл «моя сестричка». Со многими из них Фёдор Абрамов сохранил тёплые дружеские отношения до конца своих дней, с кем-то разошёлся по разным соображениям, ведь известно, что взаимоотношения в творческой, в частности в писательской, среде не для слабонервных! Но что поделаешь, творческие люди - особый народец!

Ценивший читательское внимание, в ущерб писательской работе Фёдор Александрович старался ответить на все присланные ему письма. Иногда на это дело уходили целые дни. Но как счастливы были получатели абрамовских писем, порой не веря, что им ответил сам известный писатель, автор знаменитых «Братьев и сестёр»!

28 июня 1971 года молодая польская студентка Эльжбета, получив ответное письмо от Абрамова, не скрывая восторга, сообщала ему: «На нашей кафедре все были очень удивлены, когда я получила от Вас ответ. Говорили, что это редкий случай, когда писатель отвечал на письма своих читателей».

Или вот ещё выдержка из письма, написанного Николаем Анатольевичем Шибарёвым из деревни Бакшино, что на Вологодчине:

«Сколько радости Вы принесли мне своим ответом. Храню его как дорогую реликвию. Не написал я тогда своего имени и отчества только потому, что не думал, что вы ответите. Верно говорят, что поистине великие люди внимательны...

Никогда не слышал я, чтобы так горячо не обсуждали, а восхищались чым-либо творчеством, как Вашим.

Только и слышишь: «Как он смог? Какой стиль! Язык! А! Будто век он тут прожил. А смелость, смелость какая!!! Надо же так написать!».

Да, к Фёдору Абрамову тянулись люди.

«Проза у Вас такая мужественная и мягкая, человечная - столько сочувствия к людям,

тому, чем живут люди, что их заботит... Участливая, добрая у Вас проза. И в словах-фразах-периодах с лукавиной - тоже добро. Спасибо!» - напишет Абрамову в письме от 28 ноября 1978 года писатель Левон Мкртчян из Еревана.

Или вот ещё из одного, уже более позднего читательского письма, написанного 34-летней Валентиной Кривцовой из села Кривцово-Плота, что на Орловщине. Инвалид первой группы, прикованная к постели, рано осиротевшая, воодушевлённая выступлением писателя в телестудии Останкино, она писала ему, поздравляя со Светлым Христовым Воскресением: «Мне очень захотелось с Вами познакомиться. Потянулась к Вам душа... Апрель 1982 года».

И подобных писем сотни!

Не секрет, что к середине 70-х годов в среде ленинградской интеллигенции сформировался так называемый абрамовский круг - своеобразное творческое пространство, в которое входили писатели, критики, учёные, художники, артисты и просто близко знакомые Фёдору Абрамову люди. К такому «союзу» примыкала и творческая интеллигенция из других уголков Союза, и прежде всего из Москвы и Архангельска, и даже зарубежья. Всех их объединяло одно - тесная связь с писателем и его творчеством. По-другому, это была аудитория Фёдора Абрамова, он - сферой притяжения.

Нельзя не отметить, что этот круг общения, образовавшийся стихийно и существовавший как бы вне желания самого Абрамова, был всего лишь данью огромного уважения к его таланту и личности.

Известный ленинградский литературовед Андриан Македонов, также входивший в этот круг абрамовского общения и друживший с Абрамовым «семьями», называл Фёдора Александровича «трудноватым, но очень талантливым и честным человеком».

НЕ СОБИРАЛСЯ СТАНОВИТЬСЯ ИНЫМ!

И всё же после таких разнополярных суждений о Фёдоре Абрамове зададимся вопросом: так всё же каким он был человеком? О его неординарной личности, пронизанной корнями исконно русской народности, даже спустя многие годы после ухода из жизни ведутся ожесточённые споры, порой порождающие крайне противоречивые выводы о его натуре, в первую очередь основанные на его сложном характере и суровой внешности.

Сам же Фёдор Александрович, получив громадную известность в литературе, став секретарём и членом правления Союза писателей СССР, к тому же ещё и кандидатом в члены Ленинградского горкома КПСС, в глубине натуры до конца дней чувствововал себя частичкой породившего его народа. Оттого он так открыто, по-простому радовался успехам земляков и порой так остро и болезненно воспринимал все минусы, которыми было отмечено родное Пинежье.

Прожив долгие годы в городе, Абрамов так и не научился говорить чисто, без пинежского акцента, не утратил этой мелодично-певучей тональности звучания слова, которым славится Пинежье. И Фёдор Александрович никогда не стеснялся такой особинки в своей речи и никогда не собирался быть иным.

«Трудно. Очень трудно пишу. И ещё меня изматывает рефлексия, это проклятие интеллигента из крестьян». Это искреннее признание Фёдора Абрамова вологодской поэтессе Ольге Фокиной в письме от 6 мая 1978 года весьма убедительно и ярко раскрывает его внутренний человеческий потенциал, снимая все маски, которые так или иначе надевала на него жизнь. Несомненно, это «проклятие интеллигента из крестьян» было не просто внутренней, скрытой слабостью Фёдора Абрамова, но и мотиватором многих его поступков, выступлений, в том числе и в печати. Да и абрамовское письмо «Чем живём-кормимся», приведшее Фёдора Александровича к столкновению с земляками, родом отсюда.

«Глаза есть зеркало души, в котором отражается внутренний мир человека. Так вот у Фёдора Абрамова, - рассказывал мне известный актер Игорь Скляр, - несмотря на то, что он всем своим строгим, порой угрюмым видом хотел показать, что он очень суровый мужик, из всех самых суровых ниток сотканный, в глазах его жила улыбка. И можно было вполне подумать, что он смеётся глазами. Нельзя говорить, что Фёдор Александрович ехидничал, нет. Но, несмотря на его напускную внешнюю суровость, он всегда казался мне внутри очень мягким, добродушным, не ожесточённым человеком. Да и ходил он как-то по-особенному, прихрамывая и косолапя, и образно был похож на воробья, которого только что потрепали, но который всё равно вышел из неравного

боя победителем. Он никогда не жил по моде. Гармония в жизни - вот удел Фёдора Александровича. Красота и гармония...

Фёдор Александрович не был простым в общении, но был понятным. Он был человек со своими взглядами, со своей гармонией, со своей историей. В нём вообще жила библейская закономерность: человек, познавший тяжёлую судьбу и утраты, проживший нелёгкую жизнь, гораздо человечнее тех, кто вырос в достатке на мягкой перине и под тёплым одеялом. Он был очень щедрым человеком не только на душевную теплоту, но и на взаимовыручку, способным оказать помощь даже абсолютно незнакомому человеку.

Да, он мог быть очень гневным, когда речь заходила о людских пороках. Пьянство, нежелание работать, бесхозяйственность, чванство, неряшливость, бессовестность - от этого он просто зверел, и это было видно. Но когда отходил, остывал, в его глазах вновь начинала играть лукавинка».

Осев с ранней юности в большом городе, с «перерывом» на войну, став преподавателем вуза и признанным учёным-филологом, Фёдор Абрамов так и не принял тех «высоких» отношений поведения, бытовавших в городском обществе, и которые, в сущности, были нормой. Он, деревенский паренёк, не был воспитан в традициях чуждой для него городской среды, и многое из того, что навязывал ему город, он просто не желал принимать или, даже больше того, старался не обращать на это внимания. Но это ни в коей мере не было пренебрежением со стороны Абрамова к тем отношениям в обществе, о которых он раньше не имел представления. Он просто не знал об их существовании. Он так и остался в душе крестьянином, не изжив в себе тот самый деревенский комплекс, с которым пришёл в городскую среду.

И в подтверждение сказанного - одна небольшая, но очень занимательная история из отношений Фёдора Абрамова и писателя Михаила Глинки, рассказанная мне последним.

«Мы были знакомы уже длительное время, с середины 60-х годов. Конечно, Фёдор Александрович был из другого поколения, намного старше меня, прошедший войну, уже овеянный лаврами признанного мастера слова, в связи с чем и моё отношение к нему было соответствующее. Здоровались, общались. Но вот однажды я почувствовал, что он как-то неприязненно на меня смотрит, при встречах старается не замечать, отворачивается, проходит мимо. Для меня такое отношение Абрамова явилось полной неожиданностью. Ведь между нами никогда не было никаких конфликтов, ожесточённых споров. Что произошло?!

И вот так получилось, что я и он записались в одну поездку во Францию. Это был 1968 год. Примерно за два-три дня до поездки, вновь встретившись с Фёдором Александровичем, я подошёл к нему.

- Фёдор Александрович, что случилось? Мне казалось, что Вы ко мне всегда были благосклонны, а теперь вот голову отворачиваете, не смотрите в мою сторону?

- А Вы что же, не помните?!

- А что я должен помнить?! - говорю не без удивления.

- А в «Звезде»-то стояли, Лебедев был там, Лёша Леонов и ещё там кто-то. И я там был. Вы подошли, всем стоящим руку пожали, а мне не подали!

- Фёдор Александрович! Ну как это могло быть?! Значит, Вы мне сами руки не подали!

- Ну а чего же я Вам буду руку подавать, когда Вы всем подали, а мне нет!

- Фёдор Александрович! Вы же старше меня на целое поколение!

А он мне в ответ:

- Ну и что?!

- Как что, - говорю ему, - как же я Вам могу руку тянуть?! Это было бы с моей стороны хамство и отнюдь не вежливо!

- Так что, Михаил Сергеевич, так только в этом-то и дело?!

- Да, - отвечаю ему, - только в этом и дело, Фёдор Александрович!

- А что, а так бы подал руку? - опять задаёт мне вопрос Абрамов.

- Конечно! Но, Фёдор Александрович, в нашей семье было не принято, чтобы младший старшему по возрасту руку совал!

- Ну, Михаил Сергеевич, раз только в этом-то дело, так давай с тобой обнимемся!

С той поры у нас были очень дружеские, можно сказать, нежнейшие отношения. И где бы мы ни встречались с Фёдором Александровичем, в Доме творчества, в Комарове, на улице, идём ли по разным дорожкам в противоположном направлении - всегда добродушное приветствие. Иногда Фёдор Александрович, здороваясь на расстоянии, трогательно поднимал над головой обе руки и крепко скрещивал ладони.

Абрамов не хотел лицемерить и притво-

Ч. Айтматов, М. Шагинян, Ф. Абрамов в кулуарах Большого Кремлевского дворца на VII съезде писателей СССР. Москва, 4 июля 1981 года. Фото - Н. Г. Кочнев

ряться корневым горожанином. Он был соткан из самых лучших человеческих качеств, среди которых на первом месте были совесть, доброта и трудолюбие, которые внешне скрывались под образом «человека с грузом».

Прямодушие, полное природное отсутствие дипломатии, могучий темперамент и очень ранимая душа были не только особинкой Фёдора Абрамова, но и его бедой.

«В чём-то он был мудрец, а в чём-то словно дитя. И этот ребёнок «вспыхивал» в нем время от времени. Да он и радоваться умел по-особому, по-детски, с задором, с горящим взглядом. И ведь мог радоваться очень простым вещам, на которые, может быть, я, - дополнил Михаил Сергеевич, - вовсе не обратил бы внимания. Потом он, естественно, спустя некоторое время «излечивался» от этого невольного восторга, начиная понимать, что всё это ерунда, тлен».

Может быть, такое восторженное отношение Фёдора Абрамова к весьма простым вещам осталось с ним с его детства, когда самая малая радость была на вес золота.

Масштабность натуры Фёдора Абрамова заключается не только в его природной одарённости, но и в его исключительных человеческих качествах, среди которых острой гранью проступает его нетерпимость к грубости и хамству, на которые он мог ответить достойно и резко как с глазу на глаз, так и с высокой трибуны. Одним из таких примеров может служить малоизвестная история, произошедшая с Фёдором Абрамовым в Архангельском аэропорту Талаги весной 1976 года.

Тогда Фёдор Александрович, находясь на борту самолёта, сделал замечание стюардессе о её нетактичном поведении в отношении ряда пассажиров, на что в ответ получил от дамы массу оскорблений. Конечно, теоретически Фёдор Александрович мог и стерпеть, как это сделали другие пассажиры, не обратившиеся к руководству аэропорта на обидчицу. Но тогда это был бы не Абрамов!

По прилёте в Архангельск Фёдор Александрович немедленно сделал письменное заявление на имя директора аэропорта. Ответ не заставил себя долго ждать: «09 апреля 1976 года. Уважаемый Фёдор Александрович, - значилось в ответе заместителя начальника аэропорта по перевозкам Ю. Петрищева. - Командование аэропорта «Архангельск» приносит Вам извинения за нетактичное поведение к Вам нашего работника. Сообщаем, что Ваша жалоба доведена до сведения всех бортпроводников. На бортпроводницу Глазкову Елену Сергеевну наложено дисциплинарное взыскание - выговор».

Знал бы тогда Фёдор Александрович, что спустя время, в конце второго десятилетия XXI века, не по указке свыше, а исключительно благодаря народному голосованию, Архангельский аэропорт Талаги получит его имя.

«ДАЖЕ У ДАЛЯ НЕ НАЙДУТСЯ НЕКОТОРЫЕ ВАШИ СЛОВА...»

Семидесятые годы были ознаменованы для Фёдора Абрамова временем активного перевода его произведений не только внутри страны, но и за рубежом («Две зимы и три лета» в 1972 году в Румынии, в 1974 году в Польше, «Алька» в 1977 году в ГДР, «Пряслины» в 1975 году во Франции, «Пелагея и Алька» в 1978 году в Норвегии).

Примечательно, что в 1978 году в Чехословакии Фёдор Абрамов как зарубежный писатель получит первую премию за лучшую книгу.

Но переводить Фёдора Абрамова было непросто - сказывался замысловатый северный речевой колорит, разобраться в котором переводчику было подчас очень сложно. Такие выражения в абрамовском тексте, как «жердь с лопастью», «хахоньки строить», «заулок» или вообще непереводимое «хухры-мухры», не могли не поставить переводчика в тупик. И когда такие трудности встречались и автору перевода требовалась помощь, Фёдор Александрович всегда шёл навстречу, «разжёвывая» каждое непонятное слово, замысловатую сочность народного говорка или просто разъясняя значение того или иного предмета. Случалось, что приходилось заниматься и разъяснительным «художеством» - рисовать на листе северный дом или его часть с обозначением структурных элементов. И, к слову, у Абрамова, как у хорошего архитектора, это неплохо получалось. Иногда для наглядности понимания авторского текста об этом его просили и сами переводчики.

Невдолгих после присуждения Фёдору Александровичу Госпремии за трилогию «Пряслины», 15 декабря 1975 года, к нему с письмом обратилась финская переводчица Улла-Лийса Хейно, начавшая переводить на финский язык роман «Две зимы и три лета», выпуск которого планировало осуществить издательство «Кирьяюхтюме» в 1976 году.

«У меня есть дома Толковый словарь Даля, - писала в своём письме Абрамову Улла-Лийса. - Он очень хороший словарь, но даже в нём не найдутся некоторые Ваши слова. Пожалуйста, если Вам иногда трудно описывать другими словами какую-нибудь вещь, Вы можете рисовать её. Удачен ли рисунок или нет, это не важно. Важно то, что я получу представление о вещи».

В свою очередь, Фёдор Александрович с пониманием отвечал:

«29 декабря 1975 года.

Уважаемая Улла-Лийса!

Благодарю Вас за приятное сообщение о том, что Вы переводите на финский язык мой роман «Две зимы и три лета».

Понимаю Ваши горести и глубоко сочувствую Вам: нелёгкая это работа переводить писателя Абрамова на другой язык, но я не сомневаюсь - вы справитесь с этой задачей...

Не пугайтесь того, что Вы городская. Это не страшно, ведь в Вашей крови - я уверен в этом - живёт глубинная Суоми, а значит, живёт и деревня, из которой все мы вышли. Кстати сказать, уклад старой финской деревни во многом близок Русскому Северу хотя бы потому, что мы с Вами соседи...».

Этот первый обмен письмами положил между Фёдором Абрамовым и Уллой-Лийсой Хейно прочный мосток не только совместной плодотворной работы, но и искренней дружбы, продлившейся все последующие годы вплоть до кончины писателя.

«...Ещё раз говорю: не робейте! - писал Абрамов в самом первом письме Улле. - У нас сейчас в России многие не знают живого, корневого языка, а вне его какая литература?».

К слову, не только зарубежным переводчикам приходилось Фёдору Абрамову разжёвывать значение многих слов, но и соотечественникам, многие из которых вовсе не имели представления о том, что такое «прясло» или «полати». Так, в марте 1977 года

Фёдор Александрович скрупулёзно выписывал для редактора «Советского писателя», где шла работа над изданием трилогии «Пряслины», значение исконно русских слов, близких ему самому с раннего детства.

АБРАМОВ И КОРЖАВИН: ЧТО ОБЩЕГО?

Он собирался многое свершить,
Когда не знал про мелочное бремя.
А жизнь ушла
На то, чтоб жизнь прожить.
По мелочам.
Цените, люди, время.
Мы рвёмся к небу, ползаем в пыли,
Но пусть всегда, везде горит над всеми:
Мы временные жители земли!
И потому - цените, люди, время!

Эти строки принадлежат поэту, драматургу Эммануилу Моисеевичу Манделю, больше известному больше под псевдонимом - Наум Коржавин. Он был человеком с непростым характером, прямодушным, бескомпромиссным, как и Фёдор Абрамов, Он имел за плечами отбытый срок по 58-й «политической» статье, побывал в тюрьме и ссылке. «Его лирика, которую мы переписывали от руки, - рассказывал мне Владимир Войнович, - была особым инструментом познания времени оттепели, той эпохи, которая не пощадила и самого Коржавина. Это была лирика души и внутреннего созерцания атмосферы той свободы, которую подарил нам всем тот искромётный период времени. А когда у Наума в 1963 году вышел его сборник «Годы», первый и последний в СССР, он стал действительно велик», - подытожил тогда в нашем разговоре Владимир Николаевич.

Фёдор Абрамов познакомился с Коржавиным в конце 50-х годов, по всей видимости, в одну из своих столичных командировок. Город на Неве не был городом Наума Коржавина, он стал им после того, как у Коржавина в граде Петра появились друзья, в том числе и Фёдор Абрамов, ставший Коржавину другом на всю жизнь.

Во многом это была дружба на расстоянии, державшаяся перепиской и чрезвычайно редкими встречами. И всё же когда на 17 марта 1995 года в Москве в Центральном доме работников искусств наметился вечер, посвящённый 75-летию Фёдора Абрамова, то Коржавин, который жил тогда в Бостоне, прилетел навестить друга. Это показывает многое в их отношениях!

Однако, в отличие от Коржавина, сполна хлебнувшего горя-горького от «совдепии», Фёдор Абрамов никогда не был антисоветчиком, и те, кто желает представить его таковым, глубоко заблуждаются. У него не было претензий к Стране Советов, обещавшей светлое будущее. У него были претензии к чиновникам, оседлавшим власть, «портфельщикам» разных мастей и к своему народу, мирившемуся с засилием бюрократии, безразличному к жизни, забывшему свои исконные родовые корни. Так, в письме к Сапожникову Валентину Константиновичу 30 марта 1978 года Абрамов с тревогой сетовал: «Раньше на Руси думали, гадали, откуда, как пошла Русь. Что в ней сильного, что в ней слабого, а сейчас всё Маркс, Маркс и Маркс. И плевать на наши истоки, на наши национальные основы и корни».

Или вот ещё: «Никто не поможет народу, если он сам не поможет себе, - напишет Фёдор Александрович в письме Юрию Оклянскому в 1980 году. - Всякие реформы (а в них, как в воздухе, нуждается страна) возможны только при одном условии - при условии решительного преодоления в низах заскорузлой, застарелой русской болезни - пассивности».

Что же могло объединять Абрамова и Коржавина, таких разных во многом людей? Что могло их сближать? И ответ здесь один - действительность, в которой они жили, и понимание друг друга.

В архиве Фёдора Абрамова сохранилось одно-единственное позднее письмо Коржавина, наполненное волнительной искренностью, дружеской любовью к Абрамову. Оно достойно того, чтобы процетировать его полностью:

«Дорогой Федя!

Наши с тобой отношения по моей вине донельзя запутались. Сначала я, как хам, долго не откликался на получение книги (скорее всего, речь идёт о книге «Две зимы и три лета», выпущенной в издательстве «Советский писатель» в 1969 году. - О.Т.), потом откликнулся, но не сознался, что ещё не прочёл. Потом прочёл, но было как-то неловко открывать, что до сих пор не читал... Всё это происходило не от невнимания или плохого отношения к тебе, а от моего дурного состояния, из-за которого любая поделка для заработка почти ни на что времени не оставляла...

Но твоя книга произвела на меня слишком большое впечатление, и я всё-таки считаю, что надо наконец (прочёл я её несколько месяцев назад) в том признаться. Это очень хорошая и серьёзная книга. Зимин говорил, что в ней есть противопоставление города и деревни, обвинение города во всём плохом, что есть в деревне, но я с этим не согласен. Этот вопрос в таком виде, по-моему, в книге и не ставился. Это книга о России, о её состоянии, о взаимоотношении её людей, о том дурном и хорошем, что они способны делать друг другу. В ней, конечно, чувствуется и некая леденящая сила, сминающая души, характеры, доброту и т. д. Но было бы опрометчиво называть это городом. Это сталинщина, и то, что у тебя она показана без лагерей (почти без лагерей), МГБ и т. д., отнюдь не делает её менее страшной. Наоборот, ординарность условий даже ясней подчёркивает, чем она была для людей. И ещё, конечно, меня трогает, задевает, волнует щемящее чувство любви и жалости к людям, которым пронизана вся вещь, без которой этот роман был бы просто разоблачительным.

Короче говоря, можешь на меня сердиться за мои грехи, можешь не сердиться - но я должен был тебе это сказать. Дай тебе бог!

Конечно, хорошо бы, если ты - когда будешь в Москве и когда будет время, плюнул на все мои прегрешения и позвонил мне. Мой телефон, как и прежде, - 129-98-13. Позвонил бы, ей-богу. Ведь жизнь, что ни говори, коротка. Ещё раз - дай тебе бог. Привет жене. Твой Наум Коржавин.

4 ноября 1970 года».

Он потрясающе нежный, потрясающе вдумчивый, думающий, очень родной, воспринимавший чужую боль как свою собственную, но при этом почти всегда выглядел суровым.

Сергей Власов, артист МДТ
о Фёдоре Абрамове

БЕЗ ВСЯКОЙ КОРЫСТИ

Патологическая щедрость - ещё одна неотъемлемая черта личности Фёдора Александровича. Щедрость без заявки на взаимность, без желания обязать человека, без всякой корысти к себе самому. Он мог протянуть руку помощи абсолютно незнакомому человеку, выслать ему деньги, вовсе не думая, будут ли они возвращены. Иногда он делал это так искусно, что денежный вопрос слетал с его уст или ложился строками в письме не как предложение, а как подтверждение определённых обстоятельств, которые было необходимо срочно разрешить.

Так, к примеру, было с Гессой Соломоновной (её фамилия и адрес в архиве писателя не сохранились), с которой Федор Александрович никогда не встречался и знал её только по переписке. Человек абрамовского поколения, пережившая войну вдова, она не требовала от Абрамова заботы, и всё же Фёдор Александрович, тревожась возможным безденежьем уже в солидных годах человека, явно намекая на помощь, в письме от 2 февраля 1980 года напишет: «А деньги у Вас есть? С деньгами живёте?»

Абрамов мог запросто подарить мотоцикл «Урал» или дорогостоящий набор столярных принадлежностей, как это сделал верколькому другу Дмитрию Клопову. Мог выслать деньги знакомому на необходимые в хозяйстве нужды. Душа Фёдора Александровича не знала предела щедрости.

Писатель Василий Белов публично говорил, что в пору материальных трудностей денежная поддержка ему со стороны Фёдора Абрамова была всегда ощутимой.

«Он потрясающе нежный, потрясающе вдумчивый, думающий, очень родной, воспринимавший чужую боль как свою собственную, но при этом почти всегда выглядел суровым», - таким запомнился Фёдор Абрамов Сергею Власову, артисту МДТ - Театра Европы. Ох уж эта напускная абрамовская внешняя суровость, о которой много говорили те, кто не знал писателя ближе, кто не ведал его извивов души и сердечных глубин...

Говоря подробно о человеческих качествах Фёдора Абрамова, нельзя не упомянуть его удивительно близкие, искренние взаимоотношения с Александрой Лаврентьевной Крутиковой - матерью Людмилы Владимировны, следовательно, тёщей Фёдора Александровича. Точнее всего их характеризуют слова: душа в душу...

Г. Горышин, Ф. Абрамов, В. Белов около ЦДЛ во время VII съезда СП СССР. Москва, 1 июля 1981 года. Фото - Н. Г. Кочнев

Не часто они писали письма друг другу, но каждая строчка в них переполнена ни с чем не сравнимой материнской и сыновней нежностью, яркой привязанностью друг к другу.

И не зря одну из первых журнальных книжек «Невы» с публикацией «Братьев и сестёр» Абрамов подарил Александре Лаврентьевне, снабдив первый лист нежнейшей надписью: «Неутомимо-юной тёщеньке Александре Лаврентьевне и супругам Шишовым на добрую память. Ф. Абрамов. 5/X.1958».

А вот строки из писем разных лет, адресованных Александрой Лаврентьевной Фёдору Абрамову:

«Феденька! Желаю тебе всего-всего хорошего. До свидания. Любящая тебя. Неугомонная юная тёщенька. Мама» (из письма от 12.10.1958);

«Дорогой Федя! Сердечно поздравляю тебя с днём рождения и желаю много-много лет жить, быть здоровым и как можно больше написать книг. Быть всегда весёлым, здоровым, бодрым и не стареть. Мать. 28 февраля 1965 года»;

«Здравствуй, милый Федя! Спешу поздравить тебя с твоей радостью - с напечатанием твоего романа, и желаю здоровья и творческой работы.

Сегодня читала твой роман «Вокруг да около», и всё-таки он мне очень нравится. Верно, там есть немножко некрасивые слова, выражения, но а в общем хорошо, и даже и посмеялась и повспоминала, как вообще было всё это прожито...» (1980 год).

Чтобы стать именно таким, каким был Фёдор Абрамов, мало было родиться в его время. Надо было искренне любить жизнь и быть честным человеком вопреки всему, вопреки обстоятельствам и соблазнам! А ещё - жить в гармонии с самим собой.

В публикации использованы фотографии, предоставленные автору книги литературно-мемориальным музеем Фёдора Абрамова в д. Веркола, пресс-службой Академического Малого драматического театра - Театра Европы (Санкт-Петербург), из личного архива В. М. Абрамова (д. Веркола, Архангельская область) и личного архива автора.

В Вологде многое связано с именем Василия Белова, и это естественно: где же, как не на родине знаменитого писателя, рассказывать о его жизни, изучать его произведения, помогать их понять и осмыслить?..Нынешний год знаменателен для самых, пожалуй, известных «беловских» организаций: 15-летие отметил беловский Центр, 5-летие - музей-квартира писателя. Наш журнал не раз рассказывал об их работе и будет, разумеется, делать это и дальше - мы ведь одного рода, беловского...

С Беловым, о Белове, для Белова...

Центру писателя Василия Ивановича Белова 26 апреля 2020 года исполнилось 15 лет. Центр открылся в 2005 году при участии самого Василия Ивановича на базе централизованной библиотечной системы и стал ее ведущим подразделением. Сегодня это культурно-просветительский центр, библиотека, выставочный зал, площадка для презентаций новых книг (и не только вологодских авторов).

Сотрудники беловского Центра Марина Колесникова и Мария Сергеева. Фото автора

Идея создания Центра принадлежит библиотекарю Людмиле Бельевиковой, ставшей его первым руководителем. Первоначально Центр разместился в помещении центральной городской библиотеки на улице Панкратова, а в 2015 году переехал в здание на улице Щетинина, 5.

Центр связывает крепкая дружба с вологодскими литераторами: Ольгой Фокиной, Александром Цыгановым, Робертом Балакшиным, Геннадием Сазоновым, Дмитрием Ермаковым, Анатолием Ехаловым, Натальей Мелёхиной, Ингой Чурбановой, Татьяной Андреевой, Леонидом Вересовым.

Для любителей прогулок по Вологде Центр писателя разработал полиформатный путеводитель «Беловские места», который включает в себя аудиогид по местам, связанным с нашим знаменитым земляком, на платформе Izi. TRAVEL, материалы на сайте Центра и буклет.

В коллекционном фонде Центра писателя В. И. Белова хранятся произведения писателя, в том числе издания на иностранных языках, литература о его жизни и творчестве, статьи из журналов и газет, автографы, рукописи, письма, фотографии, видео- и аудиозаписи, личные вещи писателя. Некоторые экспонаты передали Василий Иванович и Ольга Серге-

евна Беловы. В Центре действует постоянная выставка документов из Государственного архива Вологодской области о родословной семьи Беловых и истории деревни Тимонихи, родины Василия Ивановича.

Центр писателя В. И. Белова в 2009 году стал инициатором I юношеских Беловских чтений «О Родине душа моя болит». В исследовательских работах и сочинениях юные читатели Центра размышляли о творчестве Василия Ивановича.

Вологда ежегодно в октябре собирает ценителей наследия В. Белова на мероприятия литературно-просветительского и культурного форума «Всероссийские Беловские чтения. Белов. Вологда. Россия». В 2020 году чтения прошли в седьмой раз.

В рамках Беловских чтений проходит литературный семинар молодых авторов. С 2016 молодые прозаики и поэты со всей России под руководством известных писателей и журналистов изучают основы литературного мастерства и обсуждают произведения друг друга. Обсуждение проходит в зале, где висит копия портрета Василия Ивановича работы друга писателя - замечательного вологодского художника Олега Бороздина. Писатель словно бы присутствует на обсуждении, пристально и вдумчиво вглядываясь в молодых своих последователей... С каждым годом интерес к семинару растёт, расширяется география участников. В 2020 году стихи и прозу на семинар прислали около 76 авторов из 29 регионов России, а всего за годы семинара в нем приняли участие более 280 молодых авторов.

Отношения между авторами и организаторами складываются самые дружеские. Спустя немного времени после окончания семинара-2020 в Центр В. И. Белова пришла посылка от его участницы Анастасии Антоновой из смоленского города Вязьмы. Анастасия вошла в число финалистов и приехала на семинар, чтобы услышать от экспертов мнение о своих произведениях и работах участников. В посылке - открытка с теплыми словами, блокнот и вкуснейший пряник.

С 2017 года в Беловском центре проходят серии интеллектуальных игр для молодёжи «Ладные игры» по книге очерков о народной эстетике «Лад». Для воспитанников детских садов и школ проводятся экскурсии по Центру, творческие мастер-классы, для старшеклассников действует клуб «Русский без нагрузки», где изучается родной язык.

В рамках проекта «Встречи по четвергам» библиотекари приглашают вологжан на встречи с поэтами, писателями, журналистами, представителями науки, культуры и искусства. Еще один популярный проект, «Голоса из XX века», - это публичные лекции о вологодских писателях и поэтах и истории нашего края, которые ведёт Николай Коробов.

Литературный семинар 2019 года. На переднем плане - члены жюри Дмитрий Ермаков, Наталия Мелёхина и Юрий Фофин. Обсуждение рукописей продолжается и на итоговом заседании

УРОКИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА

Стихи участников семинара 2020 года анализирует поэт, издатель Борис Лукин из Подмосковья

В день памяти Василия Белова, 4 декабря 2020 года, начал свою работу проект «Поговорим по-вологодски?!» - в его реализации объединились усилия сотрудников беловского Центра и музея-квартиры В. И. Белова.

Лидия Сычёва - прозаик, публицист, главный редактор литературного интернет-журнала «Молоко». Участвовала в работе жюри семинара молодых авторов в 2019 году

Десять занятий цикла призваны помочь всем желающим узнать, как изучают и сохраняют диалекты, и научиться говорить «по-вологодски» вместе со специалистами Школы традиционной народной культуры. С помощью специалистов Центра Белова, авторов аудиогида по областной столице «Беловские места в Вологде», участники проекта «Поговорим по-вологодски?!» создадут игру-бродилку (квест), которая покажет роль и значение диалектной лексики Вологодчины в прозе Василия Белова.

Сегодня в Центре работают четыре сотрудника: библиотекари Марина Колесникова и Ксения Соколова, библиограф Людмила Жильцова и руководитель Центра Мария Сергеева.

Познакомиться с историей Центра можно в разделе «Хронология Центра писателя В. И. Белова (интернет-ресурсы)» и в социальной сети ВКонтакте https://vk.com/centr_belov.

О беловском Центре нашему журналу особенно приятно рассказывать - ведь мы с первых лет издания «Вологодского ЛАДА» публиковали материалы о Центре писателя В. И. Белова. На будущий год наш журнал тоже отметит 15-летие; будем и дальше идти рука об руку по пути, намеченному Василием Беловым. Всё у нас впереди!

Предлагаем читателям материал об одном из важных событий жизни беловского Центра в 2020 году - встрече библиотекарей и учителей школ области, на которой обсуждалось, как привлечь учеников к прозе Василия Белова.

«...это самое лучшее, что есть в литературе»

Как вологодские учителя помогают школьникам понять и полюбить прозу Василия Белова

В Центре писателя Белова в начале учебного года прошло заседание «круглого стола» на тему «Мир произведений Василия Белова в школьном изучении». Учителя, библиотекари и методисты Вологодчины обсудили, как изучают творчество Василия Ивановича в рамках образовательной программы, поговорили и о формах внеурочной работы, связанных с творчеством знаменитого нашего земляка.

В школьной программе беловских книг всего две: «Рассказы о всякой живности» и «Лад. Очерки о народной эстетике» - с этой книгой учеников знакомят лишь кратко. Получается, что для ребят, которые больше из произведений Белова ничего не знают, он - писатель-натуралист, который писал смешные рассказы о животных. Разве это правильно? И дело не в том, что обидно за писателя - обидно, как говорится, за державу...

Но есть тут еще одна опасность: не превратить живое слово писателя в скучный «предмет изучения». Заставить школьников прочесть беловские книги, наверное, можно - но для того, чтобы понять, их надо полюбить. Силком это сделать никак не получится.

Дело, конечно, в том, как вести с ребятами разговор о прозе Василия Белова. Ученики Анны Вячеславовны Поповой из вологодской школы № 1 вряд ли считают, что Белов - юморист-

Ольга Николаевна Рушникова преподает литературу в вологодской школе № 21, которая носит имя Василия Ивановича Белова. А на столе, вокруг которого идет обсуждение, - семитомник классика из Тимонихи...

УРОКИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА

Вся проза Белова глубоко нравственная, это вера в счастье, весну, надежду.

Лидия Ивановна Андреева. учитель 26-й вологодской школы.

натуралист. Ребята совместно с родителями сделали видеоролик по рассказу Василия Белова «Однажды весной» из «Рассказов о всякой живности». Чтобы участвовать в съемках, пришлось каждому не только этот рассказ ик прочесть, но и другие из книжки - а куда денешься...

- Дети не спали ночами, переживали, - рассказала Анна Вячеславовна.

А когда фильм был готов, устроили обсуждение на творческой мастерской. Вспоминали, как готовились, как искали одежду, соответствующую времени, когда действие рассказа происходит; как пересматривали снятые кадры, обдумывали - и не только, кто как на экране выглядит, но и о чем этот маленький, в половину книжной странички, рассказ Василия Ивановича. А. В. Попова считает:

- Мы вышли на разговор об очень важных нравственных понятиях: доброта, человечность, милосердие, сострадание, умение поделиться последним, что у тебя есть. И дети сделали для себя открытие..

Вологодская школа № 21 носит имя Василия Ивановича Белова. Здесь есть музей писателя, его экспозиция помогает погрузиться в мир деревни, описанный в книге «Лад». Учительница 21-й школы Ольга Рушникова рассказала, что старшеклассники проводят здесь экскурсии для младших школьников, причем они делают это, включая малышей в игру. Говоря современным методическим языком, используют интерактив.

- Тогда Белов становится ближе, - поясняет Ольга Николаевна.

Музей помогает школьникам понять время, о котором рассказывает Василий Иванович. И хотя исторические или этнографические подробности, конечно, не главное в его прозе, но они очень важны: детали помогают сегодняшним детям наглядно представлять жизнь «беловской» деревни.

Правда, даже интерактив помогает не всегда и не всем:

- Чем старше становится ребёнок, - продолжает Ольга Рушникова, - проза Белова от негоотдаляется: не хватает исторического контекста.

Опытные учителя советуют приглашать на уроки пожилых людей, хорошо знающих жизнь деревни. Это немного приближает эпоху, в которой жил и писал Василий Белов, и школьникам становится понятнее деревенский быт, а вместе с ним - и «Лад», и другие беловские книги.

Но всё-таки понять главное в прозе Василия Белова лучше всего поможет русская классика.

- Творчество Белова неотрывно от всей русской литературы, - считает учитель вологодской школы № 26 Лидия Андреева. - Он продолжает традиции гуманизма, идущие от Пушкина, Толстого, Бунина, Шукшина...

Анна Вячеславовна Попова вместе со своими учениками сняла видеофильм по рассказу «Однажды весной». «Мы вышли на разговор об очень важных нравственных понятиях», - считает учительница из вологодской школы № 1

Ольга Николаевна Завьялова - директор централизованной библиотечной системы города Вологды, в которую входит и беловский Центр

Мне кажется, что это самое лучшее, что есть в литературе.

На своих уроках Лидия Ивановна подтверждает эту мысль примерами. Так, рассказ Василия Белова «Весенняя ночь» она предлагает ученикам вместе с рассказом Ивана Бунина «В деревне». Ребята находят параллели в прозе русских классиков: оба они полагают, что весна - это ожидание счастья или «страшно счастливая пора», как у Василия Белова.

- Вся проза Белова глубоко нравственная, это вера в счастье, весну, надежду, - говорит Лидия Ивановна.

Помогает в постижении глубины беловской прозы Центр Василия Белова. Мария Сергеева, руководитель Центра, рассказала о методической помощи педагогам и библиотекарям, которую оказывает Центр всем желающим. Мария Александровна обратила внимание на коллекционный фонд Центра и на проект «Беловские места в Вологде».

- Ресурсы Центра максимально открыты для широкой аудитории, - подчеркнула Мария Сергеева.

Ольга Сергеевна Белова, вдова писателя, присутствовавшая на «круглом столе», по образованию педагог-филолог.

- Очень тронута и приятно удивлена тем, как широко и в то же время глубоко изучается творчество Василия Белова в вологодских школах, - завершила «круглый стол» Ольга Сергеевна. Она-то, преподаватель литературы с многолетним стажем, прекрасно понимает, как порой не просто нынешних детей научить читать беловскую прозу... Но зато как велика радость учителя, который помог своим ученикам войти в этот удивительный мир!

Первая пятилетка

Пять лет назад мемориальный музей-квартира Василия Белова был создан по поручению Президента Российской Федерации В. В. Путина в качестве филиала Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

«Не знаем, верил ли Василий Иванович в рождение литературно-мемориального музея в квартире, где он прожил 25 лет, но из рассказов Анатолия Заболоцкого... точно знаем, что его близкие друзья пророчили ему такой удел. «Белович, увидишь, тебе музей спроворят скоро, - весело предсказывал Шукшин в 1970 году», - пишет научный сотрудник музея-квартиры Эльвира Трикоз в статье, опубликованной «Нашим современником» к 5-летию музея-квартиры В. И. Белова.

«Василий Иванович очень любил литературные музеи, - вспоминает вдова писателя Ольга Сергеевна Белова. - Когда мы приезжали в Москву, мы часто их посещали. Порой Василия было невозможно оторвать от экспонатов. Вот почему квартиру в Вологде на улице Октябрьской я решила не продавать после смерти мужа, а создать там музей. Очень радостно, что эту идею поддержали столько людей!»

В фонде музея-квартиры, сообщает Эльвира Трикоз, «рукописи, автографы, фотографии, составляющие архив писателя (более 3 тысяч документов), книги, журналы, газеты (более 4 тысяч), предметы быта и интерьера (более 700 предметов), собранная В. И. Беловым коллекция изобразительного искусства XIX - XXI веков (82 работы)».

Директор музея-квартиры Ольга Анфимова считает, что задача перед сотрудника-

Ольга Сергеевна Белова и Анатолий Дмитриевич Заболоцкий в музее-квартире В. И. Белова

На выставке «Жизнь подарила увидеть». Директор музея-квартиры Ольга Николаевна Анфимова, Андрей Викторович Астафьев, президент Устюженского благотворительного фонда имени иерея Геннадия Вера Дмитриевна Ергина, организатор выставки Ольга Михайловна Коваленко

ми музея-квартиры необычайно сложная: «Музей-квартира уже само по себе место необычное, объединяющее два начала, казалось бы, противоположные. Квартира - место бытования семьи и музей - место, отстранённое от быта, созданное сугубо для сохранения и показа... Ответственность огромная: как совместить все функции музея в столь ограниченном пространстве, не потерять эту мемориальность, атмосферу, историю и, в то же время, не отпугнуть посетителя, от предметов интерьера провести параллель к текстам, чтобы, покинув музей, человеку захотелось заново прочитать Белова или открыть произведения классика для себя впервые». По мнению Ольги Николаевны, «центром развития музея, безусловно, является его научная и просветительская деятельность, она служит базой для создания всевозможных выставочных проектов, культурных мероприятий, издательской и исследовательской деятельности».

Подробнее о жизни музея-квартиры можно узнать на сайте www.belovmuseum.org и на страничке в социальной сети ВКонтакте: https://vk.com/belovmuseum.

За пять лет сотрудники музея-квартиры утвердились на выбранном пути в отечественной культурной жизни, оценили возможности, наметили перспективы. «Если удастся музею продержаться хотя бы полвека, - пожелал Анатолий Заболоцкий в дарственной надписи на новом издании «Лада» с иллюстрациями Анатолия Дмитриевича, - угнездятся фонды, появятся исследователи письма и смыслов Белова».

Представляем читателям рассказ об одном из самых ярких событий пятого года жизни музея-квартиры Василия Белова - выставке работ замечательного фотографа и кинооператора Анатолия Заболоцкого.

«Снимаю Русь, которую я люблю...»

Музей-квартира Василия Белова в Вологде представила выставку «Жизнь подарила увидеть...», посвященную 85-летию друга Василия Ивановича, известного кинооператора, фотохудожника, публициста Анатолия Дмитриевича Заболоцкого. Именно его глазами мир видит Русский Север, и Вологодчину - в том числе.

Как странно переплетаются человеческие судьбы... Казалось бы, какое отношение имеет Анатолий Заболоцкий к Вологодчине: родился в Красноярском крае, после операторского факультета ВГИКа снимал кино на «Беларусьфильме» и других студиях Советского Союза...

В наши края Анатолий Дмитриевич попал с Василием Шукшиным - в Белозерском районе они снимали легендарную «Калину красную». В 1978 году Заболоцкий был оператором картины «Целуются зори» по киноповести Василия Белова. В том фильме можно увидеть Вологду 70-х годов, которой уже и нет больше (а много ли времени прошло...). Главная же его «вологодская» работа - фотографии к беловскому «Ладу».

Василий Иванович Белов увлек друга своим замыслом создать энциклопедию народной эстетики, и сибиряк Заболоцкий несколько лет ездил по Русскому Северу (особенно подробно исследуя Вологодчину). Анатолий Дмитриевич разыскивал - и находил! - не только красивые пейзажи, но и приметы прежней, досоветской еще жизни. Тогда, в семидесятые, их еще можно было найти...

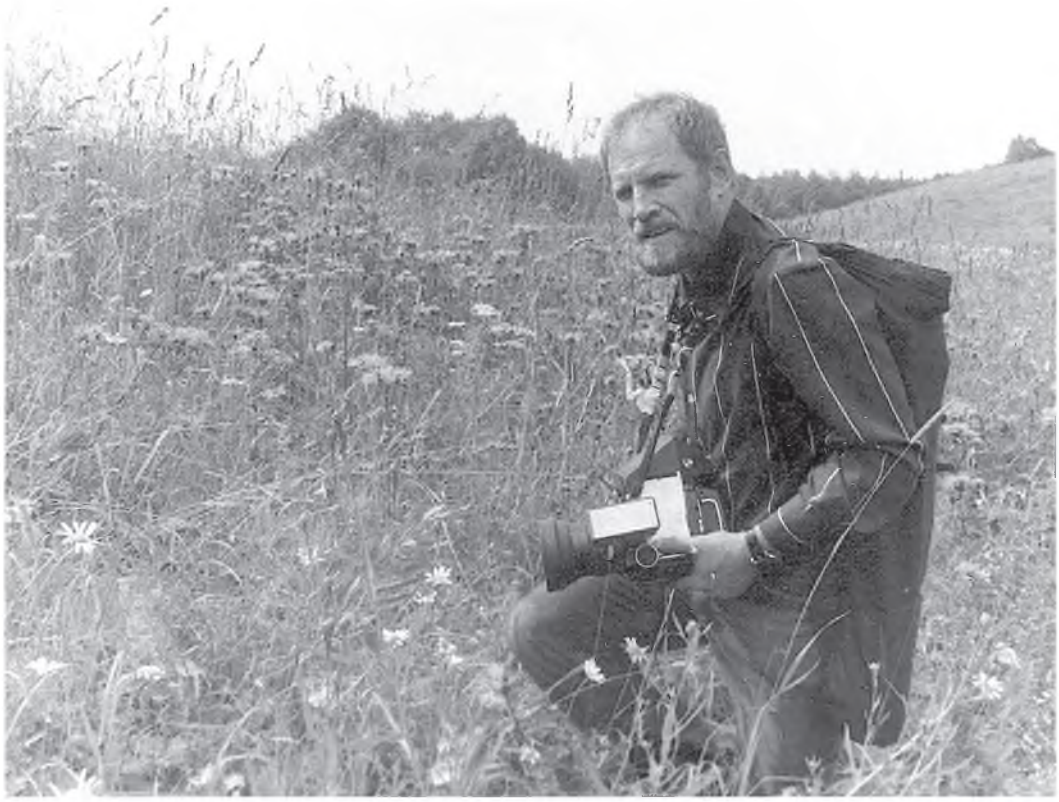
И вот уже много лет мир видит Вологодчину глазами художника-фотографа Анатолия Заболоцкого. В наших краях он бывает часто (пореже, конечно, чем когда Василий Белов был жив, но уж раз-то в год приезжает точно).

Народный художник России Валерий Николаевич Страхов жил летами в деревне Гридинской, что в двух километрах от Тимонихи: Василий Иванович помог здесь обустроиться своим друзьям - и художнику, и оператору....

- У Анатолия Дмитриевича есть дар любви к природе, - вспоминает Валерий Николаевич, - дар проникновенного отношения ко всему живому.

Кстати, в музее-квартире В. И. Белова прошла в нынешнем году встреча с Валерием Николаевичем Страховым в честь его 70-летия.

Мама Анатолия Заболоцкого рассказывала Страхову, что сын в детстве со страстным желанием учился ухаживать за плодовыми деревьями. В соседней деревне был большой сад, и Толя немало времени проводил у садовника. Мальчик учился всему - в том числе прививать яблони. «Это потрясающая штука, когда втягиваешься, и какой восторг, когда видишь, что твоя почка привилась! - вспоми-



Анатолий Дмитриевич Заболоцкий на съемках «Калины красной». 1973 год, Белозерск

нал потом Анатолий Дмитриевич в одном из интервью. - Я триста деревьев привил. Мать просила, чтобы я в сельскохозяйственный пошёл учиться, а я связался с этим мотыльковым искусством кино...»

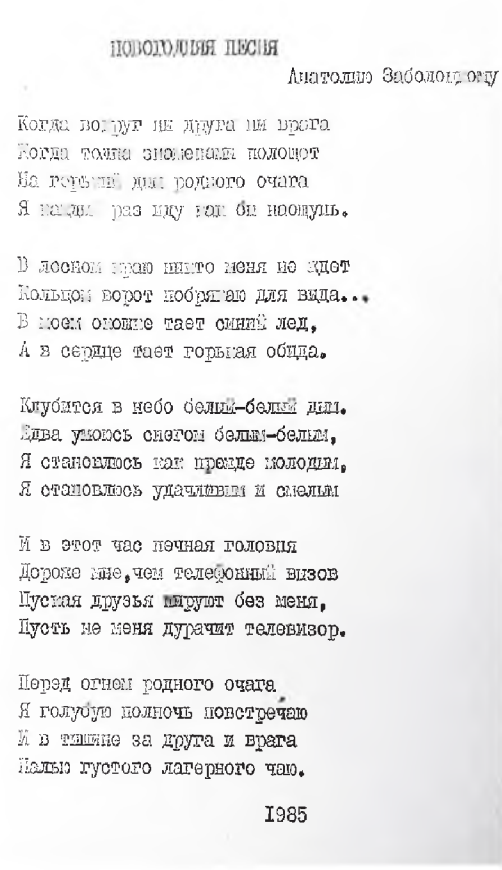
Фотография, наверное, - искусство такое же мимолетное, как кино. Но и в «мотыльковом» искусстве, как показывают работы Заболоцкого, можно отразить вечное. Можно рассказать о красоте Божьего мира, раскрыть душу человеческую, вместе со зрителем подумать о жизни, о Творце, о добре и зле...

Валерий Страхов считает, что Анатолий Заболоцкий сумел сказать свое слово и в кино, и в фотографии.

- Приходилось видеть, как Анатолий Дмитриевич готовится к съемке, - вспоминает художник. - Казалось бы, навел объектив, щелкай - что-нибудь да получится... Заболоцкий порой подолгу созерцал натуру. А потом подойдет к Василию Ивановичу: «Видел, Вася, облако стояло?» - «Да, шикарное облако, Толя...» Смотришь снимок - и удивляешься, с какой

Народный художник России Валерий Николаевич Страхов считает, что Анатолий Заболоцкий стал своим для всей России! Нынешний год был юбилейным и для Валерия Николаевича, и музей-квартира Белова отметила 70-летие живописца встречей с любителями искусства

искренностью фотографу удалось передать свежесть весеннего воздуха, полноту жизни, радость бытия...



Фотоиллюстрации Заболоцкого к беловскому «Ладу» - не только пересказывающий текст видеоряд. Снимки передают те же эмоции, что владели писателем; они полны торжеством любви - к родному народу, родной природе, родной деревне...

- И Анатолий Дмитриевич стал своим не только в Вологде или в Харовске; он для всей России свой! - считает Валерий Страхов.

Выставка в музее-квартире Белова устроена при поддержке благотворительного фонда имени иерея Геннадия.

- Мы не первый год сотрудничаем с Анатолием Дмитриевичем, - рассказывает президент фонда Вера Дмитриевна Ергина. - В Череповецком Камерном театре прошлой осенью с большим успехом прошла выставка работ Анатолия Заболоцкого.

- Анатолий Дмитриевич видит то, чего не видим мы, - сказал Андрей Викторович Астафьев, сын великого русского писателя. - Это качество было и у моего отца...

Видеть то, чего не замечают другие - это и есть талант. Причем это касается, разумеется, не только пейзажей; талант и в жизни видит главное - пусть даже никто, кроме него, так не считает. «Мне всегда говорили: «Что вы снимаете эту ущербную Русь?» - сказал Анатолий Заболоцкий в беседе с московской журналисткой Ириной Ушаковой. - А я снимаю Русь, которую я люблю».

Талант - это умение любить. И умение бороться за то, что тебе дорого. Анатолий Заболоцкий, как и его друзья Василий Шукшин и Василий Белов, - не только профессионал самого высокого класса, но и боец. Энергии Анатолия Дмитриевича мы обязаны многим - в частности, и существованием музея-квартиры Василия Белова.

НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ

Анатолию Заболоцкому

Когда вокруг ни друга ни врага
Когда толпа знаменами полощет
На горький дым родного очага
Я каждый раз иду как бы наощупь.

В лесном краю никто меня не ждет
Кольцом ворот побрякаю для вида...
В моем окошке тает синий лед,
А в сердце тает горькая обида.

Клубится в небо белый-белый дым.
Едва умоюсь снегом белым-белым,
Я становлюсь как прежде молодым,
Я становлюсь удачливым и смелым

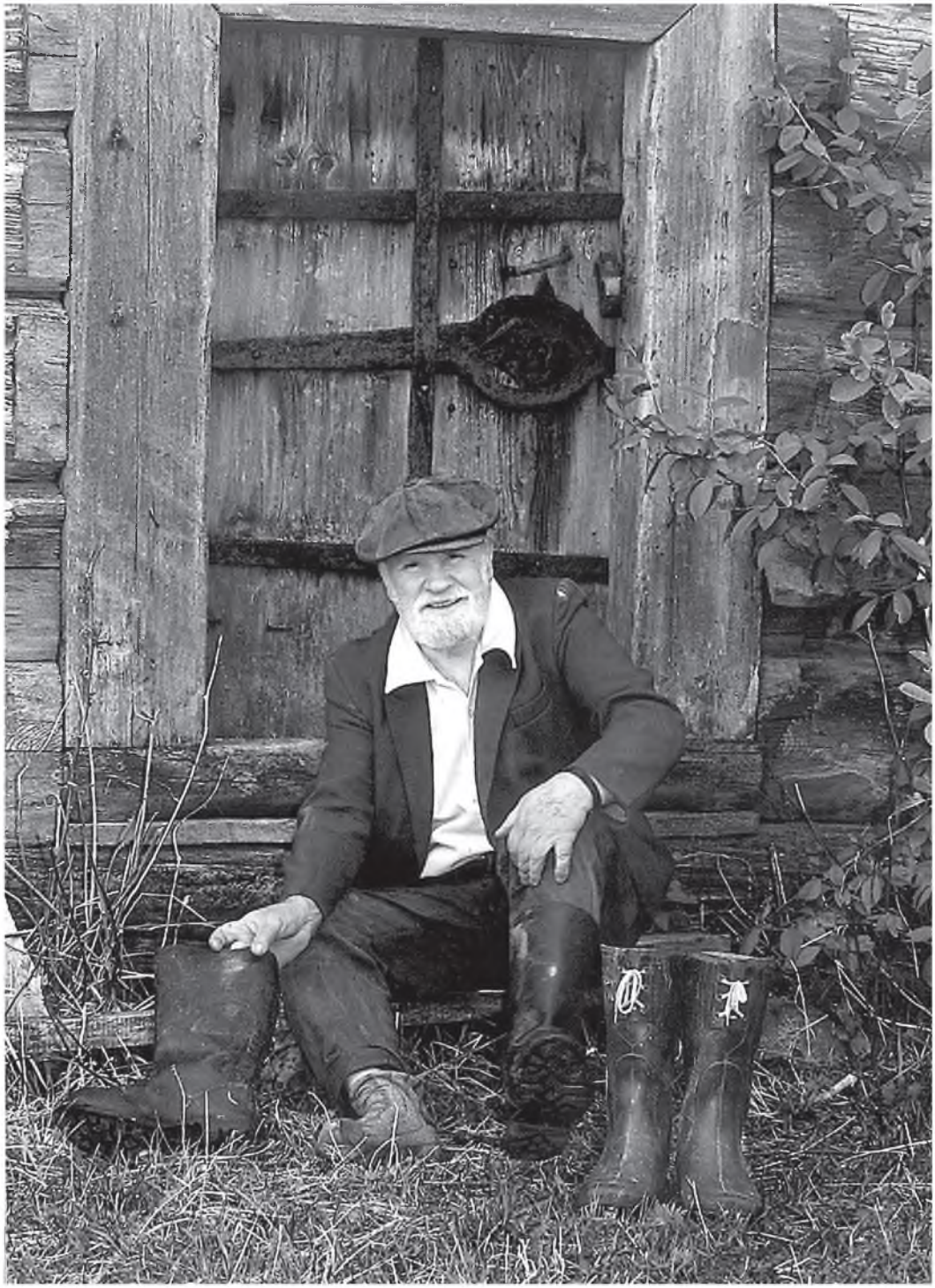
И в этот час печная головня
Дороже мне, чем телефонный вызов
Пуская друзья пируют без меня,
Пусть не меня дурачит телевизор.

Перед огнем родного очага
Я голубую полночь повстречаю
И в тишине за друга и врага
Налью густого лагерного чаю.

1985

Стихотворение Василия Белова, посвященное Анатолию Заболоцкому

Фотографии с сайта музея-квартиры Василия Белова и автора



Анатолий Заболоцкий. Василий Белов у амбара

Классический портрет писателя-классика

4 декабря, в день памяти Василия Ивановича Белова, музей-квартира В. И. Белова представила посетителям портрет Василия Ивановича кисти вологодского художника Олега Бороздина.

Портрет написан в 2001 году и, конечно же, хорошо известен по многочисленным публикациям. Директор музея-квартиры Ольга Анфимова рассказывает, что выставить этот портрет там, где писатель прожил четверть века, она мечтала со времени открытия музея. Однако выяснилось: никто не знает, где находится полотно.

- Около двух лет, - рассказывает Ольга Николаевна, - мы узнавали, где же портрет, изыскивали возможность его приобретения.

В конце концов оказалось, что портрет, написанный по заказу известного коллекционера Евгения Лунина, хранится у вдовы Евгения Михайловича. Идею Ольги Анфимовой поддержал директор Кирилло-Белозерского музея-заповедника Михаил Шаромазов, и совсем недавно полотно было приобретено в собственность музея. До 25 января планируется оставить портрет в музее-квартире, а потом он переедет в Кириллов.

Василий Иванович согласился позировать с неохотой; заявил, что долго сидеть перед художником не может. И первый сеанс был недолгим, но уже на втором сеансе, как вспоминал Олег Александрович, Белов успокоился: художник рассказал ему о своем детстве, которое пришлось на годы войны, как и детство Василия Ивановича.

Кандидат искусствоведения Ирина Балашова, хорошо знавшая художника, рассказывает, что история Бороздина тронула Белова: «Он успокоился и сидел долго, сколько было нужно живописцу». Ирина Борисовна передает слова Бороздина: «Художник и портретируемый должны доверять друг другу». Глядя на портрет, это чувствуешь: писатель не позирует - он живет, размышляет, а художник эти думы понимает и во многом с ними соглашается.

Понимают эти размышления и зрители. Заслуженный работник культуры журналист Наталья Серова считает: «Белов для всех нас остается хранителем смысла. Он и сейчас очень актуальный собеседник».

Актуальность размышлений писателя легко проверить - откройте его книги. Они не только рассказывают о прошлой жизни - они помогают нам понять смысл жизни сегодняшней...

Итоги Всероссийского литературного конкурса современной прозы им. В. И. Белова «Всё впереди»

В Вологде подведены итоги Всероссийского литературного конкурса современной прозы имени В. И. Белова «Всё впереди», который проводится Союзом писателей России совместно с Правительством Вологодской области. На заседании конкурсной комиссии были названы имена писателей, ставших победителями в 2020 году.

1-е место не присуждалось.

2-е место:

• Борис Иванович Фарышев (г. Томск) - за цикл рассказов «На Пайдугине»;

• Александр Николаевич Можаев (хутор Можаевка, Ростовская область) - за рассказ «На краю России»;

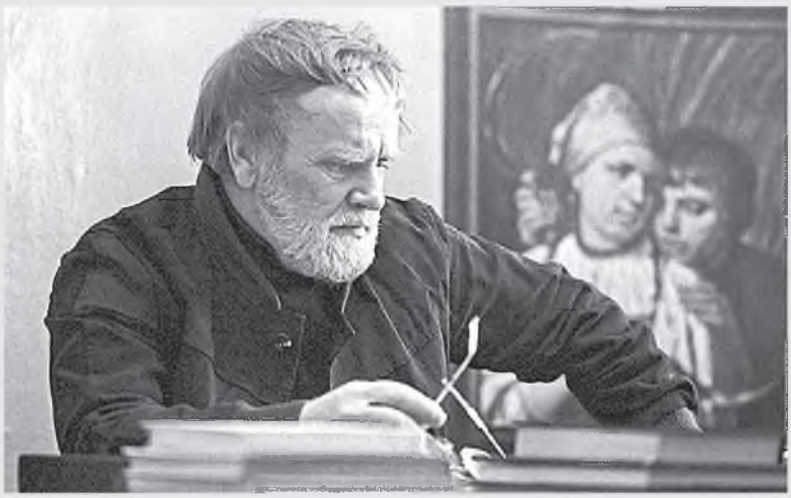
• Николай Максимович Ольков (с. Бердюжье, Тюменская область) - за роман «Переселенцы».

3-е место:

• Роберт Александрович Балакшин (Вологда) - за цикл рассказов «Ночная песня».

Также по итогам конкурса членами комиссии было сформировано содержание очередного сборника лучших работ и рекомендованы для включения в него следующие авторы:

Балакшин Р. А. (г. Вологда);
Волкова С. В. (г. Санкт-Петербург);
Зингер В. В. (г. Череповец);
Мишнев С. М. (д. Ярыгино Тарногского района, Вологодская область);
Можаев А. Н. (хутор Можаевка, Ростовская область);
Мурашов С. А. (г. Коломна, Московская область);
Ольков Н. М. (с. Бердюжье, Тюменская область);
Фарышев Б. И. (г. Томск);
Чернова А. Е. (г. Москва).



Владимир Корбаков. Портрет поэта Сергея Чухина. 1982

Настроив душу на добро

12 октября в Вологодской районной библиотеке в селе Кубенском были объявлены итоги областной литературной премии имени Сергея Чухина «Настроив душу на добро...» В этот день исполнилось 75 лет со дня рождения замечательного русского поэта, уроженца Вологодского района.

На суд жюри было прислано несколько десятков работ со всей Вологодчины. Один автор мог принять участие в конкурсе по нескольким номинациям. На конкурс принимались работы в трех номинациях:

• «Поэзия» (подборка стихотворений объемом до 500 строк);

• «Проза» (рассказы объемом до двух печатных листов или 50 страниц формата А4);

• «Критика и литературоведение» (материалы о жизни и творчестве поэта Сергея Чухина и его современников объемом до двух печатных листов или 50 страниц формата А4).

ПОЭЗИЯ

Лауреат I степени -
Лидия Андреевна Мокиевская
(город Белозерск).
Лауреат II степени -
Николай Александрович Дегтерёв
(поселок Шексна).
Лауреат III степени -
Александр Васильевич Кругликов
(город Череповец).

ПРОЗА

Лауреат I степени -
Виталий Ювинальевич Ламов
(Тарногский район).
Лауреат II степени -
Светлана Николаевна Чернышёва
(Вологда).
Лауреаты III степени -
Юрий Анемподистович Кутьин
(поселок Шексна) и
Николай Михайлович Соколов
(село Куркино).

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Лауреат I степени -
Василий Михайлович Мишенев
(город Никольск).
Лауреат II степени -
Николай Александрович Дегтерёв
(поселок Шексна).
Лауреат III степени -
Артём Михайлович Кулябин
(город Сокол).

Радостно, что почти все победители конкурса - авторы «Вологодского ЛАДА». Редакция готова рассмотреть и рукописи тех авторов, которые в нашем журнале еще не публиковались.

ЖИЗНИ И ПОЭЗИЯ - ОДНО

Как, интересно, чувствовал бы себя Сергей Чухин в Вологодской районной библиотеке, где собрались подводить итоги премии, учрежденной в честь его 75-летия? Смущенно улыбался бы, похмыкивая, слушая рассказы о родных с детства местах: Погорелове, Бабцыне, Лисьей горке? Вслушивался бы в строки своих стихов, после одних кивая согласно головой - ай да Чухин! - а услышав другие, возможно, и недовольно покачивая головой - эх, не так надо было сказать!

Но - сорок лет назад в октябрьские серые холодные дни Сергей Валенинович погиб, и мы уже никогда не узнаем, каким он стал бы в свой солидный юбилей. 75 - шутка сказать...

Гадать не станем. Но уверен в одном: Сергей Чухин был бы в зале районной библиотеки в Кубенском естественным, доброжелательным, шутливым. Таким, каким он был всегда и везде.

Знакомые Николая Рубцова вспоминали, как он порой удивлялся: «Ну почему у нас нельзя жить поэтом?» - «Как это, Коля?» - «Ну, писать стихи - и больше ни о чем не заботиться...» Окружающие не понимали, что это за поэтический каприз. Поэзия, конечно, дело хорошее, но ведь и жить же надо, работать...

Жизнь и поэзия - одно, еще до Рубцова и Чухина сказано, больше двухсот лет назад. Так ведь это Жуковский говорил, современник Пушкина, романтик, разве можно буквально понимать...

Оказывается, только буквально и можно. Если ты, конечно, поэт - как Николай Михайлович, как Сергей Валентинович... Эти люди строили свою жизнь, ставя во главу угла поэзию, а не что-либо иное. Жизнь обоих счастливой не назовешь - в земном смысле: ни богатств особых, ни почетных званий у них не было, жили сложно и земное бытие оба оставили рано... А в памяти людской и Рубцов, и Чухин навек останутся поэтами - потому что и жили, как поэты. Настроив, как советует русская классика, душу на добро...

Сотрудники районной библиотеки подготовили стенд, рассказывающий о жизни и творчестве Сергея Валентиновича Чухина

Вологодская книга года

Девятый раз областная универсальная научная библиотека имени И. В. Бабушкина провела областной конкурс «Вологодская книга года». В 2019 году в качестве обязательного экземпляра в библиотеку поступило 675 книг. Жюри, в составе которого 24 эксперта, рассмотрело 366 изданий и подвело итоги конкурса в девяти номинациях.

«ЛУЧШАЯ КНИГА О ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ»: победитель - Валерий Есипов, биографическая книга «Шаламов»;

лауреаты: авторский коллектив под руководством Александра Суворова с книгой «Вологда в минувшем тысячелетии. Памятники истории и культуры» издательства «Древности Севера»; Геннадий Сазонов, «Спяние слова Василия Белова: встречи, беседы, воспоминания»;

специальный диплом «Вологодская литература. Наше наследие» - составитель сборника стихов Александра Яшина «Запасаемся светом» Наталья Попова-Яшина.

«ЛУЧШЕЕ ИЗДАНИЕ О ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ»: победитель - издательство «Древности Севера», книга «Вологда в минувшем тысячелетии. Памятники истории и культуры»;

лауреаты: издательство «Арника», фотоальбом «Вологодская область. Душа Русского Севера», составитель Федор Суханов; издательский дом «Порт-Апрель» (Череповец), историко-картографический атлас «Череповец: кольца истории», авторы Александр Мокин и Елена Булатова.

«ЛУЧШЕЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ»: победитель - Елена Ильина, Татьяна Комиссарова, Людмила Сабурова, Светлана Ганичева, «Языковая картина мира вологодского крестьянина: монография»;

лауреаты: авторский коллектив преподавателей Нижегородского государственного технического университета, «Инженерно-экологический справочник»; Елена Юшкова, «Айседора Дункан и вокруг: новые исследования и материалы».

Любовь Николаевна Тихомирова проводит уже девятый конкурс «Вологодская книга года». Особенностью нынешнего она считает обилие качественных краеведческих изданий

«ЛУЧШЕЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ»: победитель - Роман Красильников, учебник для вузов «История русской культуры. XX век;

лауреаты: Алексей Огарков, «Школа практической экологии: вологодский вариант»; Павел Курапов, Елена Бахтенко, учебник для вузов «Биотехнология (основы биотехнологии и медицинской нанобиотехнологии)».

«ЛУЧШЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ»: победитель - Олег Зажигин, Сергей Добрынин, фотоальбом «Вологодская область. Душа Русского Севера»;

Жюри областного конкурса рассмотрело 366 изданий

лауреаты: Павел Кулешов, Сергей Герасименко, фотоальбом «Вологодчина»; Марина Кошелева, Андрей Кошелев, Юлия Судакова, альбом-путеводитель «Толшма: от устья к истокам».

«ЛУЧШЕЕ ПОЛИГРАФИЧЕСКОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ИЗДАНИЯ»: победитель - ПФ «Полиграф-Периодика», сборник стихов Константина Павлова «Для чего ежу иголки»;

лауреаты: ИД «Череповецъ», фотоальбом «Вологодчина»; ПФ «Полиграф-Периодика», «Тотьма - город мореходов и землепроходцев».

«ЛУЧШЕЕ ИЗДАНИЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА»: победитель - Константин Павлов, «Для чего ежу иголки»;

лауреаты: Людмила Целуйко, «Сказки Дедушки Мороза»; Сергей Полонский, «8 Великих Битв 1941-1945 гг.».

«ЛУЧШЕЕ КОРПОРАТИВНОЕ ИЗДАНИЕ»: Наталья Маслова, Сергей Щекин, книга «Судьбой дарованные встречи... : биография продолжается: Александр Николаевич Шичков. Инженер. Ученый. Педагог. Человек».

Специальная номинация «Малая родина»: Ольга Баранова, «Открывая Грязовец».

Специальный диплом ЧГУ: А. Н. Кичигин, А. И. Труфанов, «Очерки по геоморфологии и гидрогеологии Вологодской области».

Диплом Союза российских писателей: С. Антушевич, «Город Че: повести, рассказы».

Дипломы ВолНЦ РАН: А. Л. Грязнов, «Белозерские акты XIV - XVI веков». Д. А. Пшеницын, «Солигаличский торговый тракт, или История волости Толшма (XVII - XX век)».

Специальная номинация «Культуртрегер»: Л. А. Якушева, «Фон и фигура: провинциальные сюжеты».

Дипломы Общественной палаты Вологодской области:

- Сергей Багров, «Короткая передышка»;
- Лариса Викторова, «Сказка о Жар-птице, железном орле и волшебной стране»;
- Светлана Галунова, «Иконописное наследие Череповецкого края конца XIV - начала XX века», издательство Череповецкого государственного университета;
- Анатолий Ехалов, «Детство золотое»;
- авторский коллектив публицистического издания «Земляки: по материалам Кирилловской районной газеты «Новая жизнь»;
- Григорий Игнатьев, «Королева спорта: легкая атлетика на Вологодчине»;
- Александр Кувшинников, «Незабываемое: хроника одного семейства»;
- издатель Татьяна Прилежаева, «Трудовая слава Нюксенской земли».

В НОМИНАЦИИ «ВЫБОР ЧИТАТЕЛЯ» победила книга «Школа практической экологии: вологодский вариант» председателя регионального отделения Общероссийской детской организации «Малая академия наук. Интеллект будущего», академика Российской академии творческой педагогики Алексея Огаркова. За нее на сайте библиотеки проголосовали 9616 человек.

Помнить, чтобы жить по правде

В дни Беловских чтений 2020 года главный редактор уникальной антологии «ВОЙНА и МИР», поэт Борис Иванович Лукин привёз в дар вологодским библиотекам пять первых томов антологии и рассказал о продолжении проекта - издано ещё четыре тома.

- Борис Иванович, «ВОЙНА и МИР» - название ответственное, тема очень серьёзная, труд собирания такого огромного пласта поэзии - почти неподъёмный. Как решились на такую работу?

- Тема - Великая Отечественная война. Авторов и их произведения решили представлять по поколениям: отцы (до 1927 года рождения), дети (с 1927 по 1945 и с 1946 по 1955 г.р.), внуки (с 1956 г.р.). Предложил осуществить проект президент Литературного фонда «Дорога Жизни» поэт Дмитрий Мизгулин. На начальном этапе к работе по составлению присоединился Юрий Перминов.

Авторов пришлось «воскрешать» по всей России. По ходу дела выяснилось: мы слишком немногих помним из высказавшихся на искомую тему. И список известных читателям поэтов искусственно ограничен, но это совсем другая тема…

- Что же вдохновляло лично вас на работу над антологией?

- Память о родителях. Об отце-фронтовике и маме - девчушке, работнице тыла. Я у родителей-победителей - поздний ребёнок. Никогда не отпускала меня папина война - я её до сих пор ощущаю именно так. Хотя сам на эту тему написал немного стихов. Кстати, этим летом родилось, как мне кажется, ключевое.

В вологодских библиотеках есть пять томов военной антологии, вышло уже девять, в всего планируется 15

«Война и мир». Антология: Великая Отечественная война (1941-1945) в русской поэзии XX-XXI вв. Идея Дмитрия Мизгулина. Главный редактор, редактор-составитель Борис Лукин. В пятнадцати книгах. Кн. I-V (авторы до 1927 г.р.). - Санкт-Петербург, Литературный фонд «Дорога Жизни»; Тюмень: Тюменский издательский дом, 2015-2016. Кн. VI-IX (авторы с 1927 до 1945 г.р.). - Санкт-Петербург, Литературный фонд «Дорога Жизни»; 2020.

Я ЕСМЬ

У маленьких иконок нет лица -
мальцом жестянку тонкую промял;
медали мамы, ордена отца -
как погремушки были для меня.

Быт коммуналки. Тесненькая щель
между кроватки спинкой и стеной;
как мало в мире видится вещей,
как много снов.
И главный, самый страшный - папы нет:
он навсегда остался на войне.

Я спрашивал ровесников своих:
есть эта боль в числе страданий их?
И узнавал, что лишь велосипед
не купленный тревожит сладкий сон,
У них служили бабка или дед,
не мать с отцом…

Хотя без стариков какая жизнь?
У них в руках смекалка мира вся.
И к нашей двери шли все этажи:
тачать, лудить, зарезать порося…
А надо - телевизор починить,
так это проще, чем запрячь коня.
И прерывали счастье только сны:
в которых нет отца и нет меня…

Работая над составлением антологии, перечитывая стихи поэтов-фронтовиков, я словно сроднился с каждым из них. Жена все пять лет работы говорила мне, что я прожил их жизни, не одну сотню раз умер и вновь родился благодаря прекрасным стихам, над которыми и плакать, и радоваться всем сердцем приходилось. Ведь в первых пяти книгах почти 1200 авторов, а за годы, прошедшие после их издания, набралось еще 300 подборок - на добротный дополнительный том, который и будет издан в финале.

- Более тысячи авторов? Кто они и откуда? Кто из вологжан?

- Это писатели со всех краев огромной нашей страны. Почти каждый из них у себя дома был известен. Работая над антологией, я понял, что эта тысяча поэтов так рассредоточена по всей России, что тысячи населенных пунктов связали они единой родовой сетью, позволяющей живущим ныне потомкам понять, как же мы все породнились в те страшные и героические военные годы.

Из вологжан в первых пяти томах представлены: Сергей Васильевич Викулов, Валерий Васильевич Дементьев, Игорь Александрович Каберов, Николай Николаевич Кутов, Наталья Глебовна Овчарова, Анатолий Сергеевич Пестюхин (Ольхон), Сергей Сергеевич Орлов, Екатерина Васильевна Серова, Варлам Тихонович Шаламов, Александр Яковлевич Яшин (Попов).

(Поинтересовался у Бориса Лукина, как он «вышел» на этих авторов. Оказалось, что стихи Натальи Овчаровой он нашел в сборнике, изданном в Воронеже («Шёл солдат». Стихи о войне, сост. С. Н. Никулин, Воронеж, 2005), а стихотворение Екатерины Серовой - из сборника «Песня Победы» (Ленинград, издательство «Детская литература», 1985).

Вот два стихотворения Екатерины Серовой из антологии.

* * *

Подожди, не спеши, задержись
хоть немножко,
Юность в шапке-ушанке и кирзовых
сапожках.
Сколько раз, моя юность, тебя убивали!
Сколько раз, моя юность, тебя воспевали!

Что осталось во мне от тебя,
остроглазой?
Что пришло ко мне после -
спокойнейший разум?
Равновесие сердца? Продуманность слова?
Если б прошлое можно вернуть
было снова!

Дружбу дней огневых. Беззаветную верность.
Бескорыстие смерти. Терпенья безмерность.
Я б всё снова прошла, не сдалась, одолела -
Лишь бы сердце горело.
Лишь бы сердце горело!

* * *

И стало тихо. День звенел, звенел…
Не веря, я смотрела на картину:
вслед взмывшей птице мальчуган свистел,
а голубь плыл, бесстрашно крылья вскинув.

Так, значит, правда, кончилась война,
коль смысл опять приобрела картина
и кем-то вновь повешена она
на место карты с планами Берлина.

1944

Сергей Сергеевич Орлов. Без стихов уроженца Белозерска поэтическая картина Великой Отечественной была бы неполной

- Проект «ВОЙНА и МИР» некоммерческий, как же будут распространяться книги?

- Тираж первых пяти книг - 2000 экземпляров. Книги с шестой по девятую издаются по тысяче. Литературный фонд «Дорога Жизни» дарит книги в библиотеки, университеты, наследникам и авторам проекта. Вот и я развожу их по всей стране. В этом году антология подарена мною библиотекам Вологды, Севастополя, Таганрога, Тулы, Южно-Сахалинска. Недавно Фонд «Дорога Жизни» принял решение о рассылке антологии по всем крупнейшим библиотекам России.

- Что дала лично вам работа над антологией?

- Я узнал много новых имён и стихов… А за стихами всегда и судьбы поэтов. Израненные, измученные, малообразованные из-за фронтовой учебы, а не школьной, они смогли преодолеть все препятствия и стать не просто достойными обладателями права на жизнь, но и носителями памяти о своих погибших товарищах. Это незабываемые судьбы поэтов-танкистов Иона Дегена и Сергея Орлова, чьи стихи, написанные в двадцать мальчишеских лет, просто нельзя не знать. Тем более что вот эти стихи Орлова именно к нам обращены:

***

Пусть о нас вспоминать будут редко,
Пусть потомки забудут о том,
Как за них несчастливые предки
Умирали под Мгой и Орлом.
Всё равно в этой жизни далёкой
Будем вечно мы жить среди них
Чернозёмом на пашнях широких,
Кирпичами в дворцах голубых.
В лёгкой песне берёз по дорогам,
На рассвете в прохладной росе,
В ясных реках и травах, во многом,
Без чего нету жизни совсем…
Без чего не сбывается счастье…
Мы придём непременно в него,
В этот век, через дым и ненастье,
Став свободным дыханьем его.

- Вот и пришло время поговорить о новых книгах проекта, выпущенных в этом году. На каком этапе сейчас ваша работа: в начале, на середине, близка к завершению?

- Еще год назад я назвал бы другое количество запланированных томов. Дело в том, что это не академический проект. Совсем недавно широкой общественности был представлен

многотомник архивных документов по Нюрнбергскому процессу, интересно, что над сбором и обработкой 7000 документов трудились около 7000 архивистов. Мне - одному - сложнее. Да и государственной поддержки, к сожалению, никакой не ощущается.

В самом начале мы предполагали семи- или девятитомник, постепенно он разрастался. Так как было невозможно оценить общий объем материала, так как до нас никто за подобные антологии и не мыслил браться. И сегодня девять томов уже готовы. А впереди, судя по всему, минимум шесть книг и не один год работы.

- Случаются интересные находки в ходе работы: неизвестные ранее, но достойные авторы; неизвестные произведения?

- Первые годы я не вёл дневника во время работы. Поэтому многие впечатления начального периода стёрлись в памяти. Но невозможно забыть то, что повлекло дальнейшее моё творческое участие в судьбе автора. В Национальной библиотеке Татарстана мне попалось издание 1943 года. Это была поэма «Зоя Космодемьянская» поэта Гали Хужи (Гали Хузеевич Хузеев, 1912 - 1966), написанная на татарском языке в 1942 году. И с той поры ни разу не переводилась на русский язык. Именно над переводом этой поэмы я и работал весь 2020 год. А подступиться было совсем непросто. Никто из живущих в Татарстане переводчиков не согласился оказать помощь в подготовке подстрочника. Это совсем не удивило меня, так как и в работе над антологией современное писательское сообщество остается чаще всего в стороне (счастливое исключение только еще больше вырисовывает общее равнодушие). И с радостью могу сообщить, что перевод завершён. Осталось только издать книгу. Надеюсь, что в татарской и русской поэзии это станет ещё одной страницей творческого взаимопроникновения и развития.

- Для нас, вологжан, конечно, особенно интересны вологодские авторы: кто из них в новых томах?

- Вологодчина, как не многие края России, помнит и любит своих поэтов, поэтому вас трудно удивить новыми именами. В новых томах: Василий Иванович Белов, Леонид Александрович Беляев, Нина Васильевна Груздева, Анатолий Павлович Гусев, Виктор Вениаминович Коротаев, Юрий Макарович Леднев, Леонид Михайлович Патралов, Александр Александрович Романов, Николай Михайлович Рубцов, Михаил Николаевич Сопин, Игорь Васильевич Тихонов, Ольга Александровна Фокина, Сергей Валентинович Чухин.

Все они из поколения детей войны. Память этого поколения наполнена не только трагизмом личной жизни, стихи посвящены не военным действиям, а военной поре в тылу, трудным годам послевоенной жизни. Боль сиротства, долгое ожидание возвращения (вопреки всему) после Победы отцов, сочувствие материнскому вдовству и собственное одиночество в мире, послевоенный голод, вкус скудного мирного хлеба - ещё одно биографическое дополнение ко всем грозным военным картинам… Их поэзия - дополнение, неискажённое, непредвзятое, из первых рук, фактическое, опирающееся на прожитое конкретным поэтом и его окружением. Для авторов последующих поколений такой жизненной точности в стихах достичь будет невозможно.

- И всё-таки, как бы вы охарактеризовали смысл и задачу вашего проекта?

- Каждый раз, когда беру в руки очередную книгу со стихами о войне, выпущенную другими редакторами, мысленно благодарю собравших её людей. Особенно трепетно открывать издания, вышедшие в самый тяжёлый для страны период, когда враг был только-только отброшен от Москвы. Например, есть у меня в библиотеке сборник «Родина», опубликованный в 1942 году, с подзаголовком «Сборник высказываний русских писателей о Родине», в котором представлены не только стихи, но и отрывки из прозы, личной переписки, публицистических статей и очерков различных авторов. А их состав впечатляет: от безымянного автора «Слова о полку Игореве» до Маяковского.

Вот и антология «Война и мир» - тоже собрание высказываний русских поэтов о Родине. Потребность общества в таких стихах с каждым годом будет расти, потому что в них - правда времени, правда прошлого, без которой невозможно будущее.

Беседовал
Дмитрий ЕРМАКОВ

Бездорожье памяти не помеха

Сорок пять лет назад, в год 30-летия Победы в Великой Отечественной войне, студенты и преподаватели Вологодского молочного института совершили первый мотоагитпробег в память о подвиге нашего народа в 1941 - 1945 годах. С тех пор продолжаются ежегодные мотопутешествия в майские дни, посвященные Великой Победе.

«МУЖИКИ ПРИШЛИ С ОЧЕНЬ ХОРОШЕЙ ИДЕЕЙ!»

Идея мотоагитпробега «Победа» возникла у Юрия Алексеевича Житникова, председателя первичной организации ДОСААФ Вологодского молочного института. Юрий Алексеевич преподавал на факультете механизации, ребята к нему тянулись, не позволяли себе прогуливать «пары» Ю. А. Житникова, да и к гаражу института постоянно приходили желающие познакомиться поближе с техникой.

На идею пробега натолкнул Юрия Алексеевича праздничный концерт художественной самодеятельности: преподавателя поразило, как много отличных выступлений было посвящено юбилею Победы. Как помочь увидеть их жителям всей области? Пришла в голову идея агитационного пробега. Причем участники должны передвигаться на мотоциклах, это стало ясно почти сразу же: нужная техника у ДОСААФ есть - значит, надо использовать.

Обсудили идею с товарищами, с руководством комсомольской и партийной организаций - поддержали все. К ректору, Валентину Тихоновичу Лобанову, направились целой делегацией.

Выслушав предложение, ректор крякнул, потер ладони - была у него такая привычка - и обратился к секретарю парткома Альберту Яковлевичу Завьялову:

- Слушай, Яковлевич, - ведь мужики пришли с очень хорошей идеей! Буду просить руководство области о поддержке. Дело очень важное...

Валентин Тихонович прошел по дорогам войны от Москвы до Праги, имел ранения и награды, - конечно, фронтовик сразу понял, как нужна такая акция: она и о славной боевой истории напомнит людям, и даст молодежи возможность заняться интересным делом.

Командир мотоагитпробега Ю. А. Житников

По предложению ректора подключили к организации пробега начальника учебной части ВМИ Доната Васильевича Шелковникова - он полковник запаса, командовал боевой дивизией.

На смотре лучше всех выступили студенты технологического факультета, они и составили основу концертной бригады. В ней, кстати, не только певцы и музыканты были, но и лекторы. Впоследствии менялись участники и организаторы мотопробега, но не менялась задача: способствовать сохранению памяти о Великой Победе.

Участники мотопробега проводили митинги у обелисков в память о павших в Великой

На привале

Отечественной войне, чествовали ветеранов войны. Финансовую поддержку «Победе» оказывали областные власти.

За девять дней можно было посетить ряд районов, несколько десятков населенных пунктов.

Отправляли мотоагитпробег-1975 с первомайского митинга. Впечатляюще выглядели участники пробега с красными лентами через плечо!

«ХВОСТИСТОВ» В ПРОБЕГ НЕ БРАЛИ

Из воспоминаний одного из комиссаров пробега Олега Васильевича Петрова: «Для студентов ВМИ стать участником мотоагитпробега «Победа» было мечтой, но всего лишь для четырех-пяти десятков человек эта мечта каждый год становилась реальностью.

Мне посчастливилось четыре раза принять участие в «Победе». Конечными пунктами этих пробегов были села Калинино Бабушкинского района (1978 г.), Морозово и Сметанино Верховажского района (1981 г.), Пундуга и Шапша Харовского района (1982 г.), Ошта и Анненский Мост Вытегорского района (1983 г.).

К пробегу готовились очень тщательно: изучали дороги, места ночлега, питания, осматривали сцены домов культуры, где предстояло давать концерты, планировали встречи с ветеранами и школьниками, посещение музеев и мемориальных мест, шили ленты участников, готовили мотоциклы и автотехнику. Студенты, участники пробега, подчищали «хвосты» по имеющимся задолженностям, иначе можно было в пробег не попасть...»

С 1976 по 1979 год мне посчастливилось быть комиссаром мотоагитпробега. Олег Петров впечатляюще рассказал о сложной и многогранной подготовке к нашим пробегам, дополню только, что готовиться к нему мы начинали с 10 мая, как только проходило празднование очередной годовщины Победы.

Мы изъездили практически все районы нашей области. А ведь путешествовать приходилось в тяжелых условиях. Большинство дорог в весеннюю распутицу были непроезжими. Чтобы пробиться в село имени Бабушкина, например, приходилось почти четыре часа преодолевать 40 километров по глиняным колеям между Воробьевым и Биряковым. Как правило, около 15 километров автобус, в котором ехали участники самодеятельности, тащил вездеход ГАЗ-66, а мотоциклы приходилось вытаскивать из глиняной жижи руками.

ШКОЛА «ПОБЕДЫ»

Мы никогда не забывали, что цель нашего пробега - почтить память героев Великой Отечественной. Так, когда ездили на Оштинский рубеж, одна из пожилых женщин, увидев колону мотоциклистов со знаменами и транспарантами с надписью «Победа», - встала на колени, молилась и горько плакала. Командир остано-

вил колонну. Выяснилось, что в годы войны эта женщина потеряла мужа и брата. Конечно, все мы были потрясены до глубины души.

Вспоминаю, как в Чагоде к обелиску Славы женщина с юношей подкатили инвалидную коляску, в которой сидел человек без обеих ног - он потерял их на фронте. Грудь ветерана украшали боевые награды. Это был Юрий Павлович Петров, его сопровождали дочь и внук.

Таких событий за 45 лет истории пробега было немало.

С каждым годом число участников не уменьшалось, а росло. Чем же привлекал ребят наш мотоагитпробег? О бездорожье я уже сказал - а ведь некоторые преодолевали ямы и буераки, наполненные грязью, на собственных мотоциклах... Ехать приходилось в дождь, а иногда в очень холодную погоду. И никто участникам, конечно, не платил.

Ребят привлекала дружная, товарищеская обстановка. И, конечно, сознание, что они участвуют в важном общем деле. А трудности... Кто ж их боится в двадцать лет? Традицией пробега была общая рыбалка. Находили подходящее место, ловили рыбу, готовили уху на всех, приглашали посидеть с нами ветеранов войны - запоминались такие встречи надолго.

Проблем и волнений было много, поэтому на второй-третий день командир, как правило, терял голос, говорил шепотом. Это вызывало оживление, но дисциплина строго соблюдалась.

За прошедшие годы участники пробегов не только исколесили вдоль и поперек Вологодчину, но и побывали в Вельском и Устьянском районах Архангельской области, Пречистенском районе Ярославщины. Пройдены тысячи километров сельских дорог, поставлены сотни концертов, прочитаны тысячи лекций, проведены митинги, встречи Памяти, беседы, «уроки Памяти», «круглые столы» со школьниками и сельской молодежью. Школу «Победы» прошли более тысячи студентов.

Особо хочется отметить вклад Алексея Владимировича Смирнова, восстановившего прерванную на некоторое время патриотическую традицию. Именно ему Ю. А. Житников завещал продолжать свое дело. Несколько раз (с 1995 по 2000 г.) Алексей Смирнов был комиссаром и командиром мотоагитпробега. В этот период география «Победы» расширилась: участники пробега побывали в Архангельской (1998 г.) и Ярославской (2000 г.) областях.

Сегодняшние организаторы и участники «Победы» просто молодцы! О том, что эта традиция живет, свидетельствует большое количество благодарственных писем, которые приходят с мест, через которые проходил мотоагитпробег, а также статьи о «Победе» в районных, городских, областных газетах.

Алексей Маклахов,
доктор экономических наук,
профессор, в 1976 - 1979 гг. - комиссар
мотоагитпробега «Победа»

Новое поколение мотоагитпробеговцев

Василий Белоусов

Василий Сергеевич Белоусов родился 22 марта 1937 года в деревне Курья Биряковского района Вологодской области (ныне территория Сокольского района). Окончил в 1955 году Сокольский целлюлозно-бумажный техникум, работал по специальности в Хабаровском крае и в Мурманской области. После службы в армии внештатно сотрудничал с областными газетами Заполярья, с 1961 года трудился в областной «Полярной правде».
С 1977 по 2014 год - собственный корреспондент ТАСС по Мурманской области. Имеет более десяти государственных наград, в том числе ордена Почета и Дружбы. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный гражданин Мурманской области. Автор 18 документальных и художественных книг. В настоящее время на пенсии. Живет в Вологде.

Герои войны и труда: вологжане в Арктике

В освоении Арктики, сибирских и дальневосточных земель издавна активное участие принимали вологжане. Широко известны имена землепроходцев родом из Тотьмы, Великого Устюга и других вологодских пределов. Уже в наши дни славу Ивана Кускова и Ерофея Хабарова подхватили и продолжили современные покорители Арктики - военные моряки и строители, рабочие, рыбаки и учителя... В Мурманской области почти каждый пятый житель имеет вологодские корни.

* * *

В 1937 году специально с научной целью для дрейфа во льдах был оставлен ледокольный пароход «Г.Седов». Дрейф, беспримерный по героизму, начался 23 октября, завершился 13 января 1940 года. Он продолжался 812 дней, причем в высоких широтах, где до этого не ступала нога человека. Весь мир следил тогда за ходом небывалого эксперимента в Арктике. Всем пятнадцати членам экипажа «Г.Седова», среди которых был и уроженец Вологодчины радист Александр Александрович Полянский, было присвоено звание Героя Советского Союза, а сам корабль награжден орденом Ленина.

А. А. Полянский родился в Вологде. Когда ему было шесть лет, родители переехали в Архангельск. Там он окончил техникум связи и был призван во флот, где получил специальность радиста и служил на мысе Цып-Наволок

Публикуется с сокращениями

Кольского полуострова. После экспедиции на «Седове» работал по специальности в Главном управлении Севморпути. Во время Великой Отечественной войны был начальником полярной станции на острове Белый в Карском море. С Арктикой были связаны и послевоенные годы его жизни. Умер он на борту судна при возвращении с полярной станции на острове Гойберг. Похоронен на Соломбальском кладбище Архангельска.

* * *

12 августа 1944 года немецкая подлодка акустической торпедой, не оставляющей следов на воде, потопила пароход «Марина Раскова». Из 354 человек его команды и пассажиров были спасены лишь 145. И в основном благодаря самоотверженным действиям экипажа полярного летчика Матвея Козлова, утверждает кандидат исторических наук вологодский литератор Тамара Спивак. Ей удалось разыскать в архивах рассказ летчика об этом событии.

Уроженец деревни Турово Заднесельской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии (сейчас Усть-Кубинский район) летную работу начал на Крайнем Севере. В 1937 году он участвовал в экспедиции, высадившей папанинцев на льдину на Северном полюсе, - был вторым пилотом в экипаже Ильи Мазурука. В тот памятный августовский день сорок четвертого М. И. Козлов получил задание выяснить, есть ли в море люди, спасшиеся на шлюпках после гибели парохода «Марина Раскова». На четвертый день обнаружили первый кунгас (парусную лодку) с людьми. Посадив самолет на воду, летчики подобрали их. В тот же день удалось отыскать и спасти еще двадцать пять человек. На десятый день обнаружили еще один кунгас, в котором находились сорок человек. Штормило уже так, что о посадке на воду не могло быть и речи. Матвей Ильич барражировал над суденышком в ожидании посланного на помощь корабля, но тот не пришел в назначенный час. И тогда, посоветовавшись с членами экипажа, Козлов решил сажать самолет на гребень четырехметровой волны. С нее - на гребень следующей. И так - до полного погашения скорости самолета. Через задний люк спустили на воду резиновый клипер-бот. С его помощью и сняли людей с дрейфующего суденышка. С таким грузом поднять самолет с воды в штормующем море было уже невозможно, и тогда командир принял рискованное решение - идти по воде в сторону берега, до которого оставалось без малого 60 миль.

Позже, вспоминая об этой спасательной операции, сослуживец Козлова, главный штурман полярной авиации Валентин Аккуратов, сказал мне:

- Да, был большой риск. Но иного выхода не было. Матвей Ильич не мог поступить иначе...

Войну М. И. Козлов закончил в звании подполковника. За мужество и отвагу он был награжден тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя - Отечественной войны и орденом Красной Звезды.

И еще об одном вологжанине, участнике боевых операций в Арктике, не могу не упомянуть. Речь идет о Герое Советского Союза генерал-полковнике Евгении Николаевиче Преображенском, первым среди советских военных летчиков бомбившем столицу фашистской Германии еще в самом начале войны - в августе 1941 года. В 1944 году он командовал авиацией Северного флота, нанесшей гитлеровцам весьма ощутимый урон не только на суше, а и в море - топя вражеские корабли.

* * *

Многие в Заполярье знают капитана Олега Ивановича Воденко. Фронтовик, бывший разведчик одной из частей Ленинградского фронта, стал моряком после окончания в 1949 году судоводительского факультета Ленинградского высшего арктического училища. До самого ухода на заслуженный отдых служил Воденко сначала на речных, а потом - на морских судах, обслуживавших Северный морской путь. Участвовал в семи антарктических экспедициях в должности старшего помощника и капитана знаменитого советского дизель-электрохода «Обь». В 1963 году на теплоходе «Вацлав Воровский» впервые осуществил пассажирские перевозки на Кубу. Его именем в 1982 году назван теплоход Мурманского морского пароходства.

Более двадцати лет бороздил арктические моря уроженец поселка Шольский Завод Белозерского района Станислав Вячеславович Румянцев, капитан атомного ледокола «Ямал». Сотни рейсов на арктических трассах довелось совершить нашему земляку. Не раз побывал он и на Северном полюсе, выполняя на своем корабле международные туристические круизы.

Атомоход «Россия» совершил первый международный туристический круиз на Северный полюс. Вологжане были и в составе экипажа, и среди туристов

Устюжанин Юрий Коновалов и Геннадий Фролов из Кириллова несли вахту на атомном ледоколе «Сибирь». Юрий обслуживал атомную энергетическую установку, а Геннадий был старшим техником-дозиметристом. Оба участвовали в уникальном рейсе «Сибири», впервые в практике арктического мореплавания осуществившей сверхраннюю проводку транспортного судна по высокоширотной трассе из Мурманска к берегам Камчатки.

Уроженец Сокола Александр Николаевич Пашичев получил диплом инженера-судомеханика в знаменитой «Макаровке», кузнице кадров для отечественного морского флота, в 1980 году. Трудовую деятельность начал четвертым механиком на ледоколе «Киев» Мурманского морского пароходства. Исполнительный, трудолюбивый молодой специалист быстро освоил силовую установку. Пашичев стал прекрасным специалистом и руководителем, ему доверили принимать от судостроителей новые суда.

Из Сокола родом и В. А. Ильинцев, мастер-электрик атомного ледокола «Россия». На это судно он пришел еще во время строительства атомохода. Мы познакомились с ним во время первого международного туристического круиза на Северный полюс. В Мурманском морском пароходстве трудится с 1974 года.

* * *

Вадим Константинович Коробов родился в 1927 году в Вологде. В годы войны окончил знаменитую Соловецкую школу юнг. Затем были годы службы на боевых кораблях, учеба в Высшем военно-морском училище имени Фрунзе и Военно-морской академии. На Северном флоте, став подводником, прошел все ступени профессионального роста - от командира боевой части подводной лодки до начальника штаба, первого заместителя командующего флотом. В качестве командира подводной лодки руководил первыми пусками крылатых и баллистических ракет. В 1976 году возглавил переход атомной подводной лодки «К-171» с Северного флота на Тихоокеанский через пролив Дрейка, за что удостоен звания Героя Советского Союза.

Уроженцем Вологодчины был и первый командующий Северным флотом Константин Иванович Душенов. Родился он в 1895 году в деревне Ивановское, ныне деревня Константиново близ села Новленское Вологодского района. Служил матросом на легендарном крейсере «Аврора. После Октябрьской революции 1917 года занимал руководящие должности в различных военно-морских структурах. В 1940 году по ложному обвинению был при-

говорен к смертной казни. Реабилитирован в 1955 году. Его именем названа улица в Североморске.

Достойно представляющих Вологодчину среди мурманчан очень много. Всем вам, дорогие земляки, огромное спасибо за вашу самоотверженную работу, способствующую превращению пустынной Кольской земли в один из крупнейших индустриально развитых и культурных центров страны, а главный его город - Мурманск - в столицу Арктики.

* * *

Первыми в свободном плавании достигли макушки планеты участники советской экспедиции на атомном ледоколе «Арктика». Случилось это 17 августа 1977 года.

А вот первый международный туристический поход на Северный полюс совершил другой атомоход - «Россия». В нем участвовали и ученые из США, ФРГ, Канады, Франции и ряда других стран. Они заранее позаботились о том, чтобы атомоход оснастили самыми современными приборами, входящими в систему спутниковой связи. Кстати, по данным советского и американского полярных спутников, сверенных с показаниями приборов наземных систем, стало возможным определить место судна в арктических льдах с небывалой точностью - до десяти метров. Лишь убедившись, что такой огромный корабль, как наш атомный ледокол, практически невозможно двинуть ближе к земной оси, бдительно следившие за приборами иностранные ученые подошли к капитану «России» Анатолию Ламехову, чтобы поздравить с успехом и отсалютовать приготовленной ради этого случая бутылкой шампанского. Мне, тогда спецкору ТАСС, довелось быть свидетелем этого события.

Забегая вперед, скажу, что в ходе рейса мы еще раз побывали на полюсе. Дело в том, что пока участники круиза отмечали столь радостное событие, льдину с ошвартовавшимся к ней атомоходом отнесло на четыре мили от полюса. Чтобы не тратить зря силы, капитан распорядился сперва дать задний ход по оставленному нами во льдах каналу, затем развернуться и еще раз «проутюжить» земную ось. Уставшие от торжественной церемонии пассажиры и не заметили этого, а узнали о втором заходе на полюс из утреннего радиобюллетеня, выпускаемого весь рейс командой «России».

* * *

Арктика - это не только Северный Ледовитый океан и его прибрежная зона. Кольский полуостров, как и вся территория Мурманской области, где особенно много людей, имеющих вологодские корни, целиком отнесены к Арктике. Когда-то это была глухая окраина России, где проживало всего около 12 тысяч человек. Между тем здесь таились поистине несметные природные богатства, отсюда через незамерзающий Кольский залив был прямой выход в Мировой океан. Планомерное освоение этого сурового северного края, начавшееся в 1915 году с прокладки железнодорожных путей от Петрозаводска к Кольскому заливу и строительства здесь морского торгового порта, сулило не только существенное пополнение государственной казны, но и укрепление обороноспособности страны.

На Кольском полуострове в начале тридцатых годов минувшего века были обнаружены богатые залежи апатитов и медно-никелевой руды. Началось строительство первых общесоюзного значения промышленных предприятий - комбинатов «Апатит» и «Североникель».

Север притягивает к себе людей. Стоит лишь раз побывать на берегах Ледовитого океана, и вас снова потянет туда. Многие вологжане испытали на себе эту чудесную его силу. Обосновавшись здесь, тянули за собой других земляков. И те оседали на Кольской земле, создавая целые династии. На комбинате «Апатит», например, все знают династию Хромовых. Глава ее, машинист экскаватора Леонид Павлович Хромов, родом из Бирякovского, ныне Сокольского района. Ему выпала честь стать одним из первых в стране полных кавалеров ордена Трудовой Славы. Вместе с ним на заоблачном плато Расвумчорр, где уже полвека добывают знаменитый камень плодородия - апатит, в одном экипаже работал и сын Александр.

Орденами Ленина и Трудового Красного Знамени отмечен самоотверженный труд в Заполярье вологжанки по месту рождения Зинаиды Сергеевны Соколовой, машиниста мостового крана обогатительной фабрики.

От рядового горнорабочего до заместителя директора комбината и председателя Кировского горисполкома прошел трудовой путь на Кольской земле уроженец вологодской деревни Москвино Василий Иванович Киров.

С Мурманской областью и освоением ее природных богатств связана многие годы жизнь еще одного известного вологжанина - Григория Ивановича Горбунова, родившегося в деревне Дор Нюксенского района. Ученый-геолог, член-корреспондент Академии наук СССР, он в течение 15 лет возглавлял один из крупнейших научных центров страны - Кольский филиал АН СССР. Его научная деятельность связана с изучением медно-никелевых, редкоземельных и других месторождений Кольского полуострова. Ее результаты позволили создать надежную сырьевую базу для крупнейшего в стране предприятия цветной металлургии - комбината «Североникель», в создании которого на Кольской земле участвовали сотни других бывших вологжан.

Один из них - бригадир строителей треста «Кольстрой» Анастасий Степанович Брюханов. Бригаде Брюханова довелось строить Дворец культуры металлургов, участвовать в возведении трех цехов комбината «Североникель», нескольких электроподстанций и десятков жилых домов. За долголетнюю самоотверженную работу А. С. Брюханов удостоен высшей награды Советского Союза - ордена Ленина и звания Героя Социалистического Труда.

Среди тех, кто начинал освоение комбината «Североникель» еще в довоенное время, был вологжанин Алексей Гурьянович Веселов. Когда началась война, ушел на фронт. Командовал противотанковым орудием. Отличился в первом же бою, подбив несколько фашистских танков и бронемашин. А когда был убит командир его взвода, принял командование оставшимися бойцами на себя. За мужество и героизм, проявленный в том бою, сержант Веселов был награжден медалью «За отвагу». Награда нашла его лишь через год, в одном из тыловых госпиталей. Едва окрепнув, Алексей Гурьянович вернулся на «Североникель». К боевой медали фронтовика здесь прибавились новые государственные награды. За многолетний самоотверженный труд старший конвертерщик «Североникеля» А. Г. Веселов был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Высшей награды СССР удостоен и еще один вологжанин, работавший на комбинате, - бригадир плавильщиков Николай Михайлович Маргаритов, уроженец деревни Чалинская Череповецкого района.

Капитан Мурманского тралового флота Прокопий Прокопьевич Решетов родился в 1918 году в деревне Белогорье Рослятинского района (ныне территория Бабушкинского района). Окончил мурманский морской техникум, как раньше называлась средняя мореходка. В армии служил сигнальщиком на одном из эсминцев Северного флота.

Вернувшись с войны, снова стал ходить в море. Набравшись опыта, возглавил экипаж большого морозильного траулера «Добролюбов», на котором довел годовой вылов рыбы до ста тысяч центнеров - рекордный в шестидесятые годы прошлого века результат. П. П. Решетову в 1966 году присвоено звание Героя Социалистического Труда. Награды получили и многие члены его экипажа.

О вкладе выходцев с Вологодчины в развитие экономики и культуры Кольского полуострова можно судить и по таким вот цифрам: из 150 мурманчан, удостоенных звания заслуженного работника культуры РСФСР и Российской Федерации, 16 - урожденные вологжане. В региональной «Педагогической энциклопедии» упомянуты около 50 учителей, связанных происхождением с Вологодчиной. Двое из пятнадцати ныне живущих почетных граждан Мурманской области, в том числе автор этой статьи, родились на вологодской земле и поддерживают постоянную связь со своей малой родиной.

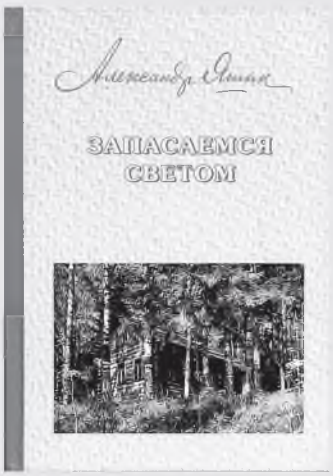
* * *

Заметный след в Арктике оставил пароход «Вологда», построенный в 1930 году в Германии по заказу Советского Союза. В его каютах могли разместиться более 150 пассажиров, еще шестидесяти предоставлялись удобные места в салоне на палубе. Обслуживал пароход селения побережья Баренцева и Белого морей, куда добраться можно только морем. Почти полвека обслуживала «Вологда» труднодоступное побережье, обеспечивая всем необходимым рыбаков, воинские гарнизоны, пограничные заставы. В 1975 году устаревшее судно вывели из состава Мурманского морского пароходства, но не отправили на слом. Его передали военным, для которых пароход еще шесть лет прослужил в качестве плавучей казармы.

Кстати, на Северном флоте был и боевой корабль, названный в честь столицы Вологодской области, - дизельная подводная лодка, над которой многие годы шефствовали вологжане.

«Запасаемся светом»

Архангельский литературно-издательский центр «Лоция» в 2019 году выпустил книгу «Запасаемся светом» - сборник стихов, прозы и дневниковых записей Александра Яковлевича Яшина, известного русского писателя и поэта, уроженца Вологодчины. Составитель книги - Наталья Попова-Яшина, дочь поэта.



Есть у Александра Яшина стихотворение «Запасаемся светом» - одно из лучших его стихов, как считает Наталья Александровна. А она знает поэзию отца как никто другой - глубоко и подробно.

Ночи долги невмочь,
Но зато мы уж летом
На всю зимнюю ночь
Запасаемся светом.

Так кончается стихотворение с названием, давшим имя книге.

«Почти все стихотворения Александра Яшина имеют не один, а многоуровневый смысл, более глубокий, чем просто сюжетный, описательный. Таково и его стихотворение «ЗАПАСАЕМСЯ СВЕТОМ» - пишет Наталья Яшина в предисловии к книге.

Родился поэт на вологодской земле, но литературную деятельность начинал в Архангельске - там вышла первая книга его стихов «Песни Северу». Он назвал её «пробой пера», но многие темы уже тогда были заложены в ней, так же как и в следующей книге «Северянка». И всё дальнейшее творчество его - это песни Северу, воспевание его: природы, людей, деревни, об укладе жизни которой он говорил более полувека назад на Мосфильме, где обсуждали его киносценарий по повести «Сирота», что о деревне надо говорить в стихах, в прозе, в театре, в кино - везде».

Яшин о русской деревне говорил и писал, и всегда - с любовью.

«Мне надо вернуться к вологодскому началу», - вспоминает дочь Александра Яшина слова отца. Она думала, что Яшин говорил о деревенском детстве. «Никто мимо своего детства пройти не может, - продолжаю цитировать предисловие к «Запасаемся светом». - Это и есть тот ЗАПАС СВЕТА, душевного, духовного, того впечатления целого мира Природы и уклада жизни северной деревни во всём своём проявлении, который освещал всю жизнь писателя. Деревни, о которых он писал: «Здесь каждая деревня так люба, Как будто в ней красоты всей вселенной»... Для него его родина была Вселенной, вмещая в себя всё, что необходимо человеку, чтобы жить её Светом. И как только ему этого Света не хватало, он возвращался на родину хоть на недолгое время. Снова за Запасом Света, буквально пополнить его».

Яшин ушел из жизни почти 60 лет назад. Но доходит до нас свет его любимой родины, которым он запасался и теперь щедро делится с нами. Наталья Александровна подготовила книгу, в которой яшинские стихи и проза представлены без цензурных правок и изъятий. Оттого по-особому убедительно звучит призыв Натальи Яшиной к современным читателям, которым она заканчивает предисловие к главной книге отца:

«Читайте, погружайтесь в красоту и глубину поэзии и прозы выдающегося писателя-классика Александра Яшина, уроженца Вологодской области, вашего земляка, улыбнитесь его мягкому юмору, проникнитесь его переживаниям за родную землю, нашу Россию. Наполняйтесь светом его произведений. Радуйтесь, что в России есть такой замечательный писатель, сын Отечества, полюбите его, как он когда-то в своих ранних тетрадях писал на полях: «Господи, полюби меня!» И Господь его возлюбил - дал ему чуткую любящую душу и великий талант, который поэт вернул своим творчеством сторицей».

Книга Александра Яшина «Запасаемся светом» на областном конкурсе «Вологодская книга года» получила специальный диплом «Вологодская литература. Наше наследие».

«Слово русское, родное»

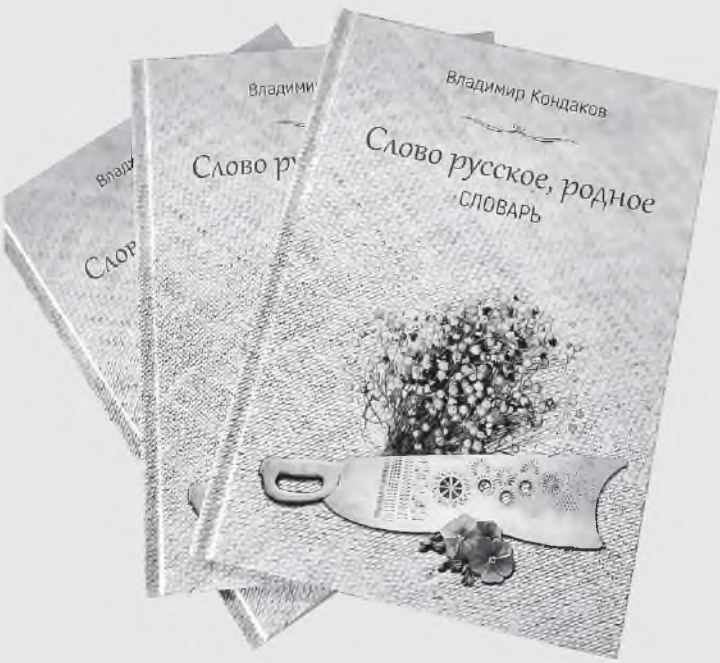
Издан словарь, посвященный народному языку жителей Верховажского района, созданный Владимиром Александровичем Кондаковым. В книге более 2700 словарных статей. Материал автор собирал с 1950-х годов до нынешнего времени. В списке жителей деревень, с которыми он общался, самый старший - 1873 года рождения, самый младший - 1935 года.

Владимир Александрович Кондаков не забыл, как лошадь запрягают, - в отличие от Николая Рубцова. И как называются все детали упряжи, он знает прекрасно

В качестве приложения в книгу вошли также несколько статей В. А. Кондакова, в которых автор говорит об особенностях верховажского говора и о некоторых публикациях по диалектологии.

«Словарь В. А. Кондакова, - считает кандидат филологических наук Эльвира Трикоз, - содержит богатый иллюстративный речевой материал, авторские комментарии к слову, в которых представлены разнообразные исторические, этнографические и культурологические знания о жизни крестьянской деревни конца XIX - XX веков. В некоторых статьях разъясняются истоки происхождения слова, указываются родственные связи с другими известными словами. Каждый, кто возьмет в руки словарь, сможет почувствовать атмосферу деревенского лада».

Владимиру Александровичу Кондакову в нынешнем году исполнилось 75 лет. Вырос он в деревне Подсосенье Чушевицкого сельсовета Верховажского района. 27 лет отслужил в милиции, полковник в отставке. Живет в Вологде, в последние 22 года большую часть года проводит в деревне. Выпустил три книги: брошюру «Хлеборобы и ратники», два солидных тома «Чтобы помнили» (сборник воспоминаний фронтовиков и тружеников тыла Верховажского района), «Размышления о жизни» (о послевоенной деревенской жизни земляков-верховажан). Много лет В. А. Кондаков был внештатным сотрудником областной газеты «Красный Север», а после выхода на пенсию стал постоянным - и очень активным! - автором районной газеты «Верховажские вести». Статьи и заметки В. А. Кондакова печатались в «Вологодском ЛАДЕ», газете «Маяк».



Жил-был я

Леонид Щетнев - известный вологодский график, автор множества экслибрисов, участник престижнейших выставок, международных конгрессов. Леонид Николаевич написал книгу о своей жизни, которую (в сокращении) редакция предлагает читателям. На наш взгляд, она интересна прежде всего тем, что, как говорит автор, в ней он «простыми словами» рассказывает о жизни советских людей в русской провинции во второй половине XX - начале XXI века. Ровесники Леонида Щетнева, полагаем мы, не без удовольствия вспомнят времена своей молодости, а их дети и внуки не без удивления узнают, как была устроена жизнь их родителей, бабушек и дедушек. Публикация иллюстрирована работами Леонида Щетнева, которые читатели найдут также на цветной вкладке номера.

МАМА

Выносила меня мама на руках на улицу, и соседки удивлялись: «Ох, Катерина, и чем же ты сына своего кормишь, что он такой полный да пригожий?» Мама отвечала, что кормит кашками. «Да и такой он сурьёзный, да не по годам, не жилец он у тебя, проживёт лет до 15, не боле. Такие долго не живут». Помню, мама долго расстраивалась по поводу этого «предсказания».

Война ещё не кончилась, а голод уже подбирался. Помню зимнюю ночь, и я лежу в санках, закутанный всяческими одежонками и платками. Это мама идёт пешком (а это более 30 километров) в Заречье за картошкой. Мама постоянно наклонялась ко мне и спрашивала, не замёрз ли я. Потом мне оттирали щёки, а я запомнил глубокое чёрное небо и крупные живые звёзды, как будто смотрящие мне в глаза.

Старшие братья дрались из-за случайно найденных крошек под столом, а я спрашивал, когда приходила мать: «Ты не заругаешь - я картофельные корки ел». Мама обнимала меня и плакала. Чугун с картофельными очистками стоял на лавке возле печки, и, когда мать уходила куда-нибудь, я рылся в этом чугуне, находя иногда корки с остатками зажаристого картофеля...

Мама моя, Екатерина Спиридоновна Волыничева, родилась в 1907 году в деревне Останково Замошского (тогда Подольновского) сельсовета Сокольского района. Это место ещё называют Раменьем. Тринадцати лет её отдали в няньки, сначала в своей деревне 2 года, потом в деревне Литвиново 5 лет. Потом она ушла жить в Сокол, т.к. создавшаяся в деревне невыносимая обстановка вынуждала многих покидать эти места. Теперь этой деревни, как и многих других в Раменье, нет. И Волыничевых никого не осталось в округе.

Мама работала на разных работах, где требовалась просто физическая сила. В трудовой книжке в графе «профессия» так и написано: «чернорабочая». Последняя работа её перед замужеством была в доме колхозника (на ул. Каляева), где она стирала, топила печи, кормила лошадей и не отказывалась ни от какой работы. С огромными корзинами белья ходила полоскать, т.к. считала, как и многие тогда хозяйки, что не полосканное в реке бельё как будто и не стиранное...

Она и пекла, и готовила всё, что угодно. И была замечательной портнихой, многие женщины просили сшить платье, или сарафан, или что-то другое. А её лоскутные одеяла были очень красивы. И ещё она плела кружева, которые в кружевной артели принимали безоговорочно. Даже трудно вспомнить всё, что могла делать мама. Но главное, она была глубоко верующей, что в то атеистическое время вызывало у многих, и у меня в том числе, удивление и недоумение. Благодаря именно маме мы с сестрой были крещены в церкви, крадучись от отца.

Мама родила меня, когда ей было 35 лет, а через 4 года появилась у меня ещё и сестра Зоя. Никогда мама не жаловалась на свою судьбу. И когда она умерла на 89-м году жизни, провожать её пришли очень многие сокольчане. Как я понял много позднее, её знали многие и уважали за её глубокую веру. Она знала много молитв и с трудом (удалось ей закончить один класс, и тот с пропусками) читала «Молитвослов», Евангелие и другие свои книги, соблюдала все посты и часто молилась. Много бы можно сказать о моей маме, но, к сожалению,

Дом бабы Зины в Заречье. 175х305 мм. 1992 г.

при жизни её я мало беседовал с ней и многого просто не знаю.

ОТЕЦ

Отец мой, Щетнев Николай Евгеньевич, родился в 1897 году тоже в деревне, как и мама, только в Сямженском районе Вологодской области. Он служил в органах МВД, о чём я узнал совсем недавно. Он редко бывал дома. И о нём я ещё меньше знаю, чем о матери.

В молодости он был верующим и с первой женой, Анной Егоровной Билевой, венчался в церкви в 1918 году. Он был строгим и малоразговорчивым. Иногда бил меня. И в это время был очень гневен. Не помню, за что, но однажды он так меня хлестал ремнём, что мать не вытерпела и выхватила меня: уж очень я пищал сильно, наверно. Редко такое случалось...

Ещё один отцовский урок был во время сильной грозы. Мне было года четыре. Мама увела меня за заборку, и мы сидели на кровати в темноте: сверкала молния и гремело. Отец сидел в комнате у раскрытого окна и вдруг направился к нам и увёл меня к окну. «Грозу надо любить, ничего тут страшного нет»,- сказал он. Сначала я дрожал, но постепенно успокоился и с тех пор, по крайней мере, дождь люблю.

Долго меня учил отец пилить и колоть дрова, работать рубанком и различными инструментами. Он был хорошим столяром: делал модные тогда деревянные чемоданчики с закруглёнными углами, рамки, табуретки и другие, более сложные вещи.

Первое моё знакомство с Вологдой состоялось, когда отец взял меня с собой в поездку в этот прекрасный город. Запомнился рынок, церкви, много народу и музей Сталина, куда меня привёл отец. Много лет спустя в этом доме были мастерские молодых художников, где однажды мы отмечали открытие выставки молодых художников.

В последний день его жизни, мама, предчувствуя неминуемое, взяла и меня в больницу. Но вдруг она идёт вся в слезах: врач сказал, что нечего ходить к нему, он всё равно умрёт. Это было в 1956 году, мне тогда было 14 лет, я пошёл к этому главврачу и, видимо, мне удалось его убедить, что он не прав. Папа умирал от рака желудка...

А ночью, с 18 на 19 декабря, он скончался.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Первые послевоенные годы были действительно тяжелыми. Многие не вернулись с фронта. А вернувшиеся с фронта некоторые ходили на костылях, а у иных были сделаны самодельные деревянные протезы. Но более всего меня потрясали мужики вообще без ног, и то, что осталось от них, крепилось на широкую толстую доску, по бокам которой прикреплены были колёсики, иногда крупные подшипники, а передвигались они с помощью рук, в которые брали деревянные ручки, и, отталкиваясь ими, двигались вперёд. Я видел таких мужиков на берегу у переправы. Это было самое оживленное место: ресторан,

несколько магазинов, столовая, макаронная фабрика.

После бани мы с отцом иногда заходили в ресторан, в котором слева от буфета стояла радиола (тогда - большая диковинка), на которой играли пластинки с песнями военных лет: Утёсов, Шульженко, Бернес и др. Но более всего запомнился медведь в глубине зала, как настоящий, я даже первое время побаивался к нему подходить. Но потом не только подходил, но и дотрагивался до его шерсти, убеждаясь - настоящий!

Но был ещё один для меня интересный объект в ресторане. Это большой розовощёкий мальчик с крупным кренделем в вытянутых руках. Он находился сзади буфетчицы в середине витрины. Как я теперь понимаю, он был сделан из папье-маше, а может, из гипса и раскрашен. Я смотрел на него так восторженно, как и на медведя. Но как-то после очередной реконструкции ресторана этого мальчика поместили в буфет столовой №3, которая была рядом с макаронной фабрикой. А потом и оттуда мальчик куда-то пропал.

ДЕТСКИЕ СКИТАНИЯ

Моя любознательность тянула меня не только к ближним, но и к дальним окрестностям. Недалеко от дома около варочных котлов в открытых воротах в комбинат работали сварщики. Меня эти неизвестно откуда вылетающие искры огня, похожие на салют, завораживали, и я в упор смотрел на это диво, пытаясь понять, как это происходит. Работники меня гнали прочь, говорили, что я ослепну, но я не верил им, а спустя некоторое время мне пришлось идти к глазному врачу, который и прописал мне очки.

Недалеко от этих ворот была контора бумкомбината, куда я тоже заходил без стеснения. И меня там приласкала одна молодая женщина («Ах, какой мальчик! Пойдём со мной»). Она давала мне карандашики разные, бумажки всякие и разные мелочи, от которых я был без ума. Запомнился толстый цветной карандаш, с одного конца красный, с другого - синий. Много лет спустя поступил я на работу на фанерный комбинат и встретил там эту женщину, работающую в конторе. Видимо, она запомнила мою фамилию и сама мне напомнила, когда я совсем маленьким ходил к ним в контору.

Больше всего нас привлекала река. У пристаней, у плотов, смотря на воду, под которой таилась особая жизнь с рыбами, раками, змеями и русалками (как рассказывали ребята), хотелось поскорее научиться плавать и заглянуть туда под воду.

Мы с пацанами любили кататься на пароме, а чтобы нас не гнали с парома, помогали крутить ту вертушку, которая пропускала через себя трос, по которому паром и двигался от берега к берегу. Однажды под осень вечером (уже смеркалось) я попросил паромщика прокатить на тот берег, но он сказал, что делает последний рейс на тот берег и обратно не поедет. Подумал я, что он меня обманывает, чтобы только не брать меня с собой, я всё-таки поехал с ним. А он, переехав на ту сторону, ушёл домой, вероятно. Стало быстро темнеть, и я заплакал. Недалеко у костра сидели люди. Вскоре от них ко мне направилась молодая женщина, выслушала меня, успокоила и повела к себе домой, который был совсем рядом. Небольшой частный дом. Жила она с мамой. Утром она вывела меня в свой сад, где набрала маленькую корзинку яблок, и проводила меня домой - видимо, знала моего отца. Удивительно, но отец даже не ругался. Будучи взрослым и бывая за рекой, всё хотелось мне побывать в этом доме. Но я так долго собирался, что однажды не обнаружил этого дома вообще: его снесли, как и многие другие, где бывал в детстве и юности.

Да, насколько я сейчас понимаю, встретиться с прошлым невозможно: дом может измениться до неузнаваемости и просто исчезнуть. Так же и человек: был таким, а стал совершенно другим, как та женщина, которую я встретил на фанерном комбинате. Да и я сам тоже уже не маленький мальчик.

РЫНОК

В моем раннем детстве старым рынком называли место на Советском проспекте около книжного магазина. Там были прилавки и магазин. Но вот новый тогда рынок, который тоже теперь называют старым, я помню хорошо.

На рынке было много интересного. Один мужик, например, «предсказывал судьбу» с помощью белки. У него была такая коробочка, где стояли вертикально множество бумажек, где было написано, что произойдёт с человеком в ближайшее время. Он доставал из клетки белку, и она доставала из этой картотеки одну карточку, за которую и заплачены деньги, по всей вероятности, небольшие. Народу у этого дядечки всегда было много, особенно ребятишек.

НАШ ДОМ

Наши три дома были построены в начале прошлого века и описаны в книге О. Лощилова «Мой Сокол». Там же и фотография 1905 года, когда эти дома были ещё новые.

В одной из мансард первого дома от проходной бумажной фабрики под номером 2 мы и жили. Наверх вела довольно крутая лестница: 18 ступенек, но вполне надёжная, с перилами по обеим сторонам. По сторонам нашего длинного коридора было несколько кладовок, в одной из которых мы хранили картошку, санки, лопаты и разные другие нужные вещи. А в кладовке напротив лестницы нам с братом Володей даже удалось сделать ночлежное место, где летом я и спал. Правда, иногда ядовитые газы, которыми комбинат «удобрял» атмосферу, не позволяли спокойно переночевать, и приходилось убегать в квартиру, в которой всё же дышать было немного легче. Кстати сказать, с этой фабрики постоянно по всей ближайшей округе разносило сажу, а потому зимой мы редко видели белый снег: он был серый или совсем черный...

Заготовка дров летом была главной заботой родителей. Помню, отец на реке багром собирал топляки, которые потом подвозили на чём-нибудь до дома, иногда удавалось где-то на стройке «свистнуть» какую-нибудь деревягу или насобирать щепок, крадучись. Ведь выписать дров с лесной биржи было дорого, и не всегда разрешали это делать. Да и дрова эти были не очень хорошего качества, те же топляки, которые долго и дымно горели, и тепла от них было мало, а расколоть их порою и невозможно было.

Иногда мне помогал колоть дрова Майоров Валентин из соседнего дома. Он был старше меня и страсть как любил колоть дрова. Как только увидит, что кто-то этим занимается, сразу подходит и просит разрешения помочь. Был он атлетически сильным и ловким, колол дрова виртуозно и артистично.

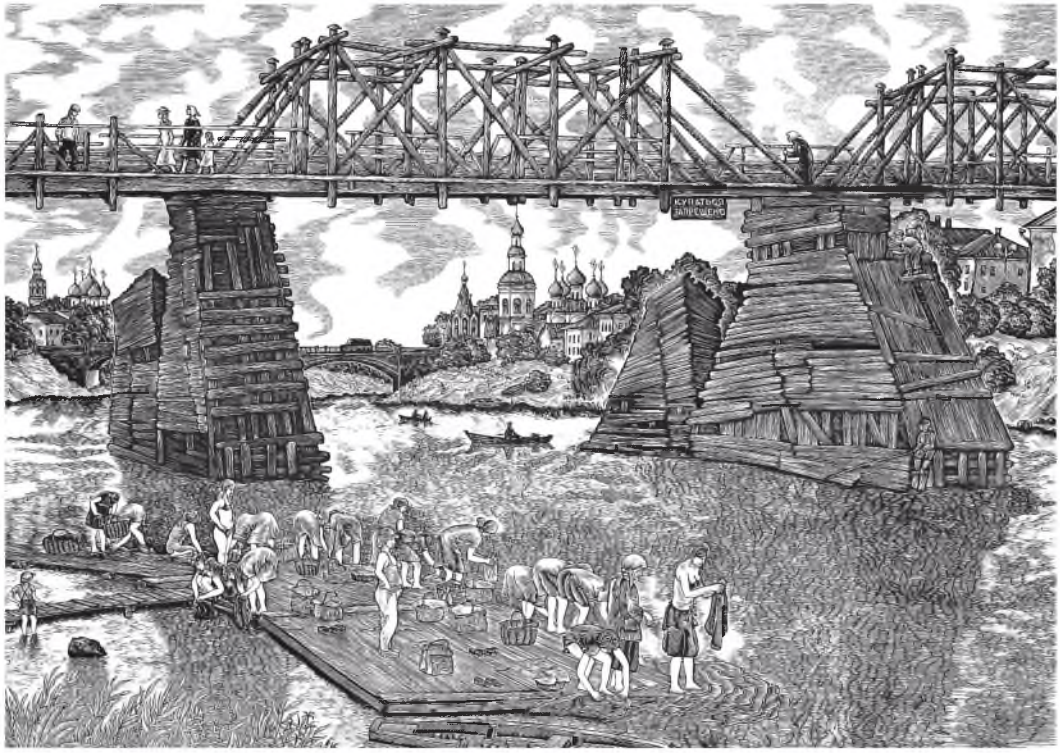
Наш дом у проходной был предназначен для работников охраны комбината. А непосредственно для охраны использовали собак, которых по всем заборам и ставили на цепи, кроме того, что и сами заборы были с колючей проволокой. Псарня с собаками была именно во дворе нашего дома, в большом сарае. Ухаживал за ними Изосимов дядя Коля. Он варил им какие-то кости, от которых по всему двору шёл очень приятный аромат.

Во дворах наших трех домов за сарайками и находился комбинатовский забор. Постепенно собачью охрану ликвидировали, и сразу же в заборе появилось несколько лазеек, сначала еле заметных, а затем и по несколько досок убирали. В эти дыры мужики из комбината бегали в магазин за спиртным, опаздывающих на работу тоже «спасали» эти пробоины в заборе. А мы, ребята, забирались на фабричную территорию, с любопытством разглядывая железнодорожные пути и всё, что там находилось поблизости. Однако далеко идти боялись.

А однажды мы увидели на путях несколько вагонов с макулатурой. Потом стояли они там постоянно. Однажды мы набрались смелости и забрались в один из вагонов. Там попадалось много хорошей и чистой разноцветной бумаги, всякие бланки и даже целые блокноты. Но лично меня удивила находка многих книг, новеньких и, возможно, нечитанных. Это была в основном классика. Например, «Обломов» Гончарова, «Педагогическая поэма» Макаренко, книги М.Горького и стихи многих поэтов. Попадались книги и незнакомых мне тогда зарубежных авторов, как потом оказалось, тоже классиков. Некоторые книги до сих пор сохранились в моей библиотечке.

Почти во всех квартирах были дети, и это нас сближало. У Зои Маминовой, например, почти каждый год для детей устраивали ёлки. Как они умудрялись это делать, я не знаю, ведь жили все бедно. Несмотря на это, среди самодельных игрушек на ёлке висели конфеты и пряники и всякие другие вкусности, которые потом разыгрывались за исполнение песен, плясок, стихов... Кульминацией праздника было появление Деда Мороза, роль которого исполнял кто-либо из соседей. И он вручал всем детям по кулёчку сладостей. Комнатка была маленькая, нас, детей было много, да ёлка занимала много места, но нам было весело и хорошо.

У всех были русские печи, на которых можно было зимой полежать и погреться. Печи были с плитой - подтопком. Это было очень удобно. Несмотря на такую хорошую печь, у нас в комнате было всегда холодно зимой - больше 10 градусов температура редко поднималась, т.к. под нашей квартирой был холодный коридор и все стены обдувал ветер. А в коридоре у нашей кладовки стоял примус, потом его сменила керосинка и через несколько лет на смену керосинке появился керогаз - в то время самое совершенное достижение домашней техники. Мама часто готовила что-нибудь на этой «чудо-технике».



Красный мост в Вологде. 300х410 мм. 1990 г.

ДОМАШНИЙ УЮТ

Нашу жилплощадь в 14 квадратных метров, перегороженную заборками, только с натяжкой можно было назвать квартирой. На кухоньке у окна стоял маленький стол, от которого до печки было всего полметра. В правом углу была небольшая полочка, на которой стояло несколько иконок и часто горела лампадка, обязательно по православным праздникам. Это было святое место для мамы. А в комнате стоял большой стол, несколько стульев и шкаф. За печкой стояла кровать, над которой были широкие полати. В так называемой прихожей тоже стояла кровать. Вот и вся наша обстановка. Смутно помню, как в левом переднем углу висела чёрная тарелка репродуктора, которую потом сменил большой портрет Сталина, в правом углу был такой же большой Ленин. На левой стене были портреты Буденного и Ворошилова. Это были бумажные репродукции, купленные в книжном магазине, а рамки были сделаны отцом и покрашены красным лаком. Когда умер Сталин, на его портрете отец прикрепил чёрную ленту с бантиком - было очень трогательно и красиво. Вскоре и я внёс свою лепту в украшение квартиры, нарисовав карандашом Маленкова и Булганина с фотографий в газете, заменив ими Буденного и Ворошилова.

Самые первые воспоминания мои связаны с керосиновой лампой, вокруг которой сидим вечером всей семьёй за столом, отец читает вслух книгу, мама плачет, скорее от своих раздумий, чем от книги, я тоже делаю вид, что слушаю и всё понимаю. Папа брал книги в районной библиотеке, в основном лауреатов Сталинской премии: С. Бабаевского, Г. Николаевой и др.

Ещё отец иногда варил пиво на праздники. Большая 10-литровая бутыль после добавления в неё дрожжей плотно закрывалась и ставилась на печь, чтобы быстрее пиво «взбродило». Тут важно было вовремя снять эту бутыль с печи. Так, однажды ночью вдруг раздался взрыв, бутыль разорвало, и сверху по всей печи потекло так называемое пиво. И ещё один такой случай был, после чего отец отказался варить пиво, да и здоровье уже не позволяло пить его.

НАША УЛИЦА

Как рассказывают теперь, наш проспект назывался вовсе не Советским, а Невским, хотя я помню его только Советским. Улица эта начиналась от электростанции, которая стояла на берегу Сухоны и заканчивалась 1-й школой, в которой мы все учились.

Рядом с нашим домом была проходная в комбинат и магазин. После войны очередь за хлебом занимали с вечера и через 2-3 часа неожиданно пересчитывались: кого на этот момент не было в очереди, потом не пускали. И в каждый пересчёт всем присваивался новый номер. Мама вставала ночью не раз, чтобы не потерять очередь. Но какая радость была от купленного хлеба: помню, называли хлеб пеклеванным, а какие вкусные были сайки!

В начале 50-х на галерее, ведущей к новой комбинатовской телефонке, установили громкоговоритель. В начале марта 1953 года я вёз сестру в санках, которые для нас сделал дядя Александр из деревни Заречье. Такие были хорошие саночки, как карета! И вдруг по этому громкоговорителю похоронная музыка, а потом передают, что умер И. В. Сталин. Мне было тогда лет 11, а сестре Зое 7. Зоя заплакала, и мы быстро поехали домой.

А за домом напротив был большой одноэтажный дом, в котором раз в неделю показывали фильмы для учащихся школы ФЗО, в которой училась моя двоюродная сестра Тася из Заречья, дочь дяди Александра, и Тася договаривалась с дежурными и провожала меня с сестрой Зоей в зал. Сидели мы на полу у самого экрана. Это был праздник. Киномеханик, который крутил фильмы, сообщал, из скольких частей состоит картина. После каждой части приходилось менять катушку с пленкой, перематывать её, на что уходило несколько минут. Бывали случаи, когда пленка рвалась или были проблемы со звуком, и сеанс опять прерывался.

В одном из последних 2-этажных домов по нечетной стороне улицы проживал художник В. В. Тимофеев. Однажды мы небольшой группой пришли к нему в гости, к настоящему художнику. Я тогда учился в начальных классах и, хотя художником совсем не мечтал стать, испытал искренний трепет и восторг. Помню тесную, но светлую комнату, посредине которой ближе к окну стоял мольберт, который я увидел тогда впервые. Внизу палитра и картины вокруг.

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Первый день в школе был настоящим и необычным праздником. В фойе школы было много народу, и все нарядные и красивые. Наш первый класс был перед самыми входными дверями, и десятиклассники поздравляли всех с началом нового учебного года. Нас построили парами, и с нами была наша учительница Екатерина Фёдоровна Шадрина. В школе мы не бывали до этого и были взволнованы предвосхищением: а что же там, за дверями? Девочки в нашем классе были очень красивыми: особенно мне запомнилась Лера Завьялова с её пышными кудрявыми волосами и большим бантом в них.

А с учительницей мы уже были знакомы: несколько раз она приходила к нам домой и беседовала со мной и с родителями. Год назад она договорилась с отцом, что я пойду в школу позднее, т.е. через год, т.к. мой день рождения, 1 сентября, позволял нам это сделать. Да, видимо, отец с учительницей поняли, что мне не очень-то и хотелось идти в школу.

Мне сразу понравилась наша учительница своей добротой, вниманием и многими другими качествами, да ещё тем, что звали её, как и мою маму, - Катериной.

На улице Каляева на углу с улицей Советской был магазин «Культтовары», в котором я выглядел прекрасную чинилку для карандашей, которую мне непременно захотелось купить. Это было именно в первые мои школьные дни. И вот в большую перемену я побежал в магазин. Радостный и счастливый, бежал я из магазина, чтобы поспеть на урок, и вдруг чинилка у меня выскользнула из руки и попала прямо в щель на мостках. Это случилось около самой школы, и под мостки было никак не подобраться, да и мостки были в этом месте крепкие, только щелеватые. Стоял я около этой щели, распустив нюни и позабыв про уроки, и тут остановилась около меня молодая женщина в белой кофточке и спросила, чего я плачу. Поняв, в чём дело, она взяла меня за руку, повела обратно в магазин и купила мне такую же чинилку, какая убежала от меня под мостки.

Я был счастлив, хотя и опоздал на урок. Эта девушка шла из Красномайского посёлка, а там, как мне тогда казалось, не может быть таких красивых, богатых и хороших людей, как она. Оказывается - может. И в этом я убедился потом не раз.

В 4-м классе дала нам учительница задание нарисовать лягушку-путешественницу с

Колодец в Заречье. 160х260 мм.1992 г.

картинки в учебнике. Я быстро справился с заданием, но у меня никак не получались лапки у лягушки. На том месте, где они должны быть, я уже так достирал резинкой, что, думаю, ещё раз сотру - получится дыра. Стал рассматривать очень внимательно лапки лягушки в рисунке учебника - и обнаружил, что там нет лапок, а есть какие-то беспорядочные линии. И я решил точно срисовать эти линии. А когда я это сделал, то удивительным образом обнаружил на своём рисунке лапки. Так я сделал для себя небольшое открытие.

ШКОЛА

Почти во всех школах города я бывал, но наша школа мне и до сих пор кажется лучшей и дорогой для меня и не только, уверен, для меня. Мне казалась наша школа большой и удобной. В заднем правом крыле был «Живой уголок», где в разное время жили и лиса, и волчонок, и кролики, и морские свинки. За ними ухаживали ребята, некоторые приходили регулярно, некоторые изредка, как, например, я.

На втором этаже напротив лестницы был небольшой буфет, в котором мы в большую перемену покупали пирожок, булочку и разные другие сладости, правда, чаще всего в буфет не с чем было идти. Рядом с буфетом был актовый зал, в котором проводились самые различные мероприятия: собрания, праздники, пионерские сборы, где собиралась порою вся школа.

А напротив буфета была учительская, куда не раз меня вызывали и отчитывали.

Был у меня друг Ваня, с которым мы познакомились ещё до школы в городском парке, где часто проводили своё время. А жил тогда Ваня Баранов в деревянном доме напротив клуба сокольских бумажников, сзади которого и начинался рабочий парк.

С Иваном Барановым нас свели совсем не детские разговоры и мысли. Мы вместе с ним шли по жизни: ходили в кружок народных инструментов к Фёдору Фёдоровичу Канючкову, посещали кружок рисования Николая Васильевича Бурмагина, о чём подробнее расскажу попозже. Кроме того, ходили в различные секции, но более всего любили искусство, литературу и поэзию, к которой Иван испытывал, как я понял позднее, тайную любовь, что и привело к тому, что он стал поэтом и, как я уверен, неплохим.

Но вот мы уже и пятиклассники! Разные учителя. И нам трудно, и учителям нелегко. Всем надо было привыкать. Классным руководителем у нас был учитель истории Александр Павлович Асиновский. Его рассказы по истории были очень интересны и увлекательны.

Но однажды я подвёл своего учителя. А дело было так. Мне удалось приобрести несколько тюбиков масляной краски, и я принёс их в школу показать ребятам. Показал и, положив их в парту, пошёл в коридор, т.к. перемена ещё не кончилась. А кто-то из оставшихся в классе ребят взял мои краски и испачкал ими учительский стул. Пришла учительница по литературе, положила свой оренбургский платок на стул, и сразу же послышался чей-то смешок. Сразу всё раскрылось, шаль была испорчена, а мне пришлось по совету Александра Павловича рисовать на самого себя карикатуру в классную стенгазету, чего я никогда не умел делать.

БУРМАГИН

Я ещё учился в начальной школе, в классе 3-м или 4-м, когда мне кто-то сообщил, что в детском секторе клуба записывают в кружок рисования, которым будет руководить настоящий художник. Сразу после школы прибежал я в детский сектор, где сидел молодой красивый мужчина и рисовал настольную статуэтку. Я впервые видел рисование с натуры, да так здорово, что это меня потрясло. Думал, никогда так не научиться рисовать. Мы стали заниматься. Занятия не ограничивались натюрмортами в детском секторе. Николай Васильевич водил нас в парк, где мы рисовали вазы, клумбы, деревья, статуэтки, грот. Ходили на реку Сухону, где рисовали плоты, лодки, катера - всё, что видели. И не раз он водил нас на Махреньгу. В те годы эта река была излюбленным местом отдыха сокольчан и зимой и летом. Однажды по пути на Махреньгу он завёл нас к себе домой. Он жил в Красномайском посёлке. Николай Васильевич показал свои коллекции открыток и репродукций из журналов и начатую копию «Венеры» Веласкеса. Большая работа масляными красками на холсте нас всех восхитила.

Затем была несколько неожиданная встреча в пионерском лагере Лопотово, где Николай Васильевич был воспитателем, а я воспитуемым. Мне казалось, что педагогом он был хорошим.

В пионерском лагере мы не только рисовали, но и беседовали о разных вещах, которые нас, подростков, тогда волновали. Были всякие игры и приключения, в которых и Николай Васильевич принимал активное участие.

Потом мы много лет не встречались. Я слышал, что он поступил в Ярославское художественное училище и там уже второй раз женился. Встретились мы, когда я уже начал заниматься экслибрисом. Помню прогулки с его маленьким сыном Илюшей по берегу реки Вологды и беседы о том, как тонировать плашку, как затачивать резцы, как печатать и т.п.

Я ЖИЛ В МОНАСТЫРЕ

В классе 5-м мне впервые удалось побывать в пионерском лагере «Лопотово», который размещался в монастыре на речке Пельшме, которая тогда была ещё очень чистой, о чём говорит тот факт, что в ней водились даже раки. Река мне доставляла истинное наслаждение. Я прыгал в воду и по дну реки переплывал на другой берег, а ребята думали, что я утонул. Однажды кухонные работницы нечаянно утопили котел, а в этом месте глубина была метра 4 с лишним. Долго я нырял, чтобы нащупать этот котел, и наконец достал его. Девчонки рады были беспредельно.

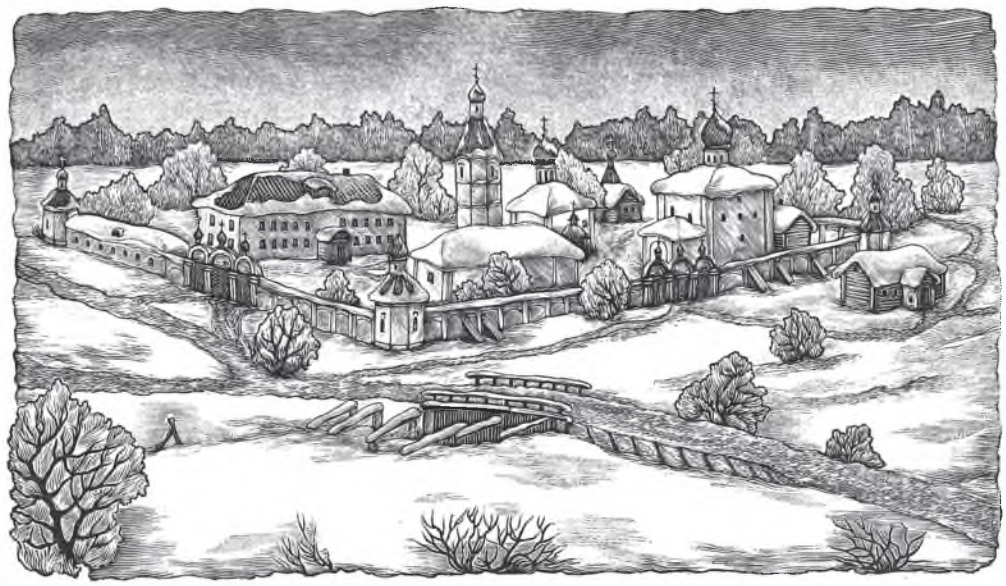
Однажды на выходной приехал в лагерь Дмитрий Сергеевич Колосов, жена которого была в лагере завхозом. Мы с ним уже были знакомы. Он работал художником в клубе Сокольского ЦБК. Я сидел на берегу Пельшмы и пытался рисовать вид на деревню Лопотово. Он подошел и мне помог практическим советом. Это было здорово!

В лагере мне очень нравилось: зарядка под аккордеон, игра «Зарница», походы, а в конце смены прощальный костёр. А однажды была страшная гроза, всех согнали в храм, в котором была столовая. Не было электричества. В полумраке (горело только несколько свечей) воспитатели читали нам стихи, пели, пытаясь нас поддержать. И это им удалось! Много лет позднее, когда я увлёкся гравюрой, нашёл цветную литографию с изображением Григориево-Пельшемского Лопотова монастыря. На ней он был значительно цельнее и краше, чем когда он исполнял роль пионерского лагеря. И я тогда сделал гравюру, на которой изобразил монастырь таким, каким он был в 19-м веке.

ПОПЫТКИ УЧИТЬСЯ

Дальше учиться после окончания 7 классов не было возможности. Надо было куда-то идти работать. Соседка наша, тётя Лида Соловьёва, работала в бухгалтерии цеха капремонта Сокольского ЦБК. В этом цехе я и стал работать учеником маляра.

Вспоминаю, как я красил оконные рамы белилами: весь вымазюкался краской, едва потом отмылся. Иногда меня использовали как художника. Помню первое поручение: написать



Григориево-Пельшемский Лопотов монастырь. 2003 г.

соцобязательство. Крупными буквами я написал заголовок. Получилось вроде красиво! Дальше писать продолжил буквами чуть поменьше. Через абзац я понял, что такими буквами весь текст не уместится на бумаге, и мне пришлось буквы уменьшить. Так уменьшал я буковки ещё 2 или 3 раза, но текст всё равно не поместился, и мне пришлось брать новый лист бумаги и начинать всё сначала. Мужики, на глазах которых я всё это делал, смеялись надо мной. Иногда меня использовали и как разнорабочего, но всё-таки давали поручения оформить Доску почёта, стенгазету, «Комсомольский прожектор» и т.п. И тут мне повезло: я познакомился с художником Николаем Малыгиным, который работал в красном уголке бумажного цеха. Я стал часто ходить к нему. Он был настоящим мастером и многому меня научил. Вместе мы ходили в вечернюю школу, где любимым нашим учителем был Феликс Маркович Марон.

Когда мне уже было 20 лет, опять меня взяли в маляры ремонтно-строительного цеха бумкомбината, но уже 3-го разряда, а работу на самом деле я выполнял художника-оформителя. И вот однажды в «Комсомольской правде» я увидел объявление о приёме в Красносельское училище художественной обработки металла. И я поехал туда. Конкурс был 10 человек на место. Первые два специальных экзамена я сдал на 3 и 4. Третьим было изложение. Жили мы в спортзале, спали на раскладушках. Ребята-москвичи говорили мне: «Ну, ты-то сдашь этот экзамен, говоришь на «о», а мы ошибки делаем из-за того, что на «а» говорим...»

Так и вышло. Провалили они этот экзамен, а ведь специальные сдали на пятёрки, рисовали очень здорово. Пришлось мне с ними вместе ехать по домам.

В то время был очень популярным Заочный народный университет искусств (ЗНУИ), куда я и поступил и с грехом пополам проучился года два. Заочно учиться очень трудно. Кроме всего прочего, - рисунки, этюды - не возвращались обратно, о некоторых из них до сих пор с горечью утраты вспоминаю.

А однажды, помню, договорились об очной консультации с моим преподавателем в Москве, чему я был очень рад. Приехал я в Москву ночью и слонялся по Ярославскому вокзалу, делая зарисовки в своём маленьком альбомчике. И так увлёкся срисовыванием одного спящего мужика, что совершенно не заметил, как ко мне подошёл милиционер и спросил, чего я тут делаю. Я сказал, что рисую. «А если он проснётся да тебе по морде даст? Не каждому нравится, что его рисуют без спросу. Пройдемте со мной в отделение». Так я оказался в милицейском участке, где старший по званию заметил тому, кто меня доставил в участок: «Опять ты, Вася, привёл не того, кого надо бы». Долго они рас-

суждали по поводу моих набросков-зарисовок, но отпускать меня не собирались, поскольку паспорта и какого-либо другого документа у меня не оказалось. Наконец, они дозвонились до Вологды, узнали, что я не вру в своих показаниях, и решили - с большим сожалением, как мне показалось, - отпустить меня.

Через несколько часов я встретился со своим педагогом Ириной Александровной у неё дома и рассказал ей, что прибыл прямо из милицейского участка. «Ну, хорошо, - сказала она, - что так обошлось, могло быть и хуже». Мы долго говорили об искусстве, о моих работах, она рассказывала о себе, о муже, который был тоже оформителем, показывала его работы. Она также рассказала, что много лет дружат семьями с Николаем Николаевичем Жуковым, рисунками которого я всегда восхищался. Своё творчество он посвятил детям и семье В.И. Ленина. Именно так мне хотелось научиться рисовать, как Жуков.

НАЧАЛО СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

В январе 64-го мы с Лизой расписались в ЗАГСе без всяких торжественных церемоний. Потом поехали на её родину в Верховажский район, куда добирались два дня...

Для меня было открытием, как люди живут в глубинке; их говор, традиции, простота и мудрость - всё восхищало. Именно тогда я познакомился в этой деревне с Илларионом Дудоровым. О нём немного подробнее потом.

Приехав из Верховажья, узнал я, что при Сокольском горкомхозе работает художественная мастерская. Она располагалась у кладбища и основной работой в ней было обслуживание похорон: гробы, кресты, тумбочки, венки. Три художника делали надписи на лентах на венках и таблички на тумбочках. Кроме этого, выполняли заказы организаций и предприятий по оформлению наглядной агитации: доски почёта, доски показателей, различные стенды.

Полтора года продержался я в этой мастерской, но постоянные пьянки столяра и моего коллеги, которого я, кстати, очень уважал, т.к. это был талантливейший художник, вынудили меня уйти. Надо сказать, что это было, пожалуй, редкое в моей жизни время хорошего заработка.

В 1964 году у нас родилась дочка Ира, которой мы все были очень рады. Лиза всё так же работала почтальоном, бегала наперегонки с собаками по Красномайскому посёлку, разнося почту. Вскоре её пригласили работать в киоск Союзпечати, где нам стали доступными некоторые редкие в те времена журналы. Особенно мы были рады «Кругозору», в котором были очень популярные тогда музыкальные записи наших и зарубежных певцов и композиторов.

СОКОЛЬСКИЙ ЦБК

А я снова оказался в Сокольском бумкомбинате, на этот раз в цехе переработки бумаги. Мы работали вдвоём с Игорем Мозгиным, наша мастерская считалась центральной в комбинате, хотя во многих цехах были свои художники. Мы были ответственны и за свой цех, и за внешний вид комбината, и за оформление внутреннего интерьера, а также отвечали за оформление праздничных колонн.

Тогда комбинат переживал, пожалуй, самые лучшие времена. Работало в нём около 5000 человек - большая часть работоспособных жителей города. Почти во всех цехах я тогда побывал, иногда по делу, иногда просто из любопытства. По дороге в варочный цех в стене было окошечко, в котором давали газировку собственного производства. Мы любили её и набирали в сифон, а мужикам очень нравилась она с похмелья. Да и не с похмелья она была неплоха.

Тогда не было в магазинах краски гуашевой, и мы ходили на склад, где открыто лежал каолин, брали его к себе в мастерскую, разводили до нужной густоты, добавляя в раствор чуть-чуть столярного клея и буквально грамм анилинового красителя нужного цвета, благодаря которому бумага приобретала нужный цвет. Надо сказать, что анилин этот был мельчайшей пылью, причем очень ядовитой. Пока готовишь краску, и в горло эта пыль попадёт, и потом лицо несколько дней приходится отмывать.

В то время много уделялось внимания культуре производства, и наша мастерская играла в этом большую роль. Каждый захламленный участок своего цеха переработки бумаги мы старались как-то облагородить. Наша небольшая мастерская находилась рядом с бухгалтерией и с двух сторон была обшита оконными рамами, покрашенными белой краской, что нам не очень-то нравилось. А у меня тогда образовалась солидная коллекция цветных репродукций из журналов, открыток - около 5000. И мы решили сначала сделать большую витрину «В мире прекрасного». Она состояла из трёх частей и была длиной около пяти метров. Выпуски менялись раз в полтора - два месяца, каждый был посвящен одному художнику или

какой-либо эпохе в искусстве, например, эпохе Возрождения в Италии или импрессионизму во Франции. Старался я поместить в витрину и статьи, поэтому времени на каждый выпуск уходило очень много. Зато как я был рад, когда на новую витрину приходили смотреть даже из других цехов комбината. Иногда я с удовольствием проводил беседы около витрины.

В середине 60-х на Вологодчине снимался фильм «Дядюшкин сон». И после всех съёмок к нам в цех переработки бумаги пришли на встречу с рабочими артисты Клара Лучко и Лидия Смирнова, главный режиссёр фильма Воинов и другие. Это было большое событие для нас. Я даже осмелился попросить автограф у Клары Лучко на открытке с её портретом.

Тогда я уже думал посвятить себя оформительскому искусству. Поэтому выписывал различные журналы, покупал книги, изредка ездил в Москву. А два раза меня премировали поездками на ВДНХ на 5 дней. Это было счастьем: ходить по всем павильонам, фотографировать, зарисовывать, а кроме того, посещать Третьяковку и другие музеи и выставки.

А ещё мы с Мозгиным работали над оформлением комбинатовского музея. В двух комнатах были представлены образцы продукции, масса стендов и витрин с фотографиями передовиков и историческими фотографиями. Это было очень интересно: мы сами познавали историю комбината.

ДЕРЕВНЯ ПАВЛОВСКАЯ (ХАРИТОНОВСКАЯ)

Когда сын наш Олег подрос немного, мы каждое лето в отпуск уезжали в деревню к тёще. Там я пропадал почти все дни на реке. Но только однажды я пришёл с хорошим уловом.

В это время и познакомился я ближе с Илларионом Дудоровым. Он тогда уже построил себе очень удобный и красивый дом. Дома у него была хорошая библиотека, в которой были и книги по искусству, энциклопедия и художественная литература, конечно. Его интересы были обширны, с ним всегда было о чём поговорить. Теперь у Ларьки, как его называли в деревне, была другая забота - Чугла. Так называлась заброшенная местность, где уж, кажется, ничего и не может произрастать, кроме крапивы. Люди посмеивались над ним, как над чудаком. А он расчищал местность, скашивая траву и убирая мусор, уже зная, что будет на этом месте. Работа над Чуглой продолжалась много лет. За саженцами редких кустарников и деревьев Илларион ездил по всей стране, даже на Дальний Восток. Ему говорили, что не приживётся там у вас это деревце, а оно у него приживалось. Каждый год он ездил за саженцами и иногда заезжал к нам. А ведь он был инвалидом. Несколько домиков соорудил, мостик через ручей и даже часовенку. У него, как в хорошем парке, были аллеи.

Мы как-то с дочкой Ларисой съездили специально посмотреть на его Дендропарк, как его теперь называют, и были приятно поражены всем увиденным.

ЭКСЛИБРИС

К тому времени у меня уже образовалась небольшая, но приличная домашняя библиотечка, для которой захотелось мне сделать экслибрис. Тогда я уже знал кое-что о ксилографии и линогравюре. Резцов не было, да и достать их было невозможно. Кусочек линолеума я нашёл, взял большой гвоздь и стал делать из него резец. С большим трудом это удалось. Знак был сложный и получился, конечно, плохо, но тогда мне даже очень понравился. И когда я вручную сделал несколько оттисков, этот процесс печати я воспринял как чудо. Ведь рисунок тушью, какой бы он ни был по качеству, не напечатаешь, не повторишь. А тут можно напечатать сколько хочешь, и все оттиски могут быть идеально одинаковыми. Меня это так зацепило, что немедленно захотелось сделать ещё кому-либо знак. И вот так пошло-поехало. Я стал делать эскизы для себя, для друзей на скучных уроках в вечерней школе, ночью и на работе удавалось иногда выкроить время для гравирования - я обзавелся вскоре уже хорошими резцами, набор которых удалось купить в Москве за 16 рублей. Одновременно я стал коллекционировать книжные знаки, раздобыв адреса коллекционеров и художников, которые занимались экслибрисом.

В нашем цехе переработки стояли 2 печатных станка для печати обложек блокнотов, тетрадей, наборов салфеток и т.п. Все эти рисунки и клише для печати присылали из Москвы. Я попробовал на линолеуме вырезать несколько таких картинок, и у меня получилось. И печать с моих досочек на печатных станках тоже получилась. Меня даже перевели из маляра 4-го разряда рисовальщиком рисунков 5 разряда. Правда, зарплата осталась прежней.

Продолжение в следующем номере

Алексей Алексеевич несколько лет преподавал фотодело на журфаке Воронежского университета, даже учебное пособие написал. На снимке ректора журфака Владимира Тулупова - А. А. Колосов у своей фотовыставки «Братья и сестры». Привез показать студентам и коллегам Русский Север, который ему был так дорог...

Год без Алексея Колосова

Нынешний номер «Вологодского ЛАДА» впервые за двенадцать лет выходит без фотографий Алексея Колосова. Талантливый журналист, блестящий фотограф Алексей Алексеевич Колосов скончался от тяжелой болезни в октябре 2019 года на 67-м году жизни...

Дело не в том, конечно, что снимков нет - человека рядом нет, вот беда. Осталась память - о его всегдашней доброжелательности, об умении помочь в любом деле. Алексей Алексеевич был известным не только в Вологде фотографом, участником и лауреатом всесоюзных, общероссийских и международных фотоконкурсов. Устраивал он и персональные фотовыставки. Самая, наверное, дорогая для автора - «Братья и сестры», где многие снимки рассказывают о церковной жизни. Богослужения, портреты священников и прихожан, храмы, древние и современные, - а рядом кадеты и рыбаки, писатели и художники, музыканты, фермеры... Алексей Алексеевич умел найти в каждом человеке особую красоту - и с радостью показывал всем: смотрите, братья и сестры, как мы по-разному замечательны, когда любим друг друга и Божий мир.

Много лет Алексей Алексеевич был заместителем редактора вологодской газеты «Русский Север», с 2008 до выхода на пенсию трудился в «Красном Севере» заместителем главного редактора, в 2013 - 2014 годах исполнял обязанности главного редактора. В каждом номере «Вологодского ЛАДА» больше десяти лет появлялись снимки Алексея Колосова. Взгляд фотографа Колосова на мир - пристальный, часто восхищенный, порой взыскательный, но всегда любящий...

Да упокоит Всемилостивый Господь раба Божия Алексия в месте злачне, в месте покойне, идеже несть болезнь, ни печаль, ни вздыхание, но жизнь бесконечная.

Редакция журнала «Вологодский ЛАД»

СОДЕРЖАНИЕ

75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Негромкая песенка о войне и мире ..... 2-я стр. обложки, цв. вклейка

Помнить, чтобы жить по правде. *Об антологии русских стихов о Великой Отечественной* 214

Алексей Маклахов. Бездорожье памяти не помеха 218

ИСКУССТВО

Книжная графика Эдуарда Фролова: рисовать, соображая ..... Цв. вклейка в начале номера

Любовь Соснина. Генриетта и Николай Бурмагины: художники своего времени 140

Андрей Сальников. Любящий взгляд на любимую Вологду. *О графике Бурмагиных*.....Цв. вклейка в конце номера

ПОЭТЫ НЕ УХОДЯТ

Геннадий Сазонов. Душа нараспашку..... 2

ПОЭЗИЯ

Ольга Фокина. Из новых стихов 6

Ольга Кузнецова. Что было в этом синем небе? .. 8

Андрей Лушников. Мифы и герои.....11

Елена Саблина. Весна не терпит проволочки 14

Евгений Некрасов. Прохладная пылающая осень 18

Юрий Максин. Пусть дрожью слов окатит вас... 22

Вера Коричева. Приманиваю небо 26

Татьяна Жмайло. Заоблачные жители 30

ЛИТПРОЦЕСС

Книга Василия Мишенева о друзьях-литераторах.....25

Юбилей череповецкого писателя 33

«Вологодский Собор-2020».....33

«Храни огонь родного очага...» 117

Итоги Всероссийского литературного конкурса современной прозы имени Белова «Всё впереди».....209

Настроив душу на добро.....210

Вологодская книга года 212

Запасаемся светом.....226

Слово русское, родное 227

ПРОЗА

Николай Устюжанин. Ирочка. *Рассказ* 34

Сергей Багров. Короткая передышка. *Повесть*...38

Ростислав Панов. Старый да малый. *Из повести в рассказах* 56

Александр Цыганов. Курдюг. *Повесть (современная исповедь)* 64

Анатолий Ехалов. Без бабы. *Из неизданной книги «Мальчик с котомкой»* 79

Антонида Смолина. Не по любви. *Рассказы*.....84

Артём Попов. Два рассказа 92

Николай Дегтерёв. Русский характер. *Рассказы* 98

Марк Москвитин. Талисман. *Фантастический рассказ* 111

КНИГА И ДЕТИ

Дмитрий Ермаков. Вместе читать интересно ...118

И НЫНЕ, И ПРИСНО

Миссия есть и у Церкви, и у прессы. *Пресс-конференция митрополита Саввы* 124

Воскресенский собор: новая жизнь кафедрального храма 132

Храм, который необходим нам всем. *Беседа с протоиереем Алексием Ольховниковым* 136

Остров Спасения 139

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Станислав Мишнёв: избранные рассказы, воспоминания о писателе, раздумья над прозой Памяти писателя 144

Станислав Мишнёв. Избранная проза.....148

Людмила Яцкевич. Мудрость и безумие крестьянской жизни в рассказах Станислава Мишнёва..179

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ: АБРАМОВСКИЙ ВЕК

Олег Трушин. Фёдор Абрамов. Я жил на своей земле. *Фрагменты книги*.....184

УРОКИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА

С Беловым, о Белове, для Белова... 196

«...это самое лучшее, что есть в литературе» 199

Первая пятилетка 202

«Снимаю Русь, которую я люблю...» 204

Классический портрет писателя-классика 208

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Василий Белоусов. Герои войны и труда: вологжане в Арктике.....221

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Леонид Щетнев. Жил-был я ..... 228, Цв. вклейка ..... в середине номера

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Год без Алексея Колосова 239

На 1-й и 4-й страницах обложки - фотография Александра Хлопотина «Белое озеро. Закат». 2020

ВОЛОГОДСКИЙ ЛАД

Литературно-художественный журнал

2020, № 1 (38)

В 1991-1995 годах выходил под названием «Лад. Журнал для семейного чтения». С 2006 года - «Вологодский ЛАД»

Главный редактор - **А. К. Сальников**

Адрес редакции: 160009, Вологда, ул. Козлёнская, д. 33, оф. 309

Телефон: (8172) 72-42-90, **e-mail:** salnikovandre@yandex.ru

Адрес типографии: ООО ПФ «Полиграф-Пресса», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Учредитель - автономное учреждение Вологодской области в сфере средств массовой информации **«Вологодский областной информационный центр»**

Адрес издателя: АУ ВО «Вологодский областной информационный центр», юридический адрес: 160000, Вологда, ул. Козлёнская, д. 33; почтовый адрес: 160000, Вологда, ул. Козлёнская, д. 33, оф. 309

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Вологодской области, регистрационное удостоверение ПИ № ТУ 35-069 от 28 декабря 2011 г.

Тираж 700. **Объем** 15 п.л. **Формат** 70x100/16. Печать офсетная. Подписано в печать 16 декабря 2020 г. Время подписания номера по графику - 10 час., номер подписан в 10 час. Дата выхода номера - 25 декабря 2020 года. Заказ № 1519. Свободная цена.

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

16+

Любящий взгляд на любимую Вологду

О графике Бурмагиных

Долгие годы графика Генриетты и Николая Бурмагиных была символом вологодского искусства. Конечно, во второй половине XX века в Вологде работало немало признанных мастеров, замечательных художников - не стану перечислять, чтобы никого не забыть. Но именно бурмагинские гравюры стали для многих наших соотечественников воплощением не только Вологодчины, но и всего Русского Севера, пожалуй.

Бурмагины Николай и Генриетта. Автопортрет. 1973. Бумага, цветная ксилография. ВОКГ

Бурмагина Генриетта. Девки в небе пляшут. Страничная иллюстрация для книги: С. Г. Писахов, «Сказки». 1979. Бумага, ксилография, акварель. 13,3x9,4; 20,6x15,7.

Бурмагина Генриетта. Кадников. 1976. Бумага, цветная литография. 26,9x36,1; 35,8x44,5.

О графиках из Вологды писали газеты и журналы, причем не только искусствоведческие и литературные, не только издания Северо-Запада России - петрозаводский «Север» и вологодский «Лад». Рассказывал о Бурмагиных самый массовый в стране журнал «Работница»: тираж номера, где напечатана подборка бурмагинских гравюр, превышал 12 миллионов экземпляров. Бурмагинские выставки проходили в Москве и Пскове, Таллине и Петрозаводске, в Чехословакии и Польше - это не считая родимой Вологды, разумеется. Массовыми тиражами издавались и книги, которые иллюстрировали Генриетта и Николай, - среди них стихи Александра Яшина и Николая Рубцова, Сергея Чухина и Дениса Давыдова, блистательная проза Бориса Шергина, сказки Степана Писахова…

Массовыми тиражами издавались и книги, которые иллюстрировали Генриетта и Николай…
Не будет, наверное, преувеличением сказать, что читатели того времени видели Русский Север глазами Бурмагиных, глазами любящими и понимающими.

Не будет, наверное, преувеличением сказать, что читатели того времени видели Русский Север глазами Бурмагиных, глазами любящими и понимающими.

Тогда писатели и художники Вологды составляли творческое единство, и дело, разумеется, не том, что художники часто писали портреты поэтов и прозаиков, а те

Бурмагина Генриетта. Светлые цветы. Натюрморт

писали о художниках стихи и статьи. И те, и другие главным в своем творчестве считали, если можно так выразиться, песню о Родине. Россия, её прошлое и будущее, природа и люди, искусство и ремесла - вот что составляло главную тему творчества большинства вологодских художников и писателей. И Бурмагины смогли вплести в общую песню свою мелодию - пронзительную, романтичную. Работы Бурмагиных необыкновенно красивы. Черно-белые, они совсем не выглядят монотонными - отсутствия цвета просто не замечаешь. Точной линией, четкой композицией художники не только передают зрителю чувства и ощущения; они включают его в свои размышления - о времени, о стране, о смысле жизни и предназначении искусства...

Творческий расцвет Бурмагиных был недолог. На могиле Николая и Генриетты друзья поставили замечательный памятник, настоящее произведение искусства.

Конечно, станковые гравюры и экслибрисы Бурмагиных регулярно выставлялись, продолжаются - пусть и не так часто, как прежде, - публикации о творчестве Бурмагиных. Но персональная выставка Бурмагиных, открывшаяся нынешней весной в вологодском музее-квартире Александра Пантелеева в Вологде стала первой с 2005 года.

Странно, что её открытие прошло в полупустых залах. А ведь на бурмагинский вернисаж годами тридцатью раньше наверняка собрались бы полные залы! Надеюсь, это недоразумение. Высокое искусство не утратило ни красоты, ни значения. Графика Бурмагиных поможет нам заново открыть самих себя. Если, конечно, мы дадим себе труд вглядеться в работы этих художников, задуматься над ними...

Андрей САЛЬНИКОВ